

**100-летию академика А.Х. Маргулана
посвящается**

**НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА**

**Труды
научно-практической конференции
«Маргулановские чтения – 15»**

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ

Ә.Х. Марғұлан атындағы
АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

Торайғыров атындағы
ПАВЛОДАР МЕМЛЕКЕТТІК УНИВЕРСИТЕТІ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
им. А.Х. Маргулана

ПАВЛОДАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. С. Торайгырова

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫНЫҢ ЖАҢА ЗЕРТТЕУЛЕРІ

«Марғұлан оқулары – 15»
ғылыми-практикалық конференцияның еңбектері

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА

Труды научно-практической конференции
«Маргулановские чтения – 15»

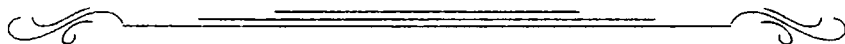
Редакционная коллегия:

Арын Е.М., Байпаков К.М., Самашев З.С., Курманкулов Ж.К., Мерц В.К.

Н 74 Новые исследования по археологии Казахстана: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 15». – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2004.– 252 с.

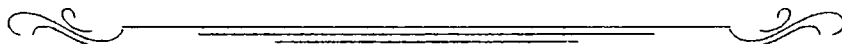
ISBN 9965–610-33-5

В трудах научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 15» публикуются материалы по истории, археологии, тюркологии, этнологии, топонимике.

ҒАЛЫМНЫҢ МЕРЕЙ ТОЙЫНА

К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО

МАРҒҰЛАН МҰРАСЫНЫҢ САБАҚТАРЫ

Қуаныш Сұлтанов

Қазақстан Республикасы Парламенті Сенатының
Әлеуметтік-мәдени даму комитетінің төрағасы

Бұл күндері еліміздің жер-жерінде, ғылыми-зиялы орталарда, оқу орындарында, мұражай, кітапханаларда – қазақ халқының ғұлама ғалымы, ұлы тарихшы, әдебиетші, қажырлы ғылым қайраткері – Әлкей Хақанұлы Марғұланның жүз жылдығына арналған кездесулер, ғылыми конференциялар, тақырыптық кештер өткізілуде.

Бұл мереке ең алдымен біздің рухани мәдениетіміздің, санамыздың өсу тойы. Өйткені, біз ұлтымыздың ұлы есімдерін еске түсіріп, тағзым ету арқылы өз парызымызды атқарамыз.

Зердемізді жаңғырту арқылы ұлттық ұжданымызды көтеріп, тарихымызды, мәдениетімізді танимыз. Бүгінгі рухани санамызды, өмірімізді байытымыз.

Әлкей Марғұлан – қазақ топырағының дара тумасы, ең даласының тұғырлы тұлғасы, салқар көгінің жарық жұлдызы.

Дүмпуі мен дүрлігуі, қайшылығы мен жақсылығы, жарығы мен түнегі қатар өрбіген 20-ші ғасырдың басында дүниеге келген Әлкей Марғұлан, өз ғасырының ауыр жүгін арқалап қана қоймай, оның қара аспанын айқара ашып, еліне, жеріне, білім мен ғылымның нұрын жаудыра алған сирек білгір, ерек құбылыс.

Ол – өткен ғасырдың 30-шы жылдарында Ленинградтағы шығыстану институтын бітірісімен қазақ зиялыларының қатарын толықтырды. Толассыз оқыды, ізденді. Ахмет Байтұрсынов, Міржақып Дулатов, Мағжан Жұмабаев, Сәкен Сейфуллин, Мұхтар Әуезов, Қаныш Сәтбаев сынды ұлы топтың шоғырын өзінің пассионарлық қуатымен күшейтті.

Әлкей Хақанұлының дүниетанымы төңкерісшіл қоғамның аласапыран айқашыл, әміршіл биліктің өз тарихын тыңнан өргізіп, тарихи шындықтық қақпағын ашылмас қара құлпытасқа айналдырып, әсіресе отаршылдар құрсауында болып келген қазақ сияқты ұлтты бұрынғы көне тарихы, өркениеті болмаған деген уағыздың қылыштың жүзімен қосарлана ысқырып тұрған шағында қалыптасты. Саяси қоғамдық жағдай, ахуал, ойшылдықпен тарихтын тереңіне, ғасырлар қойнауына балағаннан гөрі, дүрілдеп тұрған заманның дүрмегіне жетелеп кетуге бейім еді. Бірақ Әлкей Марғұлан өзі тандаған ғылым жолын ерекше тазалықпен сақтады, және сол ұстанымын өмір бойы өзгерткен жоқ. Басқаны айтпағанда ғалым сол кездің «ақ десе алғыс, қара десе қарғыс», түкірігі жерге түспей, бүкіл мәдениетті қолында ұстап тұрған басқарушы коммунистік партияға да мүше болмай өтті. Әлкей Марғұлан сол заманда қазақ даласында, қазақ жерінде осылай төрт мың жылдан бұрын да, одан бергі дәуірде де өркениеттің үзілмегендігін ғылыми деректілікпен, білімпаздығымен, бұлтартпас жәдігерлермен, археологиялық құндылықтармен жинақтады, тұжырымды дәлелдеді, біздің бүгінгі дамуымызбен байланыстырып, тиянақтады. Ешкім жасамаған тұтас толымды еңбек етті. Міне, бүгінгі ұрпақ сол үшін де Әлкей Марғұланның рухына қарыздарымыз.

Әлкей Марғұланның «Ежелгі мәдениет куәлары», «Орталық Қазақстанның ежелгі мәдениеті», Қорқыт ата өмірі мен әфсаналары», «Қазақ әлемі», қазақ шежірелерін жинақтаған еңбегі Марғұланға дейін де, Марғұланнан кейін де ешкімнің өресі мен білімі жете алмаған асыл қазына.

Әлкей Хақанұлы туған халқымыздың төл тарихын зерттеп, оның көне замандағы өркениет көшіндегі құндылығы мен маңызын айшықтауда теңдесі жоқ еңбек сіңірді, Қазақстанда археология және этнографиялық зерттеудің тың үлгісін, жана ұлттық мектебін қалыптастырды. Оңтүстік Қазақстандағы Сыр, Шу, Талас өзендері бойында, Отырар, Сайрам, Сауран, Тараз, Сығанақ, Батыста – Сарайшық қалаларының орнында алғашқы қазба жұмыстарын жүргізіп, бұрын соңды болмаған тарихи деректер мен мағлұматтар жинап, оны текшелей жүйелеп жазып, зерттеген де және болашақ ғылыми зерттеулерге мол мұра жинақтап, қалдырған да осы – Әлкей Марғұлан. Бұл – біздің бүгінгі тарихи танымдық өмірімізге үлкен сабақ.

Көне кыпшақ, сақтар, ғұндар, олармен бүгінгі қазақ жерінің өркениеттілік байланыстылығына тікелей тұңғыш назар аударған ғалым, тарихын, қазақтың орта ғасырдағы энциклопедист ғұламасы Мұхаммед Хайдар Дулати еңбектерін, XIX ғасырда жарқ еткен жарық жұлдыз Шоқан Шыңғысұлы Уәлихановтың өмірі мен шығармашылығын зерттеу мектептерін қалыптастырып, тұңғыш рет Шоқан Уәлихановтың бес томдық академиялық шығармаларын дайындап, халқына сыйға тартқан да осы – академик Әлкей Марғұлан.

Орталық Қазақстан жерінде сонау қола дәуірінде өркениет болғанын дәлелдейтін Беғазы-Дәндібай мәдениетін әлемге паш етіп, «Орталық Қазақстанның ежелгі мәдениеті» деген ғылыми монографияның да жетекшісі осы өзіміздің Әлкей Марғұлан.

Қысқасы, академик Әлкей Марғұлан халқына өшпес мұра қалдырған бірегей қайталанбас дарын. Оның шығармалар жинағы үстеміздегі жылы 6 том болып жарыққа шықпақ. Асыл мұраның әзірге жинақталған көлемі 15 том. Ғалымның әрбір еңбегі ұрпаққа өнеге, сабақ, сарқылмас рухани қазына.

Осы шығармалар жинағының I томының оқушыларға арнауында Нұрсұлтан Назарбаев Әлкей Марғұланның археологиялық зерттеулерінің Египет, Месопотамия, Қытай, Үнді көне өркениеттерін ашқан ұлы ғалымдар қатарына көтерілгенін айта келіп, ғұлама мұрасының бүгінгі таңдағы маңыздылығына былай деп тоқталады: «Тәуелсіздік алғаннан кейін біздің әрқайсымыздың алдымызда өз тарихымызды білу, түсіну, көне қазақ жерінде тұрып жатқан біз кімбіз деген сұрақтың маңызы арта түседі. Ә.Х. Марғұланның тарих, жер игеру, ауыз әдебиетті, көне түрік жазбасы, Ұлы Даланың көшпенділер өнері, мәдениеті саласындағы еңбектері бізге сол сұрақтарға жауап табуға көмектеседі. Өз халқының тарихы мен мәдениетін білу – біздің үшінші мыңжылдықта өмір сүретін болашақ ұрпақтарымыздың ұлтжанды дүниетанымы үшін қажет».

Міне, осындай ерекшеліктері үшін де Әлкей Марғұланның 100 жылдығы халық тойы дәрежесінде аталып өтуі заңды. Еліміздің Президенті Нұрсұлтан Назарбаевтың ұнысымен Әлкей Марғұланның 100 жылдығы және ғылымның тағы бір замандасы – қыл қалам шебері, қазақ көркем бейнелеу өнерінің негізін салушы суретші Әбілхан Қастеевтің 100 жылдығы ЮНЕСКО-ның ұлы адамдар өміріне байланысты аталып өтетін календарына енгізілді.

Перзидент қабылдаған мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасының құндылығы да, бүгінгі өмірімен тығыз байланыстылығы да осы Марғұлан еңбегінің орынды, табиғи жалғасы іспеттес. Біздің тарихымыздың әлі толықпаған беттері, ұлттық мұраларымыздың ұрпаққа қызмет етуі әлі де жеткіліксіз. «Мәдени мұра» бағдарламасы таяу жылдары бұл бағытта көптеген шаралар белгілеген отыр. Сол мемлекеттік талпыныс, ізденістің Марғұлан сабақтарымен үйлесіп жатуы ұлтымыздың рухани мүмкіндігінің белгісі.

Әлкей Марғұланның есімі мен еңбегі біздің бүгінгіміз бен ертеңімізге ғибрат, халқымыздың зиялылық сапасын, рухани дәрежесінің, рух биіктігінің көрсеткіші.

А.Х.МАРГУЛАН – ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

К.М. Байпаков

академик НАН РК, Институт археологии им. А.Х.Маргулана МОН РК, г.Алматы

В мае 2004 г. академику АН Казахской ССР А.Х.Маргулану исполняется 100 лет. Он скончался 12 января 1985 г. полный творческих планов, рабочих задумок... Но до сих пор в свет выходят фундаментальные научные труды, посвященные культурному наследию казахского народа, изучению которого ученый посвятил всю свою жизнь, свой талант.

А.Х. Маргулан родился 11 мая 1904 г. в ауле № 2 Акпектинской волости (ныне Баянаульский район Павлодарской области). В 1920 г. окончил учительские курсы в г. Павлодаре и преподавал в школе. В 1921 г. он поступает в Семипалатинский педагогический техникум, а в 1925 г. успешно заканчивает. В этом же году Алькей Хаканович поступает на литературный факультет Восточ-

ного института в г. Ленинграде. Одновременно он посещает Ленинградский университет и Институт истории искусств, слушает лекции профессоров В.В. Бартольда, С.Ф. Ольденбурга, И.Ю. Крачковского, Н.Я. Марра, А.Н. Самойловича, В.В. Струве, Б.Я. Владимирцева, И.И. Мещанинова.

Будучи студентом, он принимает участие в Казахстанской и Алтайской экспедициях АН СССР по изучению производительных сил населения отдельных регионов СССР под руководством академика А.Е. Ферсмана и профессора С.И. Руденко.

Как вспоминал С.И. Руденко, обаятельность Алькея Хакановича, прекрасное знание языка, быта и нравов казахского народа сыграли большую роль в успехе работы экспедиции. В свободное время он собирает материалы об устном и музыкальном творчестве, домашнем ремесле и прикладном искусстве, о генеалогии и родоплеменном составе казахов. Материал был обобщен и издан в виде научных статей под названием «Адаевцы» (1927), «Найманы» (1930).

Экспедиционные поездки продолжались и в последующие годы. В 1931–1932 гг. – на Алтай и в Сибирь в составе экспедиций, руководимых С.И. Руденко и А.А. Миллером, в 1933 г. – в Байдарскую долину в Крым вместе с Н.И. Репниковым и в 1935 г. – на Алтай в экспедиции М.П. Грязнова.

После окончания Восточного института Алькей Хаканович работает в Народном комиссариате просвещения Казахской АССР. В 1931 г. он поступает в аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры в Ленинграде, где под руководством А.Ю. Якубовского и С.Ф. Ольденбурга специализируется по археологии, искусству и средневековой истории Восточного Туркестана, участвует в археологических экспедициях.

С 1936 по 1938 гг. А.Х. Маргулан стажирется, а затем работает научным сотрудником Института истории материальной культуры АН СССР, а с конца 1938 г. он – сотрудник Казахского филиала АН СССР. С тех пор вся его творческая жизнь была связана сначала с Казахстанским филиалом, затем с Академией наук Казахской ССР. В 1941–1946 гг. он заведует сектором истории, в 1946–1951 гг. – сектором археологии, в 1958–1976 гг. – отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. С 1976 г. он старший научный сотрудник.

В 1943 г. А.Х. Маргулан защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук на тему «Историческое значение ярлыков и пайцзе», а в 1945 г. – диссертацию на соискание степени доктора филологических наук на тему «Эпические сказания казахского народа». С 1946 г. он член-корреспондент АН Казахской ССР, с 1958 г. – академик АН Казахской ССР, с 1960 г. – профессор.

А.Х. Маргулан был ученым широкого диапазона, он много сделал в изучении археологических памятников, внес крупный вклад в изучение истории архитектуры, занимался вопросами литературы и фольклористики, истории и историко-героического эпоса казахского народа, востоковедение. Велика его заслуга в подготовке к публикации и изданию собрания сочинений Ч.Ч. Валиханова.

А.Х. Маргулан был организатором и руководителем Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, которая покрыла своими маршрутами Сары-Арку. Им были обследованы выдающиеся памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана, обнаружена самобытная культура раннего железного века, выявлены следы оседлой и городской культуры в предгорьях Улутау, в долинах Кенгира и Сарысу. Выход в свет таких монографий, как «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана», «Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана», явился крупным событием в научной жизни республики и страны.

Всего перу исследователя принадлежит более 300 научных и научно-популярных публикаций, посвященных важнейшим проблемам археологии, архитектуры, этнографии, древней и средневековой истории, истории культуры и литературы Казахстана. Они не только содержат новый материал, но и насыщены новаторскими идеями, глубоким научным анализом событий. Все это принесло А.Х. Маргулану широкую известность у ученых Советского Союза и зарубежных стран.

Велика роль исследователя в воспитании и подготовке кадров ученых. Им подготовлены кандидаты и доктора наук, которые плодотворно трудятся в археологии, этнографии, истории.

Это краткая справка о его жизни, которая вместила в себя множество научных открытий и горечь разочарований, и признание его яркого таланта, и годы гонений. Удивительная жизнь яркого

и талантливого человека; и чем дальше от нас в исторической перспективе, тем ближе он нам своими научными идеями, которые продолжают развивать его ученики и ученики его учеников.

Академик Алькей Хаканович Маргулан – разносторонний ученый. В каждый предмет своего исследования, в предмет своего увлечения он вносил весомый вклад.

Однако среди многих творческих увлечений Алькея Хакановича есть одна наука, которой он был предан с самого начала своей научной работы, которую он считал делом всей своей жизни – археология.

Преданность и увлечение археологией не объясняются лишь романтикой профессии.

Причина была во много крат серьезнее, глубже и благороднее. Прекрасное знание Алькеем Хакановичем древних и средневековых письменных источников, знание того, что в них очень мало сведений о Казахстане, привело ученого к заключению, что этот пробел могут восполнить лишь археологические изыскания.

Одним из ярких открытий А.Х.Маргулана являлась Дандыбай-Бегазинская культура.

На этом пути ученого ждали открытия, удивившие весь ученый мир.

Массовые раскопки памятников эпохи бронзы превзошли все прогнозы. Было доказано, что еще 3000–3500 лет назад Центральный Казахстан был центром высокой по тому времени, яркой и самобытной культуры, зародившейся на базе богатых месторождений цветных металлов. Именно в ту далекую от нас эпоху были освоены меднорудные месторождения Джезказгана, Успенского, Коунрада и Саяка, оловоносные месторождения Атасу, золоторудные месторождения Степняка.

Так был открыт Центральный Казахстан как мощный очаг древней металлургии, как крупный центр древнейшей культуры. Материалы этих исследований обобщены в солидной книге под названием «Древняя культура Центрального Казахстана», написанной Алькеем Хакановичем совместно с сотрудниками экспедиции К.Акишевым, А.Оразбаевым и М.Кадырбаевым. В 1967 г. эта коллективная монография была удостоена премии им. Ч.Ч. Валиханова АН Казахской ССР.

Несколько лет спустя А.Х.Маргулан издал фундаментальную монографию «Бегазы-дандыбаевская культура», получившую высокую оценку ученых и общественности.

Как известно, одним из наиболее интересных и в то же время наименее изученных периодов в истории Евразии является период финальной бронзы, когда на обширных пространствах степи, лесостепи и леса завершался переход к производящим формам хозяйства, намечалось освоение одного из важнейших в истории экономической жизни человека материалов – железа, а в степных районах оформлялась новая форма не только хозяйствования, но и общественной жизни – кочевничество. Археологически это выразилось в угасании ряда до этого глобальных культур таких, как срубная в Восточной Европе и андроновская в азиатской части современной территории СССР. На смену им приходили новые археологические образования: еловская и черкаскульская в лесостепной полосе, карасукская в Восточной Сибири.

Среди этих культур наименее изученной, хотя и намеченной, оставалась культура ранних кочевников степей Казахстана. Еще в первые послевоенные годы под руководством А.Х. Маргулана были открыты оригинальные, в основном погребальные, памятники преимущественно в долинах рек Сарысу, Атасу, Карасу и др. Продолжение этих работ в 60–70-х годах привело к открытию остатков поселений, мест, связанных с древней металлургией и не менее интересных комплексов наскальных изображений. Особенно выразительными оказались своеобразные мавзолеи Бегазы, давшие название большой археологической культуре, которой посвящена практически вся монография.

А.Х.Маргулан открыл некрополь Бегазы, мавзолей Бугулы III, оригинальный комплекс погребальных склепов Сангру I, в долине р. Атасу, обширное погребальное поле в долине р. Нура у бывшего аула Дандыбай. Кроме погребально-поминальных памятников автор детально исследует и синхронные, очевидно, близкие в культурном отношении поселения – Атасу I, Бугулы I, Бугулы II. Совершенно справедливо в связи с этим замечание А.Х.Маргулана, что сейчас «о поселениях бронзовой эпохи в Центральном Казахстане мы имеем гораздо более конкретные данные, чем когда-либо». Особый интерес в связи с этим вызывают тщательно изученные в археологичес-

ком отношении десятки жилых домов с остатками каменных и деревянных конструкций и поселения, где наряду с жилыми и хозяйственными сооружениями выявлены производственные (металлургические) комплексы. Наиболее выразительным в этом плане является комплекс Милыкудук в районе Джезказгана, где обнаружено 15 медеплавильных печей и собрано большое количество рудопромышленного и медеобрабатывающего инвентаря.

А.Х.Маргулан привел характеристику хозяйства, культовых представлений и особенностей искусства эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана.

Несомненной заслугой А.Х.Маргулана следует считать, что он не ограничивается только материалами Центрального Казахстана. В этом отношении заслуживают самого пристального внимания параллели, проводимые А.Х.Маргуланом между дандыбай-бегазинскими и тагискенскими мавзолеями и склепами, между культовыми камнями-менгирами Центрального Казахстана и Южной Сибири. Однако не следует резко отчленять бегазинские погребальные памятники от плиточных могил и оград Южной Сибири и Забайкалья, как и культовые камни-менгиры от так называемых оленных камней. Скорее всего, дандыбай-бегазинская культура представляет собой наиболее западный вариант огромной культуры «плиточных могил», носители которой, по предположению С.В.Киселева, являлись отделившимися от тюрко-монгольской общности древними тюркоязычными племенами. Выпущенная по итогам многолетних исследований монография А.Х.-Маргулана «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана» (Алма-Ата, 1979) вошла в золотой фонд научной литературы по археологии.

А.Х.Маргулан одним из главных направлений своих исследований выбрал городскую средневековую культуру Казахстана. Он был из тех исследователей, которые доказали, что история Казахстана – не только развитие номадизма, а история взаимодействия кочевничества и оседлой жизни, Города и Степи.

В этом взгляды А.Х.Маргулана совпадали с точкой зрения таких ученых, как А.Ю. Якубовский, А.Н.Бернштам, С.И.Руденко, С.П.Толстов. Последний писал: «Было бы величайшей ошибкой видеть в городской цивилизации оазисов Средней Азии продукт развития только земледельческих оазисов. Лишь исходя из «первого значительного разделения труда» между кочевниками, можно объяснить данный расцвет среднеазиатских городов, возникших и развивающихся как связующее звено между обеими главными отраслями экономики древней Средней Азии – скотоводческим хозяйством оазисов» [1].

Как следствие этих тенденций в науке стало выделение в Казахстане и степной цивилизации, которая подразумевает в себе именно взаимосвязь и взаиморазвитие оседлости и кочевания, земледелия и скотоводства [2].

А.Х.Маргулана можно считать одним из основоположников археологического изучения средневековых городов Казахстана: вышедшая в 1950 г. монография из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана стала первым обобщающим трудом о городах всего средневекового Казахстана – от Семиречья до Урала.

Центрально-Казахстанская экспедиция, которую возглавлял А.Х.Маргулан постоянно одной из своих главных задач видела изучение средневековых городищ в долинах Чу, Сары-Су, Кангира на северных и южных склонах Каратау, а А.Х. Маргулана всегда привлекали такие города, как Тальхир, Отрар, Тараз, Сауран, Кулан, Мерке, Сайрам, Сарайчик. Он скрупулезно собирал сведения о них, находил новые упоминания об этих центрах в письменных источниках, предлагал свои варианты размещения их на карте Казахстана и городскую культуру Казахстана, рассматривая в контексте с развитием городской цивилизации Евразии. Отсюда в его книге широкие аналогии, сведения о народах и об исторических деятелях. Он как никто другой оживлял ход научных рассуждений свежими фактами, «населял» людьми, усиливал неожиданными эпизодами из эпоса, он жил историей и чувствовал в ней себя участником. Но для этого надо знать так много... Алькей Хаканович был энциклопедистом и знал ответы на многие запутанные вопросы.

Особенно велики заслуги А.Х.Маргулана в открытии и изучении городской культуры Сары-Арки. Им были зафиксированы десятки ремесленных поселений, городищ, ставков, представляющих своеобразный городской центр степной зоны. Городища Милыкудук, Алашахан, Бесшатыр,

Ботагай и многие другие сейчас стали предметом пристального внимания археологов, защищена кандидатская диссертация о них, получены интереснейшие материалы по фортификации, генезису развития. Работы продолжаются, ведутся исследования средневекового городища Бозук (Акжол) в границах Астаны, городища, о котором в свое время писал А.Х.Маргулан. Одним из условий развития оседлости и земледелия в аридной зоне Казахстана должна быть ирригация и ее возникновение и развитие, чему А.Х. Маргулан уделял пристальное внимание.

Уже первые годы работы ЦКАЭ позволили ученому выявить в Сары-Арке очаги поливного земледелия. Водными источниками для них служили такие реки, как Чу, Сарысу, Коктас, Ишим, Нура, Тобол.

В районах древнего орошения Центрального Казахстана им были обнаружены каменные плотины, водоводы и бассейны для накопления воды и использования ее для флотации руд.

В период развитого средневековья с возникновением оседлых поселений и городов в Центральном Казахстане на северных склонах Каратау, низовьях Чу, Сарысу, Кенгира, Коктас, Нуры, Ишима около остатков поселений и городищ фиксируются многочисленные следы ирригационных сооружений: плотин, оросительных каналов, арыков. В этот период А.Х.Маргулан отмечает, «...что земледельческая культура развивалась в условиях дальнейшего расслоения общества и возникновения значительной части джатаков беднейших слоев населения, которые вынуждены были оседать в местах зимовок и заниматься земледелием».

По материалам А.Х.Маргулана можно выделить три обособленных региона поливного земледелия, отличающихся по формам и типам ирригации.

Первый район низовьев Чу наиболее тесно связан с основными центрами поливного земледелия – городами среднего течения Сырдарьи. Экспедицией зафиксированы остатки многочисленных ирригационных систем в районе городища Тасты, датирующегося кангюйским временем, а также раннесредневековые (VIII–X вв.) и кокандские (XVIII–XIX вв.). По мнению А.Х. Маргулана, «остатки древнего орошения в районе Тасты свидетельствуют о широком развитии земледелия и что этот район в прошлом сыграл большую роль в жизни скотоводов, являясь местом их зимнего средоточения».

Ко второму району можно отнести долины рек Сарысу, Коктас, район с полуоседлым земледелием. Здесь открыты памятники оседлого земледелия Басшулак, Аякшулак, Ольке. Выгодные природные условия способствовали в средние века развитию поливного земледелия (XI–XV вв.). Вокруг городищ сохранились многочисленные следы древнего орошения, в том числе остатки магистральных каналов, плотин, водоемов, водоподъемных сооружений – чигирей, колодцев. Многочисленные остатки колодцев дали повод А.Х. Маргулану говорить о кяризной системе орошения.

К третьему району можно отнести северную часть Центрального Казахстана, поймы рек Кургальджина, Нуры, Ишима, где в средние века сложился несколько иной тип памятников оседлого земледелия, который имеет общие корни со средневековой городской культурой Иртышского низовья.

Подводя итог, нужно сказать, что на протяжении многих лет научной работы А.Х.Маргуланом был собран обширный материал по истории орошения Центрального Казахстана, на основе которого ученым было доказано, что поливное земледелие различных форм и типов существовало, хотя и в меньших размерах, в Сары-Арке, которая являлась не только страной кочевников, но и страной городов.

Городская культура Центрального Казахстана связывается с кыпчаками, сыгравшими главную роль в истории Евразии: не случайно в научно-исследовательской деятельности академика А.Х.Маргулана значительное место отводилось актуальным вопросам кыпчакской этнокультурной общности средневекового Казахстана. Будучи уверенным, что кыпчакская проблема является ключевой в этногенезе казахского народа, А.Х.Маргулан постоянно уделял различным аспектам этой сложной и малоизученной темы пристальное внимание.

Широта научных интересов ученого в таких областях знания, как востоковедение, филология и фольклор, этнография и археология, топонимика, позволили А.Х. Маргулану рассматри-

вать кыпчакскую проблематику комплексно и в полном объеме, что не могло не дать ярких результатов.

Отдельные аспекты им намечены и исследованы впервые, по ним имеются оригинальные решения и выводы, по другим – поставлены цели и задачи, определены дальнейшие направления их изучения.

Не касаясь в настоящем кратком сообщении вопросов изучения кыпчакской проблематики по данным филологии и фольклора, эпических сказаний и искусства кочевников, обратимся к археолого-историческим аспектам изучения этой проблематики.

Большая научная эрудиция, широта мышления, умение одновременного привлечения данных письменных и археологических источников для выявления определенной истины позволяли А.Х. Маргулану давать оригинальные и в то же время достаточно аргументированные заключения по некоторым аспектам кыпчакской проблематики. Ему первому, например, принадлежит мнение о том, что встречающиеся в степях Юго-Западного Казахстана кыпчакские женские каменные изваяния без изображения лица, являются своеобразным отражением процессов проникновения ислама в начале второго тысячелетия н.э. в Дешт-и Кыпчак, когда, согласно догмам ислама, женщины должны были скрывать свои лица чадрой. В качестве письменного источника, подтверждающего обычай сооружать каменные изваяния без изображения лица, действительно, мог существовать в районах севернее Сырдарьи, А.Х.Маргулан приводит поэтические строки великого поэта средневековья Низами.

Изучая географические аспекты расселения кыпчаков по территории средневекового Казахстана, А.Х. Маргулан использует в своих исследованиях известия анонимного персоязычного автора X в. «Худуд ал-Алам». Автор этого труда, говоря о трех областях, населенных кимаками,

рассказывает об области Андараз аз-кифчак, жители которой своими обычаями напоминают огузов. По локализации этой территории на современной карте Казахстана имеется несколько мнений, однако наиболее верной, на наш взгляд, является точка зрения А.Х.Маргулана, согласно которой Андараз аз-кифчак – это области Центрального Казахстана, горы Улытау, бассейн Сарысу. На юге этот регион ограничивается хребтом Каратау.

А.Х. Маргуланом были впервые введены в научный оборот многие памятники средневековой кочевой древности, в частности, широко известно раскопанное им бесспорно кыпчакское погребение на Нуре, датируемое им, согласно джагатаидским монетам, первой половиной XIV в.

Таковы далеко не полные данные о состоянии научных разработок наиболее важных проблем истории кыпчаков в трудах А.Х.Маргулана. Исследователям кыпчакской проблематики невозможно обойтись без результатов научных разработок основоположника казахстанского кыпчаковедения.

Конечно, нельзя не сказать и об увлечении А.Х.Маргулана историей архитектуры, археологической архитектуры.

Именно ему принадлежит приоритет создания вместе с архитекторами М.М.Мендикуловым и Т.К. Басеновым очерка о развитии архитектуры Казахстана с эпохи камня до позднего средневековья, удивительно ярких памятниках погребальной архитектуры – мавзолеев Джучихана и Алашахана, а также характеристики архитектурной традиции у казахов, воплощенной в десятках сырцовых мавзолеев и уникальных надгробных каменных сооружениях Мангышлака [3]. Последние собранные, обследованные и опубликованные в монументальном труде И.Н.Тасмагамбетова показывают богатство декоративного искусства казахов, восходящего к эпохе саков, адаев, сарматов [4].

Научное наследие А.Х.Маргулана востребовано сегодня, и это одно из доказательств его ценности. Работы А.Х.Маргулана изданы в многотомном собрании сочинений. Сейчас, когда принята и начинается выполняться Государственная программа «Культурное наследие Казахстана», археологические материалы, собранные А.Х.Маргуланом, его идеи и направления развития гуманитарных наук в области изучения, сохранения и использования культурного наследия получают особенно яркое звучание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстов С.П. Древний Хорезм.– М., 1948.– С.275.
2. Байпаков К.М. Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан и задачи отечественной археологии. // Известия МН-АН РК.– 1996.– №2.– С.12–13; Байпаков К.М. Стенная цивилизация Казахстана: взаимодействие скотоводческих и оседлых культур. // Казахская цивилизация.– 2002.– №2-3.– С.42–51.
3. Маргулан А.Х., Басенов Т.К., Мендикулов М.М. Архитектура Казахстана.– Алма-Ата, 1959.
4. Тасмагамбетов И. Кулыптас.– Алматы, 2002.

СӘУЛЕТ ӨНЕРІ – ИСКУССТВО АРХИТЕКТУРЫ

Ш.Ы. Валиханов

президент Международного фонда Аблай-хан, заслуженный архитектор РК

Архитектура – большое, сильное, впечатляющее созидательное искусство, которому подвластны и страсти, и желания человека. Архитектура, как некоторые виды искусства, не мир в себе, она есть одухотворенная часть материального мира, охватывающая широчайшую сферу существования человека на этой не совсем спокойной планете называемой Землей.

Во все времена и эпохи архитектура не развивалась изолировано. Она была и остается результатом экономического, политического и интеллектуального развития общества, естественно входит в ткань материальной, художественной и духовной культуры нации, народа и страны.

Мы не имеем права и не должны позволить себе роскошь «засорять» Землю.

Не случайно говорят, что человека можно убить плохой архитектурой с таким же успехом, как и топором. Нам нужны только талантливые произведения архитектуры, рожденные мастерами своего дела, приносящие радость и красоту людям.

Когда я учился в Московском архитектурном институте, мне удалось глубоко изучить историю мировой архитектуры. Да и в век компьютеризации и информации современным архитекторам представлена широкая возможность быть в курсе не только палестино-израильской и иракской войн, но многих архитектурных дел и досконально знать, что творится в нашем профессиональном цеху в масштабе всей планеты.

Архитектура включает в себя всю культуру эпохи, в архитектуре проявляется дух времени. Архитектура – синтетическое искусство. В ее рядах могут быть люди разных специальностей. Ее можно считать колыбелью единомышленников. В архитектуре «один в поле не воин». Для успеха дела должен сложиться творческий коллектив, где любой понимает другого с полуслова, отдавая должное воли и творческой индивидуальности каждого. Архитектор должен беспрестанно творить, всегда самоотверженно защищать, поддерживать тех, кто делает это вдохновенно и талантливо.

«Творчество в архитектуре более, чем в других искусствах, связано с жизнью», – говорил академик архитектуры Алексей Васильев Щусев. «Архитектура – это искусство, заставляющее звучать точки опоры», так поэтически выразился архитектор-конструктор Огюст Перре, впервые сделавший железобетон материалом зодчества. Еще один гениальный французский архитектор Ле Корбюзье считал, что «подлинный архитектор – это не только инженер-строитель, но и врач, психолог, и обязательно художник и поэт». Следуя заветам великого Корбюзье, я тоже пишу стихи, но об этом попозже.

Великие архитекторы XX века Ле Корбюзье, Людвиг Мисс Ван Дер Роэ, Фрэнк Ллойд Райт, Алексей Щусев, Алвар Аалто, Кендзо Танге, Оскар Нимейер были не только мастерами архитектуры, но и мыслителями, личностями большого масштаба.

Мне повезло в жизни. В 1973 г. на Всемирном конгрессе Международного Союза архитекторов, проводившемся в Мехико, я познакомился с легендарным и ныне здравствующим японским архитектором Кендзо Танге. Он знаменит, прежде всего, своим предложением использовать море –

Токийский залив для нового строительства. В этой застройке он предусматривает сочетание мегаструктуры (это новое понятие из словаря молодых архитекторов) и групповой формы. К мегаструктуре относятся сквозные транспортные пути строительства в форме рам, расположенные на разных уровнях и смело перекрывающие ответвления мегаструктуры.

Вершиной творческой карьеры Кендзо Танге стал комплекс спортивных сооружений, построенный к Олимпийским играм 1964 года, проходившим в Токио.

Сила выразительности спортивного комплекса впечатляет. Легко можно заметить неразделимую связь пластичности, почти скульптурной, со строгой логикой построения пространства, функцией и конструкцией. Мыслителя Кендзо Танге постоянно интересует сочетание рационально-эстетического и стихийно-чувственного в едином потоке творчества.

Я как дорогую реликвию берегу письмо господина Кендзо Танге, адресованное мне. Оно следующего содержания:

«Дорогой Мистер Валиханов!

Нам обоим было приятно встретится с Вами на конгрессе архитекторов в Мехико-Сити. Особенно 25 октября, во время приема на вечере Ассоциации архитекторов. Вы были так щедры, преподнеся нам красивую домбру.

Мы искренне любим музыку... И поэтому этот музыкальный инструмент останется навсегда в нашей резиденции теплой памятью о Вас.

Еще раз благодарим, мы оба ждем с нетерпением встречи с вами в ближайшем будущем. Мы шлем Вам самый теплый личный привет.

Искренне Ваши мистер и миссис Кендзо Танге.

Токио, 8 ноября, 1978 года».

Не могу не сказать о том, что на меня оказали огромное влияние казахстанские архитекторы и художники старшего поколения: Т.К. Басенов, А. Кастеев, М.М. Мендикулов, Н.И. Рипинский, Х.И. Наурызбаев, А.К. Капанов, Р.А. Сейдалин. Благодаря их опыту и трудам отечественных ученых, мне так же удалось изучить памятники истории и культуры своей Родины. Все это позволило мне в своем творчестве постоянно чувствовать живую связь с родной Землей – Казахстаном.

Мне приятно вспоминать главного архитектора Москвы, народного архитектора СССР, ныне покойного Михаила Васильевича Посохина. Я гордился дружбой с ним. Он приезжал в Алматы. В неоднократных, душевных беседах затрагивались проблемные вопросы развития архитектуры Республики. Михаил Васильевич был не только большим мастером архитектуры, но и внимательным собеседником, человеком большой души. По отношению к себе я постоянно чувствовал с его стороны отеческую заботу. Дружеские отношения не прошли даром. Откровенный обмен мнениями, высокопрофессиональные советы старших помогли нам, молодым специалистам, расправив крылья, двигаться уверенно по неизведанным тропам архитектуры будущего.

В Казахстане есть профессионально подготовленные, неистово ищущие, одаренные, талантливые архитекторы. Народ вправе ожидать от них произведений на уровне мудрой поэзии Абая, вдохновенной прозы Мухтара Ауэзова, волшебной кисти Орала Тансыкбаева. В них мы нуждаемся. Надеемся, что в Республике будут созданы все условия для их поиска и находок.

Творчество – и вдохновение, и труд. Чем чувствительнее, впечатлительнее человек, если у него богатое воображение, он всегда бывает полон интересных идей и увлекательных замыслов. Порою человек отрывается от земли, это даже хорошо. Я как-то читал о конкурсе на новый вид самолета. Участвовали маститые конструкторы, обогащенные опытом и знанием всего того, что имеется интересного в этой области. А конкурс выиграл какой-то новичок. Он, говорят, посмотрел на проблему свежим взглядом, по-новому и не был отягощен грузом прежних знаний. И так бывает.

Идея приходит человеку в момент озарения – высшего состояния духа. Она может долго вынашиваться и появиться внезапно. Всем известно, что Д.И. Менделееву идея о периодической системе элементов пришла во сне. Проснувшись, он кое-что только уточнил. Идея подпитывает-

талантом творческого лица. В архитектуре между рождением идеи и ее воплощением лежит огромное пространство. Для сооружения архитектурного произведения, в первую очередь, нужны немалые деньги, во-вторых, время для строительства, которое может длиться годами. Архитектура не книга: написал, выпустил, хочешь – читай, хочешь – нет. Архитектор жертвует молодостью, талантом, энергией в ожидании и стремлении осуществления своего детища. Не всем в этом везет. Поэтому среди именитых архитекторов почти нет молодых людей, а жаль!

Архитектура зависит от многих факторов. Прежде всего, от государства, от прозорливости и вкуса вождей нации и совместных действий передовых людей – интеллектуальных сил страны. Мы – люди творчества, вместе с другими должны думать о дальнейшей судьбе Казахстана. И это удел не только официальных лиц и государственных чиновников. О Казахстане – нашей Родине – должны думать все, начиная от Президента, кончая всеми здравомыслящими гражданами Республики. И не только думать, а активно действовать. Это касается той части населения, которая способна плодотворно мыслить – ученых, специалистов-профессионалов, творчески одаренных личностей.

Им не безразлично должно быть, как осваиваются национальные богатства республики, какое применение находит интеллектуальная собственность страны, каковы здоровье и благополучие, нравственные устои и устроенность народов, населяющих Казахстан. Также мы должны отдавать отчет, каково направление нашего движения, каков путь, который мы избрали, существуют ли другие возможности, с наименьшими жертвами и издержками для достижения поставленной цели.

От интеллекта, уровня образованности, сохранения гуманистических духовно-нравственных ценностей зависит будущее всей планеты. Ведь человечество сегодня находится в такой неразрывной связи, что, по существу, является единой космической единицей.

Сейчас наступает эра сверхинтеллекта и ужасающей научной мощи. Эта мощь в руках добрых людей может служить совершенствованию человека, облегчению его нелегкой доли в этой быстротекущей жизни, а в руках обезумевших «всезнаек» или в силу случайных ошибок может принести горе и страдания, неслыханные бедствия и разрушения. Именно поэтому мы должны быть бдительными, теснее спланиваться, мыслить планетарно. Земляне не до конца преодолели нищету и бедность. А войны? Сколько человеческих жизней приносим в жертву желанию жить мирно и свободно на отчей земле.

Много нынче недугов, с которыми нужно нынче бороться сообща – все расширяющиеся озоновые дыры, различные неизлечимые болезни, загрязнения окружающей среды, последствия химических, бактериологических, атомных испытаний и т. п. Они имеют возможность быстро распространяться по всей планете.

Поэтому и подчеркиваю, что препятствия и невзгоды могут быть преодолены только высокообразованными людьми, людьми дружными, уравновешенными, поддерживающими все здоровое, что будет способствовать победе добра и справедливости. В конечном счете – совершенствованию человечества и в пользу человека, этого высшего творения природы, будущее которого самым тесным образом связано с торжеством разума.

Мы, люди искусства, по-прежнему продолжаем думать и верить, что красотой спасется мир. Красоту надо беречь, ценить, сохранять, снова создавать и создавать.

У одного мудреца спросили, как он преодолевает жизненные невзгоды. На что мудрец ответил: «Мне помогает в этом высота и значимость стоящей предо мной цели». Безусловно, цель жизни у человека должна быть высокой и благородной. Если она будет связана с вкладом в материально-духовную сокровищницу народа, будет способствовать облегчению не совсем легкой жизни людей – еще лучше. Некоторые считают, что для достижения цели хороши все средства. Цель должна достигаться не грязным способом, а в поте лица.

В больших делах признание иногда приходит позже, бывает даже после ухода из жизни. Жаль, конечно, но это не должно останавливать человека. Обычно слава не беспокоит настоящего творца! Самое главное – чтобы были успехи, и были настоящими. Слава – не самоцель, славные дела должны быть образом жизни.

Теперь перехожу к описанию авторских работ, представленных в этом зале.

1. Как был создан Монумент Независимости, сооруженный в Алматы на площади Республики.

Монумент был разработан под моим руководством группой молодых архитекторов и скульпторов, выпускников санкт-петербургских, московских, алматинских художественных школ. Авторами монумента являются скульпторы Адилет Жумабаев, Нурлан Далбаев, Кайрат Суранчиев, архитектор Казбек Жарылгапов и другие. Строительством возглавлял инженер А. Ермигияев, работали каменщики: А. Байгатаров, В. Фомин и др.

Идея создания монумента Независимости впервые нам была подсказана Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым – нашим первым Президентом, когда мы ни о чем подобном не думали.

В 1993 году в составе правительственной делегации мне довелось посетить Египет. Когда наша группа прибыла в город Луксор и под палящими лучами египетского солнца рассматривала древнейший храм, мы были поражены грандиозностью архитектурных пространств, обилием колоннад, статуями-колоссами, аллеями сфинксов.

Президент обратил наше внимание на одиноко стоящий обелиск изящной формы, весь покрытый надписями и сказал мне: «Шота Идрисович! Почему бы нам нечто подобное не построить у себя дома в честь приобретения Казахстаном независимости. Подумайте!».

Я знал, что при этом луксорском храме был второй обелиск, он был похищен Наполеоном Бонапартом ради его любовницы Жозефины, который и поныне стоит на площади Согласия в Париже. Американцы этот же обелиск точно повторили в Вашингтоне, увеличив его размеры в несколько раз. Нам надо было идти по другому пути...

Опираясь на практику осуществления подобных монументов, как на Западе, так и на Востоке, в процессе упорного поиска самобытного, достаточно оригинального решения были разработаны шесть вариантов монумента, которые неоднократно представлялись для рассмотрения в соответствующие инстанции.

5 июля 1994 года Президент и члены Правительства РК дали положительную оценку одному из последних вариантов. 13 июля 1995 года вышло Постановление Президента РК Н.А. Назарбаева «О сооружении в городе Алматы монумента Независимости» и одобрении проекта, разработанного вышеуказанной творческой группой.

Комплекс, осуществленный в течение нескольких лет, представляет собой целостное художественное произведение, синтезирующее архитектуру, скульптуру, тексты изречений выдающихся деятелей науки, культуры и государства. Были учтены особенности этого очень ответственного градостроительного узла: формы участка, рельеф. Характер окружающей архитектуры дали плоть и кровь комплексу, усилили самобытность и оригинальность его композиционного построения.

Экспозиция пространства комплекса растянута горизонтально на 180 метров. Центром композиции является вертикальная пластическая стена, напоминающая рельефные мангышлакские кулпытасы и имеет высоту 28 м. она завершается фигурой «золотого» человека (высотой 6 м.) – воина, предводителя, который на крылатом барсе летит в высь. Указанный образ воссоздан на основе изучения конкретных археологических находок в кургане Иссык близ Алматы, где был похоронен государь саков (VIII–IV вв. до н.э.) в парадной одежде с регалиями и атрибутами верховной власти. (Стиль одежды, золотые украшения на ней являются шедеврами мирового искусства, вдохновенными произведениями человеческого гения).

Стела установлена на полукруглом стилобате диаметром 28 метров, который размещен в центре круглой площадки диаметром 46 метров. Определенную точку в пространстве стела закрепляет. Располагаясь на фоне двух высотных зданий, дистанция между ними такова, что с фоном стела не сливается, не поглощается им. Вертикаль стелы принадлежит пространству, а не зданиям. Чем ближе подходим мы к ней, тем резче и динамичнее она устремляется в небо.

У подножия стелы, на стилобате размещена скульптурная группа, состоящая из аллегорических фигур: «Мудреца-неба», «Матери-земли» и двух детей на жеребятах. Фигуры размещены по

четырем сторонам света, откуда поступает живительная влага, делающая землю плодоносящей.

Дети-всадники символизируют молодость и большое будущее нашей республики, они как бы готовятся участвовать в состязаниях. С другой стороны, отец, мать и дети составляют семью – основу государства и рода человеческого. Эти фигуры вписываются в квадрат, олицетворяющий устойчивость и прочность.

По обеим сторонам от стелы на расстоянии восемнадцати метров подковообразно по кругу размещены десять рельефно-скульптурных стенок, чередующихся с надписью и рассматриваемых с двух сторон. Эти стенки подобно диадеме имеют художественно-образную нагрузку, которая придает всему комплексу осмысленность. В них нашли отражение исторические темы с древнейших времен до наших дней: образование государства, защита Отечества, годы великих бедствий, национально-освободительные движения, мировая война, декабрьские события 1986 года, провозглашение независимости и т.д. Разумеется, здесь имеет место не хронологический порядок изложения событий, а художественно-пластическое выражение отдельных ярких этапов истории.

Число десять (количество стенок) выбрано не случайно. По Пифагору – это величайшее число, оно объемлет все арифметические и геометрические пропорции и одновременно символизирует силу, веру и мощь памяти.

Малые архитектурные формы: скамейки, гранитные блоки, светильники, прожекторы, а также цветники – размещаются по двум сторонам центрального большого круга. На наклонных плоскостях шести гранитных блоков высечены образцы петроглифов и памятников древнетюркской письменности, встречающихся на просторах Казахстана.

Абсолютные размеры монумента, его объемное построение, пропорциональный строй и стилистика продиктованы условиями восприятия, соразмерностью к масштабам площади и человека. В соотношениях целого и частей комплекса предусмотрены гармоничные пропорции. Гармония и великими мыслителями древности рассматривалась как состояние, непосредственно предшествующее красоте. Сложное именуется красивым только в том случае, если его части гармоничны в сочетании.

Бронзовые фигуры, все они ориентированы на юг, в сторону гор. Полностью художественный образ комплекса раскрывается при осмотре его со всех сторон. Удачное размещение их предоставляет нам множество интересных и неожиданных ракурсов:

Применяемые материалы: гранит, бронза и бетон. Авторы проекта полностью сохранили ныне существующие фонтаны и малые архитектурные формы по улице Байсеитовой.

На уровне глаз человека крупными буквами на кулпытасах на казахском и русском языках (клинописью) выбиты афоризмы – изречения прославленных исторических лиц прошлого и настоящего времени. Здесь можно прочесть следующие слова Президента РК Н.А. Назарбаева: «Только мир и согласие общества обеспечивают право каждого человека на достойную жизнь и труд. Свобода не своеволие, а торжество справедливости и права».

Ко мне часто обращаются многочисленные жители Алматы дать подробное объяснение рельефам, что и делаю я с удовольствием:

Рельеф 1. В рельефе отражена эпоха Томирис – царицы массагетских саков – древних предков казахов. По преданию, переданному «отцу истории» Геродотом, персы во главе с царем Киром вступают на массагетские земли. Они обманном путем перебивают часть войск массагетов, берут в плен сына царицы Томирис по имени Спарганис, предводителя массагетов. А царица, узнав об участии своего войска и сына, отправляет вестника к Киру со словами: «Кровожадный Кир! Не кичись своим подвигом – плодом виноградной лозы, который и вас так же лишает рассудка, когда вино бросается в голову... Так вот, послушайся моего доброго совета: выдай моего сына и уходи подобра-поздорову из моей земли... Если же этого не сделаешь, то клянусь тебе богом Солнца, владыкой массагетов, я действительно напою тебя кровью, как бы ты не был ненасытен». Томирис дала бой, где пало почти все персидское войско. Отыскав среди павших тело Кира, она велит всунуть его голову в мех, наполненный кровью и тем самым реализует свое слово. Томирис в рельефе изображена на колеснице в момент победы. Здесь использованы укра-

шения, одеяния и другие атрибуты сакской культуры, дошедшие до нас по результатам археологических раскопок.

Рельеф 2. Изображена эпоха аль-Фараби, во времена которой получили развитие многие науки – астрономия, философия, медицина и т. д. Рядом с фигурой аль-Фараби изображен другой сын земли казахской – историк Мухаммед-Хайдар Дулати. Чуть ниже сидит Коркут-ата с кобылом – родоначальник казахской музыки. В левом нижнем углу отражена легенда о происхождении тюркских народов от небесного волка.

Рельеф 3. Посвящен образованию казахского ханства в XV в. Основателями ханства были Аз-Жанибек и Кирей.

Рельеф 4. Отражен самый печальный период в истории казахского народа. В 1723 году внезапным нашествием калмыков казахские аулы были разграблены, около миллиона человек погибло, многие были уведены в плен. Этот год в истории считается годом «великого бедствия». Печальная песня «Елим-ай» («О, Родина моя») о том времени поется по сей день.

Рельеф 5. Изображен поединок молодого Абылай хана с калмыцким нойоном – Шарышем, где победителем вышел первый. С этого дня народ поднялся на защиту своего отечества.

Рельеф 6. Россия и Казахстан. Дружба великих людей. Ф.М. Достоевский, Ч.Ч. Валиханов, Г. Шевченко. Также изображены Абай и Биржан. В рельефе использован рисунок Т.Г. Шевченко, где отражено наказание солдата шпицрутенами. Рельеф посвящен памяти великих сыновей России и Украины, сосланных в Казахстан в годы царизма.

Рельеф 7. В Казахстане многократно происходили восстания против режима насилия и угнетения. Они жестоко подавлялись. В этом рельефе отражен один из эпизодов этих выступлений, где был предводителем султан Садык – сын Кенесары. Очевидцы свидетельствовали: «Когда султан Садык, идя впереди со знаменем, подвел своих джигитов очень близко к линиям огня, наступающие дали залп из трехсот ружей. Первый ряд был распростерт на месте, задние же ряды упали на землю... Только султан Садык со знаменем в руке простоял с час в ста шагах от линии огня. Солдаты стреляли в него также ожесточенно, что полотно знамени было все продырявлено подобно ситю; целого места на нем не осталось. Но бог сохранил султана Садыка невредимым».

Рельеф 8. Посвящен второй мировой войне. Центром композиции служит фигура генерала Панфилова и полковника Бауыржана Момыш-улы. В правом отсеке изображена Алия Молдагулова в момент смертельного ранения. Авторы преподносят участие женщин в войне как большую трагедию. Им бы любить и быть любимыми, дарить жизнь, а они погибают на поле боя...

В левом отсеке отражены годы репрессий. За решеткой интеллектуальные силы нации: Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Магжан Жумабаев. Так же дана сцена расстрела.

Рельеф 9. Тема рельефа: декабрьские события 1986 г. выступление молодежи с политическими, гражданскими требованиями; наказание безоружных людей; натравливание собаками; избивание саперными лопатами; пролитие крови...

Рельеф 10. Изображено провозглашение независимости Республики Казахстан – выступление и клятва первого президента РК Н.А. Назарбаева.

На обратной стороне рельефа – карта Казахстана. На которой изображены памятники архитектуры: мавзолей ходжи Ахмеда Яссави, Алаша хана, Жоши хана, Айша-биби и т.д.

У казахов испокон веков есть обычай к национальным святыням прикасаться рукой. Учитывая этот ритуал, мы разместили у подножия стелы раскрытую книгу со следом ладони. С левой стороны на книге древнетюркская надпись (на казахском, русском и английском языках): «Сеч дзын» – «Выбери и блаженствуй!». Человек может получить удовольствие, если будет иметь возможность выбора. Можно выбрать друга, невесту, жениха, жизненный путь, если хотите Президента. Не знаю, угадали ли мы желания наших соотечественников?

«Монумент возвели совсем недавно, – пишет о комплексе писатель Сатимжан Санбаев, – но здается ощущение, что Золотой воин, олицетворяющий неистребимость великого народа, стоит здесь, на этой земле во все времена. Легкие облака, плывущие с белоснежных вершин Алатау, словно гладят лоб могучего воина. А внизу, запечатленные в камне, в бронзе незабываемые страницы жизни его родного народа в образах, письменах, лицах.

Не может не вызвать восхищения гармоническое соединение в одном проекте трех самостоятельных художественно-технологических миров: скульптуры, архитектуры и строительного искусства, каждый из которых создает уникальный памятник и его эстетическое единство. Четвертым, зримо присутствующим и неотъемлемым компонентом этого сооружения я бы назвал историю нашей страны. Думаю, что именно эта история и чувство подлинного патриотизма вдохновляли создателей Монумента независимости». Мы согласны с высказыванием писателя Сатимжана Санбаева.

2. Монумент «Сильнее смерти» в г. Семипалатинске, посвященный жертвам атомных испытаний.

Комплекс сооружен в парковой зоне на острове «Полковничий».

Суммарная мощность ядерных зарядов, испытанных на Семипалатинском полигоне в 2,5 тысячи раз превысила мощность атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму. Эти испытания нанесли чудовищный урон окружающей среде и здоровью населения Казахстана.

Монумент представляет собой стелу-кулпытас из черного семипалатинского габбро, высотой 25 метров, шириной 10 метров, толщиной 2 метра. На плоскости стелы насквозь выбит силуэт «атомного гриба» с имитацией взрыва в эпицентре.

Внизу скульптура матери (в две натуры) из светло-серого куртинского гранита, своим телом укрывающей ребенка. По мнению авторов, через образ матери передана жертвенность, самоотверженность, борьба за жизнь и любовь к жизни. Эти качества человека, в конце концов, приводят к победе над злом, к торжеству жизни. И поэтому монумент решили назвать «Сильнее смерти».

На вертикальной плоскости стелы бронзовыми буквами воспроизводятся на казахском, русском и японском языках следующие слова Президента РК Н.А. Назарбаева: «Ядерные испытания, проведенные в Казахстане и в других точках земного шара – преступление против человечества. Наш народ был долгие годы жертвой губительных испытаний, сеющих Смерть всему живому. Отныне у нас этому навсегда положен конец. Жизнь сильнее Смерти!».

В связи с тем, что данный мемориальный комплекс охватывает тему вселенского масштаба, предусматривается размещение скульптурной композиции под названием «Мутант». Ядерные испытания приводят к разрушению генетического кода всего живого. Считая неэтичным показ данной трагедии через судьбу человека, авторы нашли другой путь решения задачи. Мутант – зверь-чудовище: одно туловище и две головы, одна пожирает другую. Данная скульптура будет вырублена из черного гранита «габбро».

На территории комплекса находится так же гранитная стенка – карта Казахстана (6,0х3,0 м), где будут обозначены ядерные полигоны со всеми фактами губительных последствий испытаний. На обратной стороне стенки-карты будут нанесены фамилии тех, кто безвременно погиб, оказавшись в зоне бедствия. Данная процедура будет проводится каждый раз, как только выявятся новые имена и фамилии погибших.

Центральный вход на территорию мемориала находится в юго-западной части участка, с двух сторон которого предусмотрено размещение скульптур крылатых барсов на пьедестале (работы скульптора Жаната).

При торжественном посещении комплекса предусматривается удар в «дабыл» (барабан), который размещается с левой стороны входа. Может быть предусмотрена также имитация биения сердца, соответствующая минутам ожидания начала взрывов на полигоне.

Объемно пространственная композиция комплекса рассчитана на самое выгодное восприятие монумента посетителями.

Монумент был завершен в 2001 году. При открытии его 29 августа хором студентов музыкального колледжа была исполнена песня-реквием композитора Олега Джаниярова на мои слова:

*Стени всколыхнуло, мир весь потрясло,
В небе разорвавшись, огненное зло.*

*Облака взбесились, сея смертный дождь,
Что это за бедствие, без войны пришло.*

*Раскололись надвое Дегелена горы,
Взрыты могилы предков – о, какое горе!
Разорен бедою край родимый мой.
Слезы глаз людское наполняет море.*

*О, страна моя,
О, земля моя.
На полях твоих
Нет людей живых.
Солнце не взошло,
Отравили их,
И невинных их
Погубило зло.
О, страна моя,
О, земля моя,
О, мир печали и тревог!*

В 2002 году по поводу этого памятника я от Олжаса получил письмо, где он пишет: «Дорогой Шота Едрисулы! Мне доставляет особое удовольствие напомнить тебе в день твоего 70-летия о моем последнем по времени созданном творении – Монумента жертвам ядерных испытаний, установленном в прошлом году. Это, пожалуй, первое и единственное в мире скульптурно-архитектурное произведение на эту тему. Казахстан, переживший 40-летнее испытание человека военным атомом, имеет право громко заявить об этом. И вы прекрасно реализовали это выстраданное право».

С Олжасом мы тоже согласны.

3. Мемориал этноцида.

По данным ученых, в Казахстане в процессе организованного голода во главе с палачом царской семьи Голощекиным в 1931–1933 годах погибли два миллиона триста тысяч казахов, двести тысяч представителей других народов. Они остались без погребений, их останки долгое время лежали вдоль железных дорог, в пригородах индустриальных центров и больших оседлых поселений.

Во времена сталинского террора в Республике были подвержены репрессии около ста четырех тысяч человек, из них около двадцати пяти тысяч были расстреляны, их добрые имена были оклеветаны, преданы забвению и говорить о них было небезопасно.

Мы имеем списки лиц, расстрелянных в 1938 году по решению выездной сессии Верховной коллегии Верховного суда СССР под председательством некоего Горячева. Начиная с 26 февраля по 13 марта ежедневно, в ускоренном темпе уничтожались по сорок, пятьдесят человек. Какие это были люди? Ум, честь и цвет наций и народов, такие как: Санжар Асфандияров, Габдолла Букейханов, Кудайберген Жубанов, Магази Масанчи, Абдолла Розыбакиев, Сакен Сейфуллин и др. Даже праздники не мешали им вершить свое гнусное дело. 8 марта 1938 года были расстреляны: Абдишев Кирей, Андерсон Эдуард Фрицевич, Бронштейн Александра Львовна, Губанов Иван Васильевич, Пак Трофим Григорьевич, Торгаев Алимбек, Шаймерденов Сулеймен и др. всего 44 человека. Полный интернационал! В годы войны были насильственно переселены народы Кавказа греки, месхетинские турки, ингуши, чеченцы и др.; из Поволжья: калмыки, немцы; Из дальнего Востока, корейцы — всего около одного миллиона пятисот тысяч человек. Во время депортации от невыносимых условий, болезней и голода люди гибли. В результате за период переселения кумыков уменьшилось на 30%, балкарцев на 27%, чеченцев на 22% и т.п.

Масштабы злодеяний, совершенных в Казахстане, позволяют думать, что в Республике произошёл не геноцид, а этноцид его народов, произошла катастрофа в роде человеческом в мировом масштабе.

Это я говорю с болью в сердце! Не оставаясь равнодушным к трагическим судьбам прошлых поколений, я хотел бы заявить о необходимости увековечения памяти людей, ставшими жертвами произвола и тирании, чтобы наша исковерканная историческая память выздоровела и больше не позволяла глумление, издевательства над достоинством человека, над возможностью гордо называться гомо сапиенс.

У казахов есть пословица: «Әлі разы болмай, тірі байымайды» – «Если забыта память людей, ушедших в мир иной, то дела мирские здравствующих не буду процветать». Исходя из этого, я давно ношусь с идеей осуществления проекта Мемориала этноцида народов Казахстана, разработанного мною и моими коллегами и учениками.

Издали силуэт Мемориала напоминает пирамиду, которая образована из пересечения двух взаимно перпендикулярных треугольных стенок, в которые врезаются купольный зал, напоминающий юрту. В этот зал можно свободно входить и выходить из трех сторон, слегка наклонив голову перед балкой на высоте полутора метров.

В центре купольного зала зеленая насыпь, напоминающая курган, где размещены шесть кубических объемов, три из которых лежат у подножия, превращенные в формы в виде человеческих черепов. Каждый куб – эквивалент одного миллиона человек (казахов в 1931 году было около шести миллионов). Из разбитого вдребезги объемов одного из кубов вырастает цветок, аллегорически передающий следующий смысл: «Нас пытались уничтожить, стереть с лица земли, но мы живы, выжили, благодаря чудом уцелевшим корням».

В купольном зале, за «курганом» имеется мемориальная стенка из черного гранита, напоминающая «стены плача» в Иерусалиме. На плоскости стенки будут высечены данные, дающие представление о масштабе голода, репрессий, испытаний бомб. У стенки, по обычаю многих народов, будут гореть свечи в честь погибших. Надпись будет воспроизведена на казахском, русском и английском языках. Купол изнутри будет расписан монументальной живописью, отражающей главные темы. В «курган» должна быть доставлена земля из всех мест массовых захоронений, ссылки и лагерей бывшего СССР, с почетом необходимо перезахоронить останки неизвестного или известного мученика.

Будет разработан ритуал посещения Мемориала, его музыкальное оформление. Ежегодно массовое посещение должно быть приурочено к 31 мая – ко Дню памяти погибших.

Представители преследовавшихся народов могут здесь отметить печальный день изгнания их с Отечества, родной земли.

Общая высота сооружения 14,5 метров, длинна основания треугольной стенки 42 метра. Я хочу вкратце рассказать вам еще об одной своей работе.

Речь будет идти **4. о гербе Республики Казахстан.**

Гербом я начал заниматься за долго до официального провозглашения независимости Казахстана.

Однажды мне приснился удивительный сон. Как будто я стою на берегу озера Бурабай, а там плавают лебеди. Вдруг они взмыли вверх, обдав меня брызгами воды. Стал смотреть им вслед. Вижу, между гибкими крыльями они несут что-то круглое. Сначала мне показалось, что это лепешка – таба нан. Через некоторое время лепешка превратилась в солнце. Глазам стало больно, я зажмурился, через некоторое время опять открыл. Солнце исчезло, вместо него четко увидел конфигурацию шанырака.

Когда утром проснулся, взял чистый лист бумаги, нарисовал круг в центре изобразил шанырак с двумя крыльями по бокам, внизу объединил их полоской и на ней написал слово «Казахтан».

Когда 2 октября 1991 года Тохтар Аубакиров первым из казахов полетел в космос, я ему передал свой рисунок. На одном крыле было написано «Тохтар», на другом – «Талгат» (в то время дублер). Памятный знак сопровождал запиской, что они оба являются крыльями народа,

несущими наш шанырак далеко в космос. В 1992 году был объявлен закрытый конкурс на новый герб РК. Хотя мой вариант был известен многим, я решил участвовать в закрытом конкурсе не боясь плагиатства и победил. О дальнейшей судьбе моей работы хорошо сказано в письме Тохтара Аубакирова мне от 12 июня 1992 г. Он пишет: «Сегодня, узнав из газет о событии поистине исторического значения – официальном представлении новых государственных символов Казахстана, утвержденных Верховным Советом 4 июня 1992 года, я был взволнован. Особенно был рад за принятие Герба, куда Вы приложили свою талант и умение, где Вы по всем законам геральдики отразили многовековую историю нашего народа, его чаяния. Горжусь тем, что стоял у истоков создания этого прекрасного художественного творения и был свидетелем-участником «освящения» его самим небом.

Мне вспоминаются накануне моего полета (2 октября 1991 года) в космос через Министра печати и информации Куаныша Султанова Вы прислали нам с Талгатом какой-то таинственный знак и пожелали успешного полета. Я был изумлен изящностью и символичностью рисунка: в темно-синее звездное небо высоко взметнулись орлиные крылья. В центре круга размещалась планета (шанырак), оберегаемая крыльями. Выше светила луна, еще выше восьмиугольная звезда. Снизу оба крыла объединяла надпись «Казахстан». Я вспомнил, что «шанырак» для казаха – символ родного очага, дома, Отчизны. В детстве, лежа в юрте, мне через шанырак приходилось наблюдать за сказочным миром звезд. А крылья? «Человек без мечты, что птица без крыльев». Как просто и убедительно предана связь космических просторов с землей – подумал я.

Пришлось показать этот таинственный знак начальнику Центра подготовки космонавтов В.А.Шаталову, космонавтам А.А. Леонову, П.И. Климуку, австрийскому космонавту Францу Фибеку и другим. Они были в восторге от Вашего замысла. У меня возникла идея сделать этот рисунок космической эмблемой Казахстана. Я свое предложение внес в государственную комиссию, и оно единогласно было утверждено (У меня сохранилась видеозапись этого торжественного момента, позднее я ее Вам передам). Все расписались в уменьшенном варианте эмблемы. В те годы было принято на скафандрах советских космонавтов с левой стороны пришивать герб СССР, а космическую эмблему Казахстана мы решили прикрепить с правой стороны.

Я был безмерно рад. Улетая в космос с космодрома «Байконур», я, как бы брал с собой кусочек земли родной.

Позднее слышал об объявлении конкурса на новый Герб нашей Республики, и я обрадовался узнав, что Вы в нем участвуете. Теперь я вижу, что главные элементы нашей космической эмблемы легли в основу нового государственного Герба. Двадцать одним артиллерийским залпом Алматы отсалютовал это событие. Как не волноваться, как не радоваться.

В первую очередь поздравляю Вас с успехом огромной исторической важности, и надеюсь, что вы еще не раз обрадуете нас своим ярким вдохновенным творчеством. Пользуясь случаем хочу сказать: «Если вы не будете возражать, с сегодняшнего дня считать Вас своим духовным отцом. Спасибо!

Крепко обнимаю, Ваш Тохтар».

Теперь просто перечислю и другие свои работы: Пантеон славы, Монумент жертвам репрессий, Дворец – Мир тюркских народов, Монумент тысячелетия, Евразийский монумент, Панорамный зал Анракайской битвы, Тысячелетие Алматы, Монумент Родина-Мать – Ана-Жер-ана. Последний памятник Ана-Жер-ана имеет стометровую высоту, выполнен в двух вариантах. Замысел монумента можно предать словами поэта Жубана Молдагалиева:

*Мен – қазақпын, ажалсыз анамын мен...
Дәуірлермен құрдаспын, данамын мен.
Мен – қазақпын, азат қыз, ерікті ұлмын,
Жер бетінде Антейден берік тұрмын.
Мен – қазақпын, биікпін, байтақ елмін...
Айта бергім келеді, айта бергім!*

Перечисленные проекты сделаны не по заказу правительства, или каких-либо меценатов. Они разработаны по моей личной инициативе, учитывая историческую значимость указанных тем для нашего народа. Идеями я богат, пока не имея возможности осуществить их, будущему поколению могу передать в наследство только эти «игрушки». А, вдруг какой-нибудь смысленный потомок вникнет в суть дела и примется за осуществление идеи предка.

«МӘДЕНИ МҰРА» БАҒДАРЛАМАСЫН ЖҮЗЕГЕ АСЫРУДАҒЫ ӘЛКЕЙ МАРҒҰЛАННЫҢ МӘДЕНИ МҰРАСЫНЫҢ РӨЛІ

Серғали Сұрағанов

Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия университетінің, Астана қ.

Қазақстан Республикасы Ұлттық Кеңесінің Астанада 2003 жылғы 28 қарашада болған мәжілісінде Елбасы Н.Ә.Назарбаев елімізде «Мәдени мұра» бағдарламасын жасауға айрықша мән берді. Өйткені оның пікірінше «Дәстүрлі мәдениетті жаңғырту, өз халқының тарихи тәжірибесіне жүгіну тәуелсіздікке ие болған елдің өмірінен алатын заңды құбылыс. Мұның ар жағында қоғамдық сананың қалыптасуы, ұрпақ тәрбиесі секілді үлкен міндеттер жатыр».

«Мәдени мұра» бағдарламасының басты мақсаты – ұлттық мәдениетімізді ұлықтап, бар мен жоғымызды түгендеп, жүйелеп, келер ұрпаққа аманаттау.

«Мәдени мұра» бағдарламасы үш тараудан тұрады. Оның алғашқы бөлімдері археологиялық және архитектуралық ескерткіштерге арналған, екінші бағыты – ТМД елдері мен шет елдік мұрағаттардағы Қазақстан тарихына қатысты құжаттарды, қолжазбаларды, сирек кездесетін кітаптарды алдыру, ал үшінші тарау - ұлттық әдебиетіміз бен өнеріміздің бай мұрасын зерттеп, жүйелеп, көп томдықтар түрінде басып шығару.

Мемлекет басшысы «Мәдени мұра» бағдарламасын жасап, оны жүзеге асыру «...қоғамымыздың ендігі жерде рухани түлеуіне, оның мәдениетін көтеруге, тарихи және мәдени мұрасын қалпына келтіруге, оны өркениет дамуынан кенже қалдырмауға ұмтылып отырмыз. Бұл өзімізді танудың, әрі тәрбиелеудің, ең бастысы, жас ұрпақтың бойына шынайы отаншылдық сезім дарытудың жолы. Осыны естен шығармайық, ағайын» деп, ұлттық мәдени мұраларымыздың жас ұрпаққа тәлім-тәрбие берудегі маңызына ерекше тоқталды.

«Мәдени мұра» бағдарламасын жасауда және оны жүзеге асыруда қазақ зиялы қауымының алатын орны маңызды. Сол қауымның басты бір өкілі – репрессия, аштық және түгелдей қазақ зиялыларының қудалау заманына дәл келген, барлық өмірі саяси бағыныштылық пен рухани тәуелсіздікте өткен ғұлама ғалым, әдебиет пен өнер ғылымдарының докторы дәрежесіне бірдей ие болған Әлкей Хақанұлы Марғұлан.

Марғұланнның этнография, тарих, өнер, архитектура және әдебиет ғылымдары саласындағы қалдарған мұрасы ұшан-теңіз.

Әлкей Қазақстан археологиясының атасы және қазақ археологиялық мектебінің негізін қалаушы. Ол 1938 жылдан бастап Қазақ ССР Ғылым академиясына қатысты тарих, археология және этнография институтында қызмет жасап, көптеген археологиялық және этнографиялық экспедицияларды басқарды. Ол өз зерттеулерінде көп жаңалықтар ашып, талай кітаптар жазды. Марғұланнның археология саласындағы еңбектерінің ең бастысы – «Орталық Қазақстандағы Беғазы – Дөңдібай мәдениеті» атты монографиясы. Мұнда Ә.Хақанұлы 1947 жылдан бастап барлық экспедициядан жинақталған ауқымды археологиялық материалдарды талдаған. Бұл кітап дүние жүзі ғылымында ерекше орын алады.

Марғұланнның өнер және архитектура саласындағы зерттеулеріне оның «Орталық Қазақстанның ежелгі мәдениеті», «Ежелгі Қазақстан қалалары мен құрылыс өнерінің тарихынан», «Қозы Көрпеш – Баян сұлу кешені», «Қазақ халық қолданбалы өнері» атты кітаптары жатады. Соңғы еңбекте қазақ халқының көлөнері, ою-өрнек өнері, жүн өңдеу өнері, өрмек тоқу өнері, мал және аң ісілерін өңдеу өнері, ши орау өнері, сүйек және мүйізді ұқсату өнері, ағаш өңдеу өнері,

қазақтың зергерлік өнері, кесте және көркемдеп тігу өнері, тас өңдеу өнері, қазақтың ұлттық киімдері туралы мол мағлұматтар беріледі. Ал «Қозы Көрпеш – Баян сұлу кешені» атты кітапшада ғұлама ғалым Әлкей Марғұланның Қозы Көрпеш – Баян сұлу кешенінің тарихынан, ел ішіндегі осы ескерткіш жайындағы аңыз-әңгімелерден мол мағлұмат береді. Шығарма тарихымызға жаңаша қарап, тың пайымдаулар тұрғысынан жазылған.

Әлкей Марғұланның қазақ әдебиеті мен фольклорында ол зерттемеген ешқандай мәселелер жоқ. Ол қазақ аңыздарын, қазақтың эпикалық және лироэпикалық жырларын жан-жақты және түбегейлі зерттеген ғалым. Оған мысал оның «Ежелгі жыр, аңыздар», «Қазақ әдебиеті», «Қазақ фольклоры» т.б. еңбектері дәлел бола алады. Сондай-ақ, ол қазақ әдебиетіндегі тарихи тақырыптарға жазылған еңбектерге ақыл-кеңесін және материалдарын беріп отырған. Сонымен қатар, Әлкей Абай Құнанбаевтың шығармашылығын зерттеуге де көп еңбек сіңірген. Бұл мәселе бойынша ондаған зерттеулерді жарыққа шығарды. Мысалы, 1954 жылы «Литература и искусство» журналының №3 санында «Ленинградтан табылған Абай қолжазбасы», ал 1982 жылы «Жұлдыз» журналының №4 санында «Ақын өскен орта» атты мақалалары басылып, Абай туралы жаңа деректер келтірілді.

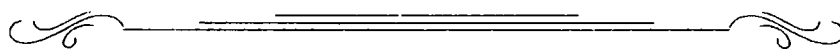
Әлкей Хақанұлы 1957–1972 жылдары Шоқанның бес томдық ең үлкен жинағын өз басшылығымен шығарды. Ол Шоқан мұрасын терең зерттеп, көлемі 100 баспа табақтан асатын еңбектер жазды. Олар «Шоқан және Манас», «Ш.Уәлихановтың өмірі мен қызметі», «Художественное наследие Ч.Ч. Валиханова», «Ч.Валиханов по отзывам русских западно-европейских ученых», «Ч.Ч. Валиханов – исследователь Семиречья», т.б. еңбектер жазды.

Әлкей Марғұлан Мұхаммед Хайдар Дулатидің тарихи мұрасын тұңғыш зерттеуші ғалым. Ол 1963 жылы «Білім және еңбек» журналының № 7–8 сандарында Х. Дулатидің «Тарихи-Рашиди» кітабының қазақ тарихына арнаған бөлімін өзі қазақ тіліне аударып, «Мұхаммед Хайдар Дулати» атты көлемді мақала етіп шығарды.

Марғұлан орасан ғылыми-педагогикалық еңбекті түрлі ұйымдастыру ісімен де шебер ұштастыра білді. Ол ұзақ жылдар бойы Ш.Уәлиханов атындағы тарих, археология және этнография институтының этнография бөлімін басқарады. Сонымен қатар Қазақ ССР тарихының барлық басылымдарында редколлегия мүшесі болды. Ол бірнеше халықаралық, бүкілодақтық конгресстер мен симпозиумдарға қатысып, қазақ дәстүрлері мәдениетінің әр түрлі салалары бойынша өзі ашқан жаңалықтарын баяндап отырды. Оның көптеген ғылыми еңбектері шетелдерге белгілі болған.

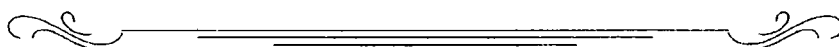
Ғылымның сан саласын жете меңгерген парасатты ғұлама 1946 жылы Қазақ ССР Ғылым академиясының корреспондент-мүшесі, ал 1953 жылы толық мүшесі – академик болып сайланды.

Міне осы жоғарыда қысқаша берілген шолудан Ә.Х.Марғұланның мәдени ғылыми мұрасын жинастырып, зерттеп, оларды баспадан шығарып, халықтың игілігіне жарату бүгінгі ұрпағы біздерге аманат.

ЕЖЕЛГІ ЖӘНЕ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ БЕРЕЛЬСКИХ КУРГАНОВ

**З. Самашев, Г. Жумабекова, Г. Куш,
Г. Суворова, А. Чотбаев, Г. Киясбек**

После открытий в кургане №11 с линзой мерзлоты, интерес к памятникам Берельской долины значительно возрос, поэтому комплексные исследования с целью получения дополнительных материалов для реконструкции историко-культурных процессов региона, здесь были продолжены. Ниже дается характеристика некоторых из раскопанных в 1999–2003 гг. объектов раннего железного века и древнетюркского времени.

Курган 31. Диаметр кургана 14,0×10 м, высота от уровня пола – 0,68 м. В плане представляет овал, вытянутый по линии СВ-ЮЗ. С западной стороны фиксируется прямоугольной формы пристройка, размерами 2,58×0,94 м, высотой 0,15 м. С восточной стороны выявлена овальная в плане выкладка из галечника, размерами 1,43×2,0 м.

Наземная конструкция, сооруженная из крупных толстых плит, имеет овальную в плане форму. Внешние границы ее определяются по первоначально поставленным на ребро мощным плитам. Часть из них находилась в вертикальном положении, но в большинстве – в наклонном к центру положении, на торце. Наиболее мощные плиты и блоки, лежащие в основании конструкции «чешуей», представляют собой основу, которая удерживала верхние слои насыпи от расползания. Ту же функцию выполняла внешняя стена крепиды – они выделяются своей массивностью.

Восточная сторона наземной конструкции ровная прямая, ограничена огромными плитами, лежащими с наклоном к центру кургана. Она образует углы с почти перпендикулярными сторонами северной и южной стенкой. Западная часть образует полукруг, придавая конструкции своеобразную форму. С северо-западной стороны кольца, снаружи, к кольцу – крепиде примыкает овально-подпрямоугольная ограда из уложенных на уровень дневной поверхности мелких и средних плиток. Они уложены в среднем в два ряда вверх, вплотную друг к другу.

На дне могильной ямы, выкопанной в слое серовато-желтого суглинка, зафиксировано одиночное погребение человека, совершенное, вероятно, в одновенцовом деревянном срубе, размером 2,12×1,18 м, его сохранившаяся высота 0,12 м. За восточной стенкой сруба, по краям зафиксированы камни-подпорки. Погребение сопровождало две лошади, уложенные за западной стеной сруба, головами ориентированные на восток.

На уровне лица человека, у западной стенки сруба, установлен керамический кувшин. У кистей, рядом с кувшином, в посуде из органического материала, находилась пища, от которой остались позвонки животного. По скоплению бляшек из фольги желтого цвета, следует предположить, что сосуд был украшен (обклеен) этими бляшками. Всего в скоплении фиксируется около 40 мелких и средних фрагментов бляшек. Среди позвонков животного найден железный нож, который, по всей видимости, первоначально был, воткнут в мясо, его размеры: длина 16 см, ширина 1,5–2 см.

Умерший, по всей видимости, был похоронен в роскошной одежде. Об этом ярко свидетельствует его головной убор, который был расшит многочисленными миниатюрными бляшками, размерами 0,5×1,0 см, из фольги желтого цвета, по контуру их расположения можно предположить, что он имел конусовидную (?) форму. На верхушке остроконечного убора фиксируется фрагмент согнутой пополам фольги желтого цвета, длиной 2 см.

Погребенный был снаряжен предметами вооружения, представленные железным кинжалом с ольцевидным навершием, стрелами с костяными трехгранными наконечниками в деревянном ольчане (?), железным чеканом с деревянной рукоятью, остатками костяных накладок на лук.

Керамический сосуд представляет собой кувшин, украшенный валиком, расположенным в центре и орнаментированным рядом косых насечек. Высота сосуда – 33,5 см, диаметр венчика – 9,0 см, тулова – 28 см, дна – 10 см, высота горлышка – 10 см, толщина стенок – 0,75 см. Кувшин симметричный.

Кинжал длиной – около 32 см, внешний диаметр кольцевидного навершия – 3,6 см, длина клинка – 12 см.

Поверхности двух одинаковых накладок на лук традиционно оформлены «нарезкой», с одной стороны покрыты оловом. Длина накладок – 8,4 см, а третьей – 2,7 см.

Интересна поза лошадей, сопровождавших погребение. Первая лошадь уложена на правом бедре со слегка подогнутыми и выставленными вперед передними ногами и подогнутыми под брюхо задними; голова лошади слегка повернута вправо и упирается головой вниз. Вторая лошадь лежит на левом бедре с подогнутыми под брюхо ногами в позе спящего животного; ее голова завалилась к западной стене могильной ямы. В зубах лошадей железные кольчатые удила. Животные традиционно были умерщвлены ударом чекана в голову, от которого остались округлые сквозные отверстия.

Мощность тлена на дне могильной ямы равна 1,5–2 см.

Курган №23 находится в 300 м к северо-западу от кургана № 1. До начала раскопочных работ курган представлял собой каменную насыпь из плит средних размеров и, реже, окатанных камней, задернованную по краям. Она возвышалась над уровнем современной дневной поверхности на 0,5 м, диаметр зачистки полов кургана составил 12,60×12,20 м. Мелких плиток и галечника, обычно составлявших верхний слой насыпи курганов ранних кочевников на могильнике Берел, сравнительно мало. В результате разборки насыпи выявилось, что при сооружении наземной части объекта №23 на одном и том же уровне использованы различные по размеру плиты. В северо-восточной части кургана были зафиксированы очень крупные, в южной половине кургана – наиболее мелкие камни. В целом выявилась следующая наземная конструкция: вся площадь кургана на уровне погребенной поверхности была выложена крупными плитами в один слой с напуском друг на друга («чешуей»). На этой платформе была возведена ограда округлой в плане формы, внутренняя стена которой определяется по установленным вертикально и с небольшим наклоном к центру кургана плитам. В северо-западной части кургана плиты стоят в три ряда, в два слоя. В восточной половине кургана плиты более крупных размеров, здесь они уложены со значительным наклоном к центру кургана, вертикально установленных не зафиксировано, возможно, они изменили первоначальное положение под тяжестью или давлением внешних плит.

Ограда представляет собой уложенные горизонтально или с небольшим наклоном к периферии кургана плиты различных размеров: в юго-западной части кургана более мелкие, в северо-восточной – крупные, плотно лежащие плиты «чешуей»; в остальных секторах – плиты средних размеров. Местами в насыпи приблизительно по периметру на границе ограды и крепицы фиксировались вертикально установленные плиты средних размеров. Сама ограда по внешнему контуру ограничена крепидой, которая в конструктивном отношении представляет собой ряд из вертикально установленных на уровне погребенной поверхности (далее – УПП) плит, плотно друг к другу в один ряд. Плиты примерно одинакового размера (0,40–0,60 м). Вертикальные плиты оконтурены подпирающими их такими же плитами, лежащими с наклоном вовнутрь. Такое наклонное положение удерживалось с помощью гальки и мелких плиток, положенных в среднем по две под каждую плитку. Сверху эти наклонные плиты крепицы засыпались галькой, мелкой плиткой, щебенкой. Для того, чтобы они не осыпались, на них, в свою очередь, плотно укладывались более крупные плиты. Таким образом, они как бы облицовывались, в результате чего получался валик, оконтуривающий курган. В северо-западном секторе наземная конструкция была разобрана до плит основания насыпи. Выявилось, что в основании ограды лежали плиты довольно крупных и средних размеров в один слой. На этих плитах установлены вертикальные плиты внутренней стенки ограды.

Надмогильная выкладка фиксировалась по куполообразной, округлой в плане формы конструкции, образованной средними и мелкими по размеру плитками и галькой, лежащими с наклоном вниз и к центру кургана. Вышележащие плиты насыпи вокруг надмогильной выкладки до внутренней стены ограды находились в горизонтальном положении, с напуском друг на друга («чешуей»). Камни насыпи поверх надмогильной выкладки набросаны довольно беспорядочно, с тенденцией провала в могильную яму. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная

инной осью СВВ-ЮЮЗ. Она была заполнена плитами и окатанными камнями средних размеров и смешанным грунтом (черный гумусный и глина). Вдоль северной стенки могильной ямы была сделана приступка. На этом уровне (глубина 1,07 м от уровня современной поверхности) выявлен скелет в скорченном положении на правом боку, головой ориентированный на запад – вероятно, сопроводительное погребение, безинвентарное. Лишь в ногах обнаружена медная (?) пуговица. Скелет был завален плитами, и сам находился на плитах. Заполнение могильной ямы далее составлял смешанный грунт и плиты, сосредоточенные у середины северной стенки ямы. На дне могильной ямы, на глубине 2,40 м от уровня современной поверхности, вдоль северной стенки могилы обнаружены отдельные кости лошади и перевернутое дно керамического сосуда. Вдоль южной стенки ямы находился вкопанный в материк каменный ящик, составленный из 6 крупных плит: по одной торцевой и по две в продольных стенках. Верхняя грань плит ящика возвышалась на 0,10 м над полом северной половины ямы, предназначенной для лошади, на глубине 2,30 м от уровня современной дневной поверхности. На плитах перекрытия ящика сохранились фрагменты березовых плах с берестой, в том числе сильно обгоревшие. В средней части плиты перекрытия ящика были расколоты и выброшены грабителями. Внутри ящика, сосредоточенные в его средней части, находились в беспорядке отдельные кости лошади и человека и

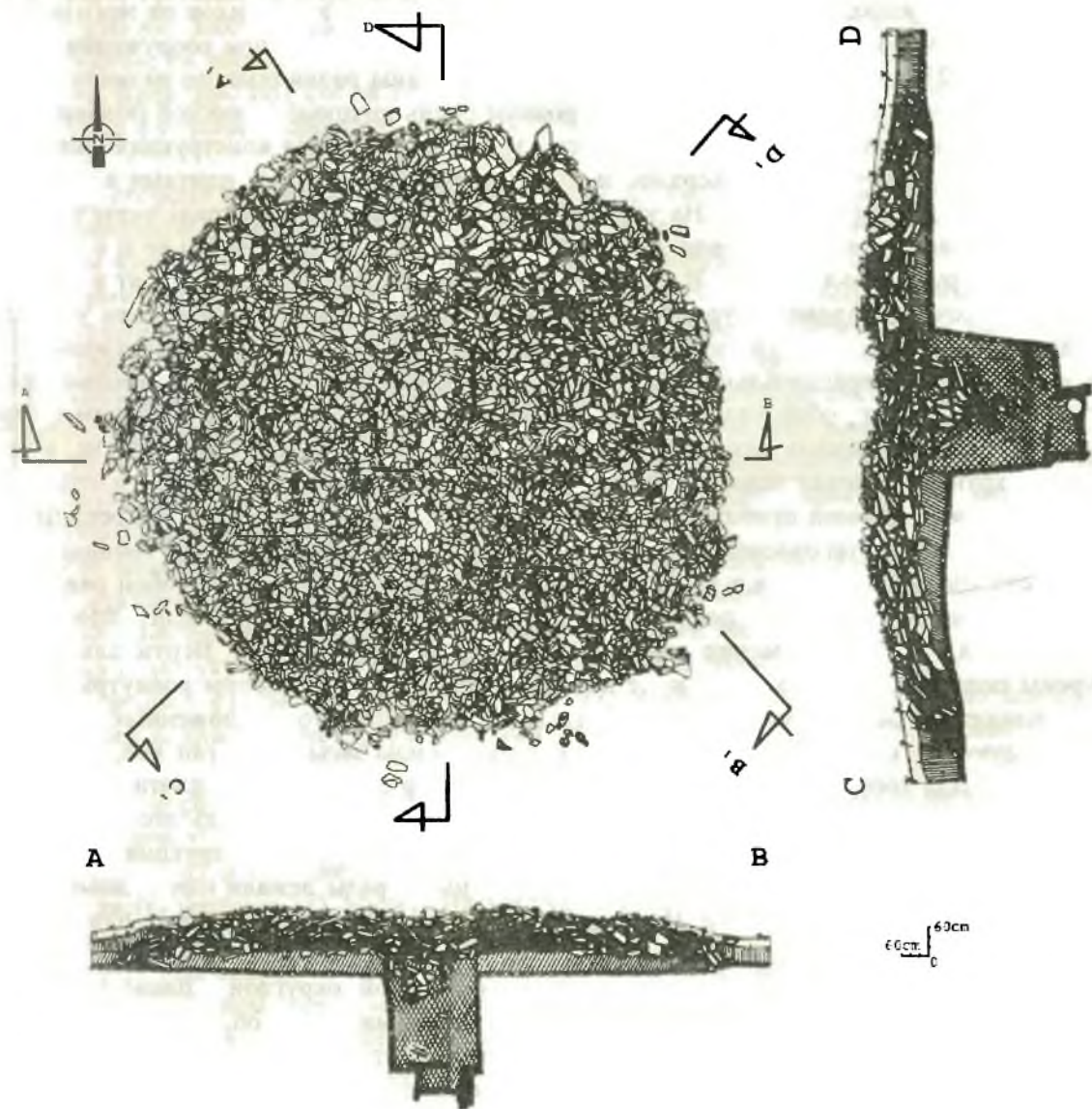

Рис. 1. Могильник Берел. Курган №23. План наземной конструкции и разрезы

керамический кувшин у середины северной плиты ящика, мелкие немногочисленные фрагменты золотой фольги. В черепа лошади сохранилось отверстие, сделанное чеканом при умерщвлении. В ящике и за его пределами среди костей отмечено множество угольков. Дно ящика выложено плитами.

Кувшин из погребения характеризуется округлым туловом, невысокой горловиной, чуть сужающейся к устью, венчик приострен, отогнут наружу. Место перехода тулова к горловине отмечено наклепным валиком, такой же валик расположен на горловине. Валики украшены косыми вдавлениями, придающими валику имитацию веревочки. Дно широкое, тулово закопчено. Тесто сосуда плотное, с примесью мелкозернистого песка и слюды.

При разборке наземной конструкции, у внутренней стенки ограды, в надмогильной выкладке встречены фрагменты керамики, среди них фрагменты горловины с венчиком от горшковидного сосуда. Горловина сосуда была цилиндрическая, закраина срезана прямо, венчик утолщен, приострен. Один из фрагментов имеет отверстие. Тесто сосуда рыхлое, с примесью крупнозернистого песка. Толщина стенок – 0,9 см.

Пуговица: щиток конусовидный, округлой в плане формы, петля утоплена. На петельке сохранился фрагмент кожи. Размеры: 1,8×0,8 см.

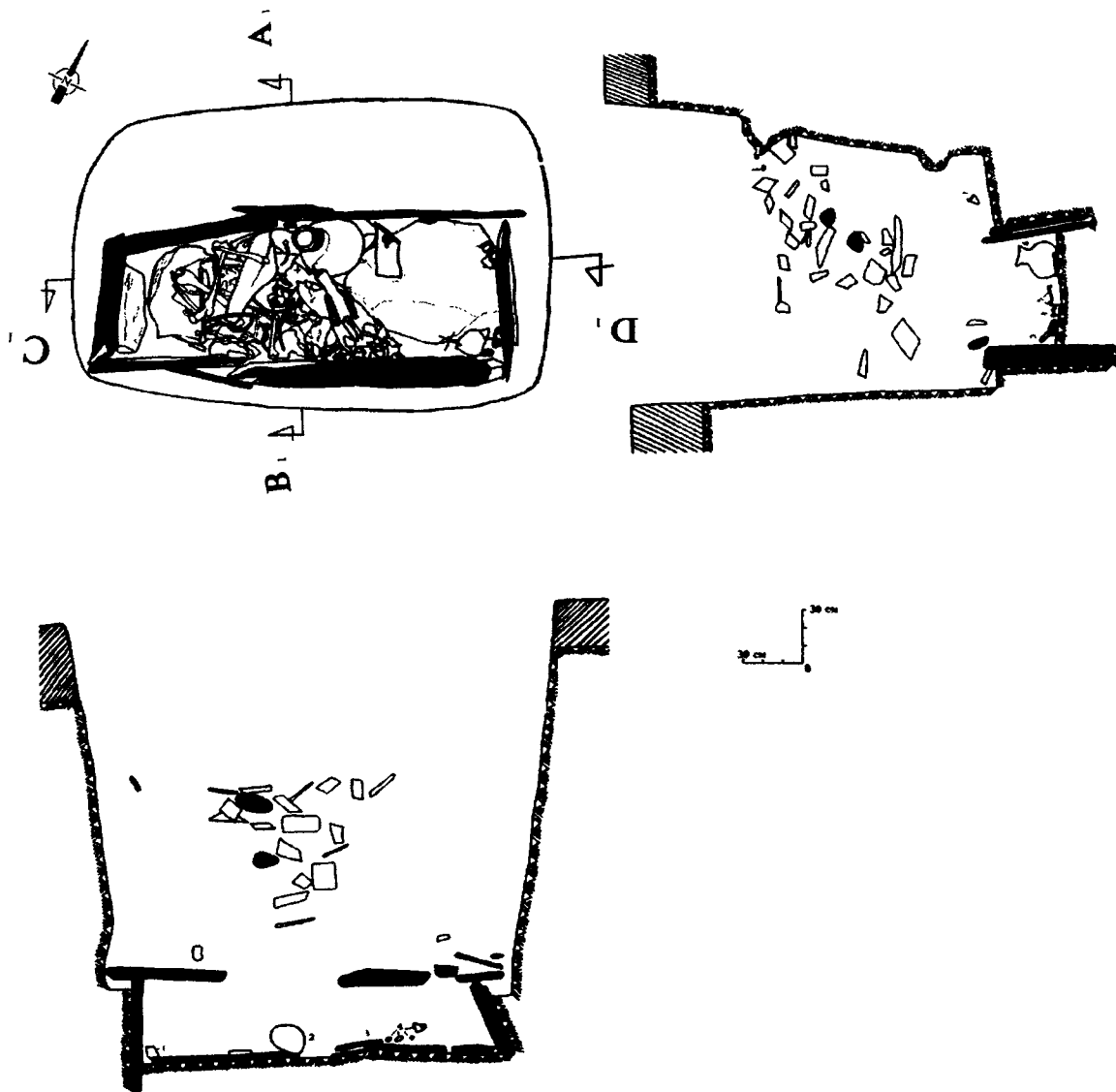

Рис. 2. Могильник Берел. Курган №23. Могильная яма

Погребение датируется периодом ранних кочевников. По аналогии с курганами Алтая пазырыкской культуры, учитывая некоторые особенности конструкции и погребальной обрядности, курган №23 можно датировать IV–III вв. до н.э.

Курган № 37. Находится в 100 м к западу от кургана № 1.

До начала работ объект представлял собой каменную наброску из плит и камней средних размеров, возвышающуюся над уровнем современной дневной поверхности, диаметром 10×12 м, высотой 0,3 м. В результате раскопочных работ в основе кургана выявилась многослойная, многорядная, по внешнему контуру подпрямоугольная ограда, ориентированная углами по сторонам света. Объект возведен из глинистого сланца зеленоватого цвета. По наиболее сохранившейся северо-западной части можно полагать, что внешняя стена ее была образована вертикально установленными плитами средних размеров, плотно подогнанных друг к другу, образующими крепиду. В настоящее время почти все они стоят с наклоном к центру ограды. В юго-восточной части кургана внешняя стенка ограды состояла из установленных вертикально в 2 ряда плит и валунов и уложенных в три слоя плит. Внутреннюю стенку ограды образуют установленные в один ряд вертикально или уложенные вытянуто длинной осью в радиальном направлении в 1 ряд плиты. Заполнение ограды составляли плиты, уложенные горизонтально, вытянутые радиально, в

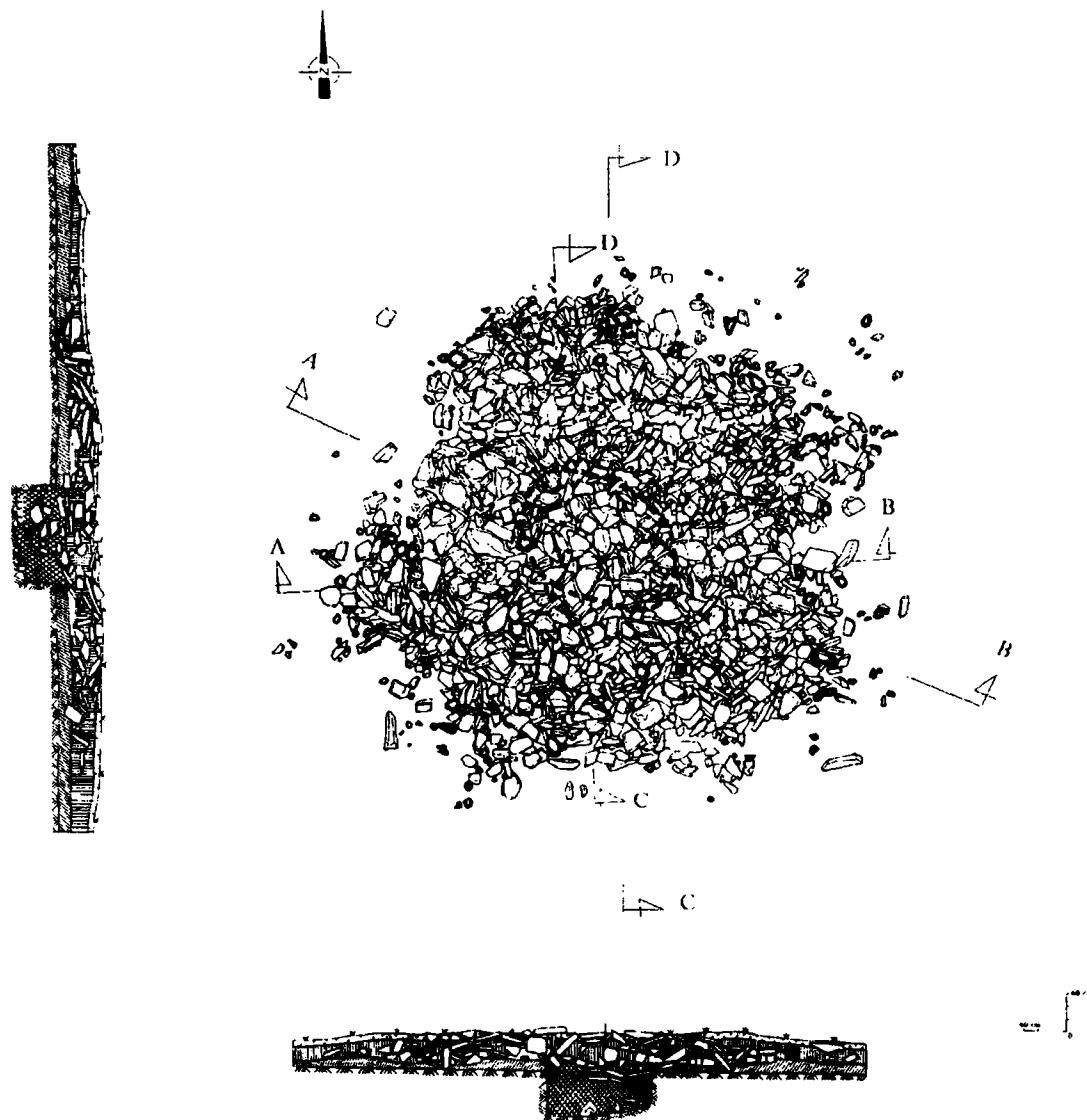

Рис. 3. Могильник Берел. Курган № 37. План наземной конструкции и разрезы

1–3 ряда. В юго-восточном секторе заполнение ограды было образовано как горизонтально, так и вертикально установленными плитами и брусковидными камнями, всего 4–6 рядов. Верхний слой горизонтально уложенных плит образовывал своеобразное перекрытие ограды. Панцирное покрытие ограды не содержало, в отличие от курганов сакского времени, мелкоколотых плит и речной гальки.

При расчистке наиболее плохо сохранившейся северо-восточной части наземной конструкции было встречено два фрагмента костей животных. Согласно нормам ритуала и регламенту погребально-поминальной обрядности, вся конструкция наземного сооружения была опоясана кольцом из белых окатанных речных камней одинакового размера. В настоящее время они скатились со своего первоначального места и находятся по периметру кургана вперемежку с плитами небольших размеров. С юго-восточной стороны кургана расположены два стеловидных бруска, находящихся в настоящий момент в наклонном положении.

После удаления завала внутри ограды выяснилось, что внутренняя стенка ограды была обрамлена двухрядной выкладкой из горизонтально уложенных в 2–3 слоя плит. Могильная яма овальной в плане формы, вытянута длинной осью по линии восток-запад. Заполнение могильной ямы составляли плиты, камни в слое смешанного (глина и гумус) грунта. На глубине 0,73 м от уровня современной поверхности в западной части могильной ямы находилась стела, высотой – 1,30 м. На дне могилы (0,97 м от уровня современной дневной поверхности) находилось погребение человека, уложенного вытянуто на спине и ориентированного головой на восток. Плиты в заполнении могильной ямы шли до костей скелета, он был «заброшен» или «заложен» плитками. В качестве сопроводительного инвентаря выявлены: керамический сосуд с левой стороны головы, шаровидный каменный (гешир) амулет у кисти правой руки, сильно коррозированные железные предметы с правой стороны скелета (нож, наконечник дротика и др. неопределимые). В ногах погребенного находилась пара железных стремян и удила, костяная подпружная пряжка. С левой стороны скелета выявлены кости барана (позвонки и ребра), несколько костей были, вероятно, сжаты в кисти левой руки.

Удила железные, восьмерковидные. Стремена – с пластинчатым ушком на узкой и короткой шейке, корпус слегка расширяется к низу, подножка в виде выгнутой широкой пластины.

Пряжка костяная, блоковидная, с овальным отверстием для прикрепления к подпруге и овальным вырезом в передней приемной части. Эти вырезы соединены продольным отверстием для подвижного язычка. В ней сохранился железный язычок от ремня.

Наконечник дротика черешковый, листовидной формы, коррозирован. Длина – 8,5 см; фрагменты железного предмета, возможно, ножа, длина – 15 см; фрагменты железного предмета, неопределимые; все металлические предметы находятся на реставрации.

Сосуд – небольших размеров, с биконическим сильно расширенным туловом, горловина короткая, слегка расширяется к устью, дно узкое, выделена придонная часть. У сосуда было, вероятно, 4 вертикальных ручки (сохранилось две под углом 90° друг к другу). Ручки расположены от уровня чуть ниже устья и до плечика. Тесто рыхлое, слабого обжига, с примесью мелкозернистого песка, сосуд плохой сохранности. Размеры: высота – 11,5 см, диаметр тулова – 12,5 см, диаметр устья – 8,2 см, дна – 9 см. На венчике сосуда находилась медная скоба.

Предварительно, на основе конструктивных особенностей и типологии стремян и удила, патентник можно атрибутировать как тюркский, VIII в.

Курган №38. До начала раскопок выделялся на поверхности лишь характером растительного покрова. После удаления дерна выявилось поминальное сооружение древнетюркского времени. В основе его находилась подквадратная в плане ограда, ориентированная углами по сторонам света (4,60×4,30 м). Ограда многослойная и многорядная. Внешняя стена ограды образована крупными плитами, уложенными плотно друг к другу в три слоя, вытянутых длинной осью в основном направлении. Снаружи они укреплены большими белыми валунами. Внутренняя стена ограды составлены из плиток и валунов белого цвета, меньших по размеру, уложенных в основном горизонтально в один ряд в ширину и в 3–4 слоя. Внутренний контур ограды скруглен. Северный и восточный углы ограды выделены вертикально установленными плитками и более мощ-

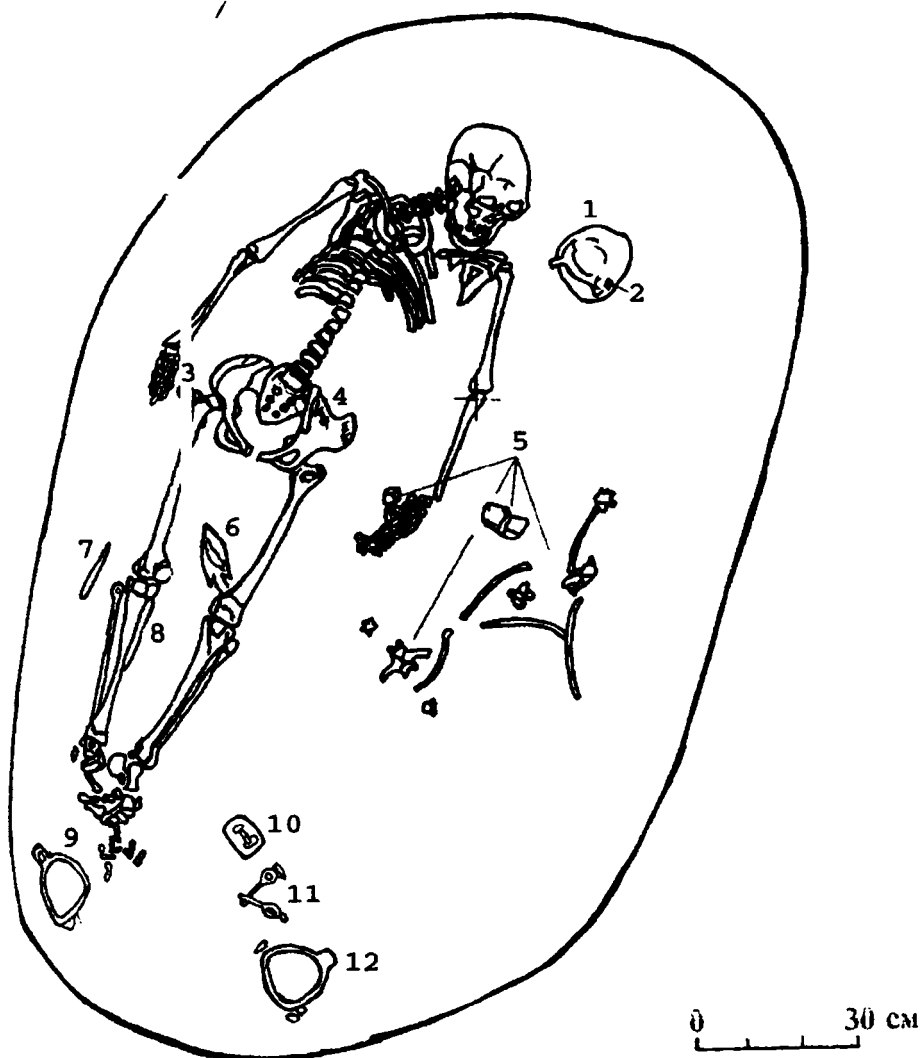

Рис. 4. Могильник Берел. Курган № 37. Могильная яма. План

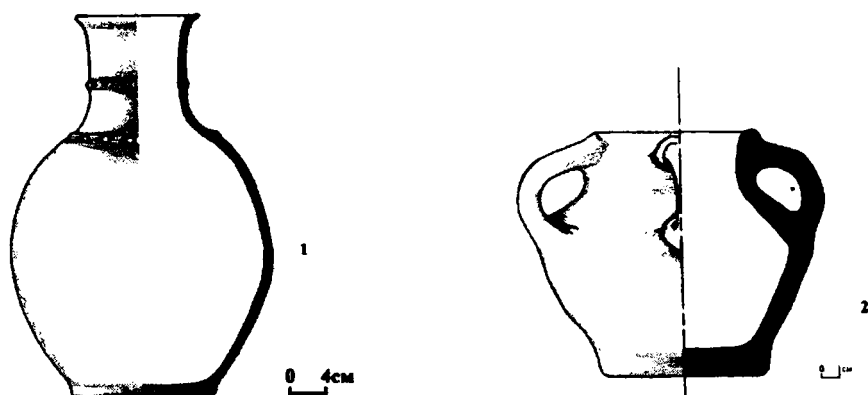
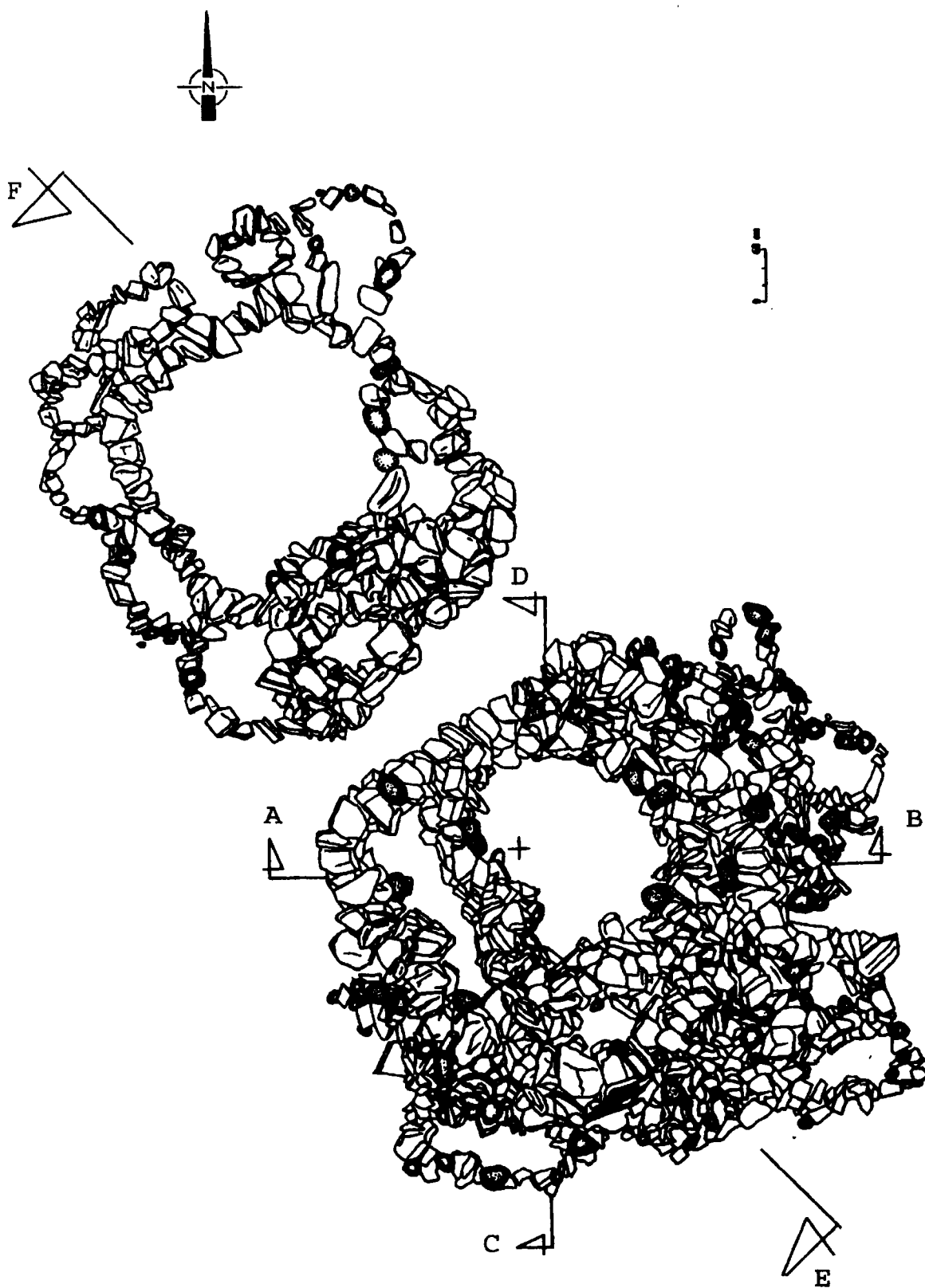

Рис. 5. Могильник Берел. 1. Кувшин из кургана №23. 2. Сосуд из кургана № 37

ис. 6. Могильник Берел. Курган № 38. Первоначальная основа наземной конструкции

ными стенками. С западной и южной сторон, между внешней и внутренней стенами ограды, сохранился промежуток, заполненный плитами и валунами. Они уложены горизонтально, в один-два ряда. Стенки ограды в северной части смыкаются, узкий промежуток между стенами ограды с восточной стороны заполнен рядом плит и валунов. Заполнение внутри ограды состояло из плит и валунов сравнительно небольших размеров, в основном лежащих горизонтально, но бессистемно. Верхний слой из небольших плиток и окатанных камней покрывал обе ограды. С южной стороны к стенке внешней ограды примыкает прямоугольная в плане пристройка, отгороженная от стенки ограды вертикально установленными плитами, подпертыми белыми валунами. После удаления камней заполнения пристройки выявилась оградка, сооруженная из небольших плит, уложенных в один ряд. Внутри нее под большой плитой на уровне погребенной поверхности находились кости черепа лошади.

С юго-восточной стороны ограды, снаружи, выявлены две смежные оградки (№7 и 8). Стенки их сложены из довольно крупных плиток и валунов в среднем в два слоя. Заполнение состояло из плиток и окатанных камней, под ним на уровне погребенной поверхности выявлены зубы и кости черепа лошади. С юго-восточной стороны от оградки №8 отходят внекурганные конструкции, напоминающие три «Дорожки» из уложенных на УПП мелких плиток в 1–2 ряда и в 1 слой.

С восточной стороны внешней стены ограды находилась выкладка из мелких плиток и белых окатанных камней в один слой, среди которых обнаружены зубы лошади.

К северо-западу от основной ограды находилась вторая ограда, возможно, пристроенная позже, в плане прямоугольной формы (5,0×3,60 м). Стены ограды сооружены из довольно крупных плит, уложенных в один ряд в ширину и в высоту, вытянутых в радиальном направлении. Юго-восточная стенка ограды, обращенная к первой основной оградке, состоит из трех рядов плит. Два крайних ряда образованы плитами и валунами, установленными горизонтально и вертикально в 2–3 камня в высоту. Средний ряд – из плит одинакового размера, уложенных в 1–2 слоя, в радиальном направлении. Внутри этой северо-западной ограды выявлены оградки, сооруженные из плит и валунов, уложенных на уровень погребенной поверхности в один ряд и слой.

Белые валуны, выявленные в конструкции оград, обычно расположены с внешней стороны плит и как бы подпирают, укрепляют стены оград из плит.

Снаружи выявлены примыкающие маленькие оградки, сооруженные из небольших плиток и окатанных камней в один ряд в высоту и в ширину на уровне погребенной поверхности: три – вдоль западной стенки ограды, четыре – вдоль северной (№1, 2, 3, 11), одна – у восточной стенки ограды. Ограды были заполнены мелкими и средними по размеру плитками и окатанными камнями в 1 слой. Сверху все было покрыто небольшими плитами и окатанными камнями.

Внутри этой северо-западной ограды, предположительно, выделяется 5 мелких оградок (№ 4, 5, 6, 9, 10). При разборке оградки №5 обнаружены железная пряжка и язычок. Пряжка рамчатая, В-образная, безщитковая, с подвижным язычком. Размеры: 4,1×2,6 см, длина с язычком – 6,7 см.

Объект представляет собой жертвенно-поминальный комплекс тюркского времени, предположительно VIII в.

Выше описанные курганы древних и средневековых кочевников Казахского Алтая дали новую информацию о погребально-поминальной обрядности, архитектуре и строительному искусству. К сожалению, вещественных находок из-за сильной ограбленности памятников в древности и «бугровщиками» немного по сравнению с предыдущими годами исследований. Курганы, ставшие объектами исследования, относятся, по предварительному заключению, к разным культурно-историческим периодам, что многократно усиливает их значимость в плане изучения проблем преемственности от древне-сакских племен до ранних тюрков, обитавших на этой территории.

Наземные и внутримогильные сооружения исследованных объектов демонстрируют, в целом, устойчивое развитие и преемственность этнокультурных традиций на протяжении I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

Вещевой комплекс из этих объектов демонстрируют обширные этнокультурные контакты древних жителей долины и историческую общность племен, обитавших в обширной территории Алтайского субрегиона.

КУРГАНЫ С «УСАМИ»: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И.А. Кукушкин

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г.Караганда

Курганы с так называемыми «усами» широко распространены только на территории Центрального Казахстана, хотя единичные сооружения известны и в сопредельных регионах. Основная масса памятников относится к тасмолинской культуре раннего железного века, развивающейся в рамках VII–IV вв. до н.э.

В комплекс кургана с «усами» входит большой курган с захоронением человека и примыкающий к нему малый курган с захоронением коня, от которого в восточном направлении отходят две дугообразные каменные выкладки – «усы» (Рис. 1-5). Иногда малый курган с захоронением лошади и «усами» может существовать самостоятельно. Предполагается, что конструкции этих памятников отражали солярные представления населения этого периода (Кадырбаев М.К., 1966, С.431-432).

В последнее время появились определенные основания для пересмотра датировок верхних хронологических границ кургана с захоронением лошади и «усами», поднимающихся вплоть до раннего средневековья (V в. н.э.). Комплекс рассматривается как самостоятельно существующий объект, не имеющий отношения к памятникам тасмолинской культуры (Любчанский И.Э., Таиров А.Д., 1999, С.5-62, Таиров А.Д., 2003, С.158).

Очевидно, исследователи, предлагая свою концепцию, опирающуюся на периферийный материал, не учитывают возможности сквозной идеи, лежащей в основе семантики подобных сооружений, совпадающей с мировоззренческими представлениями более поздних социокультурных образований и, вероятно, имеющих родственную по происхождению подоснову с тасмолинскими племенами.

Обычно, курганы с «усами» фиксируются одиночными комплексами или в составе тасмолинских могильников; насыпи и сами каменные выкладки не перекрывают другие погребения, площадь, ограниченная «усами», нередко достигающими 200м, тасмолинских захоронений не содержит, что должно было бы отмечаться при существенных культурно-хронологических несоответствиях.

Видимо, курганы с «усами» играли роль родоплеменных святилищ, культовых мест и могли выполнять функции некрополеобразующих сооружений, вокруг которых формировалась основная часть могильника. Ритуальное устройство некрополеобразующих сооружений было обусловлено необходимостью сакрализации пространства на месте будущего могильника, а также маркировкой всей вновь осваиваемой социумом территории, в соответствии с обрядовой практикой и мировоззренческой моделью тасмолинского общества.

Заметным явлением стали попытки перевести семантику курганов с «усами» в плоскость археоастрономии, где доказывается, что окончания «усов» указывают на те или иные точки звездного неба, связанные с календарным распорядком хозяйственной деятельности тасмолинских племен.

Основное, что следует отметить по данному поводу, это отсутствие надежных историко-этнографических свидетельств об астрономических сооружениях, выполняющих функции обсерваторий по определению дат сезонно-хозяйственного характера у кочевых народов, которые не были настолько оторваны от природно-климатической среды обитания, чтобы нуждаться в искусственном вычислении тех или иных хозяйственно-календарных сроков.

Если признать курган с «усами» астрономическим сооружением, то так называемые «усы» должны были бы сооружаться во всех направлениях от кургана, так как далеко не все календарно-определяющие даты находятся в восточной сфере небосвода.

Отклонения в ориентации «усов» в сторону северо-восточного или юго-восточного направлений отражают привязку «усов» к сезонным перемещениям точек восхода солнца, охватывающих довольно значительный сектор горизонта.

Вызывает сомнение и метод вычисления прямых линий, указывающих на небесные светила, проходящих через начальную и конечную точки каждой каменной дугообразной гряды. Исходная логика в необходимости искривления пространства от одной до другой точки «усов» явно отсутствует. В случае реального использования каменных выкладок с астрономическими целями, они, скорее всего, имели бы стреловидную форму.

При семантическом анализе кургана с «усами» интерпретируется обычно само назначение «усов», их ритуальная нагрузка или практическая значимость, которые рассматриваются в отрыве от остального комплекса и мировоззренческих представлений, господствующих в период раннего железного века на территории, занимаемой этими памятниками.

Социально-экономические изменения, протекающие в обществе, связанные с повсеместным переходом к кочевому скотоводству и широкому использованию лошади под верховую езду, не могли не коснуться и идеологической сферы, трансформирующейся в соответствии с потребностями кочевого общества.

Зооморфные образы скифо-сакских божеств, лежащие в основе религиозно-мифологических представлений ранних кочевников, нашли свое яркое воплощение в искусстве звериного стиля, буквально пронизывающего все социально-значимые стороны жизни общества этого периода.

Взросшее значение лошади при кочевом способе хозяйствования, способствовало многоликости ритуальной метаморфозы коня в среде номадов.

По устоявшимся представлениям, конь являлся пограничным животным и имел двойственную сущность: с одной стороны – это травоядное копытное животное, связанное с божествами солнечного света, с другой – отсутствие рогов сближало его с земноводными, лунными, хищными существами. Эта особенность лошади привела к ее доминантному использованию в сакральных целях, где «закамуфлированный» конь начинает играть ведущую роль, выступая в качестве «заместителя» реального или фантастического существа в сфере ритуальной практики кочевников.

Учитывая эти обстоятельства, думается, что комплекс курган с «усами» реализует идею рогатого коня, где каменными дугообразными выкладками обозначены рога-лучи солнечного козлорогого коня (Кукушкин И.А., 1993, С.70). Под этой личиной понимался образ горного солнечного козла, наскальные изображения которого по частоте встречаемости занимают одно из лидирующих положений, причем нередко с ярко выраженной солярной символикой (Рис. 1–6,9).

Благодаря эффекту вечной мерзлоты, эту ритуальную функцию лошади удалось зафиксировать в погребальном обряде при исследовании элитных курганов Горного Алтая. В сбрую лошади, наряду с зооморфно украшенными металлическими предметами, входили изделия из кожи и дерева, обычно не сохраняющиеся в естественных условиях.

Большой интерес представляют специально сшитые из кожи олени рога и маски, изображающие оленя и грифона (Рис. 1–1,2) отмеченные на головах лошадей погребенных в Пазырыкских курганах (Руденко С.И., 1953, С.226).

Особо показательны, в нашем случае, изготовленные из дерева рога горного козла, крепившиеся к маскам лошадей (Рис. 1–3), захороненных в 11 кургане Берельского могильника (Самашев З.С. Франкфорт А.-П., 1999, С.34.; Самашев и др., 2000, С.12).

Деревянные наверхия в виде рогов горного козла, входившие в конструкции лошадиных масок, сохранились в 1-м Туэктинском и 2-м Башадарском курганах (Руденко С.И., 1960, С.230).

К числу широко известных аналогий этому мифическому образу относятся протомы двух козлорогих коней (Рис. 1–7), украшавшие головной убор-кулах Золотого человека из пятого кургана Иссыкского могильника (Акишев К.А., 1978, С.18–19).

Известны наскальные рисунки коней увенчанных рогами, в том числе рогами горного козла (Рис.1–8). Такие изображения зафиксированы, например, среди многочисленных петроглифов Семиречья, Горного Алтая и Западной Сибири (Марьяшев А.Н., Горячев А.А., 2002, рис. 68, 92, 99, 274, фото 13; Самашев З.С., 1992, С.52, 53, рис. 58, 59; Советова О.С. 1987, С.142, рис.3). Эти изображения чаще всего рассматриваются как полимпсесты, но даже в этом случае древний художник работал над совмещением двух образов совершенно осознанно и преднамеренно стре-

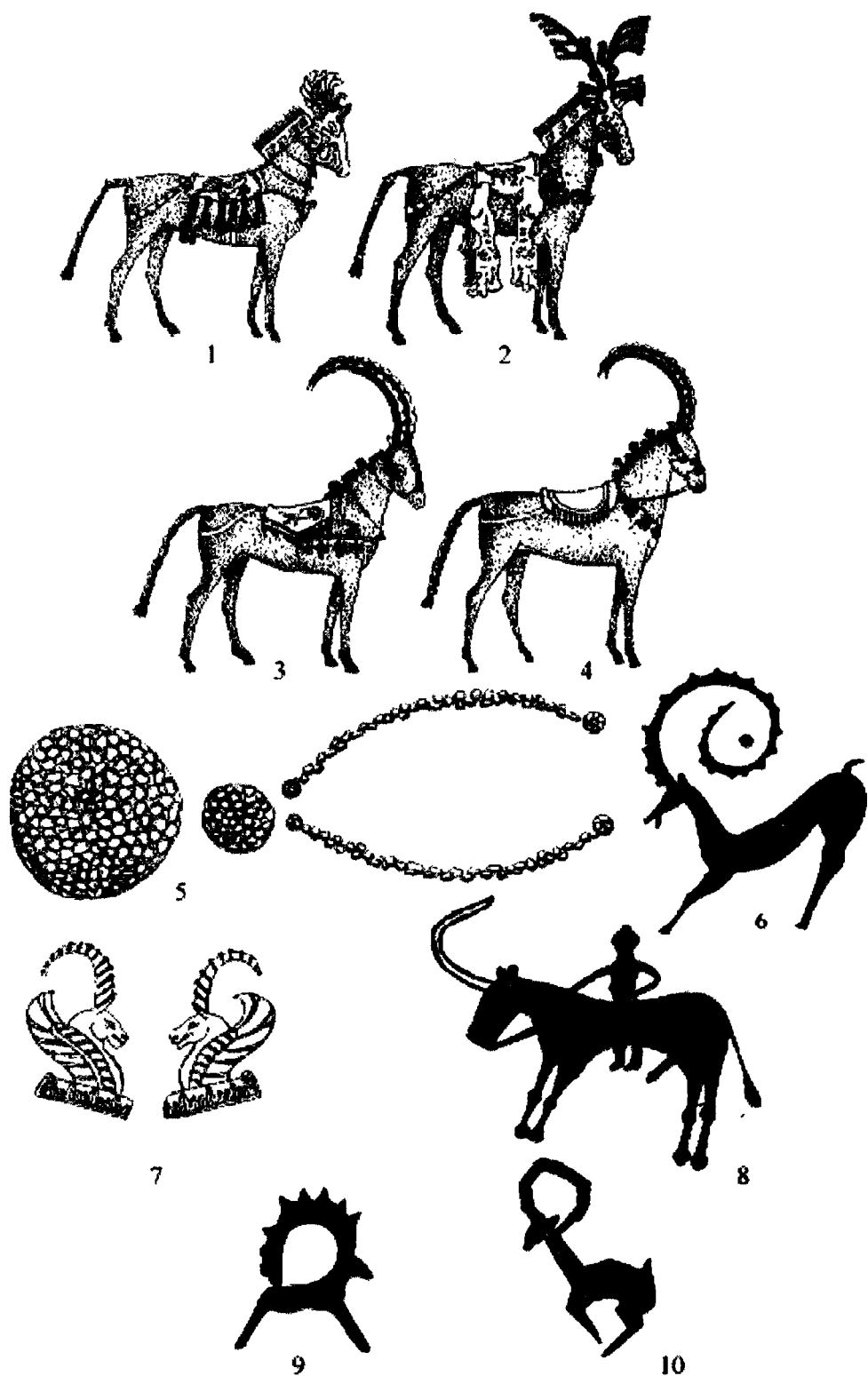

Рис.1

1, 2 – Пазырык; 3, 4 – Берел; 5 – курган с «усами» (лучерогий); 6, 10 – Овюр II, IV;
7 – Иссык; 8 – Тамгалы; 9 – Алтай

мился к получению именно таких синкретических рисунков с совпадением туловища и голов животных.

Курганы с «усами», или «лучерогие» курганы, не отличаются особой представительностью и богатством погребального инвентаря, но по имеющимся данным в большом кургане комплекса захоранивали женщин (Кадырбаев М.К., 1996, С.327,331), очевидно, пользовавшихся в обществе особым социальным статусом и выполнявших жреческие функции, связанные с ритуальными действиями по отношению к солнечному «лучерогому» коню (козлу).

Фактически однозначен «лучерогому» коню образ такого сказочно-мифологического персонажа как единорог – рогатый конь (иногда козел), известный в традициях азиатских и европейских народов. Например, в греческой традиции II–III вв. единорог рассматривался как символ чистоты и девственности, приручить которого может только чистая дева (Иванов В.В., 2000, С.429).

Причастность тасмолинских женщин к сфере культа подтверждается и регулярными находками каменных жертвенников-алтариков, являющихся непременными атрибутами женских погребений.

Видимо, нельзя исключать из этого круга и возможные захоронения мужчин в сопровождении определенных предметов женского инвентаря, которые могли иметь статус близкий скифским энареям – женоподобным жрецам (Хазанов А.М., 1975, С.168-169).

На почитание степными кочевыми народами, в частности массагетами, солнечного божества, в жертву которому приносили лошадей, указывает Геродот. Им же описываются и довольно свободные нравы и обычаи, царившие в области семейно-брачных отношений у массагетов и близких им исседонов (Геродот, I,216;IV,26), что может свидетельствовать о достаточно высоком социальном статусе женщины в раннесакском обществе.

Приведенные аргументы позволяют предполагать существование известных форм солярного культа у населения тасмолинской культуры, а также наличие жриц, выполняющих обрядово-ритуальные действия, так как поклонение солнечному божеству, в принципе, предусматривает активное участие женщин в отправлении этого культа.

Итак, комплекс курган с «усами», или «лучерогий» курган, являлся отражением сложной идеологической системы, связанной с поклонением божеству в образе горного солнечного козла, фактическим «заместителем» которого в ритуале выступал рогатый конь. Реальным свидетельством существования солярного культа у населения тасмолинской культуры стало сооружение дугообразных каменных выкладок, отходящих на восток от кургана с захоронением коня и символизирующих рога-лучи дневного светила.

В подавляющем большинстве случаев «лучерогий» курган с захоронением коня сопровождается большой курган с погребением тасмолинской жрицы и составляет с ним единый культово-ритуальный комплекс.

В этом плане показательны рукояти мечей и кинжалов эпохи бронзы и раннего железного века, которые нередко бывают увенчаны фигурами горных козлов или семантически равнозначными им ребристыми, а возможно, и гладкими кольчатыми навершиями, символизирующими округлые рога-лучи солнечного козла (Рис.1-9,10). Это оружие в целом достаточно четко декларирует мировоззренческие ориентиры его владельцев в детально регламентированной системе религиозно-мифологических приоритетов. Аналогичную семантическую нагрузку несли и ручки металлических котлов ранних кочевников.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана.– М., 1978.– 130 с.
2. Геродот. История в девяти книгах. – Л.,1972.– 600 с.
3. Иванов В.В. Единорог // Мифы народов мира.– Т.1.– М., 2000.– С.429-430.
4. Кадырбаев Т.А. Тасмолинская культура // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана.– Алма-Ата, 1966.– С. 303-433.
5. Кукушкин И.А. Символика солярных культов в мегалитических памятниках Казахстана // Кочевники Урало-Казахстанских степей.– Екатеринбург, 1993.– С.68-71.

6. Любчанский И.Э., Таиров А.Д. Археологические исследования комплекса Курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка I. – Челябинск, 1999. – С.5-62.
7. Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. – Алматы, 2002. – 264с.
8. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М., Л., 1953. – 402с.
9. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М., Л., 1960. – 359 с.
10. Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата, 1992. – 288 с.
11. Самашев З.С. Франкфорт А.П. Древности Казахского Алтая // Известия НАН РК. Серия общественных наук 1(219). – Алматы, 1999. – С.33-37.
12. Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г. Сунгатай С. Берел. – Алматы, 2000. – 56 с.
13. Советова О.С. О своеобразных изображениях коней со скал Оглахты // Скифо-сибирский мир. – Новосибирск, 1987. – С.139-143.
14. Таиров А.Д. Кочевники Урало-Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени в восточной части степной Евразии // Степная цивилизация восточной Евразии. – Т.1. – Астана, 2003. – С.157-177.
15. Хазанов А.М. Социальная история скифов. – М., 1975. – 343 с.

ИЗ РАСКОПОК А.М.ОРАЗБАЕВА В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ: ПОГРЕБЕНИЕ СУЫКБУЛАК БЛИЗ Г. КАРКАРАЛЫ

У.У. Умиткалиев, А.З. Бейсенов

КазНУ им. Аль-Фараби, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г.Алматы

В послевоенные десятилетия Центрально-Казахстанской экспедицией под руководством А.Х. Маргулана проводилась широкомасштабная работа по выявлению и исследованию древних и средневековых памятников Сарыарки. В те годы была открыта основная масса ныне известных памятников эпохи бронзы, раннего железного века Центрального Казахстана. Результаты этих эпохальных по своему значению исследований были опубликованы в капитальных монографиях, а также в многочисленных статьях и сообщениях.

Наряду с этим, до сих пор обнаруживаются отдельные памятники, открытые и исследованные в те годы Центрально-Казахстанской экспедицией, но по разным причинам не ставшие известными в научном кругу. Одним из таких памятников является погребение Суыкбулак, исследованное ЦКАЭ в окрестностях г. Каркаралы.

В ноябре 2003 года в архиве Института археологии МОН РК среди полевых материалов ЦКАЭ были обнаружены два листа миллиметровой бумаги с нанесенными полевыми чертежами и краткими записями. Эти два листа содержались среди материалов ЦКАЭ 1962 года и носят инвентарные номера 820/4 и 820/5. Оба датируются, согласно записям, имеющимся на полях и углах листов, 1962-м годом. Листы содержат планы и разрезы одного погребения, выполненные простым карандашом в достаточной степени четко и ясно. Содержат полные сведения: имеются обозначение севера, масштабы, иногда даны дополнительные цифровые данные относительно длины, ширины объекта.

Объект этот нами был назван погребением Суыкбулак, так как на листах имеется такое название с дополнением – «могила в раскопе №1». Согласно опубликованным данным ЦКАЭ, этот «раскоп №1», наряду с остальными 3-мя траншеями, был заложен на поселении Суыкбулак, на той части его территории, которая была разрушена распашкой под лесопитомник (Маргулан А.Х. и др., 1966, Рис. 122, С. 247). Работы проводились здесь в 1962 году, руководитель раскопок – А.М. Оразбаев.

Как выяснилось, полные раскопочные сведения о погребении не сохранились, прежде всего отсутствует описание памятника. Но указанные чертежи вполне позволяют представить основные особенности и параметры памятника.

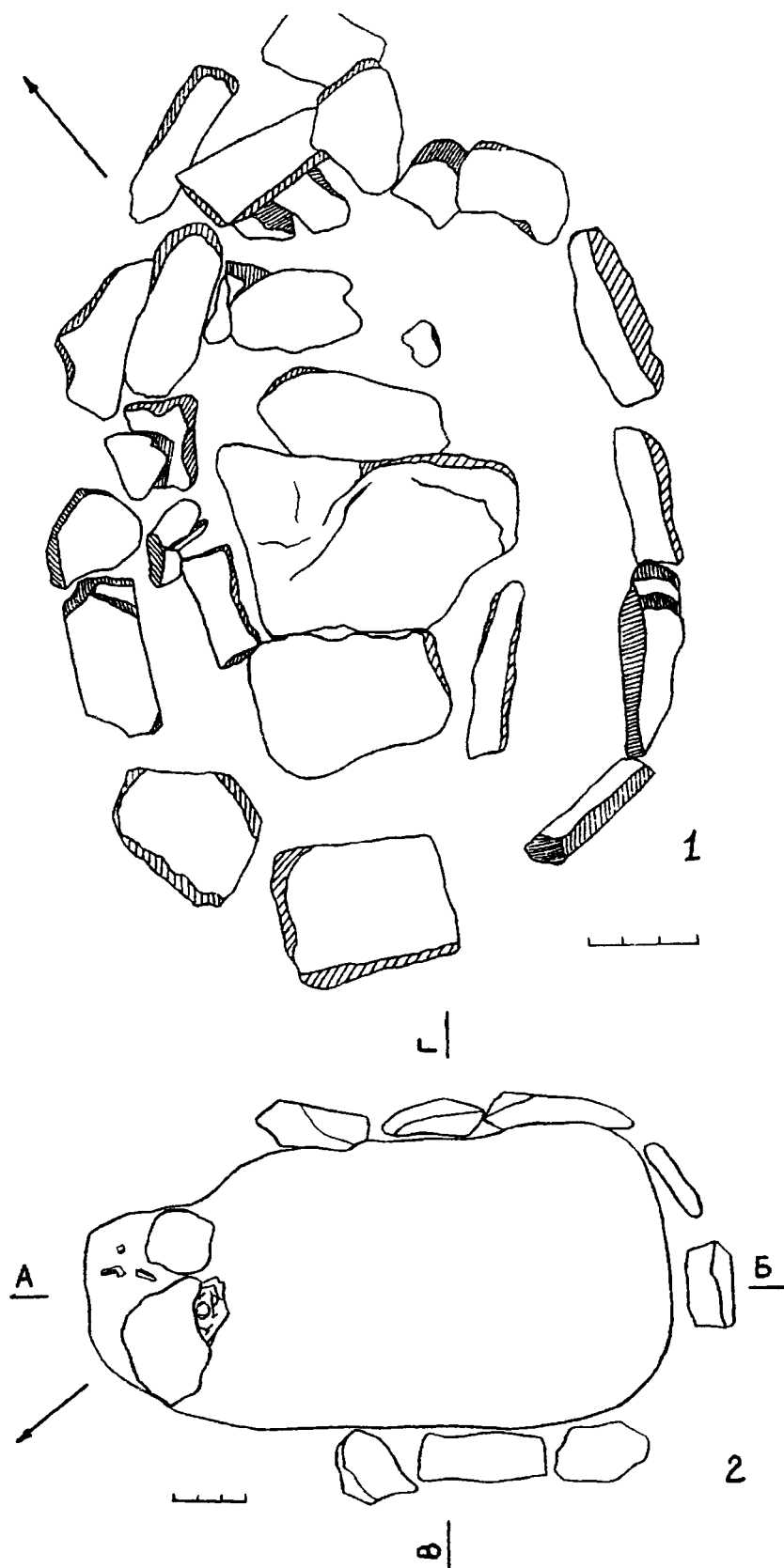

Рис. 1. Погребение Суыкбулак.

1 – план каменного наброса, 2 – план могильной ямы на уровне материка

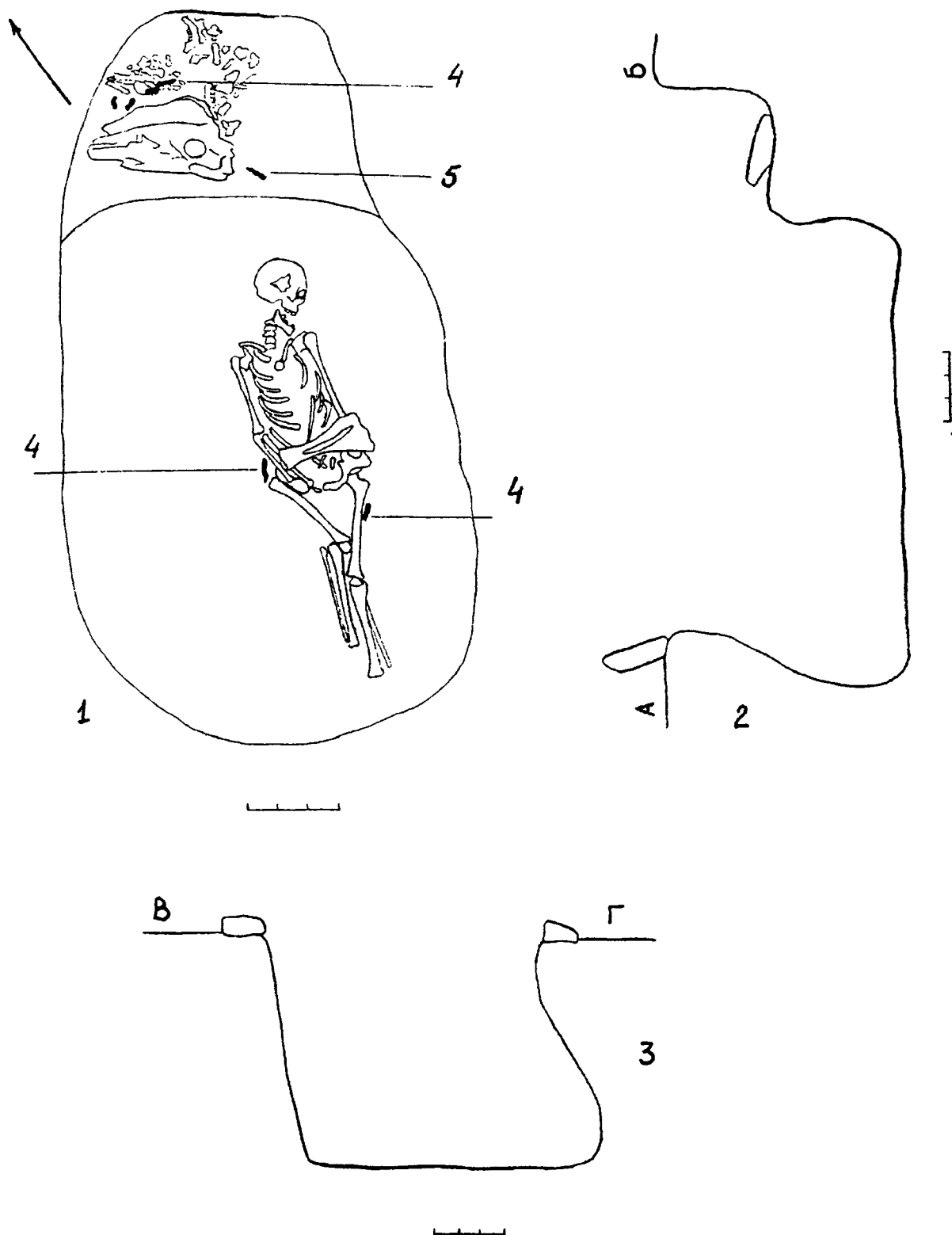

Рис. 2. Погребение Суикбулак.

1 – план погребения, 2,3 – разрезы, 4 – остатки железных изделий, 5 – костяная поделка

Согласно этим данным, погребение находилось под небольшим каменным набросом овальной формы, ориентированным длинной осью по линии ЮЗ-СВ. Размеры – 2,8×1,8 м. Под набросом вскрыта была большая грунтовая яма, ориентированная так же. Общая длина ее по дну – около 2,4 м, ширина – 1,2 м, глубина – 1 м. По периметру могилы имелись камни однорядной выкладки. На дне ямы находился человеческий скелет, ориентированный черепом на СВ. В изголовье могилы устроена жертвенная приступка шириной 0,6 м и высотой 0,5 м. На приступке лежали остатки от одного черепа лошади и нескольких черепов мрс. Костяк находился в положении вытянуто, на спине, череп завалился набок влево. Судя по костям, ноги в коленном суставе, вероятно, были чуть согнуты. В области поясицы поперек была положена одна лопаточная кость лошади. Из вещей возле костяка находились в двух местах остатки от железных изделий, на приступке в районе скопления костей от черепов указанных животных находились костяная подделка (на плане указано: «костяное украшение»), а также остатки железа. Возможно, последние связаны с уздой лошади (Рис. 1,2).

Эти сведения позволяют высказать мнение о культурно-хронологической принадлежности погребения Суыкбулак.

Все данные погребения находят полные аналогии в имеющихся захоронениях конца I тысячелетия Центрального Казахстана. Условно эти захоронения названы памятниками кургантаского типа и предварительно датированы III–I вв. до н.э. (Бейсенов А.З., 1997). Особенности погребального обряда для них являются малые каменные насыпи и набросы, СВ ориентировка погребенных, наличие внутримогильного особого жертвенного пространства, устроенного в изголовье камеры и содержащего черепа домашних животных, положение на грудную клетку умершего лопатки лошади или барана. Первые объекты этой группы открыты М.К.Кадырбаевым, значительное их число изучено также работами Сарыаркинской экспедиции Института археологии МОН РК. Сейчас подобных памятников, включая погребение Суыкбулак, насчитывается на территории восточных районов Центрального Казахстана всего 30 объектов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бейсенов А.З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних nomadов Центрального Казахстана. – Автореферат канд. ист. наук. – Алматы, 1997.
2. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭПОХИ

Е.А. Смагулов

Институт археологии им. А.Маргулана, г. Алматы

Археологическое исследование памятников «городской культуры» предусматривает, наряду с изучением структуры и хронологии каждого отдельного городища, масштабные вскрытия его некрополя. Без материалов по этой важной составляющей культуры представления о городе оказываются не полноценными, а рассмотрение этнокультурных процессов не возможным. Такой комплексный подход к исследованию историко-культурного наследия прошедших эпох был характерен для творческого почерка А.Х. Маргулана и стал присущим археологии Казахстана средневекового периода.

За многолетний период исследования некрополей раннесредневековых городов в Южно Казахстанском регионе установлено, что для них характерны, наряду с другими типами погребальных сооружений (под курганные катакомбы, подбой, грунтовые ямы и пр.), «сырцово-пахсовые наземные склепы», которые обычно трактуются в системе терминов свойственных для зороастрийской погребальной традиции и определяются как «наусы», т.е. постройки для окончательного

погребения предварительно очищенных костей. В частых случаях обнаружения в погребальной камере скелетов *in situ* усматривается смена погребальной традиции, выдвигаются различные интерпретации этого «важного явления». Но при этом не сформулировано ни одной не противоречивой гипотезы, объясняющей все основные и наиболее существенные особенности практиковавшегося погребального обряда, связанного с этими склепами¹. Ниже предлагается попытка восполнить этот пробел².

Наземные склепы как тип погребальных сооружений, свойственный некрополям доисламского Южного Казахстана, можно по праву считать, были открыты А.Г. Максимовой в ходе ее исследований в 1970 и 1972 гг. могильника у с. Шага. При этом ей не только удалось методически верно вскрыть новый в ее полевой практике тип памятников, но и реально оценить важность для археологии Казахстана открытых погребальных построек. Это ясно потому, что она сочла необходимым прежде всего опубликовать результаты раскопок именно этих «курганов». Хотя вскрытые погребальные постройки ею правильно были интерпретированы как *открытые наземные постройки, перекрытые коробовыми сводами*, в публикации эти памятники по традиции называются «курганами» – курганы № 67, 68, 75, 76, 108 (Максимова А.Г. 1974, 96 с. и сл.)³.

Все из раскопанных А.Г. Максимовой сооружений представляют собой наземные постройки из сырцового кирпича и пахсы. Зафиксированные размеры кирпича – 50×20–25×9–10 см; 40×25–30×5–10 см. В плане постройки имеют под квадратную форму размерами по наружному контуру близкими 4–5×4–5 м. Ориентированы углами по сторонам света. Вход во внутреннюю камеру в виде длинного (3–3.5 м) узкого (0.7–0.9 м) сводчатого коридора устраивался по середине юго-восточной стены. С наружной стороны входы в камеры после каждого очередного под захоронения тщательно закладывались пахсой или сырцовым кирпичом, использовались и каменные плиты. В под квадратной погребальной камере вдоль двух-трех стен располагались невысокие (0.15 м) суфы – лежанки. Внутренние поверхности стен, суф, пола тщательно покрывались глиняной штукатуркой. Отмечен и случай побелки (рис.1: 1,2; 2).

Останки погребенных зафиксированы внутри камеры и в коридоре обычно в виде перемешанных кучек костей. В разных склепах отмечено разное количество погребенных, от 3 до 17. Среди человеческих костей в склепе 68 найдены черепа трех собак. Скелет одной из них *in situ* расчищен во входном коридоре (рис.2).

Среди костей в шагинских склепах обнаружена репрезентативная коллекция находок, среди которых одна согдийская монета конца VII – пер.пол. VIII вв. с квадратным отверстием. Эта находка, а также аналогии другим вещам (керамика, железные наконечники стрел и пр.) позволили А.Г. Максимовой датировать склепы концом VII – пер. пол. VIII вв. (Максимова А.Г., 1974, С.115). Эту датировку она распространила и на исследованные и опубликованные ранее, близкие по набору находок Борижарские склепы.

¹ Естественно, имеется в виду та часть обряда, которая доступна реконструкции на основе археологических данных и наблюдений. Некоторые положения этой гипотезы (например, о временном выстлении трупов в склепах и последующем захоронении их в отдельном месте, о связи склепов с оссуарными захоронениями) высказывались и ранее целым рядом авторов (Агзамходжаев Т., 1966а; Горячева В.И., 1989; Снесарев Г.П., 1969, 146 с.).

² При этом мы сознательно оставляем пока за рамками внимания такие важные моменты как, например, происхождение обряда и связанных с ним погребальных сооружений, этнографические пережитки этого обряда, типологию погребальных сооружений и пр.

³ Учитывая, что в археологии за словом «курган» утвердилось понятие искусственной намогильной насыпи, в дальнейшем при описании подобного рода памятников следовало бы отказаться от термина «курган», а использовать более общее понятие, например, «холм», «курганообразный холм»... В разноязычных дефинициях археологического термина «курган» присутствует понятие «насыпь» (Брей У, Трамп Д., 1990, С.128). Холм, образовавшийся на месте сырцовой постройки, не является искусственной насыпью. Скорее, это естественное образование, результат разрушения глиняной постройки. Некоторые исследователи южно-казахстанских древностей до сих пор разделяют «красведческие» ошибочные представления, что все могильники здесь исключительно курганные, а внешний вид надмогильных сооружений представлен нам теперь в своем первоначальном виде. Например: «Неоморфологическая характеристика, почвенный покров и растительность предгорий исключают деформацию курганных насыпей под воздействием эрозии» (Байпаков К.М., Подушкин А.Н., 1989, С.92-93; Подушкин А.Н., 2000, С.32-33). Об архитектуре курганов см. например: Шульга П.И., 2003, С.191-193).

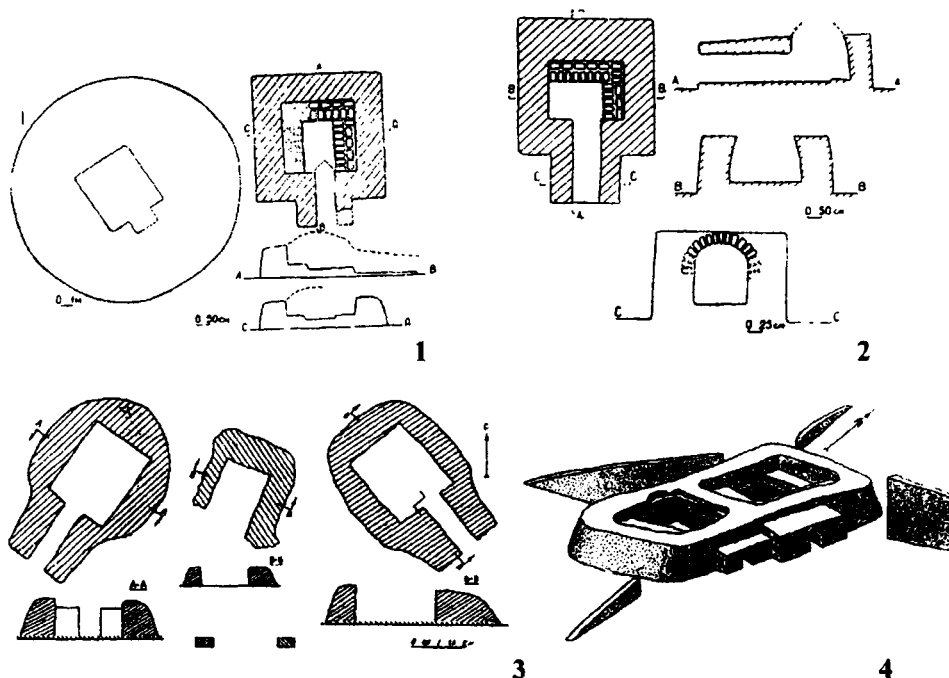

Рис.1. 1-2 – склепы могильника Шага (по: Максимова А.Г., 1974);
3 – склепы Борижарского могильника (по: Нурмуханбетов Б.Е.Н., 1968);
4 – двухкамерный склеп (по: Байпаков К.М. и др., 2000)

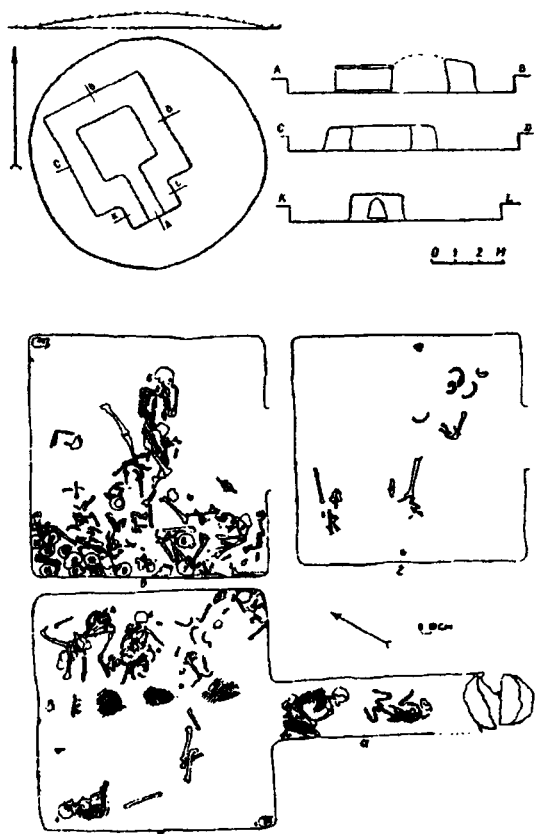

Рис.2. Склеп №68 могильника Шага; общий план и план погребальной камеры
(по: Максимовой А.Г., 1974)

Таким образом, историография раннесредневекового Южного Казахстана пополнилась первым информативным описанием раннесредневековых погребальных наземных склепов. Кроме того, после исследований шагинского некрополя стало понятно, что вскрывавшиеся на Борижарском и на Караспанском некрополе так называемые «погребения на площадках» и «погребения в пахсо-во-сырцовых оградках» есть не что иное, как различной степени сохранности остатки погребений в «гробницах типа наусов» (Нурмуханбетов Б.Н., 1994, С.34–39).

Грандиозный по масштабам и замечательный разнообразием типов погребальных сооружений Борижарский могильник давно известен в историографии средневековой археологии Центральной Азии. Но было бы ошибочным считать его исключительным, среди аналогичных памятников региона. Например, долина р.Ахангеран, как известно, даже на фоне Ташкентской области выделяется большим количеством сосредоточенных здесь курганных могильников, образующих порой сплошные могильные поля, так называемые «мингтепа» (Аминов В., Буряков Ю.Ф., Ходжайов Т.К., 1978, С.79). Как показали наблюдения, в районе Пскема могильные холмы тянулись вдоль правого берега Ахангерана сплошной полосой, но они в 1978 г. по большей части были запаханы при нивелировке полей. Поблизости расположен целый ряд городищ, некоторые из которых могут иметь слои раннесредневекового времени (Жоштепа, Актепа, Торткультепе и др.). Было установлено, что наряду с подземными погребальными конструкциями (катакомбами) здесь распашкой уничтожено большое количество наземных построек – склепов (Дресвянская Г.Я., 1983, С.24–38). Исключительность Борижарского некрополя для казахстанской археологии, заключается, скорее всего, в том, что это наиболее исследованный некрополь Южного Казахстана: к 2004 г. здесь раскопано 80 «курганов».

Достаточно упомянуть, что впервые раскопки здесь были проведены в 1893г. по инициативе Остроумова Н.П., бывшего в то время представителем Российской Императорской археологической комиссии в Туркестанском крае (Остроумов Н.П., 1899, С.125–126). Эти работы выявили, судя по описанию в отчете, погребения, ориентированные головой на СВ. в «огороженном сырцовым кирпичом четырехугольнике». Очевидно, что здесь исследователи столкнулись с остатками все тех же наземных склепов, которые вследствие обрушения кровли и многовековой деструкции и дефляции, имеют вид курганообразных холмиков, а после расчистки обычно предстают в виде сырцовой ограды.

Такие же «оградки» были расчищены под 9 «курганами», расположенными на склоне террасы этого же могильника в ходе работ ЮКАЭ в 1949 и 1951 гг. Еще шесть курганов не дали никаких погребений и были определены как кенотафы⁴. Полученный материал позволил авторам раскопок датировать эти погребальные сооружения в рамках VIII–X вв. В результате исследований было сформулировано мнение, что эти погребения принадлежат осевшим тюркам-карлукам, жителям города, которым было городище Жуантобе (Агеева Е.И., Пацевич Г.И., 1956, С.33–60).

Целенаправленные и систематические исследования на могильнике были продолжены САЭ в 1967 г. В результате раскопок около пяти десятков курганов в некоторых случаях были вскрыты наземные постройки. Автор раскопок так обобщил итоги первых раскопочных сезонов: «Общее для всех вскрытых курганов то, что захоронения в них совершены не в обычных могильных ямах, а на специально приготовленных для этих целей «могильных площадках». Такие оригинальные в своем роде площадки устраивались на уровне или немногим ниже уровня горизонта. Делались они всегда из битой глины с примесью мелкой речной гальки. Толщина слоя площадок от 5 до 10 см. Внешние очертания их рисуются в самых различных линиях.

Б.Н.Нурмуханбетовым опубликовано краткое описание пяти таких сооружений. Тип погребений определен им как «трупоположение под курганной насыпью внутри наземных погребальных построек» (Нурмуханбетов Б., 1970, С.117). Хотя в первой публикации этих материалов автор раскопок, на наш взгляд, вполне обоснованно предположил, что постройки были «открытыми надмогильными сооружениями. Холм образовался позднее, вследствие разрушения стен

⁴ Дальнейший опыт работ на Борижарах показал, что на гребнях межаевых участков, на вершине террасы расположены погребения в подкурганных катакомбах. Принятая ЮКАЭ методика раскопок, очевидно, не позволила выявить следы дромов, которые обычно находятся не по центру кургана. (Нурмуханбетов Б.Н., 1975, С.106).

сооружения.» (Нурмуханбетов Б., 1969, С.174). Т.е. ни о какой «курганной насыпи» в определении типа погребального сооружения речи быть не может. Значит и в целом Борижарский могильник вряд ли можно определять исключительно как «курганный могильник». Наряду с подкурганными катакомбными и ямными захоронениями здесь были и коллективные последовательные трупоположения в наземных склепах на спине с вытянутыми конечностями (рис. 1: 3).

Обобщая накопленный к 1975 г. материал, Б.Нурмуханбетов говорит о пяти типах погребальных сооружений могильника: 1 – погребальные площадки на дневной поверхности; 2 – грунтовые могильные ямы; 3 – погребальные хумы; 4 – наземные погребальные постройки из пахсы; 5 – катакомбы (Нурмуханбетов Б.Н., 1975, С.107). И при этом, им не проводится четкой грани между понятиями «тип погребального сооружения» и «тип погребального обряда». А в отчетных материалах не сохранилось никаких сведений о «погребениях в грунтовых ямах» и в «погребальных хумах».

Из результатов исследований Б.Н. Нурмуханбетова прежде всего, вызывает сомнение интерпретация результатов расчистки курганов № 2–5, 6, 7, 11, 13, 14, 17, 20, 21, 22 как «трупоположение на могильных площадках без оградок». По логике автора раскопок, трупоположение происходило на специально устроенной из пахсы с галькой площадке; трупы укладывались или рядом параллельно, или под углом 90° друг к другу; покойники были в одежде, с украшениями и прочими атрибутами (оружием, пищей и питьем в сосудах и пр.); сразу над ними насыпался курган, т.е. покойники как-то изолировались. Тут же рядом и в то же время представителями, надо полагать, того же самого общества совершался тот же обряд трупоположения, но трупы укладывались в квадратную ограду (т.е. без перекрытия) (курган 27) и оставлялись открытыми, над ними не насыпалась курганная насыпь, а она образовалась «позднее, вследствие разрушения стен сооружения»⁵. Вряд ли такое двойственное отношение к покойникам было возможно в рамках одного этнокультурного социума. «Площадку» под погребения делали одинаково в виде 10 сантиметрового слоя пахсы с мелкой галькой, а вот с самими покойниками обращались совсем по-разному. В случае с «открытыми площадками», которые сразу же закрывались курганной насыпью невозможно объяснить: почему кости одного скелета или обломки одного сосуда оказываются разброшенными по всей или большей части площадки? Для этого надо как минимум снести всю насыпь, перемешать вещи и кости, при этом часть деть неизвестно куда, оставшиеся разбросать по площадке и вновь насыпать курган. Такая картина размещения инвентаря и костей характерна именно для остатков уложенных в сырцово-пахсовых постройках – склепах. Они, как оказывается, строились тут же и в то же самое время (курганы 26, 29, 32, 33), и по форме их можно сопоставлять со среднеазиатскими «наусами». Интерпретировать эти «площадки» как пахсовые (или сырцовые, каменные) оградки без перекрытия («торткулаки», «саганатамы»), широко распространенные на поздних некрополях Центральной Азии⁶, не представляется возможным, т.к. различны с ними связанные погребальные обряды.

Все эти недоумения снимаются, если признать, что со времен Н.П. Остроумова на Борижарском могильнике раскапывались *разной степени сохранности остатки погребальных сооружений для многократных трупоположений (выставлений?) в виде сырцово-пахсовых наземных склепов перекрытых некогда сводами и/или куполами*. Т.е. подобные тем, что были вскрыты и описаны А.Г. Максимовой на могильнике у с. Шага⁷

⁵ О том, что наземные погребальные постройки после совершения погребения не засыпались курганной насыпью, а стояли до полного разрушения открыто, говорят как наблюдения над их расчисткой, так и множество этнографических параллелей. Использование в публикациях названий «курган», «курганная насыпь» невольно создает ложное представление о внешнем облике погребального сооружения. Вследствие этого появляются «подкурганные склепы (наусы) Борижарского и других могильников Южного Казахстана» (Левина Л.М., 1996, С.89).

⁶ Подобные оградки всегда и всюду связаны с погребениями в могильных ямах. (См: Аджигалиев С.И., 1994, С.84-86; Ажигали С.Е., 2003, С.224-226; Орозбек-кызы Ж., Худяков Ю.С., 2003, С.224-226).

⁷ Почему не во всех случаях на Борижарском могильнике зафиксированы стены склепов? Надо учитывать чрезвычайную сложность работы в пересохшем лессовом грунте. И, вероятно, это произошло потому, что их вскрытие осуществлялось «методом» «на снос всей курганной насыпи» (Нурмуханбетов Б., 1969, С.168.). А во время работ ЮКАЭ просто в центре холма разбивался небольшой раскоп, обычно 3 х 3 м, и в случае обнаружения «площадки» его границы расширялись (Агеева Паце-

«Типичные наусы», с обломками оссуариев внутри, хорошо изучены в ряде регионов Центральной Азии (Пенджикент, Пайкенд, Кафыр-кала, Ток-кала, Красная Речка и т.д.)⁸ «Их устройство, за некоторыми исключениями, единообразно и сводится к единственному помещению квадратной или прямоугольной формы с низким (около 1 м в высоту) сводчатым входом. Входы, как и сами наусы, ориентированы различно и прорезают обычно посередине одну из стен, если камера удлинена – всегда торцовую. Размеры камер разнообразны – от 4 до 10 м². Внутри под невысоким сводом вдоль стен на сырцовых возвышениях – суфах стояли оссуарии⁹ Суфы занимали почти все помещение, оставляя, для вошедшего только небольшую прямоугольную площадку перед входом». Таково обобщенное описание наиболее археологически изученных «наусов» Пенджикента. Нильсен В. предложил реконструкцию внешнего облика этих погребальных построек, которую без оговорок принял и Хмельницкий С. (рис. 3:1).

Однако исследования погребальных построек в Ташкентском оазисе на средней Сырдарье открыли наусы иного архитектурного облика. Они имеют круглый план внешнего контура, внутри небольшая квадратная камера с нишами в стенах. По реконструкции В.Нильсена, они могли иметь купол в виде эллиптической полусферы (рис. 3:II)¹⁰ Своеобразными моделями таких погребальных построек принято считать локальный тип оссуариев свойственный этому региону и Семиречью. Интересно что, только в наусах у городищ Кавардан и Киндык-тепа обнаружены оссуарии, в некоторых ахангеранских отмечено наряду с наличием оссуариев и трупоположения. Во всех остальных известных случаях в этих наусах совершались трупоположения (Филанович М.И., 1990, с.85-96.). Таким образом, среднесырдарьинский материал, вроде бы показывает, что в наземных погребальных постройках VI–VIII вв. совершались различные по типу погребения (трупоположения и очищенные кости в оссуарии), которые принято связывать с разными религиозными системами. М.И.Филанович считает, вслед за F.Grenet, что «оссуарный обряд» появился в Ташкентском регионе не ранее VI в., как и в Семиречье из Согда. Но при этом формы оссуариев, и самих наземные постройки, в которые их помещали, трансформировались под влиянием форм традиционных местных надгробных сооружений (Филанович М.И., 1990, с.94–95).

Систематические исследования на Борижарском могильнике были возобновлены в 1996г. археологическим отрядом Шымкентского обл. историко-краеведческого музея и ЮККАЭ и проводятся до сих пор. При этом вскрываются только под курганные катакомбы и наземные склепы. Пока кратко опубликованы результаты вскрытия в сезоне 1999 г. пяти «курганов» в одной из групп в 1 км от городища Жуантобе и еще шести в 2001 г. (Байпаков К.М. и др., 2000, с.215–229; Ержигитова А.А., 2002, с.122–125). Более адекватная методика раскопок позволила исследователям во всех случаях четко фиксировать стены и детали интерьеров построек, которые впервые названы «склепами» (Байпаков К.М. и др., 2000, с.225)¹¹ При этом, что весьма показательно, «площадки» встречаться перестали. Из интересных новых данных относительно погребальных построек можно отметить открытие склепов состоящих из двух погребальных камер с общей

зач Г.И., 1952, С.5-7.). К сожалению, в публикациях и отчетах того периода мы не увидим на фото или чертежах ни одной контрольной бровки, ни одного разреза. По имеющимся фото незаметно также, чтобы проводилась тщательная горизонтальная зачистка вскрываемой поверхности. А тщательная горизонтальная зачистка, создание бровок или разрезов – непременные методические приемы, отработанные среднеазиатской археологией при работе с сырцово-пахсовыми архитектурными сооружениями (Пугаченкова Г.А., 1982, С.24-30).

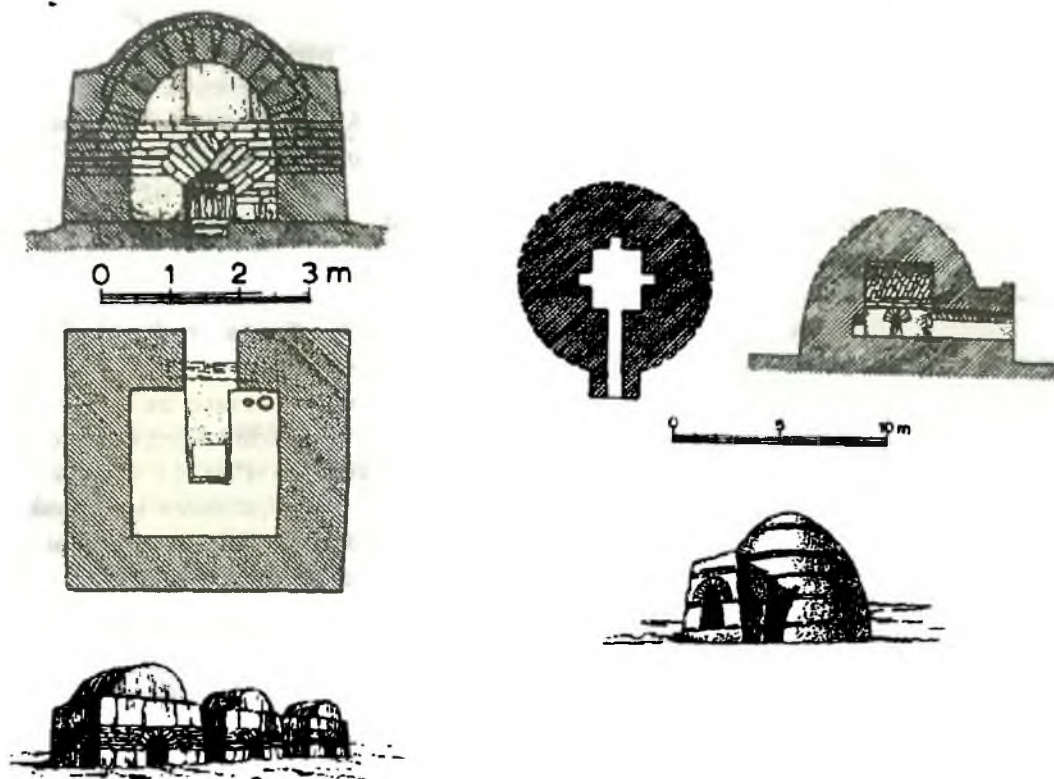
Такая неадекватная методика вскрытия и не предполагала обнаружение каких-то конструкций в холме, который *a priori* понимался как «курганный насыпь», если тому не способствуют особо благоприятные обстоятельства (например, очень хорошая сохранность массивных пахсовых стен). Округлость некоторых площадок, на которых под «курганом» обнаруживались следы захоронения можно объяснить существованием помимо склепов прямоугольного плана, также и круглых в плане склепов (Ташкентский оазис) (Филанович М.И., 1990, С.95-96).

⁸ Последнюю сводку см.: Хмельницкий С. Между кушанами и арабами..., С.199-215.

Такая ситуация внутри склепа есть результат реконструкции. Ни одного подобного случая в «чистом виде» за более чем столетний период не зафиксировано.

Интересно отметить, что круглые в плане склепы были исследованы и среди джетысарских склепов (Левина Л.М., 1996, С.68).

Считаем недоразумением такую фразу в публикации: «Погребальная камера имеет размеры 2,5х3,2 м. Стены возведены на высоту до 0,6 м». (Там же, С.226.) Наверное, надо читать: «стены сохранились на высоту 0,6 м».

**Рис.3. I – наус Пянджикента;
II – наус в долине р.Ангрен (по: Хмельницкому С., 2000)**

стенкой (Грищенко А.Н., 1999) (рис.1:4). Авторы новых раскопок принимают датировку, предложенную А.Г.Максимовой для Борижарских склепов VII–VIII вв., которая, надо отметить, не противоречит датировкам предложенным, на основе анализа разного рода находок, Распоповой В.И. и Левиной Л.М.¹² Эту датировку склепов впоследствии поддержал и К.М.Байпаков, также датировавший их втор. пол.VII–VIII вв. (Байпаков К.М., 1986, С.48; Байпаков К.М., 1999, С.171).

В настоящее время, обобщая данные из отчетов и публикаций итогов археологических работ на Борижарском могильнике за втор. пол. XX в. и начало нашего века, можно установить, что здесь было раскопано всего 80 «курганов». В 64 случаях были расчищены остатки наземных погребальных сооружений (склепов), которые описаны в отдельных случаях как «наусы», «оградки», «площадки». Кроме того, вскрыто 10 катакомб, в остальных случаях под курганами никаких конструкции проследить не удалось, и они отнесены к кенотафам.

Расчистка погребальных камер 64 Борижарских склепов. Зафиксированы ситуации, когда:

- костные остатки погребенных полностью отсутствуют (например: 28,75/1953; 20/1969; 18,19/1999; 2,3/2001; 1,2/2003)¹³;
- отдельные кости скелетов, разбросанные по полу камеры вперемешку с вещами (55,98/1953; 2,4,5,7,11,14, 17/1969; 26,32,33/1970; 25,14,26/1998; 13/1999; 1,4,5/2001; 1,3/2002);
- зафиксированы лежавшие на спине скелеты (36,59,57,35/1953; 19,22,3/1969; 17/1999);
- кости скелетов были собраны в кучки (38/1953; 13/1969; 36/1989; 7/1999; 6/2001; 2/2002).

Вывод о массовости и типичности склепов как погребальных построек на городских некрополях в южно-казахстанском регионе, который можно было сделать по итогам работ на Борижар-

¹² Правда, В.И.Распопова ограничивает рамки могильника VI–VII вв. (Распопова В.И., 1980, С.98). Вероятно, эта датировка может быть распространена лишь на поясную garnитуру найденную в склепах. Сам же могильник, как показали многолетние исследования, содержит погребения как более раннего времени, так и VIII в.

¹³ Первые цифры обозначают №№ «курганов» по публикации (или отчету), вторая – год публикации. Выражаю благодарность Ержигитовой А.А. за помощь в статистической обработке данных.

ком и Шагинском некрополях, естественно, заставляет ожидать их наличие на некрополях других раннесредневековых городов.

Начиная с 2001 г. Туркестанской археологической экспедицией (ТАЭ) ведутся стационарные работы на городище Сидак, в 30 км на СЗ от с. Шага. При этом на берегу высохшего русла Ашасай в 800–900 м к СЗ от городища обнаружен некрополь в виде курганообразных холмов. Этот овраг тянется от предгорий Каратау и явно обозначает направление течения некогда полноводной реки (рис.4). Некоторые левые протоки её подходили к стенам города и были превращены в крепостные рвы. Берег Ашасая на месте некрополя песчаный. Была предпринята расчистка четырех холмов, в которых зафиксированы остатки плохо сохранившихся склепов (рис.5) (Ержигитова А.А., Смагулов Е.А., 2004).

В Отрарском оазисе наземные склепы зафиксированы на могильнике Мардан. Плохо сохранившиеся наземные паховые конструкции все же дают возможность интерпретировать их как наземные склепы (во всяком случае, к.9 и «отдельно стоящий курган», к.12/2002) в которых осуществлялось трупоположение (Нурмуханбетов Б.Н., 1975; Нурмуханбетов Б.Н., 1978, С.99–103; Нурмуханбетов Б.Н., 1976, С.130; Нурмуханбетов Б.Н., Бурнашева Р.З., 1979, С.4–5; Байпаков К.М., Воякин Д.А., С.122–124).

Таким образом, во всех основных регионах ранней урбанизации юга Казахстана зафиксированы на некрополях постройки в виде наземных пахово-сырцовых склепов. Установлено, что датируются они от IV–V до VII–VIII вв. и по конструкции и функции подобны погребальным склепам, широко представленным на некрополях раннесредневековых городов Средней Азии (Фергана, Чач, Согд), где они связываются с зороастрийским (маздеистским) погребальным обрядом, прописанном в Видевдате и называются «наусами». Находки в склепах городища Сидак, особенно серебряный пояс с пластинчатыми накладками (рис.5: 9, 16, 17), тип которого датируется в джетыясарских погребениях III–IV вв., в других некрополях IV–V вв. позволяют так же датировать нижний рубеж этих построек (Левина Л.М., 1996, С. 219, 328; Байпаков К.М., Смагулов Е.А., 1990, рис.2:3,4, С.20–27; Мершиев М.К., 1970, С.89, рис.7,5)¹⁴ Верхняя граница уверенно датируется по монетам пер. пол. VIII в.

А.Г. Максимова определила исследовавшиеся ею склепы как «гробницы типа наусов». Тем самым, надо полагать, подчеркнув формальное сходство их внешнего вида с известными к тому времени среднеазиатскими наусами, но при этом и отличие формы и сути погребального обряда (Максимова А.Г., 1974, С.95). Это же обстоятельство было отмечено и Б.Нурмуханбетовым: «...боржарские погребальные сооружения, имея много общего во внешнем строении с наусами, не являются ими по назначению» (Нурмуханбетов Б.Н., 1970, С.120).

При расчистке склепов чаще всего наблюдается, что кости перемешаны, встречаются керамические сосуды, обломки оссуариев (Согд, Чач), детали одежды и украшений. Видимый хаос в погребальной камере понимается, обычно, как результат ограбления¹⁵ Но зафиксированы и случаи, когда скелеты лежат не потревоженными, положенные раньше и истлевшие скелеты собраны в кучки, внутри камеры стоят пустые оссуарии или крупные сосуды. Т.е. мы наблюдаем трупоположение, аналогичное совершавшимся в склепах могильников Джетыясарской культуры в низовьях Сыр-дарьи (VI в. до н.э. – VIII н.э.)¹⁶ Здесь «завернутых в камышовые циновки погребенных клали на

¹⁴ Вероятно, что эти пояса (Левина Л.М. насчитывает 19 случаев их находок, сюда можно добавить пояс из могильника коньтобе Отрарского оазиса и «сидакский» серебряный пояс) представляют собой своеобразный локально-хронологический тип поясов Евразии. Их характеризуют металлические пряжки (серебро, бронза) с подвижным язычком и пластинчатой обоймой, зачастую инкрустированной. Вся поверхность узкой кожаной основы плотно покрыта вертикально расположенными металлическими обычно фигурными пластинками, крепящимися двумя «гвоздиками». Отсутствуют свисающие ремешки и прочие элементы.

Что само по себе очень странно, если учитывать обостренное чувство неприятия (брезгливости) ко всему, причастному к смерти, свойственное традиционной среднеазиатской культуре (Снесарев Г.П., 1969, С.107–181).

Как известно, в некрополях Джетыясарских городищ были раскопаны около 700 курганов, из которых под 102 оказались сырцово-паховые сводчато-купольные постройки трех типов по признаку отношения к уровню современной им дневной поверхности: 1 тип – подземные; 2 тип – полуподземные; 3 тип – наземные. Л.М. Левиной они называются «склепами», а их появление датируются сер. I тыс. до н.э. Столь раннюю датировку нижней границы бытования склепов, опирающуюся на находки бронзовых наконечников стрел, на наш взгляд, вполне обоснованно, ставит под сомнение Б.И. Вайнберг, считая возможным датировать появление склепов II в. до н.э. (Левина Л.М., 1996, С.68–69; Вайнберг Б.И., 1999, С.191).

Рис.4. Расчистка склепа №1 на некрополе Сидака

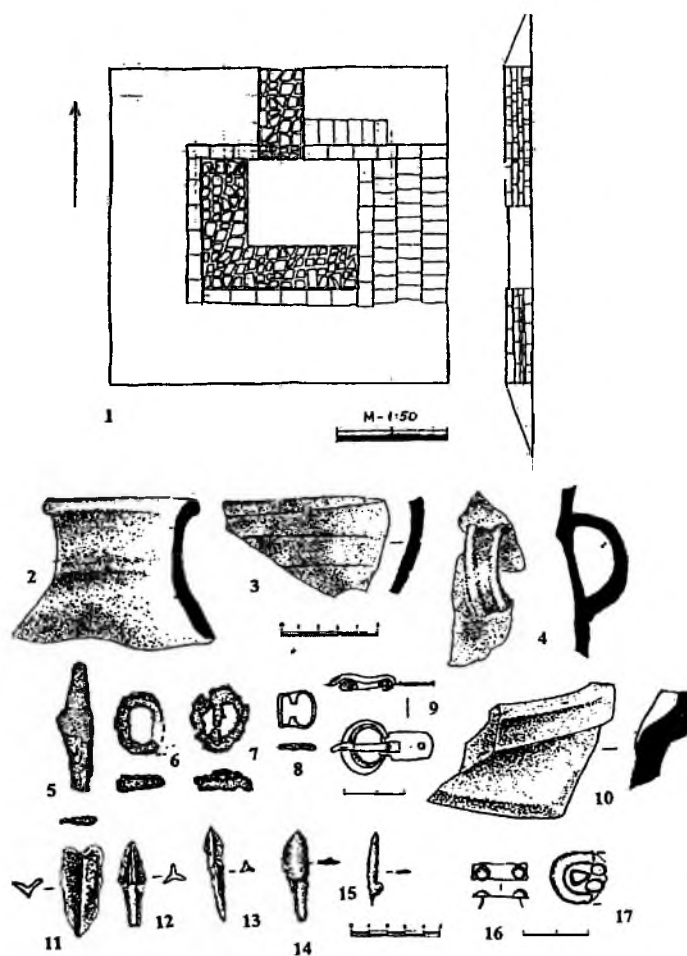

Рис.5. Склеп №3 некрополя Сидак:
1 – план; 2–17 – находки; 9, 16, 17 – серебряные детали пояса

суфы в вытянутом положении на спине с вытянутыми ногами и руками. Иногда под головой лежала войлочная подушка... Рядом с захоронением на суфах и на полу размещали погребальный инвентарь: керамические сосуды с заупокойной пищей, орудия труда, оружие, туалетные наборы в женских погребениях». При отсутствии места на суфах, кости захороненных сдвигались в сторону. Вероятно, что по мере заполнения склепа, все ранние погребения убирались, склеп ремонтировался, заново обмазывался штукатуркой, при необходимости, слегка перестраивался (Левина Л.М., 1996, С.71, 85). Т.е. можно сделать вывод, что склепы служили не для окончательного упокоения останков, а лишь для того, чтобы произошел естественный, без вмешательства некрофагов, процесс разложения плоти. После чего кости собирались и окончательно захоранивались на стороне. Такой способ погребения хорошо известен в Средней Азии, и археологически он представлен склепами и обычно находимыми на некотором отдалении погребений кучек костей, сосудов или оссуариев с костями. Последние («оссуарные некрополи») обычно описываются и воспринимаются как свидетельства отдельного своеобразного «оссуарного или хумного обряда погребения»¹⁷, но есть все основания рассматривать их как окончательные захоронения костей, после того как они лишились плоти, пролежав определенное время в склепах. Т.е. склепы и «оссуарные некрополи» – это археологически фиксируемые разные стадии одного погребального обряда.

Таким образом, можно сделать вывод, что временное трупоположение (многократное) в наземных сырцово-пахсовых склепах было одним из звеньев в распространенном типе погребений у оседлого городского раннесредневекового населения средней Сырдарьи, также как и у обитателей Джетыясарского урочища в низовья Сырдарьи. Культурная общность населения Присырдарьинского региона от Чача (Ташкентский оазис) до ее низовьев (зона распространения культур Каунчи, Отрарско-Каратауской и Джетыясарской на последней стадии) в период VI–VIII вв. исследователями отмечалась неоднократно (Левина Л.М., 1990, С.34).

В «каменных склепах» Апартакского могильника Ташкентского оазиса зафиксированы разные стадии этого погребального процесса (Агзамходжаев Т. 1966, С.104–111). В одних склепах к моменту, когда этот некрополь был заброшен, на полу построек остались лежать полные скелеты покойников с полагавшимися им атрибутами. В «наусе» №4 в углу камеры стоял пустой оссуарий, а на полу лежал скелет. В других «наусах» скелетов не было, но находились мелкие косточки от них и погребальные атрибуты (сосуды, украшения и пр.). Т.е. явно, что из этих склепов основные кости скелета были вынесены и захоронены на стороне. В склепе №4 заблаговременно позаботились о погребальной урне, поставив ее внутри склепа. Но что-то помешало завершить погребальный обряд. Исследователь этих погребальных построек приходит к логичному выводу, что «после истления мягких покровов тела кости покойников, вероятно, собирались и укладывались в оссуарий, мелкие же косточки пальцев рук и ног оставляли в склепе. Заполненные оссуарии ближайшие родственники выносили в особые места для окончательного захоронения в земле» (Агзамходжаев Т. 1966, С.110). Аналогичная картина наблюдается и в наземных склепах (Агзамходжаев Т. 1966а, С.9–11). В серии расчищенных в 1979 г. 12 склепов «пскентского мингтепа» чаще всего встречены мелкие кости скелета, или же костей не было вовсе. В одном зафиксированы лежавшие у стен скелеты, в другом кости с черепами были собраны в кучки. Склепы эти датируются VI–VIII вв. Хронологически им предшествуют на этом могильнике погребения в подкурганых катакомбах, которые четко датируются III–V вв. Автором раскопок эти склепы интерпретируются как наусы, служившие для окончательного «захоронения трупоположений и кучек костей» (Дресвянская Г.Я., 1983, С.24–38). В принципе та же ситуация наблюдалась и ранее при исследовании склепов этого могильника Ю.Ф.Буряковым (Буряков Ю.Ф., 1968, С.131–136).

В этой связи интересно, что на некрополе городища Костобе (VI–IX вв.) под Таразом в погребальных наземных постройках, названных наусами, нет следов оссуариев. Труп в склеп помещали в одежде, со всеми необходимыми атрибутами. Но тут же рядом со склепами найдены захоронения

¹⁷ Обобщая все случаи находок костей в оссуариях и хумах Б.Х. Матбабаев рассматривает их в контексте зороастрийской погребальной традиции (Матбабаев Б.Х., 2003, С.92). Отметим, что некоторые из этих находок территориально связаны с «шапским склеповым могильником», что комплекты костей в них всегда не полные и захоронены они были в специальные отдельные ямы.

отдельных кучек костей и хумы с костями (Байпаков К.М., 1998, С.100). Интересные данные были получены при исследовании некрополя Краснореченского городища. По опубликованным пока данным можно установить, что погребально-культовые постройки представляли собой небольшие купольные склепы (внутренняя площадь 1,5–2 м²) образовывавшие плотную застройку части некрополя (Горячева В.И., 1989, С.85–95). Внутри всех этих построек обнаружены костные остатки (собранные в кучи, уложенные в хумы, в оссуарии, в отдельных случаях скелеты лежат на полу) и поэтому исследователь называет эти склепы наусами. Но при этом, оценив ситуацию, особо четко наблюдаемую в отдельных склепах, Горячева В.Д. приходит к заключению, что «сначала в наусе истлевал труп», а весь материал свидетельствует о выставлении трупов с последующим погребением очищенных костей. Тем самым подтверждается «гипотеза о совмещении в наусах и функции дахм» (Горячева В.И., 1989, С.90, 95). Но эти материалы так же свидетельствуют, что прекращение функционирования этих склепов произошло почти одновременно и в условиях достаточно резкой смены погребальных традиций (время функционирования склепов относится к периоду втор. пол. VIII – сер. X вв.). Яркая картина, вскрытая раскопками, говорит о том, что обычный ход событий здесь был нарушен, погребальный процесс прерван и поэтому в склепах мы видим кучки костей, скелеты в той или иной степени сохранности, поспешно засунутые в склеп поверх лежащих на полу костей хумы и оссуарии. К этому напомним, что верхняя граница склепов южно-казахстанских некрополей Шага, Борижары, Караспан датируются VIII в., т.е. временем арабских завоевательных походов и подчинения юга Казахстана Халифату¹⁸. И в них мы видим похожую ситуацию. Особо показательна ситуация, выявленная внутри пянджикентских склепов (Ставиский Б.Я., Большаков О.Г., Мончадская Е.А., 1953, С.64–98).

Другой своеобразный вариант погребальных построек и обряда, интерпретируемых с позиций норм Видевдата, выявлен при исследовании Кампыртепа в кушанском Тохаристане. Э.Ртвеладзе предложил реконструкцию местного погребального обряда с его общими и специфическими чертами. Из последних отметим отсутствие специальных оссуариев, функцию «костехранилища» выполнял выкопанный рядом ров, куда укладывались и присыпались кучки костей отдельных скелетов. В самих же этих склепах обнаружены лишь мелкие фрагменты костей и керамики, а их скопления обнаружены рядом, но при этом в этих постройках исследователь почему-то увидел совмещение функции «ката, дахмы и науса» (Ртвеладзе Э., 2001, с.65-94). Хотя описание результатов раскопок, на наш взгляд, не дает оснований для такой интерпретации. «Наусом», местом хранения костей, в данном случае был специально устроенный ров, поскольку только здесь найдены захороненные кучки костей. «Ката», как это явствует из приводимых фрагментов Видевдата и этнографических аналогий, это помещения которые могут быть «в каждом доме, каждом селении» и предназначены для временного хранения трупа, в случае если смерть наступает в неблагоприятный для выставления период. Т.ч. наиболее соответствует этим постройкам роль «дахмы», места, где труп избавлялся от мягкой плоти¹⁹. Эти новые данные с Кампыртепе,

¹⁸ Как известно, довольно не продолжительный период исламской крайней нетерпимости к древним местным культам сменился периодом адаптации, и многие древние обычаи и культовые обряды, вписавшись в местный ислам, благополучно дожили в Средней Азии вплоть до наших дней. Сохранился и обычай погребать покойников в наземных и подземных склепах (сагона). По этнографическим данным этот обычай был до недавнего времени широко распространен среди местного городского населения, генетически связанного с древним населением. Имеется описание одной такой погребальной постройки, действовавшей еще в середине XXв. на некрополе кишлака Сангистон в Верхнем Зеревшане. При ее обследовании установлено, что это был двухкамерный склеп с женской и мужской камерами, служивший усыпальницей одной родственной группы (авлод). В мужской камере были кости 11 человек в виде лежавших на полу, посыпанном песком, скелетов и собранные в кучки. В женском склепе лежали скелеты трех взрослых и ребенка, а кости еще семерых были собраны в кучки. По опросным данным установлено, что кости некоторых погребенных находятся в склепе 40–30 лет. А время постройки склепа никто из старожиллов кишлака уже не помнил (Поляков С.П., Черемных А.Н. Погребальные сооружения населения долины Зеравшана// Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С.263–267).

¹⁹ В своем историко-лингвистическом анализе Борисов А.Я. показал, что слово «наус» (араб.) соответствует иранскому слову «дахма», а традиция отождествлять «наус» (араб.) с «астодон» (иран.) пошла в русскоязычной литературе с Иностранцева К.А. По Борисову А.Я. словом «наус» арабы обозначали всякие не мусульманские погребальные постройки, в иранской же среде этого термина не существовало (Борисов А.Я., 1940, С.301–311). В этой системе терминов наземные склепы можно называть и наусом, и дахмой, а скопления очищенных костей (в оссуариях, сосудах, кучками и пр.) астадонами.

возможно, ставят под сомнение ранее сформулированный Ртвеладзе Э. вывод о существовании в кушанское время в Северной Бактрии «обряда погребения предварительно очищенных костей в наземных сырцовых сооружениях» (Ртвеладзе Э.В., 1983, С.125).

В аналитическом обзоре F.Grenet зороастрийские погребальные сооружения представлены двумя функциональными группами: дахмы и наусы. В дахмах происходило очищение костей от мягких тканей, наусы служили для хранения костей. В этой системе представлений склепы, в которых происходило естественное разложение тканей без участия трупоядных птиц и животных, и здесь же рядом хранились кучки костей, занимают, как бы функционально не расчлененное место (Grenet F., 1984, С.229–230), т.е., вроде налицо совмещение функции дахмы и науса, если считать, что кучки костей в склепе хранились постоянно. Универсальной дахмой-наусом, согласно последним реконструкциям, было пока уникальное здание рядом с кафыркалинским некрополем (Лебедева Т.И., 1999, С.152–165). Но, вероятно, и здесь кости хранились в склепе какое-то ограниченное время, после которого они собирались и захоранивались в землю в специально выбранном месте. В этой финальной стадии манипуляции с останками так же наблюдаются вариации. Кости могли погребаться в земле в хозяйственных сосудах, в оссуариях, или же просто в землю, видимо, завернутыми в ткань (Кампыртепа). Местом захоронения могли быть развалины старых зданий, оплывы старых крепостных стен, склоны древних курганов, какие-то склоны оврагов, т.е. всякие укромные места, где они обычно и встречаются при случайных обстоятельствах (Рапопорт Ю.А., 1971, С.89–118; Павчинская Л.В., 1990; Павчинская Л.В., Ростовцев О.М., 1988, С.91–101). На Борижарском могильнике отмечены захоронения костей в хумах (Нурмуханбетов Б.Н., 1975, С.107). Основное количество оссуариев в Ташкентской области, в Фергане и в Согде найдено вне наземных склепов (Филанович М.И., 1990, С.85–96; Минасянц В.С., 1990, С.71–85; Пугаченкова Г.А., 1989, С.162; Агзамходжаев Т. 1963, С.84–86; Григорьев Г.В., 1939, Матбабаев Б.Х., 2003, С.83–93). На Тойтобинском некрополе в бассейне Ахенгерана установлено, что оссуарии погребались в специальных могильных ямах с подбоем (ляхадом) (Массон М.Е., 1953, С.29). «Вторичные погребения» очищенных костей в керамических сосудах расчищены между склепами на некрополе Ток-калы, а так же были найдены в жилых помещениях (Мабмбетуллаев М., Турманов Ж., Юсупов О., 2002, С.96–101). Исследовались отдельные «оссуарные некрополи» в районе древнего Тараза (Пацевич Г.И., 1948, С.98–104; Ремпель Л.И., 1957, С.102–110). Хорезмийские оссуарии найдены в жилых усадьбах или же в «оссуарном могильнике» в руинах городища Калалы-гыр (Рапопорт Ю.А., 1962, С.81–82)²⁰ В Бухарском оазисе древние курганы Куюмазарского и Лявандакского могильников служили местом захоронения в V–VI вв. хумов и оссуариев с разрозненными костями (Обельченко О.В., 1959, С.94–108). В Отраре в стену заброшенного жилого дома были замурованы черепа и длинные кости скелетов (Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1972, С.70). Недавно близ Шымкентского городища случайно был обнаружен хум с разрозненными костями скелетов²¹

Имеющийся пока материал позволяет высказать гипотезу, что склепы не являлись местом окончательного захоронения, а также не являлись местом постоянного хранения костей. Т.е. они являлись собственно погребальными постройками на определенном, пожалуй, самом важном для сознания людей, этапе погребального процесса.

Эта гипотеза основана на понимании той ситуации, которая фиксируется при раскопках подобных склепов как запечатлевшей не окончание процесса погребения, а лишь центрального, но промежуточного этапа. В оформлении довольно растянутого во времени процесса захоронения, сопровождавшегося определенными ритуальными действиями, эти постройки функционально более соответствуют зороастрийским дахмам²², помещениям для выставления трупов. Вероятно, после того как полностью истлевала мягкая плоть²³, и в определенный традицией день (перед

Ю.А.Рапопорт так же считал, что оссуарии были связаны с существовавшими в II в. до н.э. – IV в. н.э. и в Хорезме погребальными склепам (Рапопорт Ю.А., 1962. – С.82), но они здесь, в центральных оазисах, практически не исследованы.

Устное сообщение научного сотрудника Шымкентского обл. историко-краеведческого музея Р.Агзамова.
²² Вообще же зороастрийская терминология в описании данного обряда, возможно, не вполне адекватна.

²³ По данным междисциплинарных исследований, на полную «скелетизацию» трупа в «средних условиях» в земле требуется 3–5 лет. В условиях положения скелета в склепе этот период, возможно, был более продолжительным. (Пашкова В.И., Резников Б.Д., 1978, С.270).

Наурузом?), костные остатки собирались в обычные хозяйственные сосуды, специальные оссуарии, или просто заворачивались в материю и захоранивались в специально отведенном месте («вторичное захоронение»). При этом часть мелких костей могла оставаться в склепе. Перед этим еще внутри склепа кости, собранные в кучки, чтобы освободить место для очередных трупов, лежали некоторое время. После захоронения всех костных останков²⁴, склеп освобождался для следующих членов данной семейно-родственной группы. Его при необходимости ремонтировали, подновляли и так, при отсутствии крупных социальных потрясений, он мог служить в течение нескольких веков для нескольких поколений²⁵. Следы же этих «вторичных», окончательных захоронений, обнаруживавшиеся обычно при случайных обстоятельствах, ошибочно воспринимаются как свидетельства «перезахоронений» или как самостоятельный тип «погребений в хумах или оссуариях» (см. например: Матбабаев Б.Х., 2003, С.90-92).

Другим существенным выводом, вытекающим из вышеприведенного обзора, является заключение о том, что основными типами погребальных сооружений Борижарского некрополя (и ему подобных) являются «наземные склепы» и «подкурганные катакомбы». Причем во всем среднем сырдарьинском регионе наблюдается хронологическая последовательность этих двух типов: катакомбы датируются первыми вв. до н.э. – V в. (Нурмуханбетов Б.Н., 1975, С.114; Берлизов Н.И., Каминский В.Н. 1993, С.94–111), а склепы IV–VIII вв. Очевиден вывод о смене ведущих типов погребальных сооружений с присущими им погребальными обрядами. Но при этом вероятно и сосуществование этих двух видов обряда в рамках периода IV–V вв. с последующим «вытеснением» катакомб. Этот археологически фиксируемый факт, вероятно, связан с теми социальными потрясениями III–IV вв., которые фиксируются в зоне распространения джетыясарской культуры (Левина Л.М., 1990, С.33). В период V–VIII вв. наземные склепы, безусловно, не являются единственным типом погребальных сооружений в регионе, но можно полагать, что в количественном отношении это был ведущий и наиболее распространенный тип погребальных сооружений и связанный с ним тип погребального обряда был господствующим в среде гордского и оседло-земледельческого населения Южного Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА:

- Агеева Пацевич Г.И. Отчет ЮКАЭ за 1951 г. // Рукопись, архив ИА им.Маргулана, 1952, д.231.
- Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. // Труды ИИАЭ АН КазССР.– Т.1.– Алма-Ата, 1956.– С.33–60.
- Агзамходжаев Т. Оссуарные захоронения на окраине Ташкента // ИМКУ.– Вып.4.– Ташкент, 1963.– С.84–86.
- Агзамходжаев Т. Подземные каменные наусы около г. Ангрен // ИМКУ.– Вып.7.– Ташкент, 1966.– С.104–111.
- Агзамходжаев Т. Погребальные сооружения Чирчик-Ангренской долины I–VIII вв. н.э. АКД., Ташкент, 1966.
- Аджигалиев С.И. Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана.– Алматы, 1994.
- Ажигали С.Е. Крупнейший мемориально-культовый комплекс степной Евразии: некрополь Шопан-Ата // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сб. научных трудов.– Омск, 2003.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар.– Алма-Ата, 1972.
- Аминов В., Буряков Ю.Ф., Ходжайов Т.К. Новые материалы к этнической истории долины Мангерана // ИМКУ.– Вып.14.– Ташкент, 1978.
- Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья.– Алма-Ата, 1986.– С.255.

²⁴ Реально такая ситуация, вероятно, случалась очень редко.

²⁵ По датировке монет, найденных в одном из северобактрийских склепов кушанского времени, стены которого почти во все тоньше (0,5–0,7 м) стен склепов Шагинского или Борижарского некрополей, Э.Ртвеладзе предположил период времени функционирования в сто лет (Ртвеладзе Э., 1983, С.137).

Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути.– Алматы, 1998.– С. 230.

Байпаков К.М. Среднее течение Сырдарьи // Средняя Азия и Дальний Восток в раннем средневековье.– Археология.– М., 1999.

Байпаков К.М. и др. Работы Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции в долинах рек Сырдарьи и Арыси // Известия МОН, НАН РК, сер. общ-ых наук, 1.– 2000.– С.215-229.

Байпаков К.М., Воякин Д.А. Исследования комплекса Талтакай // Известия МОН РК, сер. общ-ых наук.– 2003.– №1.

Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана.– Алма-Ата, 1989.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Новые данные по археологии Отрарского оазиса. // Известия АН КазССР, сер. общ-ых наук.– 1990.– №6.– С.20-27.

Берлизов Н.И., Каминский В.Н. Аланы, Кангюй и Давань//ПАВ, вып.7.– СПб., 1993.– С.94-111.

Буряков Ю.Ф. Пскентские наусы // СА, 3, 1968.– С.131-136.

Борисов А.Я. О значении слова наус // ТОВЭ.– Т.III.– Л., 1940.– С.301-311.

Брей У, Трамп Д. Археологический словарь.– М., 1990.

Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э.– М., 1999.

Горячева В.Д. Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная речка и Бурана.– Фрунзе, 1989.– С.85-95.

Григорьев Г.В. Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент под г.Самаркандом // ВДИ, 2, 1939.

Грищенко А.Н. Керамические комплексы городища Жуантобе VII-VIII вв. н.э. и вопросы датировки некоторых погребальных сооружений Борижарского могильника // Маргулановские чтения.– Петропавловск, 1992.– С.93-95.

Грищенко А.Н. Отчет о археологических раскопках городища Жуантобе и Борижарского могильника.– Шымкент, 1999.– Архив ИА им.Маргулана, рукопись.

Grenet F. Les pratiques funéraires dans L'Asie Centrale sédentaire de la conquête grecque à l'islamisation. Paris: Editions CNRS, 1984.– С.229-230.

Дресвянская Г.Я. Типы захоронений курганного могильника у к.Актам (Псентский район)// Материалы по археологии Средней Азии. Сб. научных трудов ТашГУ.– Ташкент, 1983.– №707.

Ержигитова А.А. Раскопки Борижарского могильника // Маргулановские чтения. Труды научно-практической конференции.– Шымкент-Алматы, 2002.– С.122-125.

Ержигитова А.А., Смагулов Е.А. Погребальные сооружения некрополя городища Сидак.// Известия МОН, НАН РК, сер. обществен. наук, 1, 2004.

Лебедева Т.И. Здание близ Кафыркалы под Самаркандом – замок или дахма? // ИМКУ.– Вып.30.– Самарканд, 1999.– С.152-165.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья.– М., 1996.– С.396.

Левина Л.М. Памятники джетыясарской культуры в свете этнической истории Средней Азии (сер. I тыс. до н.э. – VIII в. н.э.) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана.– М., 1990.– С.27-36.

Максимова А.Г. Гробницы типа науса у с.Чага (Шага)//В глубь веков.– Алма-Ата, 1974.– С.95-118.

Мамбетуллаев М., Турманов Ж., Юсупов О. Исследования на городище Токкала // Археологические исследования в Узбекистане, 2001.– Самарканд, 2002.– С.96-101.

Массон М.Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк.– Ташкнт: изд-во АН УзССР, 1953.– С.29.

Матбабаев Б.Х. Доисламские традиции в религии Ферганы (по археологическим данным) // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Материалы международной конференции.– Бишкек, 2003.– С.83-94.

Мерчиев М.К. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I-IV вв. н.э. и захоронение на нем воина IV-V вв. По следам древних культур Казахстана.– Алма-Ата, 1970.

Минасянц В.С. Оссуарии Ташкента и Ташкентской области, история комплектования коллекции. Их иконография и символика // Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство.– Ташкент: Фан, 1990.– С.71–85.

Нурмуханбетов Б.Н. Некоторые черты раннего ислама в средней и нижней Арыси // Известия НАН РК, сер. общ. наук, 5, 1974.

Нурмуханбетов Б. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника // По следам древних культур Казахстана.– Алма-Ата: Наука, 1970.– С.108–120.

Нурмуханбетов Б. Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана.– Алма-Ата, 1969.

Нурмуханбетов Б.Н. Катакомбы Борижарского могильника // Древности Казахстана.– Алма-Ата, 1975.

Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Мардан – погребальный памятник ранних земледельцев Отрарского оазиса // Прошлое Казахстана по археологическим источникам.– Алма-Ата, 1976.

Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Мардан // КСИА, 154, 1978.– С.99–103.

Нурмуханбетов Б.Н. Некрополи Отрарского оазиса и катакомбы Борижарского могильника. (Отчет о работе 1971–1975 гг.). Рукопись. Архив ИА, инв.№925, ф.11,2, 1406.– Алма-Ата, 1975.– 97 с.

Нурмуханбетов Б.Н., Бурнашева Р.З. Погребение с монетами из могильника Мардан (Отрарский оазис) // Известия АН КазССР, сер.общ.наук, 5, 1979.

Обельченко О.В. Захоронение костей в хумах и оссуариях в восточной части Бухарского оазиса // ИМКУ.– Вып.1.– Ташкент, 1959.– С.94–108.

Орозбек-кызы Ж., Худяков Ю.С. Опыт классификации погребальных сооружений кыргызов Тянь-Шаня эпохи позднего средневековья и нового времени // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сб.научных трудов.– Омск, 2003.

Остроумов Н.П. Археологическая поездка в с. Мамаевку Чимкентского уезда.// Протоколы ГКЛА, год IV, 1899.

Павчинская Л.В. Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник. АКД.– Самарканд, 1990.– 16 с.

Павчинская Л.В., Ростовцев О.М. Оссуарии из Сарытепе // ИМКУ.– Вып. 22.– Ташкент: Фан, 1988.– С.91–101.

Пацевич Г.И. Зороастрийское кладбище на Тик-Турмасе // Известия АН Каз.ССР, сер.арх.– Алма-Ата: Наука, 1948.– Вып.2.– С.98–104.

Пашкова В.И., Резников Б.Д. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам.– Саратов, 1978.– 320 с.

Подушкин А.Н. Арысская археологическая культура.– Туркестан, 2000.

Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля.– Ташкент: Фан, 1989.– 204 с.

Пугаченкова Г.А. Иштиханский оссуарий- новый памятник согдийского искусства // ОНУ, 3, 1975.– С.33–34.

Пугаченкова Г.А. К проблеме архитектурной археологии в изучении зодчества Средней Азии // КСИА, 172, 1982.

Рапопорт Ю.А. Хорезмийские астаданы (К истории религии Хорезма) // СЭ, 4, 1962.– С.67-83.

Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. // ТХАЭЭ.–Т.VI.– М., 1971.– С.89-118.

Ремпель Л.И. Некрополь древнего Тараза // КСИИМК, 69.– 1957.– С. 102-110.

Ртвеладзе Э. Могильник кушанского времени у Ялангуштепе // СА, 2, 1983.– С.125-143.

Ртвеладзе Э. Погребально-культовые сооружения Кампыртепа // МТЭ.– Вып.2.– Ташкент, 2001.– С.65-94.

Ртвеладзе Э.В. Культовые и погребальные памятники кушанского времени из Кампыр-тепе // Учёные записки Комиссии по изучению памятников цивилизации древнего и средневекового Востока (Археологические источники).– М: Наука, 1989.– С.224-227.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма.– М: Наука, 1969.– 336 с.

Ставиский Б.Я., Большаков О.Г., Мончадская Е.А. Пянджикентский некрополь // МИА, №37, Труды таджикской археологической экспедиции». – Т.2. – М.-Л.: Наука, 1953. – С.64-98.

Филанович М.И. По поводу оссуарного обряда погребения в Ташкенте. // Древняя и средневековая археология Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1990. – С.95-96.

Хмельницкий С. Между кушанами и арабами. – Берлин-Рига, 2000.

Шульга П.И. Архитектура и семантика погребально поминальных комплексов Пазарыкской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П.Грязнова. – Кн.2. – СПб., 2003.

Сокращения (помимо общеупотребимых): МТЭ – сб. «Материалы Тохаристанской экспедиции»; ОНУ – ж. «Общественные науки Узбекистана»; ИМКУ – сб. «История материальной культуры Узбекистана».

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЕВРАЗИИ И ИХ СВЯЗЬ С КУЛЬТОВЫМИ ПАМЯТНИКАМИ КАЗАХСКИХ СТЕПЕЙ

А.М. Досымбаева

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы

География распространения памятников монументального искусства территориально охватывает все пространство степей Евразии. Ранние этапы формирования относятся к периоду становления кочевого общества и, вероятно, датируются финальным этапом эпохи бронзы. Информация об антропоморфных статуях, выявленных на памятниках эпохи бронзы, на территории Центрального Казахстана, Западной Сибири, Южного Урала, имеется в материалах исследований казахстанских и российских ученых: академика А.Х. Маргулана, С.П. Грязнова, С.А. Киселева [1]. Многочисленные культовые комплексы с оленными камнями, установленными на курганных конструкциях Саяно-Алтая и Монголии, получили распространение на финальном этапе эпохи бронзы и продолжили свое бытование в период раннего железного века [2]. Отдельные характерные черты описываемого типа ритуальных сооружений, известных и в казахских степях этого же периода, впоследствии удивительным образом трансформируются в стиле казахских мемориальных памятников – кулпытасов [3].

Последовательное развитие монументального искусства, исторически взаимосвязанного со становлением мировоззрения кочевого общества степей Евразии, находит свое выражение в статуарном облике антропоморфных божеств в культурах раннего железного века, в восточном ареале – в круге культур сакских племен и западном – в культовых памятниках скифских обществ южнорусских степей [4].

Эволюция традиционных представлений древнего населения степей Евразии в гунно-сарматский и усуньский периоды проходит стадию историко-культурной трансформации. В древних китайских источниках есть сведения о золотом истукане, которому сюнну приносили жертвы. Зафиксирован также факт, что такой же идол был подарен усуням [5].

С другой стороны, в мужских погребениях на могильнике Кокэль (Алтай), атрибутируемых как захоронения сюнну, найдены женские статуэтки, иконография которых близка иконографии каменных изваяний [6]. Описываемый факт свидетельствует о начале формирования новых взглядов в вопросах отправления культов, отражающих мировоззрение кочевников рубежа эры.

Храмы женским божествам, сооруженные из камня, характерные для общества аланов Приаралья (Яньцай, древних китайских письменных источников) [7], и находки мужских и женских статуй с Устюрта и Западного Казахстана [8], культурно атрибутируемые как сарматские, выраительно свидетельствуют о неоднозначности и полисемичности процесса становления традиционных взглядов кочевников.

Вопросы отправления культов и обрядовых действий, связанных с идеями первооснов мироздания, яркое выражение находят в средневековую эпоху. Статуи, символизирующие роль не-

бесно-земного начала в традиционном мировоззрении тюркского социума и олицетворяющие героических предков, получают развитие в многочисленных скульптурах, установленных на пространстве степного ареала Евразии [9].

Так называемый «кыпчакский» тип каменных изваяний, иконографический канон которой сформировался на земле Жетысу (Семиречье), в последующем развивается в огузо-печенежско-половецкой монументальной скульптуре, распространенной на территории Приазовья, бассейне Дона и Днепра [10].

Иконография образов величественных, обожествленных предков тюрков, изваянных в камне, свидетельствует о наполнении новым содержанием и воплощении в них духовного опыта многих тюркских племен, переселившихся в южнорусские степи. Особенности развития тюркской скульптуры, в числе которых свое место занимают и женские статуи, как нельзя лучше маркируют исторические пути становления мировоззрения кочевого общества средневековья, вобравшего в себя все достижения кочевых культур предыдущих эпох и мировой культуры в том числе (Передняя Азия, Греция, Китай).

Кочевники – тюрки сооружали святилища с каменными изваяниями и поклонялись им на протяжении длительного периода: Рубрук и Плано Карпини были очевидцами сооружения антропоморфных статуй в позднем средневековье [11].

В Восточной Монголии, племена населявшие степи Дариганги до XVII вв., не только устанавливали статуи своим предкам, но и в определенные дни «кормили» их, смазывая рты каменных изваяний жиром [12]. В России до XVIII–XIX вв. продолжали «белить» половецкие статуи к языческим праздникам [13]. А.И. Левшин в XIX в. был очевидцем актов поклонения статуям, установленным в степи: всадники спешили с коня и читали молитвы у изваяний [14].

Кулпытасы Западного Казахстана – образцы дальнейшей, последовательной трансформации памятников монументального искусства. В традиционных верованиях казахов, сооружение мемориального памятника, содержащего графические эпитафии с описанием неотъемлемых от судьбы человека качественных характеристик, соответствующее сакральной области потустороннего, не может противоречить догмам ислама. С кулпытасов исчезают изображение лица человека, но повествовательность, символизирующая основные идеи, характеризующие мировоззрение кочевника, становится более содержательной.

Большое количество тюркских каменных статуй, составляющих сакральные святилища открыты, изучаются повсеместно на территории просторов Казахстана, Алтая, Саян, на Дону. Многочисленные памятники монументального искусства сохранились в музеях, во всех городах Казахстана, России, Украины и являются предметом исследования ученых.

Многочисленные тюркские культово-мемориальные памятники с каменными изваяниями и стелами, установленными в центре курганов, в восточной части насыпей, в пристройках к курганам и в восточной части ритуальных оград открыты и изучены по материалам святилищ Жайсан и Мерке, в долине реки Чу, на территории Жетысу (Семиречье). Каждое из святилищ служило тюркским кочевникам в качестве храмов для отправления обрядовых действий, связанных с различными культами, на протяжении длительного времени [15].

Географическое районирование комплексов со статуями и топографические особенности расположения памятников свидетельствуют о намеренном обособлении святилищ Жайсан и Мерке. Святилище Мерке расположено на высокогорных плато – жайляу, на высоте более 2,5 тыс. м над уровнем моря, в горах Киргизского Алатау. Святилище Жайсан находится в долинной части реки Чу, в 100 км к северо-западу от святилища Мерке. Дифференциация культовых комплексов очевидна и по типологическим различиям ритуальных конструкций: храмы с изваяниями святилища Мерке представлены преимущественно курганными конструкциями, на которых в центре или с восточной стороны установлены каменные статуи (рисунок 1).

Конструкции святилища Жайсан представлены ритуальными оградами со стелами и с каменными изваяниями. Ограды – подпрямоугольные в плане, сооружены из каменных болков, плит, поставленных на ребро. Внутреннее пространство оград выложено мелким колотым камнем. В центре оград и снаружи с восточной стороны установлены стелы. На отдельных оградах в вос-

очной части снаружи стоит каменная статуя, стелы установлены в центре оград. К примеру в каждой из оград единой цепочки примыкающих друг к другу ритуальных конструкций комплекса Жайсан 2 установлено по две стелы (рисунок 2).

Общая характеристика двух уникальных культово-мемориальных комплексов тюрков, позволяет сделать выводы о дифференциации ритуальных объектов святилищ Жайсан и Мерке. За типологическим различием сакральных памятников, хронологически одновременных и географически расположенных на единой территории скрыта содержательная информация о разных формах отправления культов, связанных с верованиями средневекового тюркского населения Центральной Азии. В связи с описанным, не вызывает сомнения и факт вероятности различных истоков формирования религиозных представлений у тюрков, нашедших отражение в памятниках монументального искусства святилищ Жайсан и Мерке.

Памятники монументального искусства являются важными источниками, позволяющими реконструировать мировоззрение древнего и средневекового населения Евразии. Историческая проекция описываемых источников позволяет проследить процесс развития идеи о первооснове мироздания, в основе которой находится познание о человеке и окружающем его безграничном мире людей и природы. Хронологически – растянувшаяся на несколько тысячелетий, регионально – охватившая весь степной Евразийский ареал, тюркская ментальность, выраженная в монументальном искусстве, являет собой уникальный, поли- и этнокультурный феномен, духовно объединивший многие древние и современные народы Евразии.

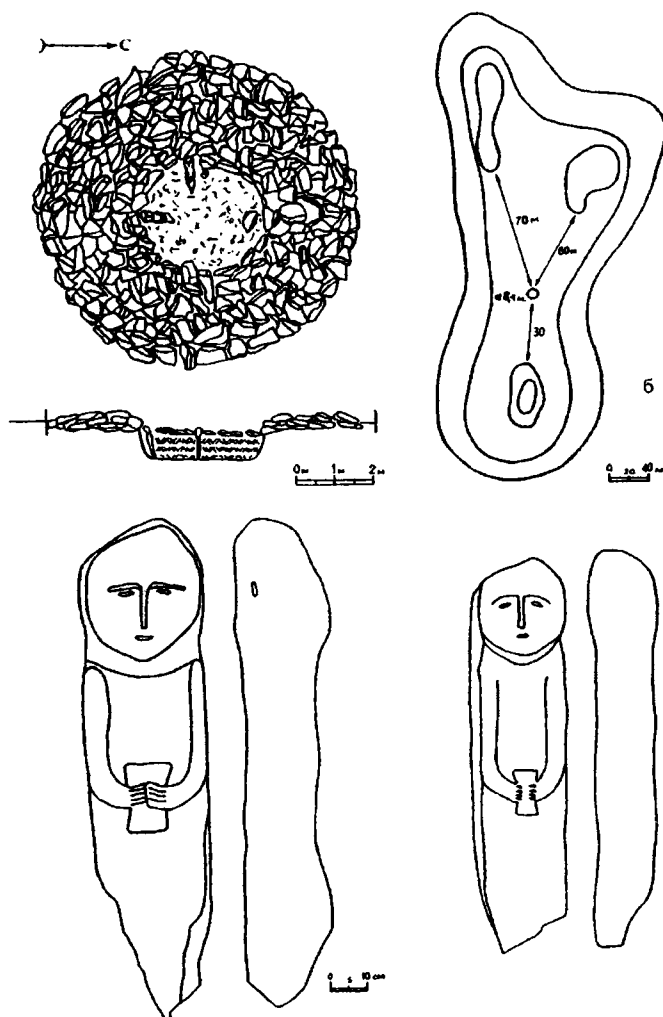

Рис. 1. Святилище тюрков Мерке. Культовый комплекс Шольсай 3

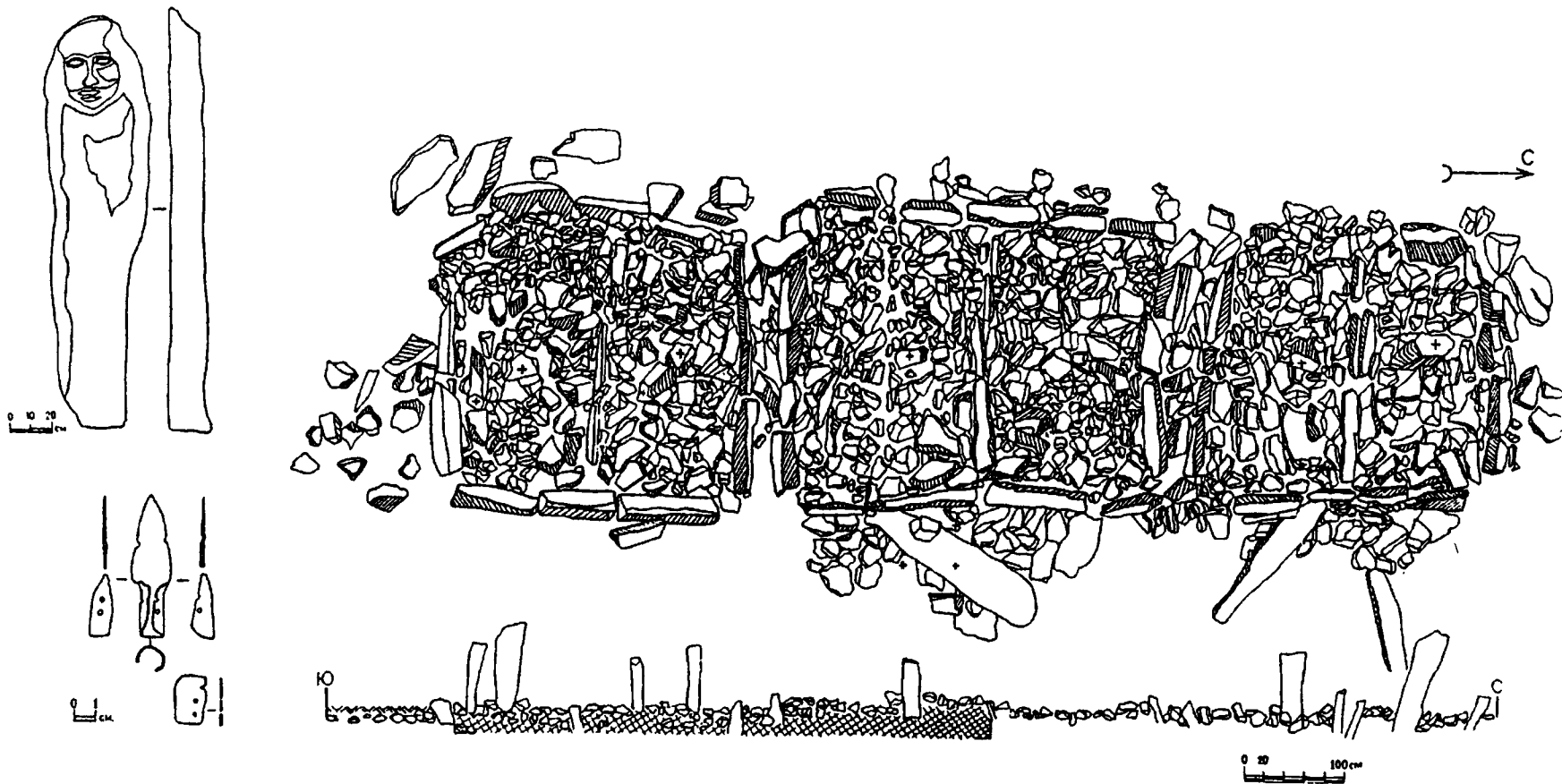

Рис. 2. Святилище Жайсан. Культурный комплекс Жайсан 1, ограда 2

ЛИТЕРАТУРА:

1. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Сочинения т.1, глава 4. Культовые камни.– Алматы, 1998.– С. 329-347; Т.4.– Алматы, 2004; Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. // Советская археология.– Выпуск XII.– М.–Л., 1950.– С.128-156; Кисилев С.В. Древняя история Южной Сибири.– М., 1951.– Глава VIII.– С. 528.
2. Волков В.В. Оленные камни Монголии.– М.: Научный мир, 2002.
3. Аджигалиев С.И. Генезис погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана.– Алматы: Гылым, 1994; Тасмагамбетов И. Кулпытас.– Астана: ОФ Берел, 2001.
4. Артомонов Антропоморфные божества в религии скифов. // Археологический сборник.– Л. изд-во Гос. Эрмитажа, 1961.– С. 57-87; Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен.– М.: Наука, 1977.
5. Бичурин Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена.– Т.I,II.– Алматы, 1998.– 388 с.
6. Дьяконова В.П. Культовая скульптура могильника Кокэль. // Древние культуры Центральной Азии.– СПб., 1998.– С. 189-192.
7. Зуев Ю.А. Сармато-аланы Приаралья (Яньцай-Абзоя) // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации. Материалы международной конференции.– Алматы, 1995.– С. 38-49.
8. Тасмагамбетов И. Кулпытас.– Астана: ОФ Берел, 2001.
9. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии.– М. 1952; Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы.– М., 1961; Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья.– М.–Л., 1966; Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая.– Новосибирск, 1984; Байбосынов К. Каменные изваяния Жамбылской области.– Алматы, 1994; Юталов С.Г. Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья. // Новое в археологии Южного Урала.– Челябинск, 1996.– С.210-244; Елеукунова Г.Ш. Очерки истории средневековой скульптуры.– Алматы, 1999.
10. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния.– М., 1974.– Вып. Е4-2; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.– М., 1966; Герасьева Л.С. Скульптура средневековых кочевников степей Восточной Европы (на укр. яз.).– Киев, 1991
11. Путешествие в Восточные страны. Перевод., введ. И прим. А.М. Малеина.– СПб., 1911. Рубрук Вильгельм и Плано Карпини.
12. Казакевич В.А. Намогильные статуи в Дариганге. // Материалы комиссии по исслед. Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурятско-Монгольской АССР.– Вып. 5.– Л., 1930 – С.1-35.
13. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния.– Вып. Е4-2.– М., 1974.
14. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих орд и степей.– Алматы, 1996.
15. Досымбаева А.М. Мерке – сакральная земля тюрков Жетысу.– Тараз: Сеним, 2002.

ШЫНГЫСТАУСКИЙ КОМПЛЕКС ПРЕДМЕТОВ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ

А. Исин

Семипалатинский государственный университет им. Шакарима

Шынгыстауская археологическая экспедиция Семипалатинского государственного университета им. Шакарима функционирует, начиная с июля 1999 года. В 2000–2002 гг. экспедиция работала на памятнике Берел в составе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции под руководством З.С. Самашева. В 1999 и 2002 годах совместно с археологами Казахского

Национального университета имени аль-Фараби проводились раскопки и разведочные работы в горах Шынгыстау бывшей Семипалатинской области. Исследованы памятники эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья.

Разведка тюркских памятников осуществлялась в районе озера Сарыколь, а также в бассейнах рек Копя, Шалкар и местности Суыкбулак, где, в частности, проводилось картографирование и фотографирование объектов. Внимание исследователей было обращено на каменные изваяния, исполненные в различных манерах и относящиеся, по-видимому, к разным хронологическим срезам тюркского времени.

В мае 2003 г. в плане подготовки к археологическим работам предстоящих сезонов Шынгыстауская археологическая экспедиция Семипалатинского государственного университета им. Шакарима продолжила полевые работы. В этих работах приняло участие 2 преподавателя, 9 студентов и магистрантов, проводник экспедиции. Для съемок памятников и археологических работ были привлечены также 2 специалиста по киносъемкам.

В ходе работ были обнаружены несколько каменных курганов в горах Шынгыстау, проведены реконструкционные работы на раскопанном в 2002 г. памятнике бронзового века. Выяснено, что стены ограды № 10 состоят из 8–9 рядов каменной кладки. По завершении реконструкционных работ и фотографировании реконструированной ограды 31 мая был осмотрен тюркский памятник с каменным изваянием у оз. Сарыколь. Неожиданно был обнаружен на глубине всего лишь 0,5 м комплекс предметов тюркского времени с многочисленными золотыми изделиями. Все они имеют отношение к погребально-поминальной обрядности тюркских времен.

Погребально-поминальная обрядность тюркского времени и памятник у озера Сарыколь

Погребальную обрядность тюркских времен изучали на основе археологического материала многие исследователи: Ф.Х. Арсланова (1969), А.Д. Грач (1361, 1966, 1368), Л.Н. Кызласов (1969, 1975, 1979), Я. Шер (1963, 1966), А. Уманский (1964), Ю.С. Худяков (1980), В.Д. Кубарев (1978, 1987, 1991), А.А. Гаврилова (1965, 1968), Б.Б. Овчинникова (1990). Часть проблемы рассматривалась в диссертации Л.Н. Ермоленко (1990), а также в одной из последних работ на эту проблематику – в книге А.М. Досымбаевой (2002).

Распространенным видом захоронения тюрков VI–VIII веков, кимаков и кипчаков IX–X веков было захоронение человека с конем. Во многих памятниках, особенно в степных, человек похоронен с конской сбруей. В погребальных обрядах много своеобразия, что отражает этнокультурный мир многочисленных тюркских племен. В Береле, при раскопках курганов № 25 и 33 раннетюркского времени схожие каменные сооружения дали в первом случае захоронение человека в подбое, а в другом – символическое поминальное захоронение без человека и лошади.

Достаточно устойчивыми видами сооружений тюркской эпохи Казахстана являются каменные курганы с каменными изваяниями. Для VI–VIII веков характерны сооружение небольших каменных оградок из цельных прямоугольных, узких и толстых плит и установка перед ними лицом на восток каменных статуй. В литературе сделан вывод (Л. Кызласов, 1969, С.32; А. Уманский, 1964, С.36), что с IX века оградки уже не возводились. С большой долей вероятности, это хронологическая деталь.

Один тип каменных изваяний получил название древнетюркского. Некоторые характерные черты его иконографии: согнутые в локтях на разных уровнях руки, в правой руке изображается ритуальный сосуд, в левой – часто кинжал, показано пояс, ворот одежды, усы – если мужчина, груди – если женщина и т.п. Статуи поставлены обычно у оградок.

Другой тип скульптур кыпчакско-половецкий. Он характерен, в основном, для восточноевропейских степей. В их иконографии почти всегда отсутствует оружие, сосуд держится двумя руками, в полусогнутых руках, выделяется туловище, показано много деталей одежды, головной убор и т.д.

Одна из линий развития изваяний может быть названа кимако-кипчакской, характерна для степей северо-восточного Казахстана. Она имеет черты стеловидной скульптуры: более или ме-

нее четко изображается голова человека и черты лица, плечи слабо выделены и почти по прямой линии переходят в туловище, мужские статуи могут быть высокими. Одна из характерных скульптур этого типа была исследована в ходе работ 1999 года в местности Тактайбулак. Эта статуя, названная нами «Жигит», в настоящее время находится в Алматы, на кафедре археологии и этнологии КазНУ им. аль-Фараби. Человек изображен в голом виде.

Стеловидные изваяния, по нашим предположениям, восходят к традиции возведения стел в оградах и курганах-оградах бронзового века. Еще предстоит изучить развитие звеньев этого типа на протяжении раннего железного века и хунно-сарматского времени.

Статуя, возле которой нами обнаружен тайник с предметами, скорее всего, относится к стеловидному типу изваяний, хотя иконография головы отражает связь с другими традициями возведения подобных скульптур.

Мы датировем эту фигуру более или менее основательно, учитывая известные этнокультурные параллели, VIII–IX веками, т.е. концом времени тюркских каганатов и началом кимакского времени. Таковы наши некоторые хронологические обоснования обнаруженных изделий на основе датировки изваяния. Другое обоснование, более широкое, дано на основе анализа самих предметов.

Древние тюрки, включая такие крупные племенные группы как кимаки, кыпчаки, огузы в доисламское время приносили предкам жертвоприношения, в частности, в виде мяса, молочных продуктов, зарывая их в землю у изваяний, которые олицетворяли души усопших. Остатки жертвоприношений находят также под насыпями в неглубоких ямах. В оградке также помещали еду некоторые предметы (З.С. Самашев, 2003).

Поминально-погребальную обрядность тюркских племен эпохи средневековья сложно было изучать по причине того, что памятники редко составляют большую группу, обычно рассыпаны, рассредоточены, большинство курганов невелики по размерам и скрыты растительностью, часто тюркских племен имело место трупосожжение, вещи зарывались отдельно, зачастую в тайниках. Очень много курганов и изваяний пострадало в исламское и индустриальное времена, стали жертвами любительского и околонуточного интереса, увозились в города, в музеи, становились еще строительным материалом, а также объектом разрушительной злобы. С потерей ориентиров терялись и точки схронов средневековых изделий.

В нашем случае был целый ряд счастливых моментов: незаселенная отдаленная местность, в пору использования ее как летовки казахи не покушались на памятники древности, влажное место с высоким луговым травостоем, сильно накренившись, изваяние само «прикрывало» сокровище. Изваяние, «выпрямившееся» в ходе наших работ, «открыло» тайник людям прибывшим с исследовательской миссией. В другом каком-то случае все могло бы пропасть.

Специального шурфа для обнаружения предметов не закладывалось, так как не ставилась задача проведения в этом месте каких-либо раскопок именно в то время, когда был обнаружен комплекс предметов тюркского времени. Место было законсервировано с тем, чтобы провести основательные раскопки памятника.

Характеристика и трактовка вещевого комплекса. Схрон предметов на расстоянии в 20–30 см от изваяния на север-северо-восток, на пространстве всего в 0,3×0,7 м, в земле на глубине в 0,25–0,5 м.

Изделия из золота

Кувшинчик. Высота изделия – 5,3–5,4 см. Диаметр венчика – 2,8, по тулову – 3,5–4,0, дна – 1,2 см. Диаметр колечка ручки – 1,2 см. Вес кувшинчика 17,9 г. Степень сохранности предмета – хороший. Один бок из-за нахождения в земле несколько прижат и имеет следы вмятины. На тулове сосуда ближе к ручке заметны два расплывчатых красных пятна. Возможно, это следы сошедшей раскраски кувшинчика в красный цвет. Более вероятно, что это символическая жизнеутверждающая намазка.

В тюркских курганах Горного Алтая, Тувы, Хакасии обнаружены несколько серебряных кувшинов или кубков. Они примерно в 2–2,5 раза больше по величине, чем шынгыстауский кувшин-

чик. Судя по опубликованным материалам, кувшин из памятника Могнун-Тайга в Туве имеет по тулову 12,5, по венчику – 9, дна – 7 см. Высота свыше 12 см. По конфигурации наша находка близка к изделию из памятника Курай 4 Кошагачского района Республики Алтай. Размеры курайского кубка: диаметр венчика и дна сосуда примерно одинаков – около 6 см, по тулову около – 9 см, высота – около 12 см. По способу крепления ручки шынгыстауский сосуд имеет сходство с курайским кувшином. У курайского сосуда миндалевидное крепление на трех заклепках и полукруглая ручка. Шынгыстауский кувшин имеет сердцевидное крепление ручки так же на трех заклепках. Сама ручка представлена в виде круга и изготовлена из аккуратно срезанной золотой полоски. Уникальность находки несомненна, она является первой на территории Казахстана. Поскольку технологическое сходство с алтайско-сибирскими изделиями тюрков VIII–X веков налицо, шынгыстауский кувшин по признакам также наиболее убедительно укладывается в данный хронологический рубеж.

Известно большое ритуальное значение сосуда в тюркском погребально-поминальном обряде: не случайно он является постоянным изобразительным элементом каменных изваяний. Золотые украшения были положены именно в этот маленький кувшинчик.

Полоски. В кувшинчике были обнаружены в скатанном виде 10 полосок разной длины. Длина полосок: 21,2; 21,2; 21,2; 15,6 ; 12,7; 11,3; 10,8; 7,7; 3,9; 2,6 см. Короткие полоски, возможно, являются фрагментами, оторванными от длинных, хотя не исключено, что они изготовлены именно по такой длине. Ширина полосок от 0,6 до 1,5 см. Большинство полосок имеют ширину около 0,8 см. Самая широкая и тяжелая по весу полоска имеет вес 1,1 г. Полоски срезаны неровно от руки. В некоторых местах прослеживаются следы скручивания. По нашему мнению, полоски использовались для украшения волос, косичек. Возможно, что в кувшинчик было положено нечетное число этих предметов, что более вероятно для погребально-поминальной культуры тюркских времен.

Круглые нашивки. Они были положены в кувшинчик, согнутые посередине и сложенные один в другой. Всего было 10 этих нашивок. О том, что это нашивки, свидетельствуют маленькие отверстия по краям кругляшек. Четко заметны бортики, следовательно, они были прикреплены к другой металлической основе. Вес каждой нашивки около 0,8 г. Диаметр – 2,9 см. На пяти нашивках имеются по четыре краевых отверстия, на одной – 3, на четырех – по 2 отверстия.

Нашивки в виде замочной скважины. Обнаружено 7 шт. – 5 целых и 2 фрагмента. Длина – 3,6, диаметр головки – 1,7 см. Вес каждой нашивки – 0,6 г. Имеют два отверстия – у края головки и у основания.

Квадратные нашивки. В кувшинчике оказалось 4 квадратные нашивки. Они так же срезаны от руки и варьируют в размерах: 1,5x1,5; 1,5x1,3; 1,5x1,4; 1,6x1,4 см. Вес – 0,2 г. Одна нашивка размером 1,5x1,5 см, по нашему мнению, имеет арабскую надпись. Именно она позволила предположить вначале, что мы имеем дело с железными изделиями кимак-кипчакского времени и кладом золотых и серебряных украшений после монгольского периода. При первоначальном осмотре проступала нечеткая надпись арабскими буквами и знаки, похожие на старые арабские цифры, а также буквы рунического письма. Четко были прочитаны слова «Халид Алла». Знаки походили на арабские цифры 8 и 6 с точкой, т.е. нулем посередине. 608 год хиджры приходится на тревожный в истории 1211 год по европейскому летосчислению, а 806 г.х. – на 1403 г., время сборов войск амиром Тимуром для организации похода на Китай. В таком случае клад ханской семьи мог быть зарыт в приметном месте, каким было древнетюркское изваяние.

По ряду причин нам пришлось отказаться от такого предположения. Цифры выдавлены весьма неубедительно. Они напоминают как цифры, так и отдельные древнетюркские буквы. Выше после слова «халид» заметен знак Просматривая пластинку многократно, достаточно уверенно читаем арабские слова. Арабская надпись («Халид Алла» – «вечный аллах») позволяет датировать комплекс предметов временем не ранее середины VIII века. Мы уяснили связь всех обнаруженных предметов, особенно верным хронологическим ориентиром послужил кувшинчик с серебряными аналогами его в Сибири. Теперь уже стало несомненным, что все найденные

предметы уместаются в широком хронологическом диапазоне VIII–X веков. Экспертные оценки Самашева утвердили это мнение.

По квадратной нашивке с надписью возникло предположение, что первоначально золотые полоски и квадратики могли использоваться как эталон товаров. По тексту Самаркандского договора 712 г. известно, что 1 мискаль золота обменивался на 20 драхм (дирхемов). Исходя из этого, исследователями установлено соотношение между золотом и серебром как 14 к 1. Серебряная драхма начала VIII века имела вес 3 г. Серебряный дирхем саманидско-караханидского времени весил около 2,8 г. Исходя из соотношения 14 к 1 вес золотого квадратика в 0,2 г. по стоимости соответствовал серебряному дирхему. Конечно, на основе одной находки сложно сделать вывод по этому вопросу, но все же думаем, поиски в этом направлении позволят выйти и на материалы, свидетельствующие о месте золота в торговых операциях раннего средневековья.

Круглые украшения. Представляют собой штампованные орнаментированные покрытия для подобных бронзовых украшений. Обнаружены в двух фрагментах. В них проступает четко цветочный орнамент, целиком, наблюдаемый на бронзовых круглых украшениях, два образца которых были так же найдены.

Серебряные изделия

Все серебряные предметы обнаружены в земле рядом с золотым кувшинчиком.

Нашивка с роговым орнаментом. Найдена в единственном числе. Представляет собой металлический наконечник ремешка. Форма – прямоугольно-овальная, с двумя маленькими отверстиями. Величина 1,8×1,5 см. Высота бортика – 2 мм. При расположении рогового орнамента использован принцип симметрии. Орнамент штампованный. Сохранность вещи – хорошая.

Круглые нашивки. По размерам и способу выполнения идентичны подобным золотым нашивкам. Отличие в том, что серебряный лист для изделия отобран несколько более толстый. Диаметр – 2,9 см. Высота бортика 3 мм. С маленькими отверстиями на противоположных концах, выбитыми с внутренней стороны. Обнаружено три экземпляра – 2 целые и 1 фрагмент. На одной целой нашивке два отверстия, на другой – четыре. На фрагменте нашивки четыре отверстия. Целые экземпляры – хорошей сохранности.

Нашивки в виде «замочной скважины». Найдено 4 экземпляра 2 целых, 1 почти целый, 1 обломанный в конце. Размеры целого изделия: длина – 3,6 см, ширина у головки – 1,0, у основания – 1,3 см. Высота бортика – 2 мм. Отверстие – у основания. У второго предмета те же размеры. Четвертая нашивка дошла в обломанном виде, фрагментарно.

Изделия в виде листьев. 3 экземпляра. Размеры 6,8×3,0; 5,6×2,9; 5,2×2,1 см. Все представляют собой фрагменты. Эти изделия могли быть предназначены как элементы украшения волос, символизируя жизнь, прорастание.

Бронзовые изделия

Так же как серебряные найдены в земле. Всего 3 предмета.

Подвеска. С круглым основанием, с коническим верхом отверстием для вставки камня. Диаметр – 2,5–2,8 см. Диаметр сплюсненного проволочного ободка от этого украшения – 2,7 см. Высота – около 3 см. Сохранность удовлетворительная. Из-за коррозионных процессов изделие хрупкое.

Круглые украшения. 1 украшение целое, хорошей сохранности, другое – во фрагменте. Техника создания – штамп. Круг оформлен по краям плавным зигзагом, состоит из 13 выпуклостей. В центре композиции – шестилепестковый цветочный орнамент. Лепестки узкие, вытянутые. Диаметр украшения-накладки – 2,0 см.

Железные предметы

Все железные предметы находились компактно на весьма ограниченном участке земли в 0,3–0,7 м, что доказывает их одновременный схрон.

Конское снаряжение

Удила. Все 3 удила по классификационной схеме М.Л. Кызласова (1977, С.11) по форме соединения (разряд) – двусоставные (состоят из двух подвижных звеньев), по технике изготовления (раздел) – гладкие: стержни выполнены из гладкого железного прута, все – прямоугольного сечения. По числу колец на стержне (отдел) – однокольчатые. По форме колец (тип) – миндалевидные.

Одни удила имеют длину 9,3–9,8 см, диаметр колец – 2,3 и 3,5 см, толщину стержня – 0,7 см. У вторых удила длина 8,8–9,8 см, диаметр колец – 2,2 и 3,0, толщина – 0,5 см. Третьи удила имеют длину – 9,0–10,4, диаметр колец – 3,1–2,7 см, толщину – 0,5 см.

Кольца выполнены параллельным загибом двух расходящихся лент металла. Сечение стержня – прямоугольное. Соединительное кольцо выполнено методом загиба двух соединенных концов стержня.

Сохранность удил достаточно хорошая. Часть стержня второго кольца у одних удил (у третьих) – разорвана. Это может быть элементом погребального обряда, также как наличие в схроне нечетного числа удил.

Исследователи на примере саяно-алтайских памятников отмечают «отсутствие настоящих удил в женских погребениях» (Овчинникова Б.Б., 1990, С. 91). Если это наблюдение применимо и к казахским захоронениям, вероятность принадлежности данных предметов лицу мужского пола весьма высока.

Сарыкольские удила являются небольшими по величине и вполне могли принадлежать подростку.

Железные удила степного пространства относятся к таким источникам, которые не имеют четких хронологических рамок, но по частоте известных видов вполне определенно уместаются в тюрко-кимакское время.

Стремена. Все три стремени по форме петли (разряд) – восьмеркообразные, по типу – горизонтально-вытянутые, с приплюснутой петлей (тип 1 б саяно-алтайских стремень). Корпус дужки – округлый. Сечение проволоки – прямоугольное, ширина 0,3–0,4 см, ширина на участке расплющенной подножки – 1,4–1,5 см.

Высота стремень 0–8,8 (несколько согнуты); 10,0–10,5; 11,5 см.

Ширина корпуса – 9,1; 8,7; около 9,5 см (отсутствует часть корпуса).

Высота петли – 2,5; 2,5; 2,7 см.

Ширина петли – 2,3; 2,2; 2,3 см.

Ширина подножки – 7,0 (по прямой линии, по дуге 8,0); 6,5 (7,5); не определяется.

Форма и тип стремень не имеет абсолютных хронологических рубежей, но наиболее характерна для VIII–X веков тюркских племен.

Обращает на себя внимание, что у всех трех стремень разорвана подножка. Известно, что это элемент погребальной обрядности тюркских народов. Но нельзя исключить и фактор тонкости в этой части расплющенного металла.

Пряжки подпружные. 2 экземпляра. По группе они так же железные, по разряду – рамчатые, по разделу – прямоугольные.

1-я пряжка. Вертикальная рамка с язычком, несколько выступающим за границы рамки. Сечение проволоки – прямоугольное, ширина ее – 0,3–0,5 см. Размеры рамки – 4,0 по вертикали, 3,2 по ширине. Длина язычка – 4,3 см. Язычок прикреплен к рамке методом загиба.

2-я пряжка. Прямоугольно-фигурная рамка, вытянутая горизонтально с изгибами вовнутрь посередине сторон рамки. Размеры – 4,7–5,3 по горизонтали, 3,4–4,3 по вертикали.

Железные рамочные подпружные пряжки, в т. ч. с изгибами, весьма характерны для тюркской эпохи.

Предметы вооружения

Наконечник копья. Железный втульчатый. По сечению пера относится к ромбической группе. Длина пера – 7,4, ширина – 2,3 см. Высота втулки – 7,3, диаметр основания 2,5–2,6 см.

Общая длина наконечника – 14,7 см. Наконечник предназначен для не большого копья. К примеру, у древнетюркских боевых копий длина пера и втулки обычно больше (Худяков Ю.С. 1986, С 156–157).

Несомненно, аналоги этих изделий находим у древних тюрок и кимаков.

Панцирные пластины. 7 железных чешуйчатых пластин, из них 1 целая, 2 почти целых, 4 с обломанными концами. Количество отверстий колеблется от 2 до 7. Размеры:

1) 4,5 (длина) × 1,4–1,6 см (ширина). 3 отверстия на широком конце. Целая пластина.

2) 5,1×1,3–1,5 см. 2 отверстия на широком конце. Почти целая.

3) 4,2×1,3–1,8. 7 отверстий: 1 на узкой стороне, по 2 по бокам на широком и 2 на широком конце. Почти целая.

4) 3,5 (полусогнута) × 1,3–1,5 см. 4 отверстия на широком конце, обломана.

5) 3,8×1,3–1,5 см. 2 отверстия на узком конце, 3 отверстия на широком конце, обломана.

6) 3,5×1,3–1,5 см. Места отверстий обломаны.

7) 2,4×1,5 см. 2 отверстия на широком конце.

Близкие аналоги шынгыстауским панцирным пластинам находим у панцирных и поясных пластин верхнеобских племен III–V вв., древнетюркских VI–VIII вв. и кимакских племен IX–X вв. (Худяков Ю.С., 1986, С. 122, 158, 197). По соотношению пера и длинны втулки, по нашим наблюдениям, наиболее близкий аналог – кимакские панцирные пластины Прииртышья.

Заключение

На основе учета условий нахождения, типологического анализа обнаруженных археологических источников и мнений экспертов (З.С. Самашев) Шынгыстауский комплекс предметов уверенно датируется VIII–IX вв.

Наиболее значимый комплекс предметов погребально-поминальной обрядности древнетюркской эпохи на территории Казахстана найден археологами впервые. Шынгыстауский комплекс предметов из золота, серебра, бронзы, железа позволяет в совокупности значительно более полно восстановить элементы духовной и материальной культуры средневековых кочевников Казахстана, их связь с кочевыми культурами Сибири и Алтая.

Металлические сосуды, изготовленные из драгоценного материала, играли большую роль в верованиях и обрядах тюркских племен. Нет сомнения, что обнаруженный у озера Сарыколь кувшинчик имел ритуальное предназначение, символизируя обильную и нескончаемую еду и питье усопшего человека. Вкрапления или наносимая на драгоценный сосуд красная краска олицетворяют жизнь, новую рождаемую кровь.

Элементы украшений означали замещение головного убора, одежды и обуви, а предметы конского снаряжения – верхового коня, самого близкого для существования и процветания человека существа. Обрывание подножки стремян символизировало гибель человека и было одним из элементов погребальной культуры. Не четное число зарытых в схрон удила и стремян, возможно, же связано с погребально-поминальными поверьями племен. Оно может символизировать ответственность, несчастье, гибель, как в других каких-то обществах означать нечто противоположное. Абстрагируясь от этой связи, тройное число удила и стремян может замещать коня повседневного, охотничьего и боевого.

Заслуживают большого внимания для анализа золотые полоски и квадратные нашивки, на одной из которых помещена достаточно уверенно читаемая арабская надпись и тюркские знаки. Такие же вырезы из золотой фольги могли служить в жизни эквивалентом товаров. Они же представляют собой разнообразные украшения для одежды, пояса и для укладки волос. Предметы конского комплекса принадлежали или могли быть адресованы, скорее всего, к подростку мужского пола. Многие предметы из золота, серебра, бронзы, очевидно, представляют собой детали конного пояса.

Схрон изделий был совершен у изваяния, которое могло олицетворять могущественного отца предка усопшего. Обращает также внимание, что в скульптурном изображении сзади четко изображены многочисленные косы воина.

Каменное изваяние может быть уверенно датировано древнетюркским временем. По нашему мнению, скульптура выполнена в традициях восточноказахстанского, кимако-кипчакского типа стеловидных изваяний, имеющей свои исторические корни возникновения. Время сооружения изваяния и осуществления схрона найденных летом 2003 года изделий, скорее всего, невелика – в пределах одного-трех поколений, живших в той местности людей. Социальное положение человека, к которому обращен схрон изделий, высокое.

Исходя из всех перечисленных факторов и учитывая имеющиеся в науке аналогии, как сам памятник, так и схрон у него предметов погребально-поминальной обрядности, уверенно датируются второй половиной VIII–IX веками.

Уточнить данное положение, а также получить более детальное и полное представление о памятнике позволит его дальнейшее, основательное изучение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арсланова Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане. // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана.– Алма-Ата, 1969.
2. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен.– М., Л., 1965.
3. Гаврилова А.А. Новые находки серебряных изделий периода господства кыргызов // КСИА.– Вып. 114.– М., 1968.
4. Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы.– М., 1961.
5. Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге // ТТКАЭЭ.– Т.2.– М., Л., 1966.
6. Грач А.Д. Древнейшиетюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография в Средней Азии.– М., 1968.
7. Досымбаева А.М. Мерке – сакральная земля тюрков Жетису.– Алматы, 2002.
8. Ермоленко Л.Н. Древнетюркские каменные изваяния Казахстана Автореферат дис...канд. ист. наук.– Алма-Ата, 1991.
9. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск, 1989.
10. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века.– М., 1969.
11. Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири.– Л., 1975.
12. Кызласов Л.Д. Древняя Тува (от палеолита до IX века).– М., 1979.
13. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках.– Свердловск, 1990.
14. Самашев З.С. Фаизов К., Базарбаева Г. Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая.– Алматы, 2002.
15. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии.– Новосибирск, 1986.

Список сокращений:

КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР

ТТКАЭЭ – Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции

ВОПРОСЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ НУДЖИКЕТА

Б.А. Байтанаев

Китайские письменные источники, составленные со II в. до нашей эры и VI в. нашей эры, указывали государства, расположенные к западу от Китая не в последовательности их расположения по Великому караванному пути, а порой без конкретной географической привязки. Поэтому установить точное место расположение географических пунктов и государств, указанных в

них, было делом трудным, а в некоторых случаях невозможным. Исключением являются «Записки о западном крае [периода] Великой Тан» («Да тан сиюцзи») Сюань-цзяня, который следовал по караванной магистрали и описал все государства и народы на своем пути в последовательности их расположения от Китая до Индии. Более того, все предыдущие до него китайские путешественники – паломники, следовавшие из Китая в Индию, пошли по южному пути, минуя Южный Казахстан. На сегодняшний день сочинения Сюань-цзяня являются первым наиболее подробным китайским письменным документом по караванным путям и городам Казахстана в период раннего средневековья.¹

Маршрут Сюань-цзяня, цитируемый далее, не раз был объектом исследования ученых, и в этом вопросе еще нет единого мнения. Отрезок пути, о котором речь пойдет ниже, относится непосредственно к Южному Казахстану и занимает участок территории от современного Тараза до Ташкента.

«Пройдя отсюда² на юго-запад около 200 ли, прибыли в город на Белой реке.³ В окружности город 6–7 ли. Произведения земли и климат на много лучше, чем в Да-ло-сы.

Пройдя отсюда на юго-запад около 200 ли, прибыли в город Гунъюй⁴. Город в окружности 5–7 ли. Земли здесь влажные и плодородные, а леса пышные и густые.

Отсюда на юг, через 40 или 50 ли, прибыли в княжество Нучицзянь. Княжество Нучицзянь в окружности более 1000 ли. Земли влажные (или орошаемые?), пригодные для земледелия; пышные травы и леса, много цветов и фруктов, а также винограда, который высоко ценится. Здесь сотни городов, и в каждом из них отдельный правитель. В своих действиях они не зависимы один от другого. И хотя они отделены один от другого дикими районами и обособлены, в общем, называются княжеством Нучицзянь.

Отсюда, пройдя на запад более 200 ли, прибыли в княжество Чжэши».⁵

Отождествление Да-ло-сы с Таразом и Чжэши с Шашем, указанных в тексте маршрута, у всех исследователей не вызывает сомнения, но в отношении других пунктов на сегодняшний день существует неопределенность.

Ф.Рихтхофен, еще в семидесятых годах XIX века, проанализировав маршрут Сюань-цзяня, пришел к выводу, что под Да-ло-сы следует понимать Тараз. Байшу – «Белая вода» необходимо сопоставить с Испиджабом – арабских письменных источников. Однако он не объяснил, где надо искать Испиджаб, и где находился Кунгуй. Следующие 50 ли в южном направлении и город Нучицзянь (вариант произношения по сочинению Рихтхофена – Нучикиен) ученый определил на месте Чимкента. Причем он интуитивно сопоставил слово Нучикиен с топонимом Чимкент и лингвистически это не обосновал. Следующий пункт Чжэши Рихтхофен отождествил с Ташкентом⁶.

В. Юферов, в начале XX века, изучив труды Рихтхофена, Риттера и некоторых других исследователей по этому вопросу, согласился в целом с локализацией Рихтхофена. Он лишь пересмотрел Байшучен – город на белой реке, определив его в долине реки Ак-су у поселка Манкент.⁷

Южно-Казахстанская археологическая экспедиция Академии наук Казахской ССР, работавшая с 1947–1951 гг. на территории Южно-Казахстанской области, не могла обойти этот вопрос. Результаты работ экспедиции получили публикацию в обстоятельной совместной моногра-

¹ Подробнее см.: Зуев Ю.А. Китайские известия о Суйе // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1960. – Вып. 3(14). – С.87–96.

² Имеется в виду Да-ло-сы (Тараз).

³ В своем тексте Ю.А. Зуев указал топоним в переводе – Белая река, очевидно, в оригинале написано Бай-шуй. Сам же он в своих примечаниях пишет: «...возможно, имеется в виду город на р. Аксу, притоке Арыси». Подробнее см.: Зуев Ю.А. Китайские известия... Указ. Соч. С.91.

⁴ В этой публикации Ю.А. Зуев в своих примечаниях по поводу данного топонима отметил «Название этого города мне неизвестно: может быть, оно соответствует «Кэню» орхонских текстов». Зуев Ю.А. Китайские известия... Указ. Соч. С.91. – Прим. №20.

⁵ Зуев Ю.А. Китайские известия... Указ. Соч. С.91–92.

⁶ Richthofen F., China. – Berlin, 1877. – S.543.

Юферов В. Усыхает ли Туркестан? // Вопросы колонизации. СПб, 1910. №7. С.270–274.

фии Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевича. По их мнению, Байшучен некогда располагался в долине реки Ак-су, на месте выхода ее из ущелья в горах Джабаглы северного склона Угамского хребта. Гунюй они сопоставили с Испиджабом, определив его на месте современного поселка Сайрам. Место расположение Нуцицзяня не объяснили. Чжэши сопоставили с Ташкентом.⁸

В 1989 году Л.А. Боровкова опубликовала работу, где дала историко-географическую характеристику населенным местам и государствам, расположенным к западу от Китая по древнекитайским источникам. Самый загадочный отрезок пути китайского путешественника она описала так: «В 200 ли/ 105 км к юго-западу от г. Байшуйчэн, по Сюань-цзаню, находился г. Гунюй, а в 50 ли/ 26 км на юг – владения Нуцицзянь...». Поскольку других упоминаний о них в династийных историях нет, не будем останавливаться на их локализации.⁹ Исследователь арифметически переводила китайские ли на километры и мерил их по современной карте.

Совсем недавно Ю.А. Зуев вновь вернулся к рассматриваемому нами вопросу. Не вдаваясь в подробности старой полемики локализации Канцзюя китайских письменных источников, исследователь в качестве доказательств, о возможном его месте расположения в долине реки Арысь, сопоставил Гунюй Сюань-цзяня, Кангу орхонских текстов и Кенджиду арабских письменных источников. Ученый не говорит прямо. Однако, ссылаясь на работу Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевича, локализовавших главный город средневекового округа Кенджида Арсубаникет, Ю.А. Зуев подводит к мысли об определении Гунюй на месте городища Жуантобе, расположенного в среднем течении реки Арысь.¹⁰ Причем в топониме Гунюй он видит архаичность, которая свидетельствует о хронологической отдаленности с первой китайской записи – Канцзюй.¹¹

Собственно, локализация округа Кенджида, в среднем течении реки Арысь, принадлежит В.В. Бартольду.¹² Исследования же на городище Жуантобе показали, что город Арсубаникет находится в другом месте.¹³

Ю.А. Зуев, также как и предыдущие исследователи, считает город на Белой реке, описанной Сюань-цзанем, есть Испиджаб.¹⁴ Совершенно новое объяснение получило у него место расположение Нуцицзяня. Исследователь замечает сходство описаний Сюань-цзяня княжества Нуцицзянь с рассказом его о стране Сули, расположенной по его мнению к западу от Суяба и простиравшейся до Цзешуанна-Согда.¹⁵ Он считает, что в обоих случаях речь идет об одном и том же государстве. Причем автор работы замечает, что под словом Сули (Согдак) нужно понимать не сам Согд. На основании этого он делает выводы: «...значит, что через 17–19 км пути на юг от Кюнъю проходили в Согдак»,¹⁶ т.е. Нучикет.

Если город на Белой реке Сюань-цзяня – Испиджаб (Сайрам), а Гунюй – Жуантобе в долине реки Арысь, то где же находился Нуцицзянь? Городище Жуантобе расположено около 50-ти км севернее от Сайрама, а Нуцицзянь, согласно «Запискам», находился на юге в 40–50 ли от Гунюй. Тогда выходит, что княжество Нуцицзянь было расположено между Гунюй и городом на Белой реке, а сам китайский путешественник ходил по кругу.

Н.Я. Бичурин, переведивший Таншу, где были использованы данные сведения Сюань-цзяня, пишет, что в Суябе и в Таразе живут торговые и кочевые. Он не выделяет «ху» в отдельную

⁸ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды института истории, археологии и этнографии. – Алма-Ата, 1958. – Т.V. – С.204–205.

⁹ Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. – (Историко-географический обзор по древнекитайским источникам.) М., 1992. – С.134.

¹⁰ Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы, 2002. – С.95–97.

¹¹ Там же, С.96.

¹² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. // Соч. – Москва, 1963. – Т.I. – С.233.

¹³ Археологические исследования на городище Жуантобе показали, что памятник не имеет слоев IX века, а город Арсубаникет упоминается позже, вплоть домонгольского времени. Он локализован на месте другого археологического объекта. Подробнее см.: Байтанаев Б.А. К вопросу локализации Арсубаникета (историко-лингвистический анализ) // Известия АН Каз.ССР. Серия филологическая. – 1991. – №3. – С.31–37.

¹⁴ Зуев Ю.А. Ранние тюрки. Указ. Соч., С.162.

¹⁵ Ю.А. Зуев отождествляет Цзешуан с Согдом со столицей в городе Кеш (Шахрисяб) Зуев Ю.А. Ранние тюрки. Указ. Соч. С.268.

¹⁶ Зуев Ю.А. Ранние тюрки. Указ. Соч. С.164.

этническую группу, т.е. согдийцев, более того, по Н.Я. Бичурину, Цзешуан¹⁷ ничто иное, как искаженное китайское произношение слова Кашгар. Правда, в тексте у Н.Я. Бичурина имеются несоответствия. В «Повествование о западном крае» отсутствует описание Гунюй, по крайней мере, мы не обнаружили данный топоним в последнем Алматинском издании русского синолога. Слово же Нучицзянь передано у него как – Нучигянь.¹⁸

Для верной локализации населенных пунктов, указанных Сюань-цзанем, необходимо понять, какой принцип измерения расстояния был положен у китайского путешественника. В первую очередь нужно определить, где же находился населенный пункт Байшучен и связана ли семантика данного слова с понятием Белая река?

Населенный пункт Байшуйчен (вариант произношения по Таншу – Байшуйху¹⁹) у всех исследователей, начиная с Жульена, Бичурина и собственно самими китайскими учеными²⁰, трактуется как «город на Белой реке». С китайского «Бай» – белый; «шуй» – река, вода; «чен» – город. Эта семантика стала опорной и послужила основанием поиска города на реке с названием Ак-су, а в последствии сопоставление названного населенного пункта с городом Испиджабом – арабских письменных источников. Определение Рихтхофена, что Испиджаб – это и есть Байшучен, укоренилось в исторической литературе и стало аксиомой для последующих исследователей.

Данный тезис как будто бы не вызывает сомнения, возможно, поэтому никто из ученых не стал оспаривать, что Испиджаб это и есть город на Белой реке, т.е. Ак-су. Однако понятие «Белый» собственно в самом слове Испиджаб не стоит понимать буквально, существует несколько версий этимологии данного топонима.²¹ По одной из них, Испиджаб – это название «Белого города», а не «Белой воды (реки)». Сообщение Махмуда Кашгарского: «Сайрам-название белого города (Ал-Мединат ал-Байда), который называется Испиджаб. Про него говорят также Сарьям»²² показательство этому. Все это говорит о том, что семантику слова Байшучен нужно истолковывать по-другому, и его месторасположение в другом районе.

В первую очередь мы должны ответить на вопрос: почему китайский путешественник из Семиречья пошел через Южный Казахстан, а не через Фергану? Судя по «Запискам», Сюань-цзан был тепло принят в Ябгу хаканом.²³ Встречи, проведенные с ним, богословские беседы китайского паломника оказали большое воздействие на мировоззрение тюркского правителя. Хакан берет на себя покровительство его дальнейшего путешествия. В те годы подобного рода путешествия было делом нелегким, а порой опасным. Для дальнейшего сопровождения китайского паломника, по приказу хакана, будет найден юноша, знающий язык хань.²⁴ Им выдадут послания во все страны, по которым они будут следовать. На то время, самым безопасным маршрутом для подобного путешествия были земли тюрков, находившихся под владычеством Ябгу, который проходил по Южному Казахстану. Несомненно, в «Записках» Сюань-цзана речь шла о Тун Шеху-хане. Его данные перекликаются со сведениями Таншу. Там, в частности, говорится, что Тун Шеху первоначально имел ставку в Ши-го (Шаш) и перенес ее на север в Цянь-цюань – тысяча ключей.²⁵ Поэтому неслучайно дальнейший путь китайского паломника

¹⁷ Н.Я. Бичурин в своей работе дал иное прочтение данному топониму – Гэшуан. Подробнее см.: Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Алматы, 1998. – Т. II. – С. 312.

¹⁸ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание... Указ.соч. С. 312.

¹⁹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений. Указ.Соч.Т. III. – С. 134.

²⁰ Гу Сисин цзи сюань чжу [комментарии к запискам древних путешественников]. – Нинся, 1987. – С. 84.

²¹ Подробнее вопрос локализации и этимологии топонима Испиджаб см.: Байтанаев Б.А. Древний Испиджаб. Средневековые города Южного Казахстана на Великом Шелковом пути. Издание второе переработанное и дополненное Шымкент-Алматы, 2003.

²² Волин С. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах //Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата. – 1960. – Т. VII. – С. 84.

²³ Е-ху-кэ-хань, по мнению Ю.А. Зуева, соответствует Ябгу-каган. Зуев Ю.А. Китайские известия... Указ. Соч. С. 88. Прим. №3.

²⁴ Юноше будет жалован титул Маду (Бадур)-тархан по-китайски Моду-дагань. Зуев Ю.А. Китайские известия... Указ. Соч. С. 89. Прим. №8.

²⁵ Согласно Н.Я. Бичурина Тун – есть имя собственное, а Шеху – значит Ябгу – титул. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений. Указ.Соч.Т. I. –С. 289 Очевидно речь идет о зимней ставке в Шаше, которая возможно находилась на месте Джабгукета.

от Суяба в Тараз проходил именно через летнюю ставку Хакана – Цянь-цюань, подробно описанный в «Записках».²⁶

В 1221 году через Южный Казахстан следует даосский монах Чан-Чунь. Его сведения ценны тем, что путь Чан-Чуня частично повторял маршрут Сюань-цзяня. В описании путешествия на запад читаем: «...18-го числа мы ехали подле гор на запад дней 7–8, когда вдруг пошли на юг; на дороге нам показалось каменное городище, камни совершенно красного цвета; есть следы древнего военного становища. Потом переехали через каменный мост и по направлению юго-западных гор сделали пять переездов до города Сай-Лань. Здесь небольшая башня. В первые дни 11-й луны с рядом шел сильный дождь, 4-го числа у туземцев был Новый год».²⁷

По мнению В.В. Бартольда, следы древнего становища, описанные в путешествии Чан-Чуня, есть упоминание об Акырташе. Каменный мост, через который проехал даосский монах находился в Таразе у реки Талас. Сай-лань – это Сайрам. Первый день 11-й луны соответствовал 18 ноября 1221 году.²⁸ Из данного отрезка пути мы обратили внимание на то, что путники совершили поход от Тараза до Сайрама за пять дней.

В 1413 году аналогичный маршрут совершил другой китайский подданный дипломат Чэнь-Чэн. В его «Записках» описание маршрута от города Янги (Тараз) до Сайрама, проходил так: «...26-е число. Ясная погода, с утра движемся на запад, прошли свыше 50 ли до окрестностей г.Янги. [Дали] отдохнуть лошадям, после обеда снова отправились в путь, шли до вечера, прошли 150 ли, в месте [где росли] травы расположились лагерем.

27-е число. Ясная погода, наутро отправляемся на запад, прошли равнину, прошли примерно 100 ли, в месте, где жил мусульманин (хуэйхуэй) Аэргэ, расположились лагерем.

28-е число. Ясная погода, с утра движемся на юго-запад, прошли примерно 150 ли, у источника расположились лагерем.

29-е число. Ясная погода, с утра движемся на запад, прошли равнину, примерно через 70 ли, в местечке Хабусу расположились лагерем. Вождь из Сайлань прислал навстречу людей, по северной дороге дошли до места соединения, прожили [здесь] один день.

Июль. 2-е число. Ясная погода, с утра движемся на запад, прошли примерно 50 с лишним ли, проехали Сайлань...».²⁹

Из этого отрезка пути можно видеть, что от Янги до источника, где миссия расположилась лагерем, путники сделали три дневных перехода. Далее один день они следуют до местности Хабусу. Топоним Хабусу идентифицируется нами с населенным пунктом Карабулак, где многочисленные родники образуют реку с названием Карасу. В прошлом, согласно арабским письменным источникам, через Карабулак проходил караванный путь, и этот пункт назывался «Шаваб» с согдийского буквально Шав – черный, аб – вода.³⁰ Еще один день миссия следует до Сайрама. Однако в указанном выше сочинении Чэнь-Чэня расстояния от Янги до Сайрама явно завышены и составляют в купе 520 ли. Хотя в другом своем сочинении «Описание государств Западного края» Чэнь-Чэн, между Янги и Сайрамом, указал 360 ли.³¹ Возможно, китайский дипломат пользовался при подготовке второго сочинения каким-то дополнительным источником, так как даже

Город упоминается у Ибн Хаукаля как Джигукет. В Худуд аль-Аламе: «Джабгукет, красивый городок, где в древности был военный лагерь Чача». (Подробнее см. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху. Указ. Соч. С.230. Прим. №1). Ю.Ф. Буряков локализовал Джабгукет в шашском оазисе, на месте археологических объектов Тугай-тепе и Ак-ата. (Подробнее см.: Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского Оазиса. – Ташкент, 1982. – С. 146, 149).

²⁶ Зуев Ю.А. Китайские известия... Указ. Соч. С.91.

²⁷ Цитируется по работе В. Юферова. Подробнее см.: Юферов В. Усыхает ли Туркестан?// Вопросы колонизации. – СПб. 1910. №7. – С 270-274.

²⁸ Бартольд В.В. Туркестанский край в XIII веке (по рассказу китайского путешественника)// Собрание сочинений в 9 томах. Москва, 1965. – Т.III. – С.237-243.

²⁹ Чэнь Чэн. Сиюй синчэнцзи [Записки о путешествии на запад]// Минчаобэнь. Голи Бэйпин тушугуань шаньбэнь цуншу. – Бэйцзин, 1936. – ЛЛ.14-14а.

³⁰ Подробнее вопрос локализации Шаваба см.: Байтанаев Б.А. От Испиджаба до Будукхкета (археолого-лингвистический анализ) // Известия МОН РК и НАН РК. – Серия общественных наук. – 2002. – №1. – С.165-181.

³¹ Чэнь-Чэн. Сиюй фаньгочжи [Описание государств Западного края] // Минчаобэнь. Голи Бэйпин тушугуань шаньбэнь цуншу. – Бэйцзин, 1936. – ЛЛ.14-15а.

рубый арифметический перевод ли на километры (180 км) указывает на то, что расстояния, данные Чэнь-Чэнем в этом сочинении, соответствуют реалиям. Между Таразом и Шымкентом расстояние по трассе составляет 180 км.

Совсем недавно Н.В. Александрова опубликовала перевод и комментарий «Записок» Сюань-цзана с описанием его путешествия по Гандхаре-Кашмире. В своих комментариях она отметила: «...встают вопросы – довольно головоломные – о соответствии маршрута паломника по тексту и его реального пути». Из этого следует, что ученый столкнулся с теми же проблемами, что и предыдущие исследователи.³²

Л.А. Боровкова в своей работе полностью опирается на исследования историка КНР Ян Куань, который доказывает значительную степень достоверности древних китайских мер длины, известных по письменным источникам. По его мнению, в различные исторические периоды Китая, длина ли менялась. Так, в периодах: «...Хань – 1 ли равна 414 м, 1 км равен примерно 2,5 ханьским ли; Ранняя Вэй – 1 ли равна 500 м, 1 км равен 2 ранневэйским ли; Тан – 1 ли равна 531 м, 1 км равен примерно 1,9 ли».³³

Возникает вопрос: могло ли расстояние в пяти дневных переходах соответствовать указанному Сюань-цзаном 200 ли? Нет. Если учесть, что в эпоху Тан 1 ли был равен 531 м, то 200 ли будет равен 106 км. По этим параметрам китайский паломник прибыл явно не в Сайрам. Сюань-цзан не мог точно измерять расстояния, поэтому нельзя переводить буквально – арифметически, расстояния, указанные им на километры. Такой подход абсолютно не верен. Именно в нем кроются неудачи исследователей.

Мы предполагаем, что у китайского путешественника существовали свои выработанные критерии, по которым он переводил дневные переходы (а сюда входили отдыхи по пути, временные продолжительные остановки) на ли. Тогда мы должны понять, какое среднее расстояние в ли проходил Сюань-цзан за один дневной переход. Первое, на что мы обратили внимание, что в его дорожном маршруте расстояния между пунктами даны в округленных цифрах (200, 150, 300 и т.д.). Нигде в тексте нет такого, что он прошел, например, 17 ли, 31 ли, 73 ли и т.п., т.е. дневной переход он округлял и соответственно давал цифру приблизительную, которую он регулировал на свое усмотрение. Допустить, что Сюань-цзан один дневной переход считал за 100 ли – нельзя, так как расстояние в ли будет превышать 52 км. А это уже не переход, а марш-бросок. У китайского паломника было дальнейшее путешествие, большие стремительные переходы были не в его правилах, наиболее вероятнее, что дневной переход он определял в 50 ли, и поэтому расстояния между населенными пунктами имеют округленные цифры.

Если танские 50 ли (согласно данным Ян Куань) перевести на километры, то получится 26 км. Это расстояние более или менее подходит одному дневному переходу арабской меры длины. Например, в период средневековья один дневной переход каравана (в зависимости от ландшафта местности) составлял около 28–35 км, 4–5 фарсахов, соответствующему одному дневному переходу или двум беридам.³⁴ Исходя из этих параметров, можно считать, что Сюань-цзан, независимо от пройденного пути, один дневной переход считал за 50 ли. А его длина могла колебаться от 26 до 35 км, все зависело от времени года, ландшафта местности, погодных условий или иных непредвиденных обстоятельств.

В своем маршруте Сюань-цзан пишет, что от Тараза до Байшуйчен расстояние около 200 ли. Заметим, около (!) 200 ли. Что по нашему расчету соответствует трем с половиной переходам, но неполным четырем дневным переходам, т.к. он пишет «около 200 ли», а не ровно 200 ли. Точно такое же расстояние, которое соответствовало трем дневным переходам, совершил Чэнь-Чэн в 1413 году и остановился у источника. Очевидно, он двигался быстрее, чем Сюань-

³² Сюань-цзан. Да тан си юй цзи. – Записки о западных странах, составленные в правлении великой династии Тан (из цзюаней I-III). Вступительная статья, перевод с китайского и комментарии Н.В. Александровой // Вестник древней истории. – 2003. – №3. – С. 259.

³³ Боровкова Л.А. Указ. Соч. С. 5-6. – Прим. №1.

³⁴ По мнению В.В. Бартольда, в Мавераннахре, фарсах составлял около 7,5 км, а почтовый перегон берид в восточных областях халифата был равен 2 фарсахам. Бартольд В.В. История орошения Туркестана. // Соч. Москва, 1965. – Т. III. – С. 119.

изан. Миссия остановилась у источника, располагавшегося на традиционном пути из Тараза в Сайрам.

Источнику, о котором говорил Чэнь-Чэн, соответствуют расположенные на этом пути истоки реки родникового происхождения Балыкшы (Балыктысу), так как следующий один дневной переход соответствует Карабулаку (Шавабу), а другой Сайраму (Испиджабу). Об этом отрезке пути у ал-Макдиси читаем: «От Испиджаба до Шаваба 2 почтовые станции,³⁵ затем до Будухкета столько же».³⁶ Ибн Хордадбех и Кудама ибн Джа'фар это же расстояние дают в фарсах от Испиджаба до Шаваба 4, от Шаваба до Будухкета 4-5 фарсах.³⁷ Чуть ниже от истока, на берегу реки Балыкшы, на расстоянии 3,5 км, у водораздела Балыкшы – Арысь, расположено средневековое городище Торткольтобе отождествленное нами Будухкетом.³⁸ Верхние слои этого городища датируются караханидским временем, поэтому Чэнь-Чэн не мог посетить Будухкет, лежавший в то время в руинах. Центральная часть памятника с цитаделью имеет под прямоугольную форму. К ней примыкали различные рабады. В 40 годах XX века памятник обследовал Г.И. Пацевич (экспедиция Джамбульского археологического пункта). Он дал первые обмеры и топографическую характеристику археологического объекта. Данные попали в археологическую карту Казахстана, где читаем, что у выезда из поселка Балыкшы в сторону поселка Корниловка тянется земляной вал 3–3,5 км, шириной 2–3 м.³⁹ Несомненно, фортификационное сооружение является составной частью инфраструктуры средневекового города, в данном случае, городища Торткольтобе. Подобную топографию памятников, характерную для Южного Казахстана и Семиречья, принято называть городище с длинными стенами.⁴⁰

Именно этот памятник археологии имеет все основания быть отождествленным с Байшуйчен. Подтверждение этому – указанные Сюань-цзанем размеры города Байшуйчен, который в окружности имел 6–7 ли, т.е. в пределах 3-х километров. Аль-Истахри, например, в X веке говорил, что между Будухкетом и Таразом двухдневный переход и на этом пути нет ни рибата, ни признаков заселенности.⁴¹ Конечно, нельзя полностью отрицать, что в период средневековья на этом отрезке пути не было пунктов оседлости. Памятники археологии доказывают обратное. Однако, на данном маршруте, городу, о котором говорил китайский путешественник, соответствует городище Торткольтобе, расположенное на берегу реки Балыкшы у слияния ее с Арысью.

Эти выводы позволили поднять нам другой вопрос, не является ли Байшуйчен, по Жульену Pechoui, Пе-шуй⁴² именем собственным географического объекта, в данном случае города Будухкет (Балыкат/Барыгкат), а не переводом на китайский язык существующего гидронима. Фонетически, Пе-шуй можно сопоставить с Балыкшы, названием реки, у которого располагался город. В древности топоним Байшуйчен китайскими иероглифами произносился как Beak siwei chieng, а Байшуйхучен – Bak swi hu chieng.⁴³ Китайцы иероглифом «шуй» обозначали небольшие – малые реки.⁴⁴ Крупные реки они обозначали другим иероглифом – «хэ». В этом отношении река родникового происхождения Балыкшы соответствует топонимическим реалиям. По мнению А.Ходжаева, гидроним Балыкшы/Балыкты китайцам легче всего было транскрибировать как «Баличи». Исходя из этого, следует вывод, что Байшуй является китайской калькой существовавшего гидронима.

³⁵ Имеется в виду берид – почтовый перегон.

³⁶ Волин С. Сведения арабских источников IX–XVI вв. Указ. Соч. – С.83.

³⁷ У этих авторов топоним передан в форме Шараб. Волин С. Указ. Соч. – С.74, 76.

³⁸ Подробнее см. Байтанаев Б.А. От Испиджаба до Будухкета. Указ. Соч.

³⁹ Археологическая карта Казахстана. – Алма-Ата, 1960. – С.252. – №3616.

⁴⁰ Байпаков К.М., Григорьев Ф.П. О топографии городища Тараз // Проблемы древней и средневековой истории Казахстана. Материалы II Международных чтений по творчеству Мухаммеда Хайдара Дулати. – Алматы, 1999. – С.50–67.

⁴¹ Материалы по истории Киргизии. Киргизия. – Вып. I. – Москва, 1973. – С.21, 32.

⁴² Richthofen F. China.-Berlin, 1877.-S.543; Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды института истории, археологии и этнографии. – Алма-Ата, 1958. – Т.V. – С.204–205.

⁴³ Пользуясь случаем, приношу свою искреннюю признательность профессору А. Ходжаеву, давшего нам консультации по прочтению и семантики топонимов Байшуйчен, Гунной, Нучицзянь и др. по древнекитайским первоисточникам.

⁴⁴ Ходжаев А. Теле (тюрки) – сведение. «Бэй ши» («История северной династии») // Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. – Ташкент, 2003. – С. 18. – Прим. 16.

Очевидно, данный топоним в форме Будухкет, одним из первых указал В.В.Бартольд, что стало опорным для последующих исследователей. В его работе читаем: «...во всех рукописях Ибн Хордадбега и Кудамы после д (или р) стоит еще уа, так что произношение названия остается сомнительным; Сам'ани, которому месторасположение города не было известно (по Сам'ани, Будахкет – «селение Испиджабской или Шашской области»), может быть, знал это название только по книжным источникам».⁴⁵ Несомненно, вопрос соотношения топонимов Байшуй и Балыкты требует дальнейших исследований, но на сегодняшний день мы можем с достаточной долей уверенности сказать, что на юго-запад от Да-ло-сы, около 200 ли Сюань-цзан посетил город Будухкет – ныне памятник археологии Торткольтобе у села Балыкшы.

Байшухучен, после Сюань-цзана, еще два раза упоминается в Таншу. В первый раз, в связи с походами Дулухана, который во время междоусобиц произошедших в 641 году потерпев поражение от Кюе Сыгиня, взял город Байшуйху и там остался жить. Второй раз, в 646 году, когда Шегуй-хан вступил на престол и отправил войско осаждать Байшуйху.⁴⁶ Данный факт из письменных источников имеет подтверждение в материальной культуре. Из Тюлькубасского района, где локализуется Байшуйчэн, происходят почти все древнетюркские каменные изваяния VII–VIII вв., обнаруженные на территории Южно-Казахстанской области, в настоящее время, хранящиеся в фондах Южно-Казахстанского областного краеведческого музея.

Следующие около 200 ли китайский паломник также совершил на юго-запад и достиг Гунюй (по Жульену Кунгуй).⁴⁷ Сопоставление Ю.А. Зуева Гунюй с Кенджидой арабских письменных источников действительно может иметь под собой реальные основания, как в метрологии и фонетики. Но, какой именно памятник археологии соответствует Гунюй? В данном районе имеется ряд поселений и городищ с материальной культуры раннесредневекового периода. Среди них особенно выделяется два памятника: городище Караспантобе и Жуантобе. Городу же Арсубаникет, центру округа Кенджида, по нашим убеждениям, соответствует Караспантобе, а не указанные Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевичем – Жуантобе.⁴⁸ Это городище генетически связано с Жуантобе, их топография схожа. Памятники представляют из себя цитадель с кольцевым рабадом. Археологические исследования на городище Жуантобе показали, что город загасает в VIII веке.⁴⁹ А городище Караспантобе, согласно подъемному материалу, просуществовало до XVI века.

Следует отметить, помимо работ Ю.А. Зуева имеется высказывание на этот счет Б.Е. Кумекова, который одним из первых отождествил Кандждех (Кангдех) арабских письменных источников, расположенный в 2-х днях от Испиджаба, с Кангом древнеиранского эпоса. Ученый подчеркнул важность самой локализации Кандждеха по картографическим изображениям ал-Идриси, согласно которым становится ясно, что коренные земли Турана – Канга определяются к северу от Испиджаба на его границах.⁵⁰ Несомненно, вопрос этот требует дальнейших исследований, это само по себе является темой отдельной работы.

В арабских письменных источниках IX–XII вв. нет упоминания города Кангха/Кандждеха. Тем словом назван округ, т.е. единый культурно-исторический район, главным городом которого был Арсубаникет. В послемонгольское время город Арсубаникет не упоминается, но при этом чеканятся монеты от имени Кенджиды при Чагатаидах,⁵¹ что указывает на продолжение существования названия округа в послемонгольское время.

Бартольд В.В.. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. // Соч. – М., 1966. – Т.4. – С.26–29.

⁴⁶ Бичурин Н.Я.. (Иакинф). Собрание сведений. Указ. Соч. – Т.1. – С.293–294.

⁴⁷ Richthofen F. China. – Berlin, 1877. – S.543.

⁴⁸ Очевидно, это локализация принадлежит Е.И. Агеевой, т.к. немного позже в археологической карте Казахстана читаем, что Г.И. Пацевич локализовал Арсубаникет на месте городища Караспантобе. Подробнее см.: Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.

⁴⁹ Пользуясь случаем, приношу благодарность академику К.М. Байпакову и археологу А.Н. Грищенко, предоставивших мне эти сведения.

⁵⁰ Кумеков Б.Е. Расселение карлуков по карте ал-Идриси (XII в.) // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). – Алма-Ата, 1981. – С. 8.

⁵¹ Бурнашева Р.З., Смагулов Е.А. Клад чагатаидских монет из Культобе (г.Ясы) // Известия МОН РК, НАН РК. – Серия естественных наук. – №1. – С. 136–149.

Городу Гунюй/Кунгуй, который посетил Сюань-цзан, может соответствовать как городище Караспантобе, так и городище Жуантобе, в топографии этих памятников прослеживается генетическая связь. Тем не менее, проанализировав письменные источники, сопоставив археологические материалы, указанных объектов древности, мы пришли к выводу, что Сюань-цзан посетил город Гунюй, который находился на месте городища Жуантобе. Основным аргументом является собственно сведения самого Сюань-цзана. В его «Записках» четко сказано, что он посетил город Гунюй, а не княжество, как он это делал в соответствующих случаях.

Городище Жуантобе прекратило свое существование в VIII веке, а название округа Кенджида упоминается вплоть до Золотоордынского времени включительно, что указывает на то, что город Гунюй прекратил свое существование, сохранив свое имя за названием округа, административным центром которого становиться Арсубаникет, расположенный на месте городища Караспантобе.

Если это так, то можно утверждать, что «Записки» Сюань-цзана являются на сегодняшний день единственным и последним дошедшим до нас сочинением, где упоминается город Гунюй/Кунгуй – Канг, описанный очевидцем.

Городище Караспантобе и Жуантобе расположены на левом берегу реки Арысь у слияния в нее реки Бадам, причем Караспантобе находится на левом берегу, а Жуантобе на правом берегу Бадама. Между памятниками расстояние, по прямой, составляет около 8 километров. Наиболее близко к реке Бадам находится Караспантобе. Отметим, река Бадам прямо перпендикулярно с юга впадает в реку Арысь.

Дальнейший путь Сюань-цзана проходил в княжество Нучицзянь (Нугучицзянь). Он достиг ее, пройдя на юг от Гунюй 40 или 50 ли. Очевидно, китайский паломник двигался от селения к селению по долинам рек. Общеизвестно, что в период раннего средневековья, до арабского хадифата, когда еще в данном регионе отсутствовали специализированные рибаты, подобные дорожные переходы были характерны на Великом Шелковом пути. По словам О.И. Смирновой, рибаты были учреждены лишь в 727–729 годах Ашрасом, сыном Абдаллаха ас-Сулами.⁵² Это в свою очередь находит наглядное объяснение маршрута Сюань-цзана. Возможно, китайский паломник расстояния 40–50 ли посчитал до границ округа (княжества). Соответственно, округ имел город с одноименным названием. Несомненно, здесь речь идет о Нуджикете, известного по арабским письменным источникам. Нучицзянь, в китайских источниках, назывался Синьчэн в значении «Новый город». По мнению китайцев, он локализуется на месте современного Янги-базара.⁵³

Этимология слова Нучицзянь (Синьчэн), предложенная китайскими исследователями – «Новый город» дополняет этимологию Нуджикета арабских письменных источников. Указанный у ал-Мукаддаси Испиджабский Дех Нуджикет С. Волин дает вариант прочтения Дех Нау.⁵⁴ С согдийского нау/нав имеет значение ‘новый’, кет/кат ‘селения’. В некоторых населенных местах, по Сырдарье, данный топоним дублируется наличием тюркской кальки, который составлял синонимический ряд. Так, В.В. Бартольд, с ссылкой на «Китаб ат-таваассул», и других источников пишет: «...Яныкент (Новый город, у арабов – ал-Карьят ал-хадиса, у персов – Дих-и нау; в литературе часто встречается название Шехркент)».⁵⁵ В анонимном Средневековом сочинении Худуд ал-Алам упоминается на берегу реки Шаш город Дих-и нау, который является зимней ставкой царя Гузов. Он локализован на месте городища Джанкент в низовьях Сырдарьи.⁵⁶

Но городов с названием Нуджикет (Наука́т) было несколько. Ал-Истахри,⁵⁷ Ибн-Хаукал,⁵⁸

⁵² Следует ссылка на труды В.В. Бартольда и Табарни. См.: Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. – М., 1970. – С. 138.

⁵³ Гу Сисин цзи сюаньчжу. Указ. Соч. – С. 84.

⁵⁴ Волин С. Указ. Соч. – С. 83.

⁵⁵ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху... Указ. Соч. – С. 235.

⁵⁶ Буриева А. Худуд ал-Алам // Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. – Ташкент, 2003. – С. 93. Прим. 17; Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. – Алма-Ата, 1986. – С. 28.

⁵⁷ Материалы по истории киргизов и Киргизии. – М., 1973. – Вып. 1.

⁵⁸ Бетгер Е.К. Извлечение из книги «Пути и страны Абул-Касыма Ибн-Хаукаля. // Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия. – Вып. CXI. Исторические науки. – Кн. 25. – Археология Средней Азии, IV. – Ташкент, 1957. – С. 20, 21, 23.

Идриси⁵⁹ указывают Наукат в Кеши, в Усрушане, в Шаше, в Илаке. Неслучайно Б.Д. Кочнев, изучая караханидские монеты, чеканенные в Илаке, обратив внимание на наличие в них слова Наукат, высказал справедливое заключение, что в период средневековья Наукатов было несколько. Поэтому на монетах, чеканенных с названием Наукат, указывали и название области, чтобы выделить их из городов со схожим названием.⁶⁰

Ал-Мукаддаси, в списках городов Испиджабского округа, указывает два Науката: один – Дех Нуджикет при перечислении городов по Сырдарье, другой – Дех Нау в Семиречье, после городов Джикиль, Джамукат и др. примыкающих к Таразу по Великому караванному пути. В своем географическом сочинении он, при описании округа Испиджаб, перечисляет мелкие города и селения по Сырдарье: Испиджаб, Хурлуг, Джумышлагу, Усбаникет, Бараб, Шавагар, Сауран, Турар, Зерах, Шагилджан, Баладж, Барукет, Бурух, Яганкет, Адахкет, Дех Нуджикет и далее по тексту дает краткие характеристики указанным населенным пунктам.⁶¹

Локализация Дех Нуджикета, упоминаемая у ал-Мукаддаси, принадлежит А.Н. Бернштаму. Он определил его местонахождение к западу от Тараза. Причиной этому было упоминание Тамим ибн Бахра двух возделанных деревень в местности Кавакет, расположенных в 7 фарсах по дороге от Тараза к Кимакам. Сопоставив сообщение ал-Мукаддаси и Тамим ибн Бахра,⁶² А.Н. Бернштам полагал, что два населенных пункта у ал-Мукаддаси, упоминаемые в его списке перед Таразом, Адахкет и Дех Нуджикет являются теми селениями, которые находились по пути

Тараза к Кимакам. По мнению А.Н. Бернштама, оба населенных пункта напрямую связаны с двумя средневековыми поселениями в Кок-тобе.⁶³

Но путь к Кимакам вел, если следовать из Шаша через Испиджаб, не на запад, а на восток от Тараза. Если Нуджикетов было несколько, то Адахкет был один, и его местонахождение более точно и уверенно определяется другими письменными источниками. Адахкет, или же Дахкет, упоминается у ал-Истахри, ибн – Хаукаля, ал-Идриси в списке городов Илака.⁶⁴ У ас-Сам'ани Дахкет город в Рузбаре, за городом Шашем и за рекой Сайхун. Ш.С. Камалиддинов дает вариант чтения Дахкат, указывая, что Йакут помещает этот город в Испиджабе в округе Рузбар.⁶⁵ Сказанный ас-Сам'ани географический термин Рузбар существенно определяет месторасположение данного города. Он имеет значение буквально – река,⁶⁶ т.е. данный населенный пункт расположен в прибрежной зоне, что естественно уже не может быть локализован севернее Тараза у памятников Кок-тобе.

Ю.Ф. Буряков, проанализировав данные письменных источников, изучив историческую топографию средневековых памятников Шаша и Илака, пришел к выводу, что Дахкету соответствует городище в селении Дукент, расположенное в средневековом округе Илак.⁶⁷

В Дахкете чеканились караханидские деньги. Монеты, битые 1012–13 г. с именем Йинал-чина, в 1026 г. Кадыр-хана, и в 1040 г. Богра-хана, дающие вариант чтения – Дахкет, обнаружил и изучил Б.Д.Кочнев. По его мнению, чекан монет в столь незначительном населенном пункте, каким являлся Дахкет, указывает на политическую прокламацию со стороны названных караханидских правителей, присоединивших данный район к своим владениям. Возможно, причиной этому является то, что Дахкет в караханидское время был одним из административных центров горноудного округа Илак.⁶⁸

⁵⁹ Закирова Ш. Ал-Идриси. Китаб Нузхат ал-Муштак фи-Хтирак ал-Афак. // Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. – Ташкент, 2003. – С. 52.

⁶⁰ Кочнев Б.Д. Заметки по Средневековой Нумизматике Средней Азии. Часть I (Саманиды, Караханиды, Джаниды). // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент, 1978. – Вып. 14. – С. 120-121.

⁶¹ Волин С. Указ. Соч. – С. 80-83.

⁶² Эти же сведения дает Ибн ал-Факих ал-Хамадани. Но у него сказано, что дорога к Кимакам от Тараза идет налево. Только это непонятно, следуя с какой стороны к Таразу? Волин С. – Указ. Соч. – С. 75.

⁶³ Кумеков Б.Е. Государство Кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата, 1972. – С. 48-49.

⁶⁴ Материалы по Истории Киргиз. – Указ. Соч. – С. 19, 28; Бедгер Е.К. Указ. Соч. – С. 23; Закирова Ш. Указ. Соч. – С. 52. Камалиддинов Ш.С. «Китаб ал-Ансаб» Абу Са'да Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. – Ташкент, 1993. – С. 110.

⁶⁵ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху... Указ. Соч. – С. 231. – Прим. 2.

⁶⁶ Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития... Указ. Соч. – С. 146, 148.

Несколько по-иному обстоит дело с локализацией Дех Нуджикета. У ал-Мукаддаси, как мы писали выше, в списке городов Испиджаба, по тексту идет перечисление населенных пунктов, начиная от Испиджаба на север по Сырдарье. После описания Турара, Зераха и Шагильджана следует описание Баладжа. В тексте у ал-Мукаддаси читаем: «Баладж – маленький город, стена его разрушена, соборная мечеть на рынке. Мы уже повернули по направлению к главному городу (Испиджабу)»⁶⁹ заметим (!) по направлению к главному городу, но не к Таразу. Далее арабский географ описывает Барукет и говорит, что он и Баладж пограничные крепости против туркмен. Очевидно, именно это описание явилось основным аргументом у А.Н. Бернштама, что следующие по списку города Барукет, Яганкет, Адахкет и Дех-Нуджикет нужно искать по пути к Таразу. Слова, сказанные в тексте «...Мы уже повернули по направлению к главному городу (Испиджабу)» следует понимать, что перечисление городов должно замыкаться на Испиджабе и далее продолжаться по другому округу – Тараз, начиная с его главного города с этим же названием. Обратим внимание, Дех Нуджикет, в этом перечислении, является последним населенным пунктом и очевидно примыкающим к Испиджабу. Все это говорит о том, что после Баладжа нужно поворачивать не на восток в сторону Тараза, а на юг к Испиджабу. Во всяком случае, туркменские племена, которые приняли, как указывает ал-Мукаддаси, ислам из страха, согласно сочинению Бекрама «Джахан-наме», располагались за областью Фараб, за землями тюрок.⁷⁰

В том, что от Баладжа нужно следовать на юг к Испиджабу доказывает локализация следующих городов по списку у ал-Мукаддаси – Бурух и Яганкента. Бурух локализован в 30 километрах северо-восточнее городища Отрар, на месте городища Бузуктобе.⁷¹ Яганкент отождествлен на месте городища Узунтобе, расположенного у поселка Чубаровка, при слиянии рек Боралдай – Арысь.⁷² Из этого списка выпадает Дахкет. Он локализован, как мы уже говорили выше, в верховьях Ахангарана. Можно предположить, что ал-Мукаддаси позже уточнял и дополнял свой список.

Однако то, что Дахкет является одним из городов Испиджабского округа, помимо ал-Мукаддаси, пишет и Якут ал-Хамави. Поэтому можно предположить, что территория округа Испиджаб, на юге, через горы, граничила с Илаком, где один из его городов был Дахкет. Или был еще один Дахкет (?) в пределах непосредственной близости от Испиджаба. Тем более этимология слова Дахкет на сегодняшний день остается неясной. Кстати, С.Волин переводивший сочинения ал-Мукаддаси, указывает вариант чтения – Азахкет и в примечаниях пишет другой вариант – Дакакет.⁷³ Б.Д. Кочнев, прочитав монеты Дахкета, рядом пишет Адахкет и ставит знак вопроса.⁷⁴ Ш. Камалиддинов, как мы писали выше – Захкет. Более того, это город в Рузбаре – прибрежный, у него, по словам ал-Мукаддаси много рабадов, что не соответствует городищу Дукент из долины Ахангарана. Тема остается открытой.

Как бы то ни было, от Гунюй (городища Жуантобе), на юг по реке Бадам, расположен единственный памятник археологии, который имеет все основания быть отождествленным с главным городом округа – Нучицзянь (Нуджикет) – городище Шымкент.

На этом наша аргументация не заканчивается. Дополнительным источником в этом может быть семантика микро топонимии Испиджаба. По арабским письменным источникам известно, что у Испиджаба было четверо ворот. Так, Ибн Хаукаль сообщает, что у меина Испиджаба

⁶⁸ Кочнев Б.Д. Заметки по Средневековой Нумизматике Средней Азии. – Часть I. Указ. Соч. – С.128-129; Кочнев Б.Д. Заметки по Средневековой Нумизматике Средней Азии. – Часть 7 (Караханиды). // История материальной культуры Узбекистана – Ташкент, 1986. – Вып. 20. – С.125-130.

⁶⁹ Волин С. Указ.Соч. – С.81.

⁷⁰ Джахан-наме Мухаммад ибн Наджиба Бекрана//Материалы по истории киргизов и Киргизии. -Москва 1973. Вып. I. -С.48 Согласно Бируни: «Шестой клим, страна туркмен, Фараба, страны хазар...». Цитируется по работе: Акишев К.А.; Байпаков К.М.; Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. (Топография, стратиграфия, перспективы). -Алма-Ата, 1972. – С.32.

⁷¹ Байпаков К.М. Средневековая городская культура Указ.Соч. – С.26.

⁷² Байпаков К.М. О локализации средневековых городов Южного Казахстана //Археологические исследования в Отраре. -Алма-Ата: Наука, 1977. С. 85.

⁷³ Волин С. Указ.Соч. С.81. Прим. 53.

⁷⁴ Подробнее см.указанные работы Б.Д. Кочнева.

четверо ворот – Нуджакета, Фархана, Савакрасы, Бухары. Эти же данные находим у ал-Мукаддаси.⁷⁵ В свою очередь отметим, что у шахристана Сайрама тоже было четверо ворот. П.П. Иванов несколько раз, обследовав Сайрам с 1924 по 1926 год, дает нам сведения о названиях ворот Сайрама: северные Бель-капка; восточные Карамурт-капка, через которых проходила дорога в кишлак Карамурт; южные Базар-капка; западные Чимкент-капка.⁷⁶ Точно такие же сведения о воротах Сайрама находим и у М.Е.Массона.⁷⁷ Из этого перечня названия ворот видно, что двое – Карамурт-капка и Чимкент-капка в топонимическом отношении имеют явно навигационную функцию.

Подобные микротопонимы в ономастике относятся к урбанонимам, т.е. к названиям внутригородского объекта. Однако, их можно также отнести к дромонимам – названиям путей сообщения,⁷⁸ где значения названия внутригородского объекта выходит за пределы города.

Среди названий ворот Испиджаба выделяются Нуджикетские ворота и Савакраские. Прочтение слова Нуджикет в рукописях Ибн Хаукаля и ал-Мукаддаси у востоковедов не имеют разночтения. Слово же Савакрас С. Волин у Ибн Хаукаля прочитал – Савакрас, а у ал-Мукаддаси – Шакраны, дав еще два варианта – Шаквана, Саквана.⁷⁹ Е.К. Бетгер эти же названия ворот прочитал – Севакратские.⁸⁰ Добавим, если в эпоху средневековья, при переписке рукописей были утрачены диакритические знаки, то слово может существенно измениться.⁸¹ Учитывая возможность утраты или появления, при переписке диакритических знаков, читаем, по первоисточнику ал-Мукаддаси, еще три варианта топонима: Швкирвна, Швкаввна, Свкавана,⁸² у Ибн Хаукаля – Саракираса.⁸³

В отношении ворот – Фархан, еще имеются неясности, и требуется определенная доработка. С. Волин, прочитав слово Фархан у Ибн Хаукаля и ал-Мукаддаси, пишет, что, возможно, следует читать Фархар – буддийский храм.⁸⁴ [Имеется в виду капище или храм огня]. Е.К. Бетгер со всей определенностью написал – Ферганские. В самих рукописях у ал-Мукаддаси можно прочесть Фархвн, в рукописи «С» – Фархар, в рукописи «В» – Фархвн и Фарджвн,⁸⁵ у Ибн Хаукаля – Фархаз или Фархад (если учесть утрату диакритических знаков).⁸⁶

Бухарские ворота, возможно, получили свое название по рабаду, который находился непосредственно возле них. Это слово встречается среди перечня рабадов Испиджаба, который дает нам ал-Мукаддаси. Согласно его данным, Испиджаб имел у каждых ворот рабад: Нахшебцев, Бухарцев, Самаркандцев, Каратегина.⁸⁷ Данные микротопонимы характеризуют нам этническую ситуацию на юге средневекового Казахстана. По ним можно судить, с каких населенных пунктов Мавераннахра мигрировало население и образовывало рабады в Испиджабе. В свою очередь, жители Испиджаба селились вдали от родного города, имея торгово-экономические взаимоотношения с другими странами. Так, ал-Якуби пишет, что в рабаде ал-Балхи расположенного в одном из кварталов Багдада живут люди из Мерва, Хутталя, Бухары, Испиджаба и других стран, которые имеют там своих предводителей и старшин.⁸⁸

Волин С. Указ. Соч. – С. 79, 80.

⁷⁵ Автор, наряду с термином капка – буквально ворота, употребляет и слово дарвоза. В плане поселка Сайрам, опубликованного в статье П.П. Иванова, Бель-капка указана как Беклик-дарвоза. Иванов П.П. К вопросу об исторической топографии старого Сайрама. // В.В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. – Ташкент, 1927. – С. 161.

⁷⁶ Массон М.Е. Старый Сайрам // Известия Среднеазиатского музея. Ташкент, 1928. – С. 33-34.

⁷⁷ Термины урбаноним и дромоним предложены Н.В. Подольской. Подробнее см.: Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е издание переработанное и дополненное. – Москва, 1988. – С. 57, 139.

⁷⁸ Волин С. Указ. Соч. – С. 79, 80. – Прим. № 48.

Бетгер Е.К. Указ. Соч. – С. 24. – Прим. № 115.

⁷⁹ Пользуясь случаем, выражаем признательность востоковеду Ш. Камалиддинову, проконсультировавшего нас по вопросу прочтения топонимов Испиджаба на основе средневековых первоисточников.

⁸⁰ Bibliotheca Geographorum Arabicorum (далее: BGA). – 1967. – III. – С. 272, 273.

BGA. 1967. – II. – С. 510.

⁸¹ Волин С. Указ. Соч. – С. 79-80. – Прим. № 40.

BGA. 1967. – III. – С. 272.

⁸² BGA. 1967. – II. – С. 510.

Волин С. Указ. Соч. – С. 79, 80.

⁸³ Волин С. Указ. Соч. – С. 74. – Прим. № 23.

Рабад Каратегина, согласно сведениям Ибн ал-Ассира, был собственностью Каратегина. Будучи полководцем Насыра – II Каратегин, имея рабад в Испиджабе, не владел поместьем. Как пишет ал-Мукаддаси – ежемесячный доход этого рабада составлял 7000 диргемов. Эти деньги Каратегин завещал на выдачу беднякам. Он и его сын Мансур ибн Каратегин похоронены в Испиджабе – рабаде Каратегина.⁸⁹

Несомненно, название ворот Испиджаба и название ворот Сайрама составляет определенный семантический ряд. Между ними, очевидно, имеется генетическая связь. Невольно, вспоминаются слова В.А. Никонова, открывшего в топонимике закон ряда: «Названия никогда не существуют в одиночку, они всегда соотнесены друг с другом. Чтобы выяснить происхождение названия, необходимо, прежде всего, понять, что оно возникло не изолировано, а лишь в определенном ряду других названий».⁹⁰ Возможно, топонимы Нуджикетские, Савакраские и Чимкентские, Карамуртские ворота звено ряда, где названия ворот Сайрама имеет свою пару в названии ворот Испиджаба. Ясность в этот вопрос вносит топоним Савакрас. В первой части этого слова Сава/Шава прослеживается согдийский топоформант со значением – ‘черный’. Он имеет распространение на территории Южного Казахстана и представлен в таких топонимах как Шаваб, Шавгар. Вторая часть слова кераса или же крат, имея разночтения, остается неясной, но в данном случае, очевидно, что топоним Карамурт является полной или полукалькой слова Савакрас, где первая часть этого топонима кара – с тюркского имеет значение ‘черный’. Чтобы быть уверенным, что топоним Карамурт является полной калькой слова Савакрас, необходима более точная этимология второй части данного топонима, которая на сегодняшний день остается неясной.

Поселок Карамурт, расположенный восточнее Сайрама. В демографическом отношении он сохраняет преемственность поколений, начиная с периода средневековья. Жители же Карамурта называют себя Карамуртлык. Собственно, сами карамуртцы свое самоназвание объясняют с тюркского буквально – ‘черные усы’. Внутри этой этнической группы имеется два подразделения Байкараган и Кызыкараган. Эта этническая группа зафиксирована В.Наливкиным в Наманганской области, куда она прибыла из под города Туркестана [А в Туркестан несомненно из под Сайрама]. Х.Хасанов и С.Караев поспешили включить слово Карамурт в список этнонимов ставших названием местности.⁹¹ Так ли это? Существует мнение, что слово мурт – буквально – ‘усы’, в ряде диалектов имеет значение – ‘родственник’, ‘родство’.⁹²

А.Гафуров, изучая имена у различных народов Центральной Азии, слово тегин, известное еще с орхоно-енисейской письменности, полагал, что это название титула – ‘принц’, этимология, которого еще не ясна и отнес ее к компоненту сложносоставного имени.⁹³ С.Е. Малов, со всей определенностью указал, что это титул со значением – принц и отметил, что данное слово встречается XIII–XIV вв. в христианско-сирийских надписях, как имя собственное.⁹⁴ В свою очередь подчеркнем – понятие ‘родственник’, ‘родство’ у древних тюрков, возможно, обозначалось словом тег. А.Т. Кайдаров, например, изучая односложные корни в казахском языке указал, что тек в казахском языке (несомненно, возникшие еще в древнюю эпоху) имеет значение ‘происхождение’, ‘генезис’, ‘порода’.⁹⁵ Второй же компонент этого двухкомпонентного слова, несомненно, восходит к древнетюркскому ин >ини имеющее значение ‘брат’.⁹⁶

Можно предположить, что в данном случае компонент мурт в этнониме Карамурт является синонимом слова тегин. Этноним происходит по тому же принципу, о котором мы говорили

⁸⁹ Книга ал-Камил фи-т-та`рих Ибн ал-Асира // Материалы по истории киргизов и Киргизии. – Москва, 1973. – Вып. I. – С.54-55; Волин С. Указ Соч. – С.80, 88.

⁹⁰ Никонов В.А. Введение в топонимику. – Москва, 1965. – С.34.

Подробнее см. Тайжанов К., Исмаилов Х. Особенности доисламских верований у узбеков-карамуртов. // Древние обряды верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. – Москва, 1986. – С.110-138.

⁹² Тайжанов К., Исмаилов Х. Указ. Соч. – С.136. – Прим. №7.

⁹¹ Гафуров А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. – Москва, 1987. – С.194.

⁹⁴ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – Москва – Ленинград, 1959. – С.104.

⁹⁵ Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в Казахском языке. – А., 1986. – С.283.

⁹⁶ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М., 1974. – С.362, 363.

ьше. В основу его положен географически – земляческий фактор. Жители рабада Каратегина, в прошлом, могли расширять свои границы и организовывать восточнее от Испиджаба новые селения с этим же названием, образуя при этом, от ворот города до нового поселка, мауза⁹⁷

Как бы то ни было, наличие элемента кара, в топониме Карамурт-капка Сайрама, и его синонима Шава/Сава в топониме Савакрас ворот Испиджаба, в этом же значении, говорит о том, что это название одних и тех же ворот.

Если наше предположение верно, то Севакрасские ворота – восточные ворота Испиджаба, Нуджикетские ворота – западные ворота, т.е. Чимкент-капка Сайрама. А это в свою очередь показывает, что путь от нуджикетских ворот вел в город Нуджикет, который позже стал называться Чимкент, когда изменилось название города, соответственно изменилось название ворот.

М.Е. Массон, подводя итоги результатов обследования Сайрама, был не согласен с локализацией Испиджаба на его месте. Тем не менее, как бы по наитию, он дал точно такое же определение расположению ворот Испиджаба, отметив, что количество ворот Сайрама, схожие с Испиджабом, является случайным совпадением. По М.Е. Массону Нуджикетские ворота – западные ворота.⁹⁸

Сведения о топографии Нуджикете находим в работе ал-Мукаддаси: «Дех Нуджикет – маленький город, в нем три месяца весной: мясо без костей [продается] по 4 маны за диргем. Он был большим [городом], но, когда Исмаил ибн Ахмед завоевал этот округ, он опустел. Вместе с тем в нем много построек, он укреплен и имеет цитадель».⁹⁹ Эта топографическая характеристика Нуджикета полностью соответствует городищу Шымкент.

О.И. Смирнова, по данному описанию арабского географа, сделала вывод, что подобные ярмарки, организованные в Нуджикете, относились к числу частных – специфицированных ярмарок.

Они собирались регулярно каждые три месяца на четвертый день соответствующего числа и связаны с согдийским календарем. Она считает, этому способствовало расположение Нуджикетского городища на торговых путях и связывавшего земледельческие районы с кочевой степью.¹⁰⁰

По ал-Белазури, в 840 году, саманид Нух ибн Асад, в правлении эмира ал-Му'тасима Биллаза, завоевал Испиджаб и построил вокруг него стену, охватив виноградники, сады и посевы.¹⁰¹

Всем недавно, Ш. Закиров, согласно этому сообщению ал-Белазури, проанализировав труд Кляшторного и А.А. Колесникова, сделал выводы, что Нух Ибн Асад воевал в Испиджабе с основателем династии караханидов Бильге Кюль Кадыр-каганом.¹⁰²

Сообщение ал-Мукаддаси о том, что этот город был большим до завоевания Исмаил ибн Ахмедом, очевидно связано с походом совершенным им в Тараз в 893 году, когда после захвата города и пленения тюркского царя христианская церковь была перестроена в мечеть.¹⁰³ Все это приводит на мысль, что Испиджаб вместе с Нуджикетом был вновь отвоеван у тюрков саманидами. Это дает основание полагать, что Испиджабский округ был на протяжении не одного века объектом борьбы между тюрками, арабами и саманидами.

Отдельные стычки саманидов с тюрками в округе Испиджаб зафиксированы в письменных источниках и позже. У ас-Сам'ани сказано, что 986 году произошла битва между мусульманами и тюрками в селении Бухдукет области Испиджаб.¹⁰⁴

Именно Испиджаб стал первым пунктом при завоевательных походах караханидов, осуществленных перед захватом Мавераннахра. Так, Богра-хан Харун в конце X века из Баласагуна, осуществляя поход в Мавераннахр, первым делом захватил Испиджаб. Причем этот поход был

Подробнее о термине мауза и его значении у народов Центральной Азии см.: Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Шахриябз и Гимуре и Улутбеке. // Труды Среднеазиатского государственного университета. – Ташкент, 1953. – Новая серия. – Вып. XLIX. – Гуманитарные науки. – Книга 6. – Археология Средней Азии. – С. 17-97.

⁹⁷ Массон М.Е. Указ. Соч. – С. 40.

⁹⁸ Волин С. Указ. Соч. – С. 81.

Смирнова О.И. Указ. Соч. – С. 146-147.

Точно такие же сведения имеются у Ибн ал-Асира и ат-Табари. Волин С. Указ. Соч. – С. 75.

Закиров Ш. Ал-Белазури. Китаб Футух ал-Булдан. Книга завоевания стран. // Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. – Ташкент, 2003. – С. 38. Прим. № 25.

Бартольд В.В. Исма'ил б. Ахмед. // Соч. – М., 1964. Т. II (2). – С. 522.

Амалидинов Ш.С. «Китаб ал-Ансаб». Указ. Соч. – С. 124.

совершен беспрепятственно, чему способствовало, очевидно, само местное население.¹⁰⁵ Данный факт позволил В.В. Бартольду сделать вывод, что в то время в Испиджабе находилось небольшое тюркское владение или Испиджаб управлялся тюркской династией.¹⁰⁶ Одним словом, можно полагать, что при первой же возможности тюрки вновь захватили территорию, некогда принадлежавшую к предкам правящим в верхушке караханидов.

Этим владением мог быть не только город Испиджаб но и Будухкет и Нуджикет с прилегающими к ним историко-культурными районами, что в свою очередь объясняет действия Исмаил ибн Ахмеда, описанного ал-Мукаддаси, завоевавшего Нуджикет и опустошившего его.

Маршрут Сюань-цзяня по нашему глубокому убеждению проходил из Тараза по территории Южного Казахстана по традиционному пути и начинался с перевала Чокпак. Далее он следовал через Будухкет по долине Арыси до Гунюй, откуда он поворачивал на юг по реке Бадам доходил до Нуджикета (Шымкента). Убеждения наши о локализации Нуджикета на месте городища Шымкент подтверждается данными ал-Мукаддаси и микро топонимией Испиджаба.

Описания китайского паломника княжества Нуджикет, размеры которого составляют около тысячи ли, характеристика природы, и что в этот округ входят до сотни городов, живущих обособлено и отдельно между собой, позволили нам сделать совершенно новый безусловно предварительный вывод.

Несомненно, в тексте у Сюань-цзяня идет описание и характеристика средневекового округа Испиджаб. Возможно, во время посещения в 629 году китайским паломником Южного Казахстана, главным городом, в то время, округа Испиджаб был Нуджикет и поэтому округ назывался его именем. Все это говорит за то, что Испиджаб в то время не имел такого значения как это было при саманидах и караханидах и его центр находился в другом месте (?).

Проведенные в 2003 году археологические исследования на городище Шымкент показали, что в первой половине первого тысячелетия н.э., город Шымкент представлял из себя развитый раннесредневековый крупный городской центр.¹⁰⁷ Однако, об этом мы не можем уверенно сказать об Испиджабе. Находки сделанные на территории шахристана городища Сайрам в основном караханидского периода. Но полностью отрицать о пунктах оседлости в раннем средневековье на территории Сайрама без археологических исследований нельзя.

А.Н. Бернштам и Е.И. Агеева были против локализации Испиджаба на месте Сайрама. А.Н. Бернштам категоричен в своих выводах. Он говорит, что обследование Сайрамского городища привело его к окончательному убеждению о несостоятельности локализации Испиджаба на месте Сайрама. Ученый уверен: Сайрамское городище – это позднесредневековый город огузовского типа, а не согдийского происхождения.¹⁰⁸

Такого же мнения и А.И. Агеева, она тоже убеждена в своих выводах, сделанных на основе подъемного материала, документирующих, по ее мнению, сомнения тождества Испиджаба и Сайрама, отсутствием в последнем керамики согдийского облика.¹⁰⁹

Нельзя не прислушаться к данным высказываниям ученых. Отсутствие в Сайраме массовых материалов раннесредневекового периода может указывать на то, что центр Испиджаба, до завоевания его саманидами, находился в другом месте. Подчеркнем, до завоевания саманидами данного района. Этим подходящим объектом, где находился центр округа, является городище Шымкент, что находит полное соответствие в словах Сюнь-цзяня: «Здесь сотни городов... хотя они отделены один от другого дикими районами и обособлены, в общем, называются княжеством Нучицзянь»,¹¹⁰ т.е. Нуджикет. Обратим внимание (!) – называется Нуджикет, но не Испиджаб.

¹⁰⁵ Бартольд В.В. Богра-хан. // Соч. – М., 1964. – Т. II (2). – С. 507.

¹⁰⁶ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. // Соч. – М., 1968. – Т. V. – С. 76.

¹⁰⁷ Подробнее об археологических исследованиях на городище Шымкент произведенных в 2003 году смотри коллективную статью К.М. Байпакова и других в настоящем сборнике.

¹⁰⁸ Бернштам А.Н. Археологические работы в Южном Казахстане // Краткие сообщения института истории материальной культуры. – 1949. – Вып. XXVI. – С. 132.

¹⁰⁹ Агеева Е.И. Керамика городов и поселений среднего течения Сырдарьи и Каратау // Известия АН КазССР. Серия археологическая. – 1949. – Вып. 2. – С. 103.

¹¹⁰ Зуев Ю.А. Китайские известия... Указ. Соч. – С. 91-92.

Возможно, после похода Нух ибн Асада в данный район, последовали не только захват Испиджаба, возведение вокруг него фортификационных сооружений, но и опустошение Нуджикета и переселение из этого города часть населения в другой новый административный центр – Испиджаб. Тем самым, предавался этому городу особый социальный статус, и он становится «великой пограничной крепостью» в борьбе за веру.

Добавим к сказанному. Городище Шымкент в отличие от Сайрама имеет более выгодное географическое расположение. Памятник находится между рек родникового происхождения Кочкарата и Бадам. Почва, на прилегающей к городищу территории, плодородна, район удобен для сельскохозяйственного производства. Древний Шымкент с цитаделью, шахристаном и многочисленными рабадами, располагался, начиная почти от истока реки Кочкараты до слияния ее с Бадамом, по междуречью, на несколько километров. Родники у истоков Кочкараты образовывали небольшие озера. Вода в реке имела высокое качество. Уже в древности, в мировоззрении местного населения, река получила сакральное значение.

Если наши выводы верны, то маршрут Сюань-цзяня, который мы реконструировали, неизбежен, так как Испиджаб в 629 году не имел такого статуса, который он получил в более позднее время. На его месте, очевидно, находилось незначительное поселение, через которое естественно не могла проходить крупная караванная магистраль. Этот караванный путь был севернее, по долинам рек Бадам и Арысь, именно по нему то и прошел китайский паломник. Дальнейший путь Сюань-цзяня от Нуджикета до Шаша, проделанный, согласно его описаниям, составлял более 200 ли и по нашему заключению, соответствует четырем и четырем с половиной дневным переходам. Приблизительно такое же расстояние указывает ал-Истахри. В его сочинении читаем: «От Бинкета до Испиджаба перехода 4 [дня]...».¹¹¹ Наверняка, маршрут Сюань-цзяня проходил по реке Бадам до современного поселка Ленгер, далее, в районе современного поселка Первого Мая он переходил на южные склоны Казыгурта и по реке Келес двигался дальше до Шаша.

Безусловно, все сделанные нами выводы, относительно первоначального месторасположения центра Испиджаба, носит исключительно предположительный характер и этот вопрос прояснится только тогда, когда будут произведены археологические исследования непосредственно на территории самого Сайрама и на археологических памятниках его округи.

ХОРА, ҚОРҚЫТ АТА ЖӘДІГЕРЛЕРІН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУ

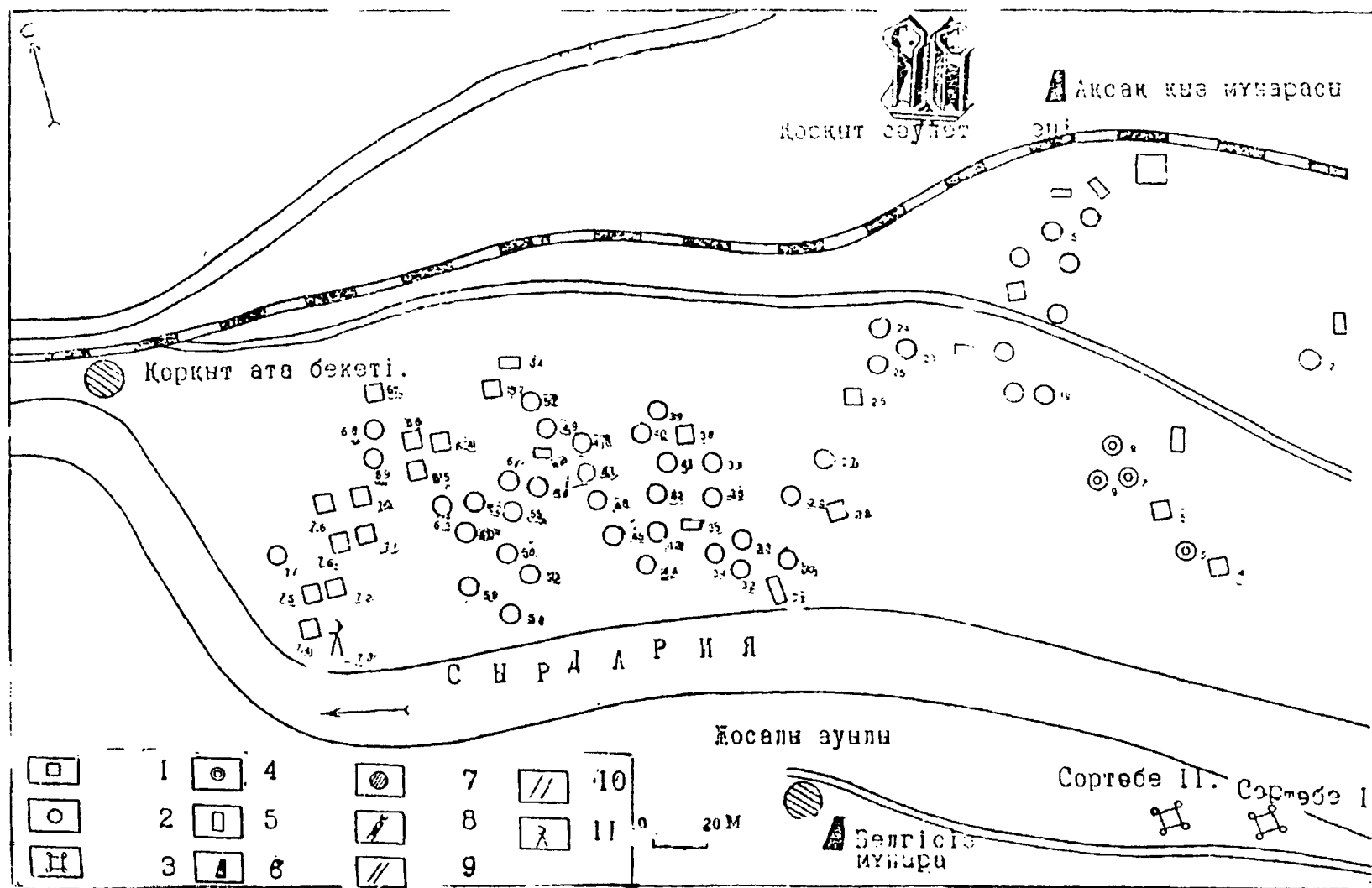
Т. Мәмиев, Қызылорда мемлекеттік университеті

Арал өңірінде тарихи жазбаларда аты аталғанымен орны нақты табылмай жүрген қалалар мен беймәлім ескерткіштер көп. Олардан көбінесе тұрғындары жерленген қорым шоғырланған бейіттер, сағаналар, құлпытастар мен мавзолейлер қалған. Осындай мәліметтерді тану қала мәдениетінің бейнесін жан-жақты толықтыра түседі.

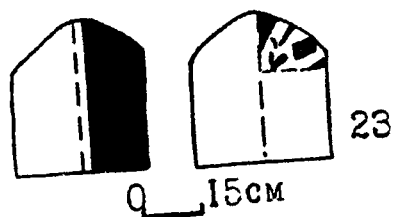
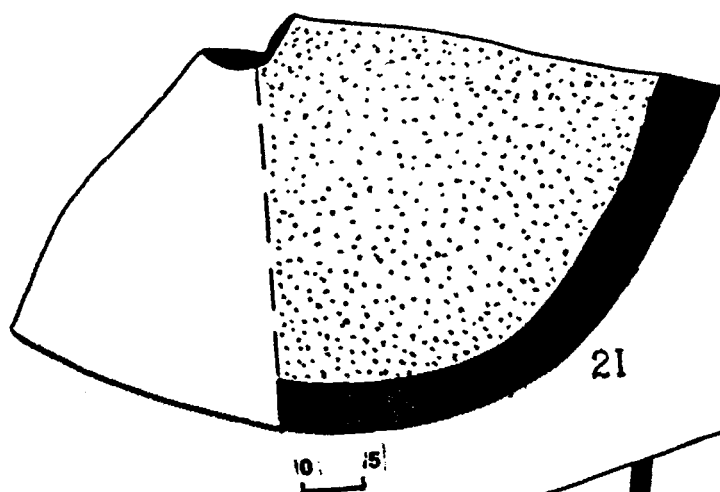
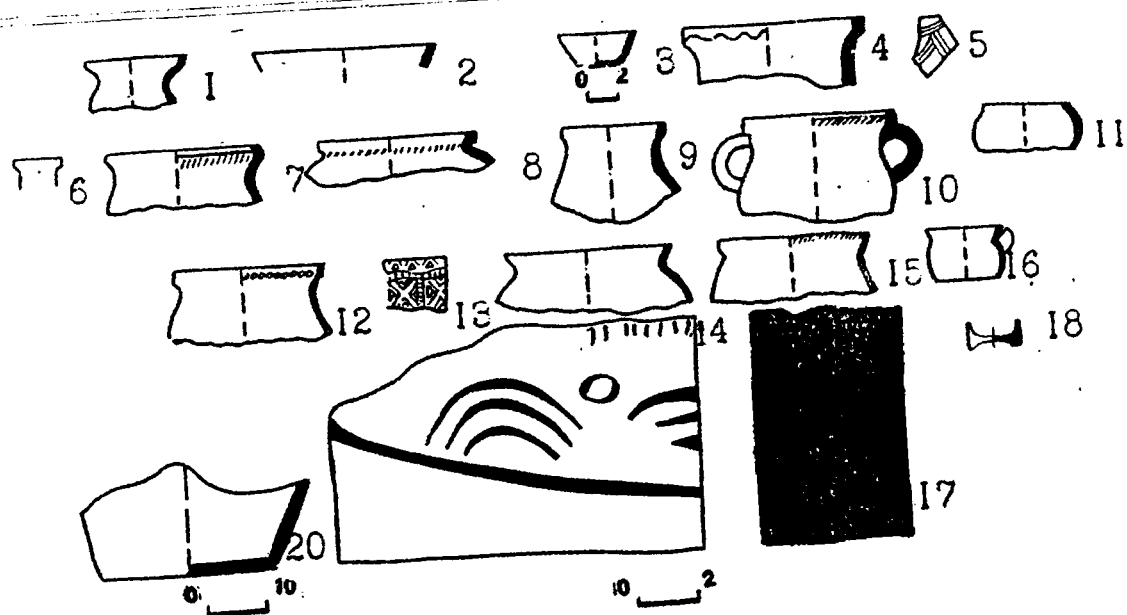
Олардың бірі Хора қаласы – кейбір карталарда ұлы Жібек жолының бойындағы Хора (Хуара, Джуара), т.б. болып белгіленіп жүр [1]. Орны Қорқыт ата бекеті маңында (Қармақшы ауданы) деп көрсетілген. Ал «Қазақстан археологиялық картасында» (1960 ж.). Қазалы ауданындағы ертедегі Жанкент қаласымен іргелес есепке алынған [2, Реттік саны 2795].

Қорқыт ата мавзолейі жайлы П.Лерх (1867 ж.), Н.А.Таранов (1885 ж.), А.А.Диваев (1897, 1901 жж.), В.М.Жирмунский (1951 ж.) мәліметтер беріп, археологиялық картада Шиелі станциясынан оңтүстік-шығыста 26 км, Көккесене ескерткішімен (Жаңақорған ауданы) арасы 1 км жерде деп көрсеткен [2, Реттік саны 3336].

Қазіргі кезде асқан күйші, ақылгөй, данышпан, атакты жырау Қорқыт ата мазары Жосалы қыстағына (Қармақшы ауданының орталығы) 20 шақырым батысындағы Қорқыт ата бекетінің маңында Сырдарияның оң жағалауындағы қорым-бейіттердің ішінде орналасқанын белгілеген. Оның солтүстігіне 1 км жерде автожолға Қорқыт ата сәулет кешені салынған.

Сурет 1 – Қорқыт ата қорымының құрылымдық жоспары

Ә. Диваев осы жердегі Қорқыт ата сағанасына 1893 жылы келгенінде: «...Дария құмды жағалауын үнемі жуып, аталған бейіттен 15–20 сажындай (күлаш, адым) ғана жерде болған» – делінген. Ол 1898 жылы қазан айының басында келгенінде бір қабырғасы Сырдария жағына опырылып тұрғанын көріп, И.С. Арзамасовпен бірге соңғы суретін түсірген.

«Кітаби даде Қоркуд ғали дيسان таифа оғузиан» яғни «Қорқыт ата кітабына» сүйенген зерттеушілер Қорқыт ата өмірін IX–X ғасырлардағы оғыз этникалық қауымымен байланыстырғанымен, аңыздың желілік оқиғалары кейінгі орта ғасыр мерзімінде қамтиды [3].

Қорқыт аты этимологиясына келгенде нақтылық болмай отыр. В.П. Юдиннің пікірінше, «қор» (хор) – (оситенше) «хормустен», «хур», «хвер» – аспан, күн және «құт» – бақыт, өмір күшін дарытушы қасиетті құт. Уақытында патшалар мен хандарға жебеуші болған Су аяғын билеуші иесі. Оның философиялық мәнін Б.Ибраев одан әрі Тауратпен (Авеста) сақтар мен көшпелілер афсаналармен байланыстырады [4].

Хора қаласының орнын іздеу және Қорқыт ата аңыздары мен жырларының арасындағы өлкеміздің тарихы мен мәдениетіне қатысты мәселелерді дәйектеу үшін бірқатар зерттеулер жүргізілді. Ескерткіштердің тарихи-мәдени шекараларын анықтау мақсатында ізденіс жұмыстары атқарылды.

Бейіттер, сағаналар жәдігерлері – Қорқыт ата қорымы географиялық тұрғыдан ежелгі Қызылорда мен Арал қазаншұңқырының ортасында Қорқыт ата дөңесінде Сырдарияның оң жағалауындағы қырашта жатыр. Оңтүстігінің көп жерін су жыралап құлатқан. (1-сурет)

Дарияның арғы бетінде 10 км жерде Жосалы ауылы биіктен көрінеді. Қариялардың айтуынша ауыл «Шайтан шұңқыр» деген жерде қоныс тепкен. Оның маңында ертедегі ескерткіштер кездеседі. Соның бірі – ауылдан бір шақырым оңтүстікте көрініп тұрған төбедегі биіктігі 12 м қыш мұнара. Салыну уақыты белгісіз. Аңызды айтушылар оның ішіне отын жинап, адамдар төбесінде қаруылдап жау келген жағдайда Жетіасар, Алтынасар жақтағыларға белгі берген екен дейді.

Тағы бір осы ауылға жақын ескерткіштер – Сортөбе I, II деп аталады. Сортөбе I аумағының диаметрі 100 м, биіктігі 6 м шеңберлі бейнелі жоспарлы төбе. Солтүстік жағын Сырдария суы киіп ағады. Мұнда табылған керамика сынықтарына және қаптама кірпіштердің деректеріне қарағанда Жетіасар мәдениетімен төркіндес (Б.э.д VI ғ.) және орта ғасырлық қала болғаны дәлелденеді. Табылған көзенің сынық бөлігінде: «Биссмилда, рахман рахим ... 933 хижра (РР 33), Қаніаб (кәсіп) ...» деген арабша жазу оқылып, жазылу мәнері XV–XVI ғасырларға мерзімделді (2-сурет).

Бұл ескерткіш «Қазақстан археологиялық картасында» Жосалы қыстағынан оңтүстік-батыста 12 км жерде орналасқан деп көрсетілген ертедегі Жусандала қаласына сәйкес келеді. 1946 жылы Суворов үстінгі қабатындағы кейбір деректерін Қазақстанның Орталық мұражайына тапсырған. Бірақ ғылыми мерзімделуі жайлы мәлімет жоқ [2, Реттік саны 2803].

Сондықтан бұл мәселені жан-жағындағы ескерткіштерге байланыстыруды жөн көрдік. Бұл ізденістіру, барлау жұмыстарын Қорқыт ата ескерткіші деп аталатын жердегі дария жағасында орналасқан бейіттер тобын зерттеуге алдық. (1-сурет)

1998 жылы қорымдағы бейіттерді құжаттау, мерзімдеу жұмыстары барысында мәні бар 76 бейіт есепке алынды. Олар топографиялық сыртқы бейнесі жағынан мынандай: 1 – үлгідегі (типтегі) тас бейіттердің 43-тен астамы белгіленді. Көбісі қазылып, бүлінген деуге болады. Үстіндегі үйілген тастары бор жасайтын қара- қоңыр тасты, не домалақ майда тас. Бір ерекшелігі кейбір сыртқы бейнесін сақтағандарында дінгек тас құлпы тас ру белгісі қашалған. Онда әсіресе, Жаппас, Алтын, Телеу, Тама, Жағалбайлы т.б. рулардың таңбалары сызаланған. (3-сурет)

«Көсеу» таңбасы қосарланған екі сызық- көсеу, шылбыр, қос алып деп аталып керейт, қыпшақ және тама руларына бөлінеді. «Т» – әріпіне ұқсас – Жағалбайлының жеке таңбасы, Шөмекейдін «Дөйіт» ұрандысының, белгі ендері бар. Ал дулаттың Жаныс, төле ұранды рулары мен қанлы, ана, кожа таңбалары дөңгелек, төртбұрышты қыш кірпіштерде кездеседі. Сонымен қатар Жағалбайдың «тарақ» таңбасы бірнеше жердегі таста сызаланғанын айту қажет [5]. (3-сурет 9,1–8)

Тасты бейіттің құрылымы мен мерзімдеу мақсатында 12-бейітке археологиялық қазба жүргізілді. Оның диаметрі 4 м, биіктігі 75 м. Үстіне үлкенді кішілі Қаратау қыраттарында кездесетін ара тас үйілген. Топографиясы жартылай шеңберлі бейнеде. Солтүстік – батыс жағында биіктігі

80 см, ені 20 см, қыры 15 см тікесінен құлпытас ретінде тас қойылған. Онда «қос сызық – көсеу» таңбасы қашалған (4-сурет, 1).

Бетіндегі тасы алынғаннан кейін, майда құмды бейіт шұңқырынан бейіт дағы көрініп, мәйіттің бұрын бүлінгені байқалды. Бейіт шұңқырының қималық көрінісіне қарағанда, оның үстін 8 см (салындықта ағаш қабығымен жапқан. Қазылған бейіт шұңқырының теңдігі жер бетінен 80 см. Оның өлшемі 2,30 м × 40 см бұрыштары жұмырланған сопақ бейнелі (4-сурет, 2–3).

Мұнда әйел мүрдесінің басы оңтүстік – шығыстан солтүстік батысқа бағытталып, бет жағын солтүстікке қаратқан күйінде шалқасынан қойылған. Жерлеу ғұрыптық заттары жоқ.

41-тас бейіт жоғарыдағы айтылғанға ұқсас, әбден бүлінген. Сыртқы тас үйілген бейнесінің диаметрі 3 м биіктігі 50 см. Адам сүйегі шашылған, жерлеу ғұрыптық заттары кездеспеді (1-сурет).

Зерттеушілердің деректерімен баламалап тұжырымдағанда көшпелі тайпалар жерлеу мәдениетінде қола ғасырынан бастап, обалы тас бейітті жерленіп кейінгі көшпелілерде XIII–XV ғасырларға дейін сақталған [6].

62-шеңберлі жоспарлы бейітті қазақтар қойқорған атайды. Оның құлағаннан қалғаны – диаметрі 4,60 м, биіктігі 30 см. Қабырғасын қам саздан дөңгелентіп өріп, бейіт шұңқырының бетіне ши төсеп, не ши тоқымамен жапқан.

5–8-бейіттер дөңгелек бейнелі жоспарлы. Диаметрі 2–3 м. Қам сазды қабырғамен қоршалып, бейіт шұңқыры бетіне ірі борлы тас пен майда қиыршақ тастармен жабылған (1-сурет). Басқа үлгідегі, түрдегі кейбір бейіттер ерекшелігі Алтын Орда аймағындағы зерттелген ескерткіштерге ұқсас. Мысалы, қазіргі кезде Қорқыт ата жатыр деп белгіленген жердегі бейіт шұңқырының үстіндегі жабылған ағаштың ұшы көрініп жатыр. Осындай 11, 13 санды бейіттердің үстін тасқа айналған ағаш таспен жапқан. Олар антрополог, этнограф т.б. мамандардың арнайы зерделеуін қажет етеді.

Қорымның солтүстігіндегі темір бойы биіктігінде бейнесіз мүсін тастар табылды. Олар 50×20×45 см өлшемді қиыршақ жынысты тастан қашалған. Жоғары жағы жұмырлана алғы беті тегіс, сырты шекілген бейнеде. Қыпшақтар кезеңінде балбалдар аумақты болып келсе, кейін олар мұсылман дінінің әсерінен адам кейіпін жоғалта бастайды. Бұл ескерткіштерді әдеп-ғұрыптар өтпелі алмасқан IX–XIII ғасырларға мерзімдеуге негіз болады. (5-сурет, 23)

Сонымен бірге қорымда бетіне араб тілінде жазуы бар шағын құлпытастар да кездеседі. Олардың көбісі орнынан қозғалып кеткен. Бірінде: «Абул-хасан шах IX ғасырда осы жерде жерленген», – делінген (Оқыған араб тілі маманы Ш.Тобжанов).

Мұндай дәстүр балбал және бейнесіз тастар қою әдеп-ғұрыптарынан кейін өлкеде өмір сүріп келе жатқан кіші жүз руында көп тараған.

Қорқыт ата жерлеу қорымындағы зерттеу нәтижесі географиялық, тарихи таным және бейіттердің сыртқы сағаналық құрылымына қарай төмендегідей тұжырымдалады:

1) Қорқыт ата өңірі тарихи-географиялық тұрғыдан оңтүстігінде Жетіасар және батысында «батпақтағы қалалар», ертедегі Жанкент, Үлкен Күйік қала, Күйік қала мәдениеттерімен жалғасып жатыр. Бұл жерге Алыпқала мен Рабен сай асарлары жақын. Жаңадария, Қуандария арналары да таяу шектеседі. Бұрынғы Сырдарияның арнасы Бұйынғақ сайы болған;

2) Таңбаларды зерттеуде археологтар қыш өндірісінің сипаты мен тұрғындарының этникалық мәліметтерімен салыстырғанда, Қорқыт ата қорымында үш жүздің адамдарының жерленуі Қазақ еліндегі оның қасиетті орын болғанын көрсетеді;

3) Қорымдардағы бейіттер сыртқы бейнесіне қарай үлгілерге (типтерге): 1) Тас бейіт (дөңгелек, төрт бұрышты түрдегі); 2) Шеңберлі (қойқорған); 3) Сатылы сағана (бесік); 4) Үстінде сағанасы жоқ; 5) Мазар; 6) Мешіт болып бөлінеді.

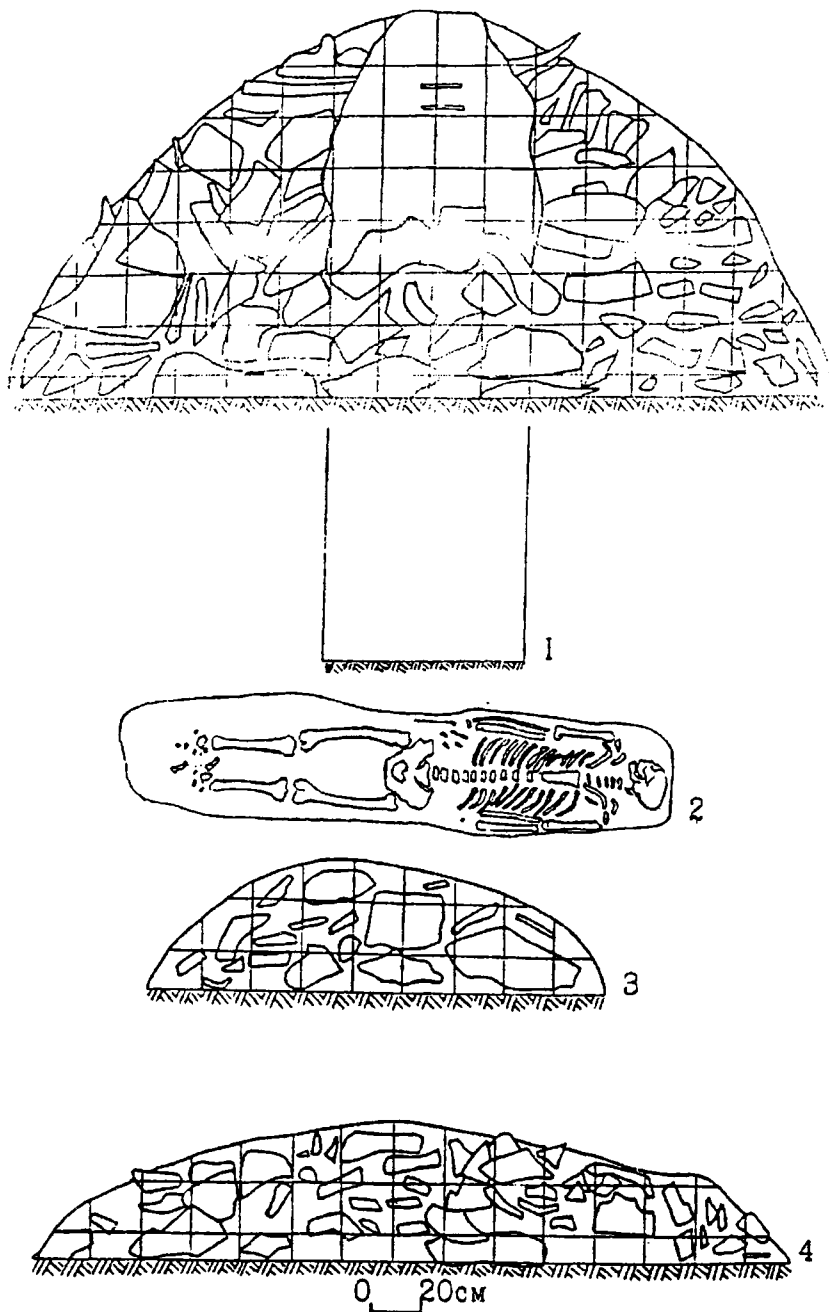
Тас бейіттер IX–XV ғасырларда пайдаланылып, ислам дінінің әсерінен жоғалған. Бейіттерді баламалық жағынан Алтын Орда қалалары мәдениеті деректерімен шендестіруге болады. Археологиялық қазба мәліметтерімен нақтылағанда Л.Т. Яблонскийдің жіктеуінше: «1-түр. Мавзолей және мешіт территориясында кірпіш сағана астына жерленгендер. 2-түр. Табыт асты қапталдық бейіттерге жерлеу. 3-түр. Ағашпен жабылған және жабылмаған, құлпытассыз қатардағы көпшілік

—₁ T₂ Λ₃ >₄ 4₅

✚₆ 4₇ 卐₈ =₉

0 15cm

Сурет 3 – Қоркыт ата қорымындағы таңба бейнелері

Сурет 4 – Тас бейіттер 12.41 Құрылымдық жоспарлары

рымға жерленгендер. 4-түр. Мавзолейге орыналасып, құлпытассыз ағаш – қималық сағаналарға жерленгендер», – деп ерекшелеп зерттей түсу қажет [7].

4) Хора (Хуара, не Жуавара, Қорқыт ата) – Сортөбе (Жусан дала) ескерткіштеріне сәйкес келеді;

5) Бұл қорымда Қорқыт ата жерленген бе деген мәселені шешу үшін жан-жақты мамандар қатысқан археологиялық зерттеу қажет.

Сонымен Қорқыт ата өңірі-көшпелі малшылар мен жер өңдеушілер, қала мәдениеттерінің тоғысқан жері. Қорымдағы бейіттер мен маңайындағы тұрақтар деректері Асар дәуірінен (б.э.д. 6 ғасыр), орта ғасырға мерзімделіп, қазіргі уақытпен жалғасады [8]. Зерттеулер нәтижесі тарихи-мәдени маңызы бар жәдігерлер екенін көрсетіп отыр.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Байпақов К., Нұржанов А. Ұлы жібек жолы және Ортағасырлық. – Алматы, 1992. – 92-93 бб.
2. Археологическая карта Казахстана, реестр. – Алма-Ата, 1969. – С.225-250.
3. Қоңыратбаев Ә. Қорқыт ата туралы ақиқат пен аңыз. // «Жалын» журналы. – 1987. – №4.
4. Ибраев Б. Соңғы буынның соңы қырлары. // «Білім және еңбек» журналы. – 1985. – №2; Қорқыт Ата. – Алматы: Қазақстан, 1993. – 63-64-б.; Почвы Казахской ССР. – Вып. 14. – Кызылординская область. – Алма-Ата, 1983. – С. 8, 9, 76.
5. Тынышбаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. – Ташкент, 1925. – С.28-30; Аманжолов С. Вопросы диалектологии истории казахского языка. – Алма-Ата, 1958. – С.11-18.
6. Кригер В.А., Железников Б.Ф. Позднекочевнические погребения у пос. Рубежа и алебастрово Уральской области. // СА. – М., 1980. – 1. – С.300-306.
7. Яблонский Л.Т. Мусульманский некрополь Водянского городища. // СА. – М., 1980. – 1. – 90-104, 221; Яблонский Л.Т. Социально-этнические взаимоотношения в Золотоордынском городе (По данным могильников). // Средневековая городская культура Казахстан и Средней Азии. – Алма-ата, 1963. – С. 221-228.
8. Левина Л.М. Керамика Нижней и средней Сыр-дарьи в I тысячелетии нашей эры. – М., 1971. – С. 242-255; Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II нач. 1 тыс. до н.э.). – М., 1977. – С. 39.

ХОРЕЗМ И ЗОЛОТАЯ ОРДА

М.-Ш. Кдырниязов

Огромная территория в дельтах Амударьи (Окса), Сырдарьи (Яксарта), Арало-Каспийское междуречье (Устюрт) в средние века входила в состав политического объединения Хорезм. В период господства Великих Хорезмшахов (1097–1231) Хорезм стал одним из цветущих земель Центральной Азии. Однако в ходе завоевательных войн Чингисхана (1155–1227) Хорезм вошел в состав монгольской империи. Походы Чингисхана (1218–1225) и его правопреемников (1235–1242) в Евразию сопровождалась уничтожением людских и экономических ресурсов. Монгольское иго в Хорезме с некоторыми перерывами сопровождалось около 150 лет (1220–1388). В период господства монголов Хорезм был в составе Улуса Джучи (Золотая Орда). Однако иго монголов не смогло остановить развитие культуры народов Хорезмского оазиса. Созидательный труд автохтонного населения Хорезма привел к возрождению области.

Информации фрагментарного характера эпохи Золотой Орды мы получаем из арабо-персоязычных и западноевропейских источников. Среди них, в основном, используются труды Ибн ал-Ибра (1160–1233), Ибн Баттуты (1304–1377), Ал Омари (1306–1349), Ибн Арабшах (1389–1450), Мирзо Улугбека (1394–1449) и др.

В XIII–XIV вв. монгольские ханы поддерживали дипломатические и экономические отношения с Западной Европой. В свою очередь, католические правители Европы проявили интерес к

«неверным» монголам. Они стали снаряжать экспедиции и начали посылать к монгольским каганам миссионеров, дипломатов. В XIII–XIV вв. в Хорезме побывали миссионеры-монахи доминиканского и францисканского орденов. Среди них Одорико Пордонене (1286–1331), Платон Карпини (1246), Андре Лонжюмо (1249), братья Николо и Маттео Поло (1260), Джовани Мариньо-оло (1290–1357), Дж.Монто-Корвино (1247–1330) и др. [1]

Однако сведения в этих источниках о Хорезме XIII–XIV вв. отрывочны. Взаимоотношения Хорезма и Золотой Орды до сих пор исторической наукой раскрыты недостаточно полно. Детальный анализ археологического материала Хорезма и Центров Золотой Орды на Волге способствует решению конкретных историко-культурных проблем. Степень изученности истории Хорезма XIII–XIV вв. не соответствует современным требованиям. Прделанные работы по истории Хорезма и Золотой Орды остаются на уровне 50–60-х гг. XX в. Поэтому на основании новых (1985–2003 гг.) археолого-источниковедческих данных автор ставит своей целью осветить комплекс вопросов, связанных с историей взаимоотношений Хорезма о Золотой Ордой.

В составе Золотой Орды Хорезм представлял одну из самых богатых и культурных областей монгольского государства. Культурные достижения Хорезма сыграли важную роль в формировании Золотой Орды. Хорезм в XIII–XIV вв. один из очагов духовности, просветительства и ислама, из него исходила миссионерская деятельность. В до- и монгольское время популярность святых, суфийских шейхов в Приаралье была очень велика, их имена Хаким Ата, Ахмед Яссави (XII в.), Наджим ад-Дин ал Кубра, Сулайман Харари Мусавий Абдаллах Наринджаний (XIII–XIV вв.) были широко известны не только в Хорезме, но в Мавераннахре и сопредельных странах.

Имам Нуратдин Хорезми был известный богослов в Центральной Азии, он в присутствии великого кагана Гуюка (1246–1248) провел диспут с христианскими проповедниками. По сообщению Ибн Баттуты [2] в Хорезме в эпоху Золотой Орды существовало многообразие религиозных учений (суннизм, итизаль, ханифиты, шафиты) [3]. Религия и литература Хорезма распространилась среди кочевников. Из Хорезма или через него в Золотую Орду проникает ислам, впервые принятый при Берке хане (1256–1266) [4]. При монголах в подвластных им областях во главе административных и социально-политических институтов стояли представители хорезмийской оседло-земельной аристократии, гражданской, торговой бюрократии. Первыми представителями такого рода наместников великого хана Угай-кагана (1229–1241) был хорезмиец амир Куркуз в Хорасане и Махмуд Яловач (1224–1238) и его сын Масудбек (1238–1289) в Мавераннахре и Северном Китае (Пекин). В том же время правители («мелик») Хорезма был Чинтимур, а Шарфад-Дин Хорезми являлся «Улуг битикчи» [5].

Благодаря званию языков, законовведения и богославия люди пера («ахл-и калам») Хорезма при золотоордынских ханах достигли высших чинов. Хорезмиец Мухаммед Ходжа был амиром Азак в 1332–1333 гг., Алад-дин Айдогды ал Хорезми послом Узбек хана (1312–1340) в Египте, шейх Номанад-Дин ал Хорезми идейным вдохновителем хана в Сарай Берке [6]. По сведению Ибн Баттуты список увеличивается за счет местных улемов эмиров Ургенджа и Кята [7]. Как пишет Рашид ад-Дин (1247–1318) они (чиновники, выходцы из Хорезма. – М.-Ш.К.) воспользовавшись своим положением «беспощадно обдирали земледельческое и ремесленное население городов», они же постарались «ценой любых политических уступок сохранить свои земли, недвижимую и движимую собственность и некоторые социальные привилегии» [8].

Строителями золотоордынских центров на Волге являлись приглашенные ремесленники из разных стран. Значительную часть строителей городов Золотой Орды составляли болгарские, крыко-византийские, русские, закавказские и иранские ремесленники. Яркий след оставили мастера Хорезма в создании керамической школы столиц Золотой Орды и городов Северного Кавказа (Маджар). В этих регионах при участии ремесленников Хорезма появляются новые типы поливной керамики, т.н. «Ургенчского образца» на кашинной основе. К ним относятся керамика с прозрачной глазурью, полихромной подглазурной росписью и рельефом; изделия с синей непрозрачной поливой полихромной надглазурной росписью; посуда с ультрамариновой и прозрачно-бирюзовой поливой и подглазурной черной росписью [9]. Основные орнаментальные сюжеты глазурированной керамики Хорезма и Европейской части Золотой Орды близки друг к другу. К

подобным изображениям относятся, прежде всего, растительные (веточки из двух-четырех побегов и шестилепестковая цветочная розетка) и геометрические (рельефные «арочки», расцвеченные синими точками) и другие декоративные приемы. В эпоху Золотой Орды в Хорезме устанавливаются определенные зооморфные мотивы (изображения уток, павлинов, «павлиньих глазков»), отражающие одну из характерных черт Хорезмийской поливной керамики. На сосудах часто изображена крупная утка, в окружении стилизованных листьев и многократно повторяющихся «павлиньих глазков». Сосуды с подобными изображениями в единичных экземплярах найдены в Самарканде [8], Казахстане [9], Северном Кавказе (Россия) [11] и золотоордынских городах Поволжья (Сарай) [12].

Интересно отметить, что изображенные на них утки, «павлиньи глазки» и стилизованные листья в точности повторяют изобразительные мотивы Хорезмийской керамики. Поэтому исследователи золотоордынской керамики Э.К. Кверфельд [13], А.Ю. Якубовский [14], Н.М. Булатов [15], Н.С. Гражданкина, Э.В. Ртвеладзе [16] видят в них влияние керамистов Хорезма. О становлении черт для хорезмийской керамики и ее связях с соседними регионами свидетельствуют цвет поливы и формы сосудов. Одним из часто встречающихся форм сосудов и в Хорезме и Золотой Орде являются горшкообразные открытые сосуды, оформленные с наружной стороны рельефными шишечками и куфической надписью. Эти изделия в отличие от обычной бытовой керамики выполнены чрезвычайно с большим художественным вкусом. За пределами Хорезма подобные сосуды известны в памятниках Золотой Орды-Маджаре, Старом Орхее (Молдова) и Сарае. Их украшения, форма находят полное сходство с хорезмийскими сосудами.

В специализированных керамических мастерских Хорезма выпускался особый вид сероглиняных чаш, кувшинов, чернолощенных, с орнаментом в виде плодов осоки и вертикальными, радиальными полосами. Честь этих изделий находили сбыт на территории Золотой Орды (Сарай, Сарайчик) [17]. Вероятно, мастера-керамисты восточноевропейских городов Золотой Орды заимовали у хорезмийских не только отдельные типы бытовой керамики, но и образцы высокохудожественных изделий. Для Золотой Орды и Хорезма присущи также применение двух или трехслойной глазури и сходство химических составов поливы [18].

В Золотоордынских городах на Волге Большамен, Сарай ал-Джедид, Астрахань, Шагреневый город найдены фрагменты каменных котлов из Хорезма [21]. Каменная посуда из Хорезма входила в состав импорта Маджара [22]. Мухаммед ибн Мансур (XIII в.) [23], Иона Шавтели (XIII в.) [24], Фазл-аллах ал Омари (XIV в.) [25] писали о добыче, вывозе драгоценных и производственного камня из Хорезма.

И наоборот, в период Золотой Орды керамисты золотоордынских городов на Волге способствовали появлению в северных районах Хорезма (Шемаха-кала, Устюрт) новых типов неполивной красноглиняной керамики. Среди них наиболее распространены кувшинообразные сосуды различных типов и вариантов. Их форма несколько отличается от формы хорезмийских сероглиняных сосудов. Ряд сосудов имеет резко выраженную остереберную форму и узкое плоское дно, уплощенно-овальную ручку, характерные для неполивных красноглиняных кувшинов Поволжья [26] и Пруто-Днестровья [27]. В XIII–XIV вв. подобные формы изделий не известны в хорезмийских домонгольских памятниках.

Важным источником для выявления общности в материальной культуре Золотой Орды и Хорезма служит изучение некоторых видов изделий из металла. Среди них бронзовые серьги вопросовидной формы, круглые металлические зеркала и костяные кольца для натягивания лука. Серьги состоят из проволоки вопросовидной формы, нижняя часть которых украшена дополнительной проволочной обмоткой, иногда к концу надеты круглые бусинки. Они найдены в кипчакских погребениях Восточной Европы, городах Золотой Орды [28] и Хорезма [29].

Большинство изделий ввозилось в Золотую Орду и дало толчок к воспроизведению некоторых видов хорезмийскими мастерами. К подобным изделиям относятся круглые металлические зеркала, в оформлении которых повторяются характерные орнаментальные мотивы дальневосточных мастеров. На оборотной стороне этих изделий находятся рельефные изображения рыб и стилизованных драконов [30]. В XIII–XIV вв. под влиянием золотоордынской культуры в Хорез-

ме появляется отопительная система кан (Миздахкан, Ургенч, караван-сарай Белули). Каны отсутствовали в памятниках до монгольского Хорезма.

Огромную роль играл Хорезм в золотоордынской торговле. Тогда через Хорезм шли три сухопутные трассы евро-азиатской торговли. Первая следовала по маршруту города Малой Азии-Южного Каспия (Шираз-Тебриз)-Каракум-Хорезм-Мавераннахр; вторая дорога: Тана (Крым)-Сарай-Устюрт-Хорезм-Отрар-Алмалык и далее в Китай [31]. Южная часть этой дороги ответвлялась в Хорезме и далее направлялась в Мавераннахр (Бухара, Самарканд), Семиречье, Монголию и Китай.

Итальянец Джованни Монте Корвино отмечал удобство этого маршрута [32]. Значение Хорезма в международной торговле Золотой Орды отмечает и Ф.Б.Пеголотти (1342 г.). Нотариальные акты, составленные в 1289–1290 гг. в Старом Крыму говорят о том, что генуэзские торговые аристократы Андрей Спиноло, Бонвассалино и Персиваль Ломеллина отправляли из Кафы в Геную шелк «*Carusmisna*» и «*organinum*» [34].

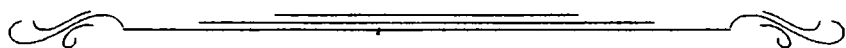
В эпоху Золотой Орды через Хорезм в Русь ввозился высокосортный селадон. Исследователи Московского Кремля, исходя из анализа археологических материалов XIII–XIV вв. считают, что «селадон поступала в Русь через Хорезм, попавший в XIII в. как и Китай под владычеством Чингисидов» [35].

Таким образом, Хорезм и Золотая Орда находились в одном экономико-культурном меридиане. Сильная государственная власть в Золотой Орде принудила хорезмийцев послужить интересам хана номадов. Синкретическая культура Золотой Орды во многом возникла под значительным хорезмийским влиянием, тогда же усилилась экономико-культурная ретрансляторская роль Хорезма между Востоком и Западом. Однако, его значение во многом зависело от политической обстановки в «монгольском мире». Ослаблением Золотой Орды в конце XIV в. значение Хорезма в истории монгольского государства все больше клонится к упадку. Кульминационным моментом в историко-политической жизни Хорезма является окончательный захват Тимуром Хорезма в 1388 г. Присоединение Хорезма к Мавераннахру привело к ослаблению Золотой Орды, паразитарное государство лишилось экономической базы в лице Хорезма.

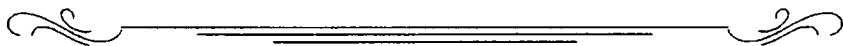
ЛИТЕРАТУРА

1. После Марко Поло. Путешествия западных чужестранцев в страны трех Индии. Перевод с латинского, старитальянского языков. Введение и примечание Я.М. Света.– М., 1968.– С. 119.
2. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящиеся по истории Золотой Орды.– Том. I.– СПб, 1884.– С. 310.
3. Там же, С. 348-349.
4. Там же, С. 307.
5. The Tarikni-Jahangusha of Ala-u-Din Ata Malik-i Juwagni.deyden, 1916.– Т.II.– С.268-277.
6. Тизенгаузен В.Г. Указ. соч.– Том I.– С. 310, 314.
7. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение.– М., 1950.– С.79-80.
8. Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. // Известия Гос. академии истории материальной культуры.– Том. 8.– Вып. 2-3.– М., 1931.– С.33-37
9. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана.– Ташкент, 1966.– Рис. 295.
10. Байпаков К.М. Ерзакович И.В. Древние города Казахстана.– Алма-Ата, 1971.– рис. 36.
11. Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производства города Маджара. // Советская Археология.– М., 1973.– №1.– Рис. 1,2.
12. Отчет Археологической Комиссии.– СПб., 1889.– Рис. 85, а,б.
13. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды.– М., 1976.– С.92-104.
14. Кверфельд Э.В. Керамика Ближнего Востока.– М., 1947.– С.90.
15. Якубовский А.Ю. Указ. соч.– С.28.
16. Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов. // Советская Археология.– 1968.– №2.– С.101.

17. Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Указ. соч.– С.128.
18. Кдырниязов М.-Ш. О роли Хорезма в Евразийской торговле XIII–XIV вв. // *Общественные науки в Узбекистане*.– Ташкент, 2000.– №1.– С.35-41.
19. Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Указ. соч.– С.134.
20. Федоров-Давыдов Г.А. Курганы, идолы, монеты.– М., 1968.– С.122.
21. Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Указ.соч.– С.130-131.
22. Книга о драгоценных камнях Мухаммеда ибн Мансура (пер. Соколова) // *Горный журнал*.– Петербург, 1928.– С.10.
23. Поэзия народов СССР (IV–XVIII вв).– Том.IV.– М., 1972.– С.167.
24. Тизентаузен В.Г. Указ. соч.– С.242.
25. Михальченко С.А. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжье. // *Советская Археология*.– М., 1973.– №3.– С.125.
26. Полевой Л.И. Городское гончарство Пруто-Днестровье. XIII–XIV вв.– Кишинев, 1969.– С.42.
27. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под влиянием золотоордынских ханов.– М., 1966.– С.40-41.
28. Кдырниязов М.-Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII–XIV вв.– Нукус: Каракалпакстан, 1989.– С.98.
29. Кдырниязов М.-Ш. Зеркала с изображением драконов из Миздахкана. // *Вестник Каракалпакского филиала АН РУз*.– Нукус, 2000.– №3.– С.71.
30. Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода. // *Нумизматика и эпиграфика*.– М., 1965.– Том V.– С.190.
31. Хеннинг Р. Неведомые земли.– Том.III.– М., 1962.– С.140.
32. Pegolotti F.B. *La pratica della mercature*. // Ed by Allan Evans. Combridge-Mass, 1936, С.22.
33. Bratianu G. *Actes des notaries fe pera et de Caffa fe la gin du XIII siecle*. Bucarest, 1927.– .209, 213.
34. Авдусина И.Д., Панова Н.С., Владимирская Г.Д. Некоторые итоги археологического изучения Московского кремля (1974–1982). // *Советская Археология*.– 1982.– №3.– С.87-95.

ПАЛЕОЭКОНОМИКА

ОРОШЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Виктор Грошев

В странах с засушливым климатом, к которым относится и территория юга Казахстана, и в частности, Балхашский регион, в воссоздании исторического процесса взаимосвязи экологии, ирригации и государства большую роль играют остатки древних оросительных систем, представлявших основу трудовой деятельности людей. С возникновением поливного земледелия, ирригации и государства как основного орудия политической власти в классовом обществе, возникает проблема взаимосвязи ирригации, государства и экологии.

Сегодня вряд ли найдешь человека, который не слышал бы о проблемах Арала, Балхаша – горьких следах бездумной деятельности человека. Подобные проблемы сейчас называют экологической катастрофой; явившейся результатом неумелого использования природных вод. Поэтому сегодня перед общественными науками стоит немало острых проблем. К одной из них можно отнести изучение исторического прогресса, который выражается в судьбах конкретных народов (этносов), живущих в определенных исторических и природных условиях. Значение археологии в решении этой проблемы огромно, так как по остаткам трудовой деятельности того или иного общества в прошлом может быть воссоздана картина хозяйственной деятельности людей, её влияние на географическую среду.

Для территории Балхашского региона проблема взаимосвязи ирригации государства и экологии мало разработана. В то время как актуальность и научная значимость поставленной проблемы объясняется сложившейся кризисной экологической ситуацией в бассейне озера Балхаш. Всё это заставляет обратиться к поиску средств и методов её скорейшего изменения, выявлению причин её образования. Изучение объективных закономерностей взаимосвязи общества и природной среды, государства и ирригации в прошлом и в настоящем, выявление антропогенного воздействия, в результате чего изменялась экологическая ситуация, в какой-то мере может пролить свет на происходящее сегодня.

Освоение дельты реки Или археологами отмечается уже в каменном веке и относится к периоду неолита (IV тыс. до н.э.). Дюнные стоянки были обнаружены в 5–10 километрах от зеркала воды озера Балхаш.

Археолого-топографическое изучение остатков древних оросительных каналов, агроирригационных планировок и других гидротехнических сооружений в низовьях Или с применением современных методов исследования: плановая и перспективная аэрофотосъемка, наземные маршрутные поиски, инструментальная и глазомерная топографическая съемка и т.д., позволили выявить в регионах многочисленные участки земель древнего орошения.

Ирригация как метод искусственного увлажнения земель в Балхашском регионе относится к эпохе бронзы (III–II тыс. до н.э.). К этому периоду, образно говоря, можно отнести начало изменения экологической ситуации в этом районе.

Во все времена оросительные сооружения выполняли одну и ту же техническую задачу – подавали живительную влагу на поля и переводили текущие речные воды из состояния потока в состояние почвенной влажности. В примитивных и однократных системах орошение осуществлялось при помощи обваловки паводковых разливов, в более сложных это достигалось путем разнообразных гидротехнических сооружений.

Новые археологические и палеоботанические исследования позволяют внести некоторые дополнения в наши знания об истории сельского хозяйства района Балхаша. В период эпохи бронзы ко времени, к которому относится возникновение оросительных сооружений на террито-

рии юга Казахстана (II тыс. до н.э.), в хозяйственной и социальной жизни племен Казахстана происходят крупные изменения. Интенсивно развиваются производящие отрасли хозяйства скотоводство, земледелие, гончарство и домашние промыслы.

Новые данные по археологическому изучению поселений эпохи бронзы юга Казахстана, таких как Ой-Джайляу, Биен, Куйган I, Куйган II, Талапты I, Тургенъ II и др., позволяют говорить о занятии жителями этих поселений орошаемым земледелием в небольших масштабах, так называемым «первобытным мотыжным огородничеством». Едва прослеживающиеся местами небольшие участки земель древнего орошения, остатки первобытной ирригации подтверждают этот вывод. Вполне вероятно, что первоначально здесь использовались естественные разливы затухающих саевых потоков (лимаыная форма орошения) с временными поселениями, а затем с помощью арыков стали создаваться искусственные орошаемые участки (самотечное орошение) с долговременным поселением.

Подобный процесс перехода от временных поселений постоянным был характерен и для древних земледельческих культур стран Востока,

Средней Азии. Чайлд Гордон отмечал, что «если разливы происходят с достаточной регулярностью и в определенное время года, они могут заменить дожди, необходимые для орошения... и создание постоянных поселений становится возможным, то с производением каналов и других затрат труда, связанных с орошением, чтобы сделать свое поле плодородным, земледелец уже никогда не оставит его по доброй воле».

Переход от эпохи бронзы к периоду раннего железного века у племен евразийских степей связывается со сложением новой формы хозяйствования – экстенсивного скотоводства. Уже в начале I тыс. до н.э. в степях, полупустынях и горных районах Казахстана кочевое, полукочевое и оседлое скотоводство становятся господствующим укладом хозяйства. В период раннего железа (V–V вв. до н.э.) или в сако-усуньский период во многих местах Балхашского региона археологами отмечены остатки оседлых поселений, занимавшихся поливным земледелием, таких как Сары-Тогай на реке Чарын, Тузусай, Талгар-III и т.д.

Формирование классической ирригации и поливных форм земледелия в Балхашском регионе относится к периоду раннего средневековья (VII–IX вв. н.э.).

Новое археологическое обследование, проведенное с помощью плановых аэрофотосъемок, позволили; дать большую информацию не только об исторической топографии древних городов, но и о состоянии и характере ирригационных сооружений.

Эти исследования позволили дополнить картину возникновения поливного земледелия и оросительных сооружений в низовьях реки Или. В период VII–IX вв. в низовьях реки Или на ее протоках баканасах формируется новый центр поливного земледелия с каналами, которые имели протяженность до 20 км, с развитой оросительной сетью. Во второй половине IX – начале XIII вв. ирригация Южного Прибалхашья получает свое дальнейшее развитие. Материалы аэрофотосъемок и наземные обследования позволили выявить и изучить остатки ирригации и поливной системы.

Земледелия вокруг средневековых городищ райположенных на трассе Шелкового пути, таких как Актам, Карамерген, Агаша-як и др. Все это говорит о том, что поливное земледелие Прибалхашья с VII в. по нач. XIII в., вместе с городской культурой испытывает подъем, который в зависимости от социально-экономической ситуации в различных регионах шел различными темпами.

Расцвет поливного земледелия ирригации, отмеченный для предыдущих периодов, был прерван походами Чингисхана в Среднюю Азию и Казахстан.

В середине XIII века города и поливное земледелие начинают постепенно оживать. В низовьях Балхаша оживление поливного земледелия происходит недолго.

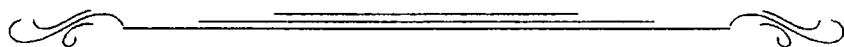
В XV–XVIII вв. встречены также многочисленные поселения казахов с ирригацией и небольшими участками поливного земледелия.

Но, как показывает экскурс в историю развития ирригации и поливного земледелия Балхашского региона, конкретные исторические события не имели определяющего воздействия на состо-

ние природных вод, и в частности, на экологическую ситуацию в целом, т.е. взаимодействие человека и природы в древности и средневековье не носило катастрофического характера.

С приходом Советской власти началось новое освоение земель древнего орошения Балхашского региона.

И последнее, судя по работам таких видных ученых, как Берг, Шнитников и др., в природе происходят циклические колебания увлажнения климата: многовековых, вековых и внутри вековых, которые сопровождаются большими или малыми изменениями водных источников, выпадением значительного или не значительного количества осадков, что приводит либо к увеличению водоносности рек, либо к их высыханию, что отражается на за полнении водных бассейнов.

**МӘДЕНИЕТ,
СӘУЛЕТ ӨНЕРІ, ДІН**

**ИСКУССТВО,
АРХИТЕКТУРА, РЕЛИГИЯ**

ҚАЗАҚ ПЕТРОГЛИФТЕРІ ЖӘНЕ ОНЫҢ НЕГІЗГІ ТАҚЫРЫПТАРЫ

Ж.М. Жетібает

Ә.Х.Мараұлан атындағы археология институты, Алматы қ.

Қазақ даласында тарихи-археологиялық ескерткіштердің сан алуан түрлері бар. Сондай ескерткіштердің бірі – Маңғыстау-Үстірт қазақтарының жартастарға, жер асты мешіттері мен мазар, сағанатам, сағана сияқты қабір үсті ескерткіштерінің қабырғаларына, сондай-ақ олардың ажырамас элементі болып табылатын зоо-антропоморфты тас мүсіндер – қойтас-қошқартастар мен құлпытастардың өн бойына қашап-сызып салған этнографиялық суреттері (қазақ петроглифтері).

Өз бастауын сонау көне замандардан алатын ескерткіштің бұл түрінің құрамы да, мағынасы да алуан түрлі. Олардың арасынан жеке бейнелерден бастап, қазақтардың кешегі тұрмыс-тіршілігін баяндайтын сюжеттер мен көп бейнелі күрделі композицияларға дейін кездестіруге болады. Сол сюжеттер мен композицияларды – әскери тұрмыс; көшпелі өмірдің қатал көріністері; ұсталық кәсібі мен зергерлік өнері; қатынас-тасымал көліктері; символдар, атрибуттар және культтік бейнелер сияқты бірнеше тақырыптарға топтастыруға болады.

Әскери тұрмыс қазақ петроглифтерінде «Ер қаруы – бес қару» демекші қару-жарактың найза, қылыш, шиті мылтық, айбалта, садақ сияқты түрлерімен (1-сурет 1–3) қаруланып, әртүрлі іс-әрекетті атқарып жүрген салт атты сарбаз образында (атты әскердің сонау көне замандардан XX ғасырдың басына дейін көптеген халықтардың, әсіресе, Еуразияның табиғаты қатал, Ұлы Дала өңірін жайлағандардың негізгі әскери күші бола отырып, олардың болмысы мен тұрмыс-тіршілігінде са маңызды рөл атқарып келгені тарихтан белгілі) берілген.

Салт атты сарбаз тағдырын бейнелеудің негізгі лейтмотиві болып: ел-жұртын қорғап, басшылардан азат ету; көрші елдердің жақсы жайылымдары мен елді-мекендерін басып алып, малықтың қонысын, жерін кеңейту, керуен жолдарын тонап бай олжалар әкелу; тұтқында кеткен тандастарын азат ету және жау қолынан қаза болғандардың кегін қайтару; сондай-ақ бейбіт немесе жұт жылдары «қара қазан, сары бала қамы үшін» – аң аулау және т.т. алынған. Олай дейтін себебіміз, суреттерде ол көбіне жорық сапарында немесе ұрыс майданында (1-сурет 1, 2) және тіршілік үшін қосалқы кәсіп – аң аулау жағдайында (1-сурет 3) бейнеленген.

Суреттерге мән бере қарасаң, жауынгер атрибутының бөлшектері мұқият салынған. Ал адам болса өте қарапайым түрде, яғни бет-әлпеті өңсіз, бос, кеудесі мен қол-аяқтары жай сызықтармен (1-сурет 1, 3), кейбірде, тік бұрыштармен (1-сурет 2); өте сирек жағдайда: кеудесі – қазақ аң антропоморфты тас мүсініне ұқсас болса, аяғы – қонышы кең, киіз байпақты, биік өкшелі аптама етік түрінде қалыптан тыс ұлғайтылып берілген (1-сурет 1, 2).

Осы образдағы ерекше мән берілген бейне – сарбаздың астындағы аты. Кішірек басты, қамыс сұлақты, қаз мойынды, бота тірсекті, құйрық-жалы күзеліп немесе түйіліп, халық ауыз әдебиетінде кездесетін эпикалық сәйгүліктер көркіне өте жақын берілген (1-сурет 1-3; 2-сурет 3, 4) олардың түп-тұлғасы болып әлемдік иппологиядағы сұлулық пен гармонияның, пропорция мен жетерлердің ең жоғарғы тенеулеріне сай келетін және жергілікті табиғат жағдайларына бейімділігі мен төзімділігі, алысқа шабар ұшқырлығы жағынан таза қанды араб сәйгүліктері мен еуропалық көптеген будандас «мәдени» жылқы тұқымдарынан асып түсетін (Потто, 1877, 154-172 бб.; Плещеев, 1904, 56–74 бб.) «арғымақ» (адай сәйгүлігі), «қазанат» сияқты асыл тұқымды қазақы жылқылар алынған (Бабаджанов, 1871, 292 б.).

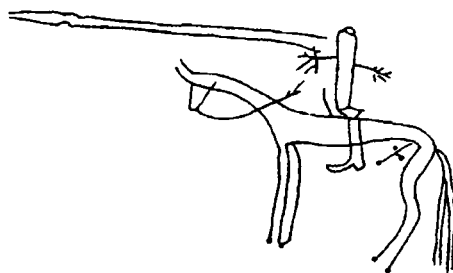
Көшпелі өмірдің қатал көріністері суреттерде зооморфты образдар мен аңшылық сюжеттері арқылы көрініс тапқан.

Зооморфты образдар суреттерде көбіне жоғарыда айтылып өткен жылқыға және «төрт аяқты» ең үлкені – түйе малына байланысты көріністерден тұрды.

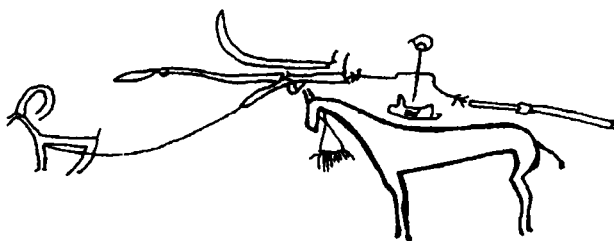
Түйелер суреттерде негізінен күш-көлік және байлықтың өлшеушісі ретінде берілген (1-сурет 4, 5). Өте сирек болса да малды бағып-қағудың көптеген тәжірибесін жинақтаған ата-бабалардың іс-әрекетіне, соның ішінде, әсіресе, түйенің жана әрі күшті ұрпақтарын алу сәттеріне арналған (2-сурет 1, 2) көріністерді де кездестіруге болады.

1

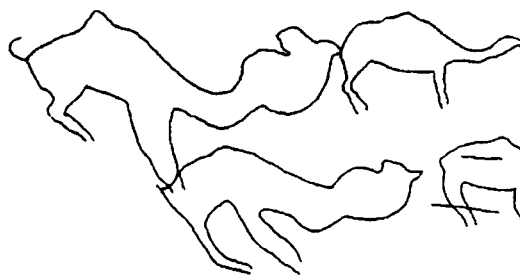
2

3

4

5

1 - сурет

Гүйенің аталмыш өлке қазақтарының этнографиялық суреттерінде көптеп кездесуінің өзіндік ерекшеліктері бар. Ол ерекшеліктер: түйе – сонау көне замандардан күні бүгінге дейін Маңғыстау-Үстірт сияқты сусыз шөлдері мен құлазыған құмдары бір-біріне ұштаса араласып жатқан жерлер мен аймақтардың күнделікті тұрмысында өте үлкен рөл атқарып келе жатқан үй жануарының ол – жер бетіндегі шөлге және аштыққа ең шыдамды жануарлардың бірі. Сонымен қатар ол мінсе, жүк артса және жексе – күш-көлік; сойса – ет; сауса – сүт, шұбат; жүнін қырқып, қажетіне жаратса – киім-кешек, көрпе-жастық.

Қазақ петроглифтерінде кескінделген аңшылық сюжеттері өзінің мағынасы жағынан да, құрамы жағынан да алуан түрлі. Олардың арасынан «бес қаруын» түгел асынып, аң аулау арқылы әскери мергенінен одан әрі шындап жүрген салт атты сарбазды (1-сурет 3), тазы иттердің көмегімен азық үшін аң аулап жүрген шиті мылтықты кәсіпқой аңшыларды (2-сурет 3) және «Қан сонарда бүркітші шығады аңға, Тастан түлкі табылар андығанға», – деп Абай жырлағандай қыран құспен бағалы мергені үшін түлкі немесе қарсақ аулап жүрген құсбегі-саяткерлерді (2-сурет 4) көруге болады.

Қазақ халқының өткендегі материалдық мәдениетіне үңілсек, күнделікті тұрмыс қажетін өтейтін қолөнерінің жете дамыған түрлі салаларының болғандығын көреміз. Сондай қолөнері салаларының бірі – ұсталық кәсібі болса, екіншісі – Ұлы мәдениетіміздің асқар бір шыңы – зергерлік өнері.

Ұсталық кәсібі қазақ петроглифтерінде ерітіліп-суытылған және қыздырылған металдарды қалып ұстауға арналған – қысқаш; соғу арқылы металды белгілі бір формаға келтіретін және түзетін құрал – балға, үстіне металды қойып соғуға арналған құрал – төс, әртүрлі металл заттарға балғамен ұру арқылы тесік салатын сүйір басты темір құрал – қадаубас, ағаш, тас өңдеуге арналған басы шапқы тәрізді құрал – қашау, шеге созуға арналған қалып сияқты өндіріс құралдарымен ұста қолынан шыққан сүңгі (найза), шиті мылтық, қайқы қылыш, жебелі садақ тәрізді құралдардың түрлерінің бейнесінде кескінделсе (3-сурет 1), ал зергерлік өнері – қыз-келіншектердің ажауып, сұлу етіп көрсететін білекке салатын – білезік, өңірін қапсыратын – қапсырма, сыңарма – шолпы, мойынға тағатын мінсіз – моншақ, құлаққа тағатын сәнді – сырға, басқа киім – сәукеле және т.б. зергерлік өнерінің туындыларымен берілген (3-сурет 2).

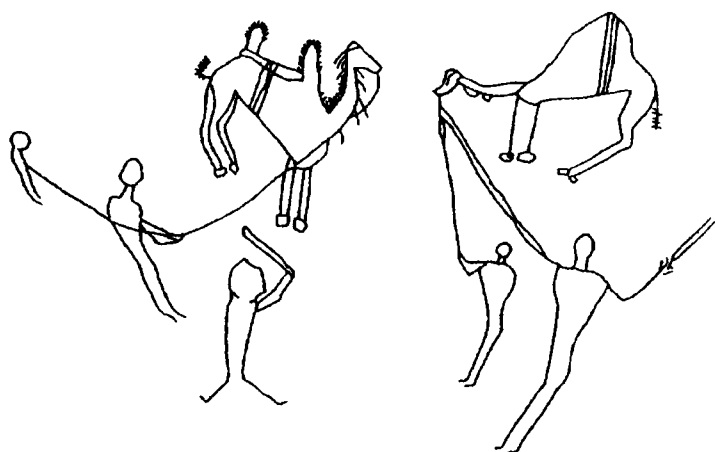
Осы жерде ескере кететін бір жәйт: зергерлік өнерінің туындылары негізінен Қыз Жібек сияқты ескі қасқан сұлулар мен ардақты аналар қабірінің басына тұрғызылған антропоморфты тас мүсін – құлпытастардың жақтауларына кескінделген. Бұл жерде олар: бір жағынан – иесінің шыққан тегін, ата-баба мөлшерін, қай руға, тайпаға жататынын көрсететін белгі қызметін атқарса, екінші жағынан, қолдану мақсатын көрсететін – «тұмар» есебінде салынған.

Қазақ петроглифтерінде кездесетін символдар негізінен қазақтың ру таңбалары және таңбаға ұқсас белгілермен, атрибут – бақсының ажырамас серігі қобыз(дар) бейнесімен, культтік бейне – ислам әлеміне тән – мешіт, ашық алақан (пенже), таспих сияқты суреттермен берілген.

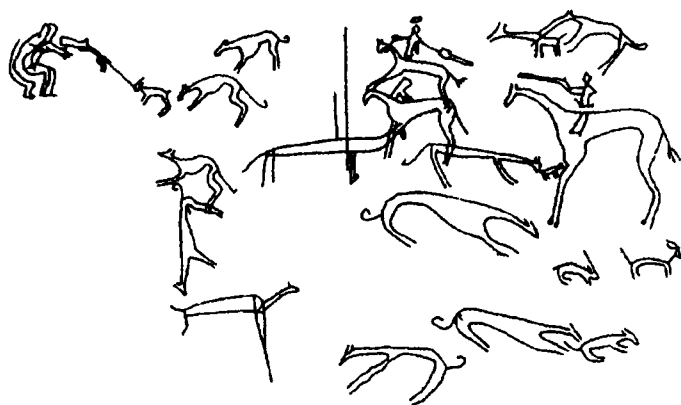
Ескерткіштер мәтінінің ең көне элементтерінің бірі болып табылатын таңба (сөздің шығу тегі туралы түркі-моңғолдық. Ол – «белгі», «мөр» деген мағынаны білдіреді. XIII – XV ғғ. моңғол-татар шапқыншылығы кезінде бұл термин Орта Азияның, Таяу және Орта Шығыстың, Кавказ бен Кавказдың жаулап алынған елдерінде кеңінен таралып, бұрынғы мағынасына қоса – «ханның мөрі қойылған құжат», «салық» сияқты жаңа мағынаға ие болды) және таңбаға ұқсас белгілер Қазақстан территориясында б.з.д. I-мыңжылдықтан белгілі бола бастады. Деректерге сүйенсек, таңбаларды ғұрыптық-мемориалдық ескерткіштерге, (Самашев, Ольховский, 1996, 218-234 бб.), құрылыстық заттарға (кірпіш), әртүрлі мақсатта пайдаланатын жекелеген керамикалық және металл бұйымдарға салып отырған (Байпаков, Подушкин, 1989; Смагулов, 1979).

Қазақ петроглифтерінде кездесетін таңбалар негізінен қабір үсті ескерткіштерінің ажырамас элементі болып табылатын антропоморфты тас мүсін – құлпытастардың жақтауларында кескінделген.

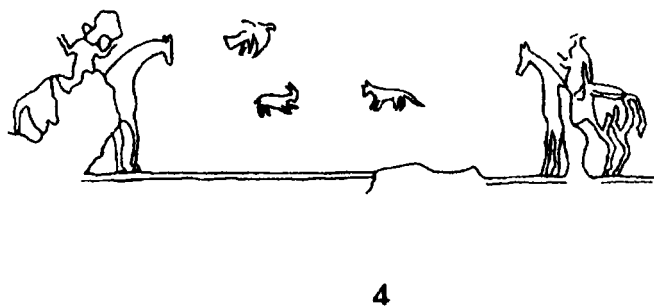
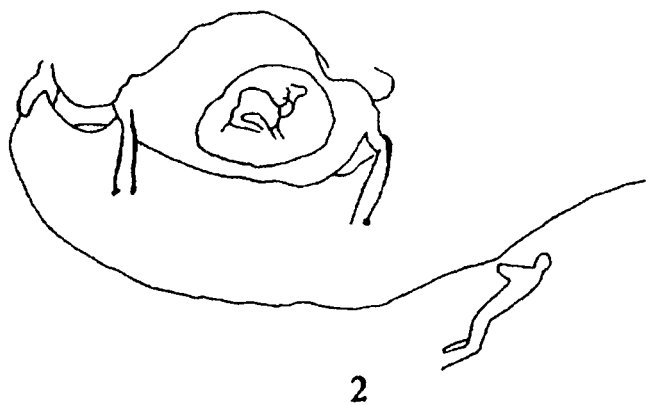
Оларды сонымен қатар қабір үсті ескерткіштерінің басқа түрлерінен де, жартастардан да кездестіруге болады. Зерттеп отырған ескерткіштердегі таңбалар кешені өзінің жүйелілігі жағынан сипатталғанымен, «...зираттағы немесе басқа да ескерткіштегі ру таңбаларының болуы, сол өңірде қандай да бір рудың бір кездері көшіп жүргенін дәлелдейді» (Горедеков, 1889, 3 б.) дегендей, Қасқабұлақ шығыс және солтүстік-шығыс өңірлерін жайлаған қазақтардың рулық-тайпалық құрылымы-

1

3

нан, қоныстануынан, рулық тарихынан көптеген мәліметтер беретін сенімді дерек көздерінің бірі.

Ашық алақан (шейттердің арасында кең тараған таңба. Кейбір болжам бойынша бес саусақ Хусейіннің ту ұстаушысы болып, соның ісі үшін мерт болған Аббастың шабылған қолының символы (Марр, 1970, 354 б.) болса, ал екінші бірінде ол – Алидің қолы. Ондағы бес саусақ – шейттік «бестік»: Мұхамед, Али, Фатима, Хасан және Хусейін (Кисляков, 1970, 10 б.)) – бірқатар зерттеушілердің пікірінше, бір жағынан бақыт әкелетін тұмар болса, ал екінші жағынан қасиетті жерлерді жаман күштер – шайтан, пері сияқты діни-мифологиялық персонаждардан қорғайды (Мирабаев, 1995, 128-129 бб.; Якубовский, 1932, 10 б.). Қазақ петроглифтерінде кескінделген ашық алақанның бейнелері де осындай тұрғыдан салынса керек. Себебі олар негізінен мешіт сияқты құдайға сыйынатын орындар (3-сурет 3) мен қайтыс болған адамдардың басына тұрғызылған мазарлардың қабырғаларына (1-сурет 4), сондай-ақ антропоморфты тас мүсіндер – құлпытас-тардың жақтауларына (3-сурет 1) салынған.

Қатынас-тасымал көліктері графикалық суреттердің ерекше бір тобын құрайды. Олар қазақ петроглифтерінде мындаған жылдық тарихы бар жол жүруге, жүк тасуға, сондай-ақ уақытша жылжымалы тұрғын жай ретінде пайдалануға арналған құрлық көлігі – арбалар (3-сурет 4, 5) және көшпелі қазақ тұрмысына жат су көліктері – қайық-кемелер (3-сурет 6) бейнелерінде кескінделген.

Бұл жерде айта кететін бір жәйт, суреттерде кездесетін қайықтар мен екі, үш, төрт мачталы кемелер негізінен теңізге жақын орналасқан қорымдардағы мазар, сағанатам сияқты қайтыс болған адамның басына тұрғызылған ескерткіш-құрылыстардың қабырғаларына салынған.

Қорыта айтқанда, қазақ халқының ұлттық бай мұрасының кішкентай ғана бір пұшпағы болып табылатын, жасы 300 жылдан 100 жылға дейінгі аралықты қамтитын ескерткіштің осы түрін ерт-теу барысында біз оның көптеген қыры мен сырын, соның ішінде: ең алдымен мәдени мұра мәселесін, оның қайнар көзі мен жаңғыру жолдарын анықтап қана қоймай, ондағы кейбір сюжеттердің ата-бабамыздың дәстүрлі мәдениетінің жоғалып бара жатқан компоненттерін, шаруашылық-мәдени типтерінің ерекшеліктерін, қоршаған ортамен және көрші елдермен қарым-қатынастарын, рухани жан дүниесін, философиялық, эстетикалық көзқарастарын және т.т. қалпына келтіріп, түсіндіру үшін таптырмайтын бірден-бір дерек көзі екендігін айқындадық.

Салынған суреттерге мынадай ерекшеліктер – бейнеленген заттардың көпшілігіндегі этнографиялық бөлшектің дұрыстығы; сюжеттік бейнелеудің семантикалық сипаты тән болса, ал сипаттамалық ерекшеліктері болып қайтыс болған адамдардың жынысы мен кәсібі саналады. Мысалы, құлпытастардағы қару-жарақтар – еркектікі, әшекей бұйымдары – әйелдердікі екендігін көрсететін жеткілікті сенімді белгілер болып табылады. Осы ескерткіштердегі заттық-сюжеттік, атрибуттық бейнелердің басымдылығы кездейсоқтық емес. Оған мысал ретінде Сейсем-Ата қорымының Г.С. Карелинге әсер қалдырған суреттерін алуға болады: «...әртүрлі тастарда адамдар мен жануарлардың бейнелері қашалған және сызылып салынған: олар жазулардың орнына жүріп, өлген адамның дәрежесін немесе кәсібін көрсетеді. Мысалы, кеменің сызылып салынған бейнесі өлген адамның теңізде қарақшылық жасағандығын; садақ, жебе, чекан (айбалта), қылыш және басқа да қарулар бұл қабірге ержүрек батырдың мүрдесі қойылғандығын; жылқының бейнесі – жылқышыны, яғни бақташыны; мылтық ұстаған адамның архарға қарсы тұрған бейнесі аңшыны білдіреді» (Карелин, 1883, 491 б.).

Бұл жерде біздің тағы бір байқағанымыз, жартастарға салынған суреттер негізінен аңшылық кәсіпке арналса, мешіттердегі, сондай-ақ дінмен қатысы бар адамдардың басына тұрғызылған кейбір қабір үсті құрылыстарындағылар – діни-ғұрыптық бейнелерден тұрады. Ал, дөңесті жерлерде, сондай-ақ көш-керуен жолдарына жақын орналасқан мазарлар мен үлкен сағанатамдардың қабырғаларына салынған суреттер мен құлпытастардағы бейнелер: «Бұл ғұрып оның өзімізінде қаншалықты дәулетке ие болғандығын жария етуі арқылы оның пайдасы тиген куәгерлерге жағымды пікір қалдыру болған» – деп XVIII ғасырда қазақ даласында болып қайтқан патшалық орыс капитаны Н.Рычков айтпақшы (Рычков, 1772, 29 б.) ерлікті, батырлардың жекпектігін, аң аулауды, көш-керуен шеруін, байлық пен молшылықты көрсететін суреттер болып келеді. Бұл суреттер марқұмның және оның мұрагерлері мен үрім-бұтақтарының әлеуметтік дәрежесінің

1

2

4

5

3 - cypet

3

6

оғары екендігін көрсетеді. Осы суреттердің бір бөлігі қабір үсті құрылысы тұрғызылысымен, ал екінші бөлігі өлген адамның жылдық асынан кейін салынса керек. Олай дейтін себебіміз, қабырғалардағы композициялардың кейбірі қайтыс болған адамның құрметіне берілген астағы кейбір көріністердің екені анық нәрсе.

Қазақ петроглифтеріндегі жекелеген шайқастар мен жаугершілікті, көшпелі тұрмыс журналын бейнелейтін сюжеттер мен композициялар қазақ ру-тайпаларының өз тағдырын өзі шешетін, өзінің ар-намысы мен халқының данқы үшін қан майданда құрбан болуды мұрат тұтқан даланың жауынгерлік дәуірін, алыс жорықтар мен шайқастар дәуірін, аруақтанып тұлпар мініп, ту тіккен, қаза тапқан боздақтарды жоқтап, жас төккен дәуірді, елім деп еңіреген ерлер өмірден шайқасып өткен, олардың жеңілген һәм женген, Бөгембай, Қабанбай, Наурызбайларды еске түсіреді.

Жалпылай алғанда дәуіріміздің бұл ескерткішінде халқымыздың тірі жады, бейбіт тұрмысы мен құбылмалы болмысы бейнеленген. Олар бірнеше ғасырлар бойында жасалып, халқымыздың талғам-түсінігін паш етеді. Олардың жиынтық бейнелері мазмұны жағынан алуан болғанымен қазақ ру-тайпаларына ортақ бірегей құндылықтарға негізделген.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабаджанов Х.С.* Лошади и их испытание во Внутренней Киргизской орде // Журнал охоты, коннозаводства, бегов и скачек, акклиматизации животных, рыболовства и других предметов спорта. 1871, год 3. №6.
2. *Байпаков К.М., Подушкин А.Н.* Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Древнего Казахстана (I тыс. до н.э.). Алматы, 1989.
3. *Востров В.В.* К вопросу о пережитках древних верований у казахов // ИАН Каз ССР. Серия т., археол. и этнограф. 1959. Вып. 2.
4. *Горедехов Н.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т.І. Юридический быт. Ташкент, 1889. IV+III.
5. *Карелин Г.С.* Путешествия по Каспийскому морю // Зап. РГО. По общей этнографии. 1883. X.
6. *Марр С.М.* Мохаррам (Шиитские мистерии как пережиток древних переднеазиатских культов) // Сборник музея антропологии и этнографии. XXVI. Традиционная культура народов Передней и средней Азии. Л., 1970.
7. *Мирабаев А.К.* О семантике изображения частей тела человека из склепов Курката // Сб. Из истории и археологии Древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995.
8. *Плещеев П.* Киргизское степное коннозаводство в Семпалатинской области // Коннозаводство. СПб., 1904. №1.
9. *Потто В.* Из путевых заметок по степи // Военный сборник. Год 20. 1877, ноябрь. №11. CXVIII.
10. *Самашев З., Ольховский В.В.* Стелы Дыкылтаса (Западный Казахстан) // Вопросы Археологии Западного Казахстана. Самара, 1996.
11. *Смагулов Е.А.* К изучению знаковой системы познесредневекового Отрара // Изв. АН КазССР. Серия обществ. наук. 1979. №6.
12. *Рычков Н.* Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772.
13. *Якубовский А.Ю.* Феодализм на Востоке. Л., 1932.

БРОНЗОВАЯ ФИГУРКА ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА НЕВАКЕТ (К ИСТОРИИ НАСТОЛЬНЫХ ИГР В СЕМИРЕЧЬЕ)

Г.А. Терновая

Бронзовая литая фигурка быка-зебу (рис. 1) входит в коллекцию металлических вещей, найденных на территории городища Красная Речка в Чуйской долине¹. Городище отождествляется со средневековым городом Невакет². Длина статуэтки – 2,4 см, высота – 1,3 см, ширина ступни – 1 см. Непропорционально толстые ноги животного расширяются внизу, придавая фигурке устойчивость. Опорная часть ног представляет собой гладкую горизонтальную поверхность. На холке животного имеется характерный горб. На спине рельефно изображено седло. Морда широкая, слегка изогнутая. Глаза показаны маленькими окружностями с точками в центре. На голове – два закругленных уха (?) и подобие рога посередине. Три выпуклости или три «рога», вероятно, можно рассматривать как признак священности животного.

Трехрогие в Семиречье. Изображения трехрогих животных встречаются на средневековых памятниках Семиречья³. Во время раскопок на цитадели средневекового городища Костобе (г. Джамукат⁴) в Таласской долине археологами была найдена статуэтка VIII в., выполненная из обожженной глины и изображающая трехрогого козлика (рис. 2,2)⁵. Статуэтка достигает в высоту 18,5 см, в длину – 16,5 см. У козлика широкая прямоугольная мордочка, на голове – три отростка-рога с небольшими круглыми углублениями в центре. По длинной шее и спине, сужающейся к позвоночнику, прорезаны полосы, имитирующие шерсть. Небольшой хвостик поднят вверх. Козлик опирается на четыре ноги, немного утолщающиеся к низу, что придает статуэтке устойчивость. Фигурка, вероятно, была повернута левым боком к источнику огня, так как на нем сохранились следы копоти. Среди статуэток, найденных на Сукулукском городище в Чуйской долине, главным образом, в его центральных слоях, относящихся к согдийскому и частично к карлукскому периоду, есть керамическая статуэтка VI в. в виде животного, голова которого увенчана тремя выступами-рогами (рис. 2,3)⁶. На спине зооморфного существа находится петлевидная ручка. Три выступа-рога, похожие на рога козлика из Костобе и быка-зебу из Невакета, отмечены на керамическом постаменте, который также относится к сукулукским находкам⁷.

Три рога служат для выделения священных животных «бура» в шаманизме. Л.П. Потапов заметил, что «бура» первоначально именовались дикие рогатые животные, а затем, этот термин перешел на хозяйственно освоенного оленя и от него, позднее, по хозяйственной значимости, на быка, верблюда, лошадь, то есть, на животных, хозяйственно освоенных на данной территории в более позднее время⁸. Бура – ездовое животное шамана⁹. В сакральной лексике телеутов душа кама именуется «тын-бура» и представляет собой некую жизненную силу и интеллектуальный потенциал. Она имеет облик животного и способна совершать служения или вступать в интимную связь с духами¹⁰. На городище Луговое (г. Кулан)¹¹ была обнаружена керамическая очажная подставка VII–VIII вв. (рис. 2, 1). Подставка изображает конское седло

¹ Автор благодарит преподавателя Киргизско-русско-славянского университета (г. Бишкек), к.и.н. А.М. Камышева и предоставленный материал.

² Байпаков К.М., Горячева В.Д. Семиречье / Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. – М., 1999. – С. 154.

³ Терновая Г.А. Изображения «трехрогих» в средневековом искусстве Жетысу и Южного Казахстана (в печати).

⁴ Байпаков К.М. К вопросу о локализации Джамуката / Маргулановские чтения (конференция). – Алма-Ата, 1989. – С. 22.

⁵ Терновая Г.А. Образы искусства как источник по мировоззрению городского населения Южного Казахстана и Семиречья VI–XII вв. (по материалам археологии). – Автореф. дис... канд. ист. наук. Алматы, 1998. – С. 18–19.

⁶ Чуйская долина. Труды САЭ. Сост. под рук. А.Н. Бернштама / МИА. – 1950. – Вып. 14. – Табл. LIII, 4.

⁷ Чуйская долина... – С. 117. – Табл. LV, 1.

⁸ Потапов Л.П. Следы тотемистических представлений у алтайцев // СЭ. – 1935. – № 4–5. – С. 135, 146.

⁹ Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – М., 1893. – С. 65–67, 83.

¹⁰ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. – Новосибирск, 1989. – С. 89.

¹¹ Байпаков К.М. Керамика средневекового Кулана / Поиски и раскопки Казахстана. – Алма-Ата, 1972.

высокой лукой, то есть, служит обозначением того же ездового животного, «небесного коня» («бура»), о котором шла речь.

Бык-зебу, культ быка. Зебу в переводе с французского означает горбатый скот. Этот крупный рогатый скот с мускульно-жировым горбом на шее и холке близок по происхождению к домашнему крупному рогатому скоту. Места обитания зебу – зона жаркого климата в Южной Азии, Африке. Животное завезено в Америку, разводится в Средней Азии и Азербайджане. На территории Средней Азии известны разновидности быка-зебу – хорасанский, кураминский, туркменский.

В районе реки Большая Алматинка (г. Алматы) был найден бронзовый светильник-курильница, датируемый III–II вв. до н.э. Жертвенник состоит из круглого блюда на ажурной конической подставке. По краю блюда расположены фигурки быков-зебу, морды которых повернуты налево, в сторону от центра светильника. На блюде расположены две скульптурки всадников, развернутые в противоположные стороны относительно друг друга. В руках всадников – натянутые луки, которые показывают направление полета стрел. Ближе к центру находится цилиндрическое основание для фитиля¹². На блюде, вероятно, представлена сцена календарно-астрономического содержания, связанная с весенним праздником Наурыз. Возможно, при проведении обряда жертвенник устанавливался так, чтобы лучники указывали определенное направление, например, восток-запад, т.е., путь Солнца. В подобном расположении воплощена идея о дуальных оппозициях, лежащих в основе мироздания: свет-тьма, день-ночь, весна-лето, жизнь-смерть и т.д.

Изображения быков-зебу встречаются на памятниках Средней Азии. Рассматривая терракотовые фигурки VI–VIII вв. из Пенджикента, А.М. Беленицкий предположил, что, хотя быка-зебу характерным для этой породы горбом можно признать только в одном случае, это животное представлено и на других статуэтках, сохранившихся во фрагментах¹³. В Пенджикенте был найден серебряный перстень с сердоликовой геммой-печаткой, на которой вырезано изображение быка-зебу¹⁴. Подобный бык встречается на группе глиняных булл, обнаруженных вместе с документами известного архива пенджикентского царя Диваштича, открытого на горе Муг. Резные камни-печатки и их оттиски известны и в других районах Средней Азии¹⁵. Крупный бронзовый сосуд типа водолея из Пенджикента¹⁶, по мнению А.М. Белинского, также изображает быка породы зебу, где горбом служит широкая трубка с крышкой. Бык-зебу изображен в сложных многофигурных композициях монументальной стенной живописи Пенджикента¹⁷.

На резных камнях, найденных в джетыясарских курганах, изображен бык-зебу развернутый направо, на оттиске – влево¹⁸. На иранских геммах, в том числе найденных на памятниках джетыясарской культуры, можно увидеть изображения льва, идущего влево (по мнению исследователей обозначающего созвездие), и льва, нападающего на быка-зебу (символ Нового года)¹⁹.

Головы быков представлены на двух бронзовых ременных бляхах и на бронзовой печати с держателем из коллекции художественного металла города Невакет (рис. 3). На одной бляхе (рис. 1), рога быка имеют вид полумесяца, поставленного горизонтально.

В Древнем Двуречье, В Средней Азии 3–2-го тыс. до н.э., в древнеиранской и древнеиндийской традиции бык – прежде всего образ лунного божества. В иранской мифологии месяц называется имеющим семя быка»²⁰. Распространенный в первые века н.э. к западу от Ирана сюжет «Митра,

¹² Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы, 1998. – С. 170, илл. между 97 и 98.

¹³ Беленицкий А.М. Изображение быка на памятниках искусства древнего Пенджикента (К истории зооморфизма в древнем изобразительном искусстве Средней Азии) // Этнография и археология Средней Азии. – М., 1979. – С. 89-90, рис. 1.

¹⁴ Беленицкий А.М. Изображение быка... – С. 91-92, рис. 4.

¹⁵ Пугаченкова Г.А. Мервские геммы-инталии // Тр. ЮТАКЭ. – 1963. – Т. XIII. – С. 204 и сл.

¹⁶ Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л., 1980. – Рис. 81.

¹⁷ Беленицкий А.М. Изображение быка... – С. 92-93, рис. 6, 7.

¹⁸ Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). – М., 1996. С. 256, рис. 162, 2, 3, 5, 6.

¹⁹ Борисов Л.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. – Л., 1963. – С. 35, 123-127; Левина Л.М. Этнокультурная история... – С. 62, 1-5.

²⁰ Иванов В.В. Бык // МНМ. – Т. 1. – М., 1980. – С. 203.

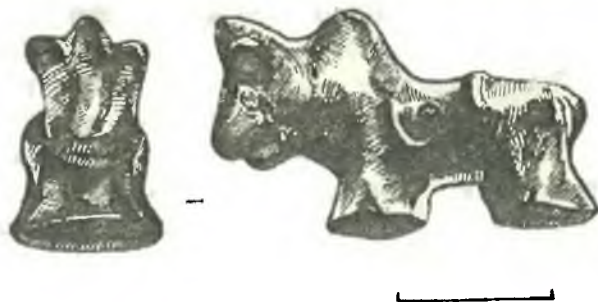

Рис. 1. Бронзовая фигурка «протошахмат» из Невакета.

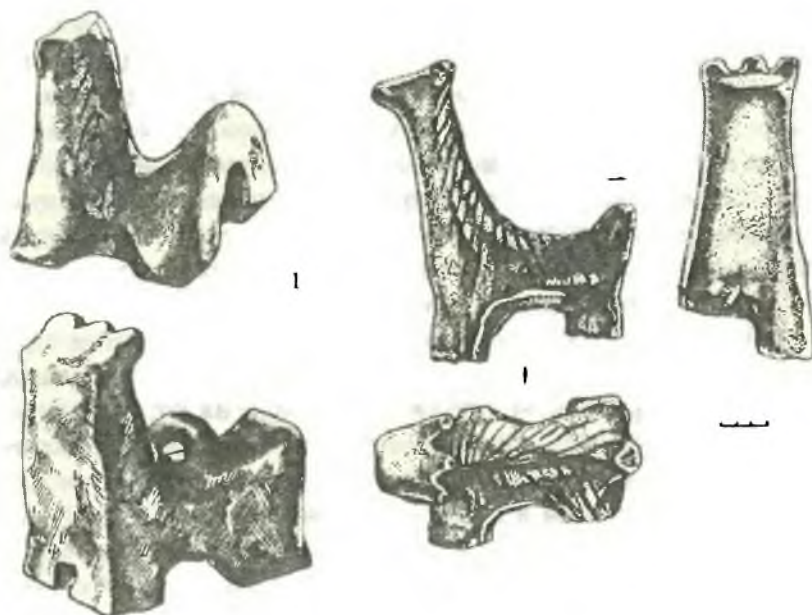

Рис. 2. 1 – подставка в виде конского седла с городища Луговое (г. Кулан); 2 – фигурка-подставка в виде трехрогого козлика из Костобе (г. Джамукат); 3 – фигурка из Сукулука

Рис. 3. 1, 2 – бронзовые накладные бляхи в виде быков; 3 – бронзовая печать с изображением быка. Красная Речка (г. Невакет)

«убивающий быка», вероятно, можно рассматривать как иллюстрацию астральных явлений, в мифологическо-астрономическом аспекте он объясняется как «Солнце, убивающее Луну» и символизирует связь культа Митры с эрой Тельца²¹. Этот сюжет является продолжением традиционных сцен победы Льва над Быком в древневосточном искусстве, которые со времени Ахеменидов трактовались «как изображение дня весеннего равноденствия, циклической смены явлений природы, космического акта творения и возрождения через уничтожение», сцены, связанные с новогодним праздником Наурыз²². Душе быка посвящен день в месяце зороастрийского календаря (14 день – Гэуш). Бируни пишет о том, что говорят «в день Ноуруза Аллах создал дольний мир и Гайюмарса» (Гайюмарта – быкочеловека), так что это его «чешн» или праздник²³. Согласно преданиям, легендарный Огуз-каган рожден некой Ай-каган от быка²⁴, где слово «ай» означает Луна²⁵.

В индуисткой мифологии бык Нандин – слуга привратник и друг Шивы, сопровождающий музыкой космический танец бога. Нандин изображается в виде белого быка или существа с бычьей головой и считается ездовым животным Шивы. Так как на индийских монетах Шива нередко представлен в виде быка, Нандина рассматривают как зооморфный образ самого Шивы²⁶. В Авесте вид быка с золотыми рогами принимают боги Веретрагна и Тиштрия (Яшт 14.7; 8.16).

В древнем Китае одним из важных народных и официальных праздников был день прихода весны (*Личунь*), знаменовавший начало сельскохозяйственных работ. Этот праздник, отмечавшийся по солнечному календарю, не имел фиксированной даты, но обычно приходился на первые дни лунного года, что делало его органичной частью новогодних торжеств. Главным обрядом этого праздника было ритуальное раздирание «весеннего быка». В древности для этой цели использовали настоящих быков, которых впоследствии заменили глиняными скульптурами и бумажными макетами животного²⁷. В археологических и этнографических материалах образ быка представляется в связи с водной стихией, растительностью и плодородием. У узбеков Хорезма бытовали понятия о том, что жертвоприношение быка водной стихии должно было обеспечить в текущем году обилие воды в каналах и хороший урожай²⁸. В календарных обрядах разных народов выражена своеобразная адаптация человеческой деятельности к объективному, космическому ритму природы²⁹.

Находки «шахматных» фигур в Средней Азии и Семиречье. При раскопках городища Дальверзин-тепе па полу помещения 7 (раскоп ДТ-5) были найдены «шахматные» фигурки, изображающие быка-зебу (1,8×2,2×1,9 см) и слона (2,4×2,9×1,8 см), которые датированы I–II в.н.э. Фигурки вырезаны из слоновой кости и отполированы. Животные опираются на плоские прямоугольные подставки с закругленными углами. По предположению Б.А. Тургунова, фигурки быка-зебу и слона принадлежат к одной из разновидностей «шахмат» – древнейшей *ЧАТУРАНГЕ*, где игре принимали участие четыре человека. По времени – это одни из самых старых «шахматных» фигур в мире. В Средней Азии столь древние «шахматные» фигурки были найдены впервые. Это говорит о раннем проникновении «шахмат» на территорию Средней Азии и о том, что южные районы Узбекистана являлись второй родиной этой игры³⁰.

С точки зрения Б.А. Тургунова, дальверзинская фигурка слона выполняла функции «шахматного» слона, так как в Иране была найдена «шахматная» фигура из черного камня в виде слона, датируемая VI–VII вв. н.э. Вторая же находка из Дальверзин-тепе – фигурка быка-зебу встрети-

²¹ Смирнова И. Рождество Христово // Наука и религия. – 1991. – № 12. – С. 34.

²² Кузьмина Е.Е. О семантике изображений на чертомлыцкой вазе // СА. – 1976. – № 3. – С. 6–70.

²³ Бируни А. Избранные произведения. Т. I: Памятники минувших поколений. Ташкент, 1957. – С. 224.

²⁴ Бернштам А.Н. Историческая правда в легенде об Огуз-кагане // СЭ. – М.-Л., 1935. – № 6. – С. 34.

²⁵ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М., 1974. – С. 98–99.

²⁶ Нандин // МНМ. – Т. II. – М., 1982. – С. 197–198.

²⁷ Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М., 1985. – С. 58.

²⁸ Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М., 1969. – С. 310–311.

²⁹ Календарные обычаи и обряды... – С. 227, 233.

³⁰ Тургунов Б.А. Новые данные к истории шахмат в Средней Азии // ОНУ. – 1973. – № 11. – С. 73; Тургунов Б. Фигурки из Дальверзин-тепе // Шахматы в СССР. – 1973. – № 5. – С. 16; Древности Южного Узбекистана. The Khamza Fine Arts Research Centre Soka University Press, 1991. – Илл. 90, С. 269.

лась впервые и соотносить его с какой-либо фигурой было затруднительно. Автор выдвинул два предположения: либо бык-зебу выполнял функции ладьи – «ратхи» индийской *ЧАТУРАНГИ*, изображенной в местной бактрийской интерпретации, либо это новая фигура, пока неизвестная в истории «шахмат»³¹. На городище Мунчак-тепе (VI–VIII вв.) была найдена фигура «Рух» в виде хищной птицы, сидящей на утесе, с птицей в когтях³².

Миниатюрная бронзовая фигурка быка-зебу из Невакета близка по размерам к костяной фигурке быка-зебу из Дальверзин-тепе. Широкие ступни животного придают фигурке устойчивость, гладкая нижняя поверхность способствует передвижению по горизонтальной поверхности, а подобие седла на спине удобно для того, чтобы удерживать фигурку двумя пальцами. Можно предположить, что эта фигурка, также как фигурка, найденная на Дальверзин-тепе, использовалась в одной из игр, на основе которых была создана современная шахматная игра.

Многочисленные находки «шахматных» фигур на территории Средней Азии свидетельствуют о широком распространении «шахматной» игры в древности и в средневековье. Фигурки были обнаружены при раскопках городищ Узбекистана (Афрасиаб, Дальверзин-тепе, Мунчак-тепе) и в Южном Таджикистане (Хульбук). При изготовлении «шахматных» фигур использовались различные материалы. Они вырезались из слоновой кости (Дальверзин-тепе, I–II в.³³; Афрасиаб, VIII–IX вв.³⁴; Мунчак-тепе, VI–VIII вв.³⁵; Хульбук X–XII вв.³⁶), могли быть терракотовыми (городище Айртам, близ Термеза, I–II вв.)³⁷, из стеклянной массы (городище Афрасиаб, X–XII вв.³⁸), из обожженной глины (в 30 км от Дальверзин-тепе, XV–XVI вв.³⁹).

О первых находках «шахмат» в Казахстане сообщается в статье И.И. Копылова⁴⁰. Шесть «шахматных» фигур были найдены на городище Талгар в богатых домовладениях. Это послужило поводом для предположения, что в конце XI – первой четверти XIII вв. «шахматная» игра была распространена среди обеспеченного населения города. Фигуры выточены на станке из слоновой кости. Три «шахматные» фигуры имеют шарообразную форму. Шары опираются на обрезанную коническую подставку. Сверху на двух шарах сохранились полусферические выступы. У первой фигуры ниже головки прочерчены три бороздки. И.И. Копылов предположил, что эти фигуры обозначают короля и двух ферзей, так как аналогичные полусферические головки помещались на восточных (арабских) фигурах короля и ферзя VIII–IX вв. Две другие «шахматные» фигуры, также как и восточные (арабские) «шахматные» фигуры конь и пешка VIII–IX вв., сделаны в виде сужающегося кверху цилиндра. Верхняя часть фигур округлая, а на вершине, также как у двух первых, выточена полусферическая головка. У одной фигуры ниже головки прочерчены две концентрические резные линии. По конфигурации, размерам и орнаментальному оформлению полусферической головки резными линиями было отмечено сходство с цилиндрическими «шахматными» фигурами X–XII вв. из Хульбука. По мнению И.И. Копылова, эти фигуры изображают коня, так как у пешек восточного (арабского) типа VIII–IX вв. и восточной пешки XI–XII вв. этой головки нет. Шестая фигура также определена И.И. Копыловым как изображение коня. Она выполнена в виде слегка сужающегося цилиндра. В верхней части выточен выступ клиновидной формы, как бы врезанный в цилиндр. На плоскости сверху – прорезной орнамент. С точки зрения И.И. Копылова, фигуры использовались в игре, созданной в Средней Азии на основе индийской игры *ЧАТУРАНГИ* и получившей таджикское название *ШАТРАНЖ*⁴¹.

³¹ Тургунов Б.А. Новые данные... – С. 76.

³² Орбели И., Тревер К. Шатранг. Книга о шахматах. – Л., 1936. – С. 146.

³³ Тургунов Б.А. Новые данные... – С. 74, рис. 1.

³⁴ Орбели И., Тревер К. Шатранг... – С. 144–145.

³⁵ Орбели И., Тревер К. Шатранг... – С. 145.

³⁶ Гулямова Э. Шахматные фигурки с городища Хульбук // ИСОН АН Тадж ССР. – 1960. – Вып. I. – С. 70.

³⁷ Тургунов Б.А. Новые данные... – С. 74, рис. 1.

³⁸ Обельченко О.В. Шахматный конь с городища Афрасиаб // ОНУ. – 1969. – № 6. – С. 47–48.

³⁹ Тургунов Б.А. Новые данные... – С. 74.

⁴⁰ Копылов И.И. К вопросу о шахматной игре шатрандж в Талкиге 2(4) в древнем Талгаре // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата, 1992. – С. 71–82, рис. 1.

⁴¹ Копылов И.И. К вопросу... – С. 73–75, 77, рис. 1, 1–6; Орбели И., Тревер К. Шатранг. Книга о шахматах. – Л., 1936. – Рис. 4, 5, 9, 11, 12; Линдер И.М. Шахматы на Руси. – М., 1975. – С. 28, 78, 160, рис. 1.2; Гулямова Э. ... – С. 70, рис. 1.

О прародине шахматной игры. Общеизвестно, что в изобретение шахмат вложен труд многих народов. Слова «шахматы» переводится как «смерть королю противника», где «шах» – восточное название короля, правителя, а «мат» значит умер.

Большинство исследователей склоняется к тому, что начало игре было положено в Индии. Иранские историки приводили факты в пользу персидского происхождения подобных игр, проникших в Греко-Бактрийское царство (Северо-Западную Индию). Английский востоковед Г.Мэрей датирует появление «шахмат» в Индии 570 г. н. э., затем, по его мнению, они первоначально попали в Иран⁴². С точки зрения И. А. Орбели и К.В. Тревер, «шахматы» из Индии проникли в Китай, а затем на Малайские острова, на западе – в Иран и далее⁴³. Многие рассматривают «шахматы», получившие распространение в Китае, Японии, Корее и других странах Дальнего Востока как заимствованные, не приводя при этом достаточно серьезных аргументов.

На восточной средневековой миниатюре середины XVI в. «Приношение Хосрову даров из Индии» из списка «Шах-наме» Фирдоуси, созданной в период правления шаха Тахмасба, изображен сюжет, связываемый исследователями с «шахматной игрой». В сюжете из «Шах-наме» повествуется о том, как посол Индии, прибывший ко двору сасанидского шаха Хосрова Ануширвана, привез богатые дары и предложил шаху заплатить дань Ирану, если кто-нибудь из мудрецов Ануширвана откроет секрет индийской игры в «шахматы». Если бы иранцы не смогли этого сделать, то они должны были заплатить дань Индии. Шах попросил неделю на раздумье. Секрет «шахматной» игры разгадал везир шаха Бузургмехр, который занимался философией, астрономией, медициной и пр. Он не только разгадал секрет «шахмат», но и изобрел игру в нарды. Ануширван послал такое же посольство в Индию. Брахманы не дали ответ мудрецам Ирана⁴⁴.

Прототип современных шахмат *ЧАТУРАНГА* (четырёхчастное войско: колесницы, слоны, конница, пехота) возник в Индии. Им предшествовала *АШТАПАДА* – индийская «игра вперегонки» вчетвером на доске 8 на 8 с использованием игровой кости, символизирующей карму и служащей для определения ходов. В сражении принимал участие только один род войск – войска на колеснице. Современным шахматам предшествовала также греческая игра *ПЕТЕЙЯ* без кости, где фишки при полной свободе ходов могли снимать одна другую⁴⁵.

К.Е. Черевко опубликовал четыре «шахматные» фигуры, сделанные в Индии в XVIII веке, по рисунку древнеиндийских «шахматных» фигур. В набор входили: разъяренный лев, вооруженный всадник, страж на башне и боевой слон⁴⁶. Не исключено, что были и другие варианты наборов, о чем свидетельствует находка быка-зебу и слона из Дальверзин-тепе.

Вскоре после возникновения *ЧАТУРАНГА* распространилась в соседние страны. При этом в игре произошли важные изменения, которые коснулись не только названия игры, но и названия фигур. Вместо четырех лагерей по 8 фигур в каждом на той же 64-клеточной доске образовалось два лагеря по 16 фигур. Б.А. Тургунов отметил, что известная расстановка фигур встречается не ранее VI в. н.э. в Средней Азии и Иране, намного позже – на арабском Востоке. Тогда же на Востоке были в ходу «большие шахматы» (стоклеточные), где, кроме обычных фигур, использовались дополнительные – верблюд, носорог и другие животные⁴⁷.

З. Ходжаев и Ф. Дюммель предположили, что игра *ЧАТУРАНГА* появилась в V веке н.э. при эфалитах, покровительствовавших развитию буддийской культуры. Это подтверждается широким распространением «шахматной» игры на Востоке у народов, исповадовавших буддизм⁴⁸. Основы *ЧАТУРАНГИ* были заложены в период II–IV вв. в Северо-Западной Индии. Оттуда игра проникла в Тохаристан, входивший в государство Кушан (от II в. до н.э. до II–IV вв. н.э.), а затем

⁴² Мэрей Г. Настолько стара шахматная игра // Шахматы в СССР. – 1938. – № 12.

⁴³ Орбели И., Тревер К. Шатранг...

⁴⁴ Назарли М.Д. Исторический контекст литературной иллюстрации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991. – С. 177; Орбели И., Тревер К. Шатранг. Книга о шахматах...

⁴⁵ Авербах Ю. Как возникли шахматы // Шахматы в СССР. – 1990. – №8. – С. 18-19; Черевко К.Е. У истоков шахматной игры // Наука и религия. 1991. – №6.

⁴⁶ Черевко К. Е. У истоков... – С. 46.

Тургунов Б.А. Новые данные... – С. 76-77.

⁴⁸ Ходжаев Э., Дюммель Ф. Новые данные по истории шахмат // Шахматы в СССР. – 1951. – № 10. – С. 304.

и в другие области Средней Азии. В пределах Средней Азии (Бактрии, Согда, Хорезма) и Ирана *ЧАТУРАНГА* получила не только широкое распространение, но и дальнейшее развитие. С точки зрения исследователей, не позднее V в. н.э. в Средней Азии на основе индийской *ЧАТУРАНГИ* сложилась принципиально новая, отличная от нее игра *ШАТРАНЖ*, которая стала исходным этапом в развитии современной «шахматной» игры. Из Средней Азии *ШАТРАНЖ* попадает в Индию, Иран, к арабам, в Китай. Правила игры существовали до XV–XVI вв.⁴⁹

Вступая в спор о прародине шахматной игры, востоковед, экс-чемпион Токио по шахматной игре К.Е. Черевко замечает, что самое раннее из дошедших до нас упоминаний о «протошахматах» содержит китайская классическая книга «Мэн-цзы» (IV в. до н.э.). По сведениям историка Бань Гу (32–92 гг. н.э.), в Южном Китае «шахматы» назывались *ЦИ*, а в Северном – *И*. Имелось несколько разновидностей *ЦИ*, среди которых – «звездные *ЦИ*», где в игре подразумевались небесные тела, так же, считает К.Е. Черевко, как и в современных шахматах, проникших в Западную Европу через арабский мир. Идея борьбы в шахматах была перенесена из астрологии⁵⁰.

В «Ши Цзи», «Исторических записках» Сыма Цяня, приводятся краткие сведения о «партии» в *ЦИ* с участием мага Луан Да при дворе ханьского императора У-ди, проведенной около 113 года до н.э. Там говорится, что фигуры *ЦИ* под действием сил притяжения начинали сами взаимодействовать, отталкиваясь и притягиваясь. Эти «шахматы» назывались *СЯНЬ И* – «магические шахматы даосов» или дословно: «шахматы горных волшебников». Из разных письменных источников стало известно, что в игре использовался магнит, широко применявшийся для этих целей в I в. до н.э., а придворные маги использовали магнит во II веке до н.э. Такие «протошахматы» служили одновременно календарем, фиксирующим времена года, месяцы и положение Земли во Вселенной относительно других небесных Тел: Солнца, Луны и зодиакальных созвездий⁵¹.

О том, что игра в «шахматы» или «протошахматы» являлась уделом избранных, свидетельствует легенда о Ван Чжи. В ней говорится, что в цзиньское время (IV–V вв.) некий Ван Чжи пошел в лес рубить дрова. На горе он вошел в пещеру, где увидел двух юношей-бессмертных, играющих в настольную игру (у Е.И. Лубо-Лесниченко – «шахматы»). Отложив в сторону топор, Ван Чжи начал наблюдать за игрой. Один из юношей дал гостю поесть что-то, напоминающее жужубовые косточки, после чего у него пропали голод и жажда. Через некоторое время юноши предложили Ван Чжи вернуться домой. Посмотрев на топор, он увидел сгнившее топорщице, а вернувшись домой, обнаружил, что прошло несколько сотен лет, и его родных давно уже не было в живых. Е.И. Лубо-Лесниченко предположил, что легенда о Ван Чжи представлена на зеркале XII–XIII вв. из Минусинского музея⁵².

Первое упоминание об использовании бронзовых круглых зеркал в качестве досок для игры в «протошахматы» относится к 672 г. до н.э., а самые древние из сохранившихся зеркал относятся к 6 и 10 гг. н.э. Два таких зеркала найдены в могильниках Кореи в районе Лоляна. На рубеже нашей эры ханьские бронзовые зеркала (II века до н.э. – II века н.э.) распространялись из Китая не только в Корею и Японию, но и в Центральную Азию и дальше на северо-запад до бассейна Волги⁵³.

В древней Японии Бронзовое Зеркало являлось одним из трех символов власти японского императора («трех священных сокровищ»), эмблемой императорского трона. Зеркалам приписывалась магическая сила, чистота, их использовали как талисманы против злых духов⁵⁴.

Бронзовое Зеркало было символом власти верховного даосского божества, в качестве которого почиталась Полярная Звезда, символом правды, отражающим все существующее в Подлунной так, как оно есть на самом деле. Источники подчеркивают, что только в Китае могла

⁴⁹ Ходжаев Э., Дюммель Ф. Новые данные... – С.302-304; Майзелс И.К. К вопросу о происхождении и развитии шахмат // Шахматы в СССР. – 1952. – № 10. – С. 367-368; Копылов И.И. К вопросу... – С.76-77.

⁵⁰ Черевко К. Е. ... – С. 46-48.

⁵¹ Черевко К. Е. У истоков шахматной игры... – С. 46.

⁵² Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. – М., 1975. – С. 76-77, №161, рис. 65.

⁵³ Черевко К. Е. ... – С. 47.

⁵⁴ Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. – М., 1978. – С.109; Черевко К.Е. ... – С.47.

возникнуть гадательная техника, заложившая основы протоигры, которая одновременно относилась и к области астрологии, и к технике сражения. Историк Сыма Цянь в 90 году до н.э. писал, что прорицатели пользуются моделями Неба и Земли (круг и квадрат) в виде «шахматно-календарно-гадательных» досок *СИ*. Одна из квадратных досок полированной бронзы, относящаяся к периоду Хань (206 год до н.э. – 220 год н.э.), описана как «зеркало с четырьмя сторонами (света)»⁵⁵. Зеркала квадратной формы возникли в Китае в период Чжаньго (V–III вв. до н.э.). По верованиям древних даосов они связывались с луной и предназначались для сбора лунной росы⁵⁶.

Традиционно считается, что дальневосточные «шахматы» современного типа (*СЯНЦИ*, япон. *СЁГИ*) – фигуры-образы – были изобретены в 569 году и в официальной китайской историографии приписываются императору У-ди сяньбийской династии Северная Чжоу. В этих «шахматах» партнеры приобрели относительную самостоятельность по аналогии с действиями полководца в реальных сражениях, как это имело место при возникновении *ЧАТУРАНГИ* из *АШТАПАДЫ* и *ПЕТЕЙИ*. *СЁГИ* (вариант китайских *СЯНЦИ*) с доской 9 на 9 клеток по 9 фигур, хотя и значительно отличаются от индийских, рассматриваются как восходящие к индийскому источнику. Японские ученые считают, что «шахматы» появились в Китае вместе с буддизмом, а оттуда были привезены в VI веке в Японию⁵⁷.

В течение почти двух веков (386–581) под властью тюркской династии сяньбийцев находилась огромная территория от Ферганы до Корейского полуострова. Большую роль в жизни сяньбийцев играли войны, что нашло своё отражение в характере «шахмат» нового типа, которые распространились благодаря Шелковому пути. Фигуры в «шахматах» нового типа в Северной Чжоу обозначали Солнце, Луну, звезды и планеты. Эти «шахматы» были более доступны для понимания⁵⁸.

Символика игровых фигур. Правила игры. В индийской игре *АШТАПАДЕ*, предшествующей *ЧАТУРАНГЕ*, использовалась доска 8 на 8. По замечанию И.И. Копылова, первоначальный вид *ЧАТУРАНГИ* с её 64 клеточной доской и 32 фигурами получил распространение в Индии и в других странах, кроме Китая и Японии⁵⁹.

К.Е. Черевко утверждает, что деление шахматных фигур на белые и черные, 64 клетки шахматной доски – это символика китайской «Книги Перемен» («И Цзин») IV века до н.э. По этой книге прогнозировалось, какие действия целесообразно предпринять в той или иной ситуации, где комплекс всех реальных ситуаций составляет число 64. Белые и черные фигуры символизируют две космические силы – активное и пассивное начала (*Ян-Инь*). 64 поля на шахматной доске соответствует 64 кодомам, выстраивающимся в 1 молекулу генетического кода ДНК⁶⁰. Начало шахматной игры связано с передвижением белых фигур, символизирующих активное начало.

Первоначально правила игры в китайские «протошахматы» в значительной степени совпадали с техникой гадания и имели эзотерический характер, так как знание их являлось достоянием узкого круга посвященных жрецов. В одной из наиболее ранних форм «протошахмат» использовались дощечки фигуры, которые ассоциировались со звездами и планетами и позднее были заменены изображениями людей. У каждого партнера – по 12 фигурок в соответствии с количеством знаков зодиака. Фигурки бросали как игральные кости в три приема по очереди. Они ложились у гадательных черт, имеющих определенное значение, и по ним определялась судьба того, о ком гадали. В игре определялась «воля неба» и этим она напоминала *АШТАПАДУ*, где игральная кость символизировала карму и служила для определения количества ходов. Последующие «ходы» состояли в поочередном встряхивании доски легким ударом снизу, в результате чего возникали новые «позиции» светлых и темных дощечек у изображений гадательных черт – 8-ми триграмм,

Черевко К. Е. С. 47,48.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 17.

Черевко К. Е. С. 49.

⁵⁸ Черевко К. Е. С. 48-49.

⁵⁹ Копылов И.И. К вопросу... – С.77;

⁶⁰ Черевко К. ... – С. 48-49.

которые при удвоении образовывали 64 гексаграммы. Позднее, после бросания дощечек-фигур на доску, они начинали передвигаться уже по определенным для каждой из них правилам. Первое упоминание о «протоматах», связанных с бросанием дощечек-фигур на календарно-гадательную доску, относится к началу II века до н.э.⁶¹ Согласно легенде, порядок триграмм был послан богами на спине гигантской черепахи, которая выползла на берег реки более двух тысяч лет назад. Именно в это время там находился величайший мудрец тех времен Фу Си правильно рассмотревший эти символы.

В районе Минусинской котловины было найдено зеркало, отнесенное условно к началу времени Тан. На зеркале изображены восемь *багуа* (восемь триграмм), относящихся к самым распространенным в китайской космогонии символам, которые обозначают в различных комбинациях основные природные явления, в целом символизируют гармонию природы. Триграммы обозначают также главные и промежуточные страны света и в соединении с двенадцатью животными восточного календаря, расположенными во внешнем орнаментальном поле зеркала, являются понятными символами времени и пространства. К типу зеркал *багуа* относится также квадратное зеркало с надписью, выполненной четким уставным подчерком. Зеркало также датировано периодом Тан (VII–VIII вв.)⁶².

Для угадывания предопределенного человеку пути (*Дао*), чтобы находиться в гармонии с законами Земли (Природы) и Неба (Вселенной), важно было соотнести расположение созвездия Большой Медведицы на гадательной («протошахматной») доске с гороскопом этого человека. Здесь можно вспомнить о круглом блюде бронзового жертвенника из Алматы с фигурками быков-зебу и лучниками, указывающими направление. Пятнадцать фигурок быков могли соответствовать символике у *син* – пяти основным элементам, игравшим важную роль в древней китайской космогонии⁶³.

После бронзовых «протошахмат» появились деревянные. «Шахматные» доски стали изготавливать из дерева, придавая им круглую форму. На них наносили изображение перевернутого как в зеркале «ковша» Большой Медведицы. В первых веках н.э. на таких досках начали использовать вместо «ковша» символизирующие его настоящие ложки из магнитного железа, ручки которых выполняли функцию магнитной стрелки компаса⁶⁴.

Со временем были внесены изменения: круглую доску – символ Неба, положительного начала, света (*Ян*), стали помещать на квадратную – символ Земли, отрицательного, темного (*Инь*). Вместе они образовывали «шахматно-календарно-гадательную доску» *СИ*. На круглую доску наносили 24 деления по количеству часов в сутках, на квадратную – 28 делений, соответствующих месяцу лунного календаря. По углам и четырем сторонам света наносились 8 главных гадательных триграмм. В современных шахматах круг, вписанный в квадрат, – это круглое основание каждой фигуры, поставленной на квадратное поле доски. Они повторяют «образы» Неба и Земли в «протошахматах»⁶⁵.

Средняя Азия сыграла важную роль в создании и развитии шахматной игры. Некоторые исследователи называют ее второй родиной шахмат. Находясь в системе Великого Шелкового пути, возникшего в середине II в. до н.э.⁶⁶, Средняя Азия фактически выступала в качестве промежуточного звена, объединяющего культурные достижения Индии и Китая. Вполне возможно, что создание шахматной игры происходило под взаимным влиянием индийской и китайской систем игры. В первых веках нашей эры буддисты Индии распространяли не только религиозные идеи, но и другие культурные достижения, среди которых – игра в шахматы. В VI–VII вв. наиболее оживленным стал путь, проходивший из Китая на Запад через Семиречье и Южный Казахстан. В

⁶¹ Черевко К. Е. ... – С. 47-48.

⁶² Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 17.

⁶³ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 18.

⁶⁴ Черевко К. Е. ... – С. 47-48.

⁶⁵ Черевко К. ... – С. 47-49.

⁶⁶ Лубо-Лесниченко Е.И. Великий Шелковый путь. – М., 1994. – С. 372-373; Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. – Л., 1964. – С. 98-101.

II–XIV вв. здесь проходила основная часть посольских и торговых караванов. Одна из причин – в Семиречье находились ставки тюркских каганов, которые контролировали торговые пути через реднюю Азию⁶⁷. Богатые тюркские каганы и их окружение были не только крупными потребителями заморских товаров, они восприняли достижения человеческой мысли, к которым относится игра в шахматы.

В шахматной игре, так же как и в более ранних играх, на основе которых она была создана, воплощены общечеловеческие представления о мироздании, судьбе, законах природы и человеческого общества. Бронзовая фигурка из Невакета могла быть отлита в Семиречье – такая же широкая морда, небольшие, закругленные рога и утолщенные для устойчивости ноги, как у глиняных и керамических статуэток VI–VIII вв. Возможно, фигурка использовалась в настольной игре, в которой была отражена календарно-астрономическая система, где бык-зебу связан с культом Луны, праздничным весенним циклом. Либо фигурка относилась к игре подобной той, где использовалась костяная фигурка быка-зебу из Дальверзин-тепе (I–II вв. н.э.) и, вероятно, преобладала тактика сражения. Несмотря на то, что по одной фигурке нельзя определить, что именно отражала игра: астральные явления, тактику сражения или было совмещено и то и другое, находка фигурки имеет важное значение в изучении истории и культуры Семиречья.

МИНИАТЮРНЫЙ СВЕТИЛЬНИК ИЗ КАРАТЕПЕ ЭПОХИ КАРАХАНИДОВ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КАШКАДАРЬИ)

Ш.Б. Шоназаров
преподаватель НУУз

В истории Мавераннахра X–XII века характеризуются как период расцвета экономики, развития ряда ведущих городских ремесел – керамического, стеклодувного и металлургического.

В период развитого средневековья наиболее массовым видом изделий ремесла стала художественная керамика. В связи с интенсивным ростом феодально-торговых городов художественная ремесло в IX – начала XIII вв. становится важнейшим фактором экономической и культурной жизни «мусульманского мира».

Возникновение и развитие в IX–XIII вв. художественного стиля во всех видах искусств положило начало так называемому искусству мусульманского средневековья.

Интенсивно разворачивающиеся на территории Кашкадарьинской области – древнего южно-Согда археологические исследования предоставили материал для суждений об уровне развития художественного ремесла в период раннего и развитого средневековья.

Археологические данные показывают, что в средневековье Кашкадарьи были развиты такие виды художественного ремесла как изготовление художественной керамики и резьба по глине. Уникальной находкой из верхних слоев раскопа №2 можно назвать предмет, который предназначался для возжигания какого-то, вероятно, связанного с культовым назначением, огня.

Он представляет собой полый кубический ящик (со стороной 15 см, при высоте 12 см) из плохо обожженной рыхлой глины желтовато-серого цвета, образованный стенками толщиной около 1 см. Снаружи окрашен красной минеральной краской (охра). Стенки покрыты росписью красной краской. В лицевой стенке проем в виде четырехлистника. По боковым и верхнему краю лицевая стенка украшена прорезным орнаментом из чередующихся треугольников, повернутых вниз и вверх вершинами треугольники разделенных одной глубокой линией – желобком. Полоса орнамента образует П-образную рамку обрамляющую проем.

Здесь и схема портала – пештаха монументальных зданий, и михрабная ниша, но связь с прототипом, почерпнутым из монументальной архитектуры, сомнения не вызывает. Правая стенка оформлена в виде углубленной ниши, напоминающей михраб. По обеим сторонам михраб об-

рамлен рядами из трех солярных шестилучевых розеток.

На левой и задней стенках повторяется мотив михраба, но обрамлен он полосами растительного орнамента в виде выющихся ветвей.

Крышка слегка вогнутая. Углубление в виде ромба с вогнутыми ребрами. Крышка по краю украшена слегка наклонными вертикальными насечками. Ниже соединения крышки со стенками ящичка проколоты тонкой палочкой небольшие отверстия, которые на лицевой стороне совпадают с рядом орнамента из треугольников.

Внутри найдены три камешка, поверх которых лежал комочек горелой ваты. Светильник мог служить для установки внутрь чирага.

Очевидно, такое же назначение, как миниатюрные очажки. Прямых аналогий самому предмету не найдено. Но вполне возможно, что

позднее подобные предметы трансформировались в форму чирагхона, известные по мусульманскому поминальному обряду.

Ближайшие аналогии по элементам декора прослеживаются на фрагментах очажных подставок с Алтынтепа,¹ которые датируются XII в.

Средневековые орнаментированные очажки обнаружены археологами на многих и других городищах Мавераннахра, Самарканда, Шаша, Ферганы. Совершенно очевидно, они были связаны с культом огня. Украшения их чрезвычайно разнообразны.

Назначение самаркандских очажков В.Л. Вяткин считал возможным связывать с культом огня и установкой в них светильников с неугасимым огнем.²

По предложению Г.В. Григорьева, очажок – это зорастрийская икона, перед которой возжигался жертвенный огонь, воспроизводящая обнесенный глинобитной стеной сад (возможно, рай-фирдаус).³

Г.А. Пугаченкова и Л.И. Ремпель считают, что очажки использовались в ритуальных целях и в них либо возжигали огонь светильника, либо воскуряли особые травы; репертуар богатой орнаментации связан с ритуальным смыслом.⁴ За последние годы археологами получен ряд важных фактов, свидетельствующих о большом значении культа огня в период развитого средневековья.⁵

Этнографы сообщают о домиках, специально сооружаемых для духов предков. Обычай сооружать около мазаров маленькие домики – жилища для духов предков отмечен в Хорезме Г.П. Снесаревым.⁶ Впоследствии этот обычай был выявлен и у узбеков Южного Казахстана, но здесь такие домики ставились в жилище и тщательно охранялись от разрушения.⁷

Возжигание огня могло быть связано с поминальными обрядами. Так, в Фергане в течение сорока дней чираг – светильник стоял в специальной нише и в первый, и в последний дни сорокодневья горел всю ночь, а в остальные дни зажигался ежевечерне.⁸ Считалось, что к огню приле-

¹ Лунина С.Б. Города Южного Согда... – Рис.32.

² Вяткин В. Л. Афрасиаб – городище бывшего Самарканда. – Ташкент, 1926. – С. 52.

³ Григорьев Г.В. Тус-тупи. // Искусство. – 1937. – №1. – С. 136.

⁴ Пугаченкова Г.А. Ремпель Л.И. самаркандские очажки. // Из истории искусства великого города. – Ташкент, 1972.

⁵ Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Следы почитания огня в средневековом хорезмском городе. // Этнография и археология Средней Азии. – М., 1979.

⁶ Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М., 1969. – С. 111-112.

⁷ Тайжанов К., Исмаилов Х. Макчам – дом для духов предков // СЭ. – 1980. – №3. – С. 87-89.

⁸ Кармышева Б.Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы. // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. – М., 1986. – С. 149.

тает дух умершего. Считаю важным сообщением, что в дни годовых праздников светильники для духов предков возжигали у очага и танура.⁹

Богатый орнамент светильника как бы служил символом благополучия дома и семьи, прочности семейных устоев и домашнего благоденствия.

Знаки символы отражают наиболее архаические пласты искусства, связанные с древними космогоническими представлениями и земледельческими культами.

Многие элементы с древними космогоническими представлениями и земледельческими культами как декоративные заполнения вошли в художественный ремесла, знаменуя процесс проникновения земледельческих мотивов в городское ремесло.

Растительный орнамент этого времени с наибольшей выразительностью проявился на изделиях художественного ремесла.

И тем не менее влияние геометрического орнамента на эволюцию растительно-орнаментальных форм было очевидным: в связи с развитием геометрических построений растительный орнамент получил новую основу для своего развития. В IX–XIII вв. возникают новые виды растительной орнаментики – арабески или же «ислими».

В литературе на многочисленных примерах доказано, что круг, колесо являются солярными символами. Ю.А. Рапопорт считает, что этот древний культ солнца связан с культом умерших.¹⁰

В.Н. Ягодин на примере астральных символов, изображенных на миздахканских оссуариях, рассматривает их, с одной стороны как определенное «пожелание», чтобы душа умершего приблизилась к сиянию солнца, а с другой стороны, он связывает солнце с культом Митры.¹¹

К числу символических элементов можно и отнести сквозных овальных отверстий.

На ряде ташкентских оссуариев имитациями дверей и окон являются сделанные в торцовых стенках по сырой глине овальные, квадратные или прямоугольные отверстия.¹²

Г.А. Пугаченкова считает подобные отверстия не входными дверьми, а входами–лазами, подобными тем, которые имеются в погребальных сооружениях, именуемых «мугхона».¹³

Ю.А. Рапопорт связывает традицию устройства окон в погребальных постройках зороастрийского круга с проделыванием отверстий для доступа света к костям.¹⁴

Наличие подобных сквозных отверстий отмечено на многих оссуариях, происходящих из Афганстана,¹⁵ Хорезма¹⁶ и других районов Средней Азии.

Изображение сквозных отверстий на светильнике следует связывать, по-видимому, с символическим входом в иной мир.

Мотивы глаз представлены более искусственна. Они представляют миндалевидный разрез.

Глаз – один из древнейших и вместе с тем таинственных символов. Еще в первобытную эпоху возникла вера в его магические свойства, прежде всего как вместилище души.

Исключительно важное место человеческий глаз занимает в средневековом искусстве Востока, в котором метафизика и мистика, искусство и магия составляли одно целое.¹⁷ Глаз в мифах нередко выступает. По представлениям древних египтян, в момент смерти душа отделяется от тела, но впоследствии возвращается в свою оболочку.

Нельзя не сказать несколько слов о широко распространенном в древности представлении о связи глаза с душой человека. С одной стороны считалось что глаз – это место пребывания души. С другой стороны, глаз – это путь к душе, особенно через зрачок. Последний представлялся

⁹ Якобсон А.Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-кала) // МИА. – 1959. №67. – С. 158.

¹⁰ Рапопорт Ю.А. Хорезмийские асоданы // СЭ. – 1964. – № 2. – С. 79.

¹¹ Ягодин В.Н., Ходжайов Т. Некрополь древнего Михдахкана. – Ташкент, 1970. – С. 131–132.

¹² Минасянц В.С. Оссуарии Ташкента и Ташкентской области, история комплектования коллекции, их иконография и символика. // Изобразительное и прикладное искусство. – Ташкент: Фан, 1990. – Рис. 2, 3. С. 73–74.

¹³ Пугаченкова Г.А. К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хорасана // Материалы ЮТАКЕ. – Вып. 1. Ташкент, 1949. С. 62–63.

¹⁴ Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. // ТХЭ. – Т.5. – М., 1964. – С. 236.

¹⁵ Потапов А.А. Рельефы древней Согдианы как исторический источник. // ВДИ, 2(3). 1938. С. 133, рис. 8,9.

¹⁶ Ягодин В.Н., Ходжайов Т. Некрополь древнего Михдахкана. – Ташкент, 1970. – С. 129–130.

Акилова К. Глаз как образ, символ, знак в мировом изобразительном искусстве // Фан ва турмуш. – 2003. – №1–3. – С. 52–53.

местом выхода души или, по крайней мере, ее действия на расстоянии. Представления о том, что эти отверстия являются вратами, через которые душа может удалиться из тела.¹⁸

Остановимся подробнее на геометрически орнаментах составленных из треугольников. В культуре средневекового Хорезма этот орнамент известен из фрагментов штукатурки облицовки дворца городища Кават-кала (XII–XIII вв.).¹⁹ Ныне он характерен для народного искусства казахов.²⁰ Сюжет этого треугольного орнамента является характерным и для русского прикладного искусства. На русских надгробных памятниках он господствует в первой половине XVI века.²¹ Мотив этот известен и в памятниках булгара-татарской эпиграфике (XV в.).²²

В процессе исследования материала, особенно орнаментального, мы отмечаем большое значение этих памятников и в деле выяснения культурных взаимоотношений Каршинского оазиса с другими народами.

ГРУППА ЗЕРКАЛ С ГОРОДИЩА КРАСНАЯ РЕЧКА И СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА ИЗ ТЕКЕЛИ¹

К.М. Байпаков, Г.А. Терновая

В коллекцию художественного металла, собранную на территории городища Красная Речка в Чуйской долине, входят четыре целых зеркала и шесть фрагментов. Городище сопоставляется со средневековым городом Невакет². Большая часть зеркал создана по китайским образцам. Одно зеркало могло быть привезено из Китая. Фрагмент из Невакета и зеркало из Текели (Восточное Семиречье) связаны происхождением с Ираном или Средней Азией. Эпоха тюркского каганата характеризуется как время тесных контактов с Китаем, о чем свидетельствуют письменные источники и материалы археологии. Важную роль в развитии этих взаимоотношений играл Великий Шелковый путь. Средняя Азия, находясь на промежуточном отрезке Великого Шелкового пути, являлась посредником в культурном сближении Ирана и Китая³.

Подгруппа 1. Ранние зеркала.

Круглое бронзовое зеркало (рис. 1). Желтый, патинированный металл. Городище Красная Речка. С оборотной стороны – плоская петля и четыре выпуклости.

Зеркала с кнопкой на четырех ножках и зеркала с боковым ушком, оборотная сторона которых иногда украшалась орнаментом, относятся к типам зеркал, появившимся в Сибири в VI–V вв. до н.э. Они изготавливались наряду с традиционными дисковидными зеркалами с петлей на обороте. По замечанию исследователей, изменения в производстве сибирских зеркал произошли в связи с усилением контактов местного населения со скифским культурным ареалом. Появление привозных зеркал в Минусинской котловине Е.И. Лубо-Лесниченко относит к концу тагарской культуры – IV в. до н.э.⁴

Подгруппа 2. Зеркало из Китая и зеркала, изготовленные в подражание китайским.

Большинство зеркал из Невакета, кроме одного, изготовлены из металла желтого цвета, покрытого темной патиной. При визуальном анализе качества изображений и цвета металла можно предположить, что лишь одно зеркало могло быть импортировано из Китая, остальные являются местным или привозным отливкам.

¹⁸ Богомолов Г. Дурной глаз: мифы и суеверия. //Фан ва турмуш. – 2003. – №1-3. – С. 58-59.

¹⁹ Тольстов С.П. Древний Хорезм. – М., 1963. – Табл. 67, рис. 2.

²⁰ Казахский народный орнамент. – М., 1939. – Табл. VI, рис. 15.

²¹ Нумизматика и эпиграфика. – Вып. 1. – М., 1960. – Табл. 1-VI, рис. 1-2, С. 66-68.

²² Юсупов Г.В. Введение в булгара-татарскую эпиграфику. – М.-Л., 1960. – Табл. 59, С. 140.

Авторы благодарят преподавателя Киргизско-русско-славянского университета (г. Бишкек), к.и.н. А.М. Камышева за предоставленный материал.

² Байпаков К.М., Горячева В.Д. Семиречье / Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. – М., 1999. – С. 154.

Маршак Б.И. Согдийское серебро. – М., 1971. – 49-50.

⁴ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. – М., 1975. – С. 8-9.

Характерной чертой зеркал времени государства Тан (618–907 гг.) является наличие четко очерченной границы между привозными зеркалами и местными отливками. Привозные зеркала имеют белый металл и тщательно выполненный орнамент с проработанными деталями. Как правило, они массивны. Металл местных зеркал, в отличие от танских, желтый с темной патиной, орнамент стертый или размытый с плохо различимыми деталями.

При исследовании зеркал из Минусинской котловины – крупнейшего центра находок танских зеркал за пределами империи Тан – различие в составе металла было подтверждено спектральным анализом⁵. Так как коллекция из района Минусинской котловины содержит все основные типы зеркал того времени⁶, она может быть использована при определении зеркал из Семиречья.

Тип а. Зеркала круглой формы.

Основными мотивами на зеркалах круглой формы являются изображения животных и винограда. Подобные зеркала, характерные для танского времени, сохраняют старую ханьскую схему деления декора на концентрические зоны с шишкой-петлей в центре. Основные элементы ornamentации – львы и виноградные лозы – появились в китайском искусстве в предтанское время, проникнув с Запада. За время своего существования в Китае в оформлении этих зеркал произошла трансформация, в результате чего они наполнились традиционной символикой.

Зеркала с животными и виноградом были широко распространены в Минусинской котловине. Большое количество местных отливок свидетельствует, что они пользовались у кыргызов особой популярностью. Самым ранним среди зеркал этого типа считается зеркало VII в. (период Уй или начало Тан) из Иркутского музея с изображением четырех львов в стремительном беге, которые, по замечанию Е.И. Лубо-Лесниченко, наследуют символику древних *сышэн*, выражающую идею четырех стран света. Во внешнем поле – виноградные завитки. В орнаменте танских зеркал сохранилась старая ханьская традиция, в которой зеркало символизировало вселенную в миниатюре⁷.

Вариант 1. Бронзовое зеркало круглой формы (рис.2). Темный, патинированный металл. Плохое качество. Внешний бортик узкий, закругленный. В центре расположена неаккуратно выполненная шишечка со сквозным отверстием. Орнаментальная поверхность зеркала разбита на две части, разделенные выпуклым валиком. Четыре животных стремительно движутся по кругу против часовой стрелки. Внешняя полоса орнамента размыта, просматриваются лишь выпуклости. Зеркала с четырьмя бегущими зверями были широко распространены в танское время⁸.

Среди экспонатов Археологического музея Томского государственного университета есть круглые зеркала с шишкой-петлей в центре, датированные периодом Тан (VIII–IX вв.). В центральном поле орнамента изображены четыре льва, бегущие по часовой стрелке среди завитков. На другом зеркале львы движутся против часовой стрелки. Внешнее поле, отделенное ободком, занято растительными побегами. По краю – острый бортик.

Е.И. Лубо-Лесниченко заметил, что среди большого количества различных зеркал кыргызы выбирали для копирования лишь несколько. К ним относятся, прежде всего, зеркала с изображением животных и винограда и четырех бегущих зверей. Местные отливки свидетельствуют, что подобные зеркала копировались среди кыргызов многократно. От частого копирования детали орнамента на них почти полностью стерлись. На некоторых зеркалах внешнее поле орнамента полностью исчезло, а бегущие львы превратились в «бесформенные запятыя»⁹.

Еще во времена Хань зеркала распространялись из Китая до бассейна Волги. Сюжет с изображением четырех животных, бегущих против часовой стрелки, во внутреннем поле орнамента,

⁵ Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 131-149.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 22

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 16-18

⁸ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 19

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 23, 49, рис. 19, 20.

можно увидеть на зеркале, изготовленном ювелирами Волжской Болгарии и датированным более поздним временем – XI–XIII вв.¹⁰

Вариант 2. Фрагмент круглого бронзового зеркала с высоким, узким бортиком (рис.3). Металл желтый, патинированный. На фрагменте сохранилось рельефное изображение собаки с заостренными ушами, приоткрытой пастью, выпуклым глазом. Лапы животного слегка подогнуты. Голова направлена к земле. Создается впечатление, что собака принохивается, идет по следу. Животное движется слева направо (против часовой стрелки) по внешнему орнаментальному поясу зеркала в виде узкой полоски, состоящей из выпуклых зубцов. От верхних углов зубцов отходят «лучи», переходящие на бортик.

В Минусинском музее хранятся два похожих по описанию зеркала местной отливки, датируемые периодом Тан (VII–IX вв.). На зеркале лучшей сохранности в центральном поле орнамента помещены четыре льва-суаньи, бегущих по часовой стрелке. Внешнее поле, отделенное ободком, занято шестью зверями, бегущими в том же направлении. По краю так же, как на фрагменте из Невакета, изображены зубчики. Высокий, острый бортик¹¹.

Вариант 3. Фрагмент зеркала круглой формы (рис.4,6). Желтый патинированный металл. По характеру рельефа и кускам сохранившихся изображений зеркало может быть отнесено к группе зеркал с изображениями животных и винограда периода Тан (VII–IX вв.)¹².

Вариант 4. Круглое бронзовое зеркало диаметром 7 см, покрытое темной патиной (рис.5). Орнаментальные полосы разделены выпуклыми валиками. Бортик закругленный. Полусферическая шишка со срезанным верхом и сквозным отверстием. Вокруг шишки – круг наподобие колеса семью рельефными спицами. Вокруг «колеса» проходят две орнаментальные полосы. В первой полосе изображен волнистый стебель с шестью гроздьями винограда и шестью трилистниками, напоминающими своей формой китайский иероглиф *шань* («гора»). Этот иероглиф встречается в орнаменте на зеркалах «*шань цзы цзинь*», которые датируются в рамках периода Чжаньго или IV в. до н. э. и составляют три четверти общего количества так называемых чуских зеркал, изготовлявшихся на территории древнего южнокитайского княжества Чу¹³.

Во внешней орнаментальной полосе изображены фигуры в виде закругленного завитка на двух ножках. Зеркало с виноградом и растительным орнаментом, напоминающим китайский иероглиф, может быть отнесено к периоду Тан (VII–IX вв.).

Тип 6. Зеркала лопастной формы.

Лопастная форма зеркал и розетка в виде лотоса относятся к нововведениям второй половины времени Тан – VIII–IX вв.¹⁴

Подтип 1. Фрагмент зеркала с закругленными лопастями-лепестками (рис.4,1). Форма фрагмента близка к треугольной. Размер – 3,5×4,5 см. Металл желтый, патинированный. На фрагменте частично сохранилось изображение цветка водяного каштана. Неширокий ровный бортик. Обломанные края зеркала сглажены. Ближе к одному из углов расположено круглое отверстие диаметром 4 мм.

Фрагмент аналогичного зеркала, выполненного из металла белого цвета и датированного периодом Тан – VIII–IX вв., найден в Минусинской котловине. На восьмилепестном зеркале из белого металла изображены шестилепестковые цветы водяного каштана – *лин*, чередующиеся с шестилепестковыми цветами сычуаньской мальвы – *шукуй*. Подобные зеркала были широко распространены в танскую эпоху. Так же как на зеркале из Невакета, на фрагменте имеется круглое отверстие¹⁵.

Украшение зеркал растительным орнаментом относится к одной из ведущих тенденций в китайском орнаментальном искусстве периода Тан. По замечанию Е.И. Лубо-Лесниченко, лопаст-

Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. / Отв. Ред. С.А. Плетневой. – М., 1981. – Табл. 79,2.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 19, 50–51.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – № 22–46.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 9–10.

¹⁴ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 20.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 58, № 76, рис. 32.

Рис. 1. Зеркало с плоской петлей и четырьмя выпуклостями

Рис. 2. Зеркало с изображением четырех животных, бегущих по кругу

Рис. 3. Фрагмент зеркала с изображением собаки

Рис. 4

1. фрагмент зеркала с отверстием для подвешивания и изображением цветка водяного каштана;
- 2-3. фрагменты лопастных зеркал с растительным орнаментом;
4. фрагмент зеркала диаметром 5 см с изображением бегущей собаки;
5. неопределимый фрагмент;
6. фрагмент круглого зеркала с сохранившимся ботиком.

ные формы зеркал танского времени обычно объясняются в связи с мальвой и водяным каштаном. Зеркала с закругленными лопастями соотносятся с мальвой, а остроконечные – с водяным каштаном. Цветы водяного каштана и мальвы играли значительную роль в даосизме и в верованиях древних китайцев. Мальва была выражением активного начала *ян*, связывалась с солнцем, подобно киновари, использовалась в даосских рецептах для достижения бессмертия. Это сильнодействующий оберег, отгоняющий нечистую силу. Водяной каштан, также как и мальва, считался снадобьем, дающим долголетие, оберегом от различных злых влияний. Произрастая в воде, он рассматривался как проявление пассивного начала *инь*. Соединение этих цветов вместе символизировало гармонию в мироздании¹⁶.

Отверстие на обломке служит указанием на то, что зеркало использовалось в качестве амулета. Специально сглаженные и скругленные обломки зеркал с отверстиями для подвешивания отмечены среди находок из могильников Западной Ферганы¹⁷. Е.И. Лубо-Лесниченко, исследуя зеркала, привезенные из танского Китая в Минусинскую котловину, отметил, что почти все они, за исключением одного целого, сохранились в виде обломков. На многих фрагментах края сглажены и высверлены отверстия. Этот факт указывает на то, что обломки зеркал долго находились в употреблении и высоко ценились местным населением¹⁸.

Подтип 2. Лопастные зеркала с заостренными лопастями-лепестками.

Вариант 1. Фрагмент восьмиллопастного зеркала (рис.6). Металл желтый, патинированный. Заостренные лопасти-лепестки напоминают цветок водяного каштана. Бортик закругленный. На фрагменте сохранилось изображение льва с вытаращенными глазами и раскрытой пастью. Лев представлен в прыжке или стремительном беге. Хвост с шариком на конце поднят вверх. Впереди и сзади животного – извивающиеся растения. Орнаментальный пояс, расположенный ближе к краю зеркала, отделен выпуклым валиком от внешнего пояса. Во внешнем поясе сохранилось изображение растущего цветка, мотылька и пчелы. Лев и насекомые движутся по часовой стрелке – слева направо.

В коллекции Минусинского музея есть зеркало, где изображены бабочки, чередующиеся с цветочными побегами и иволгами. Орнаментальное поле зеркала, также как на зеркале из Невакета, разделено на внутреннее и внешнее. Период Тан (VII–IX вв.)¹⁹

Вариант 2. Фрагменты двух зеркал с заостренными лопастями (рис.4,2,3). Желтый, патинированный металл. Лопастни обрамлены закругленным валиком. Рельефные валики разделяют полосы с растительным орнаментом. Мелкий дробный характер бордюрного орнамента встречается со второй половины Тан – VIII–IX вв. Тенденция украшать зеркала растительным орнаментом продолжается также в период Северной Сун (X–XII вв.), когда толстые зеркала танского времени с орнаментом, выполненным в высоком рельефе, сменяются тонкими зеркалами с узким бортиком. Орнамент становится более мелким и дробным, и выполнен, как правило, тонкой линией в невысоком рельефе²⁰.

Вариант 3. Зеркало восьмиллопастной формы с заостренными лопастями из металла белого цвета, слегка покрытого темной патиной (рис.7). В центре расположена закругленная шишечка со сквозным отверстием. На зеркале изображен дракон с круглыми глазами, чешуей и рыбьим хвостом. Тело дракона изгибается, подчиняясь форме круга. Остальная часть орнаментальной поверхности заполнена рельефными завитками. Отмена деления декора на внутреннее и внешнее поля относится к нововведениям в орнаментации зеркал середины времени Тан (VIII–IX вв.), в результате чего, орнамент стал свободно заполнять всю поверхность. Аналогичный выпуклый ободок, обрамляющий заостренные лопасти зеркал, можно встретить на зеркалах VIII–IX вв. и XII–XIII вв.²¹

¹⁶ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 21–22.

¹⁷ Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). – М., 1978. – С. 108–109.

¹⁸ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 11, 23.

¹⁹ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 19, 53.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 19, 25.

²¹ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 19, рис. 28, 30, 65.

В научной работе «Чуйская долина», изданной под редакцией А.Н. Бернштама, опубликована половинка зеркала диаметром 12 см с изображением крылатой рыбы-дракона среди облаков (рис.8). Зеркало входит в группу бронзовых находок из погребений тюркского времени VI–VIII вв.²², т.е. отнесено к танскому периоду – VIII вв. Два подобных зеркала с отбитым краем и отбитой половиной были обнаружены в Минусинской котловине в деревнях Белых и Саянская и датированы XIII–XIV вв. Это круглые зеркала из желтого металла с темной патиной, диаметром 12 см, с круглой шишкой-петлей в центре. Так как у зеркала из деревни Белых отбит лишь край, то ему можно восстановить композицию в орнаментальном поле, где высоким рельефом изображены два крылатых дракона. Один дракон плавает среди волн, другой летает в облаках. У зеркала неширокий ровный бортик с восьмиарочной внутренней стороной. Е.И. Лубо-Лесниченко ссылается на аналогичное зеркало, обнаруженное на Булгарском городище и зеркало, опубликованное среди китайских бронз. В районе Минусинской котловины было обнаружено также круглое зеркало с изображением двух крылатых безногих драконов в высоком рельефе на фоне стилизованных облаков. На большинстве зеркал XIII–XIV вв. драконы представлены змеевидными, без лап и крыльев. В орнаментальном поле ряда зеркал рельефно изображена благовещная рыба-дракон среди волн и облаков. Колоколообразные зеркала с ручкой и благовещной рыбой-драконом в орнаментальном поле датированы XII в.²³

Рассматривая находки из Минусинской котловины, относящиеся к началу XIII–XVI вв., Е.И. Лубо-Лесниченко отметил, что зеркала этого периода не содержат принципиально нового ни в форме, ни в орнаментации. С его точки зрения, в связи со слабым изучением трудно провести четкое различие между юаньскими и цзиньскими зеркалами, помимо того, при монголах продолжали бытовать зеркала цзиньских и сунских типов²⁴.

Возможно, при публикации зеркала из Чуйской долины среди находок из тюркских погребений произошла ошибка, и зеркало, согласно аналогиям, следует датировать XIII веком.

Подгруппа 3. Группа зеркал из Средней Азии, Ирана.

Тип а. Фрагмент зеркала диаметром 5 см (рис.4,4). Металл красноватый. Бортик в виде узкой каймы из кружков-перлов. Частично сохранилось изображение бегущего слева направо животного с поднятым вверх хвостом (лев или собака?). За спиной животного просматривается фрагмент ноги коня (?). На подобных зеркалах известен сюжет с изображением всадника на охоте, где сопровождающее его животное (собака) или жертва (пронзенный копьем лев) располагается между ног коня. Можно предположить, что рельеф заполнял всю орнаментальную поверхность зеркала. Подобное бронзовое зеркало XI–XII вв. с узким бортиком в виде выпуклых перловой петлей для подвешивания и рельефным изображением, максимально заполняющим орнаментальную поверхность, хранится в Эрмитаже. На зеркале изображен всадник на охоте, преследующий назад в настигающего его зверя²⁵. Миниатюрные зеркальца-подвески диаметром 5–6 см издревле использовались как амулеты. В сарматских и аланских курганах юга Европейской части Евразии миниатюрные зеркала-подвески встречаются в женских и в мужских захоронениях. Обычно эти зеркала находят целыми, что, по мнению Б.А. Литвинского, связано с представлениями об их магических свойствах – способности оберегать своих владельцев при жизни и после смерти²⁶.

В 1889 г. в Семиречье (Унгерлисай) были найдены ценные металлические предметы, среди которых – пять бронзовых зеркал. Части предметов поступила в коллекцию Эрмитажа. Среди них – большое зеркало в форме диска с прямоугольной ручкой, датированное X–XI вв. В центральном поле зеркала, окруженном полосой из кружков-перлов, изображена сцена охоты с

²² Чуйская долина. Труды семиреченской археологической экспедиции (ТСАЭ). / Сост. под руководством А.Н. Бернштама. М.-Л., 1950. – №14. – Табл. XLIX, I.

²³ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 30, 86–87, рис. 78, 79.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 30–31.

²⁵ Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусства Узбекистана (с древнейших времен до середины девятнадцатого в.). М. 1965. – С. 212, илл. 224.

²⁶ Литвинский Б.А. Орудия труда... – М., 1978. – С. 109.

всадником на коне, повернутым влево, в окружении животных и растительного орнамента. Всадник представлен как бы отраженным в зеркале – копьё в левой руке, а повод в правой. Вокруг центрального поля – полоса с арабской куфической надписью, где четыре раза повторяется исламская формула, означающая в переводе: «Безопасен тот, кто верует в Бога». С точки зрения Г.Н. Балашовой, максимальное заполнение рисунком поверхности зеркала связано с влиянием аналогичных изображений на тканях сасанидского времени. В процессе тканья возникала необходимость «большого использования ниток узора, которая приводила к более насыщенной композиции, чем в металле». По деталям одежды и орнаменту Г.Н. Балашова предположила, что зеркало было создано на территории Средней Азии (Мавераннахр), тесно связанной историческими традициями с Ираном²⁷. Другие исследователи также отметили, что орнаментальная композиция на зеркале из Унгерлиса основана на сасанидском прототипе, прошедшем несколько стадий переработки²⁸. По мнению Т.Н. Сениговой, изобразительная и повествовательная манера оформления зеркала «не была чужда и караханидскому правителю, велевшему запечатлеть свой образ на данном предмете роскоши». При передаче образа пронзенного хищника (льва), художник пытался соблюсти традиции, свойственные тюркскому искусству Семиречья (Тараза)²⁹.

На другом бронзовом зеркале XI–XIII вв., хранящемся в Минусинском музее, в центральном круге, обрамленном каймой из кружков-перлов, также представлен всадник с ловчей птицей в окружении животных. Во внешней полосе орнаментального поля расположена арабская надпись, которая в переводе гласит: «Слава вечная, жизнь спокойная, благоденствие прочное и блаженство в обоих мирах владельцу сего». Происхождение зеркала также связывается с Ираном или Средней Азией³⁰.

Тип 6. Круглое зеркало с шишкой-петлей в центре (рис.9). Бронза, литье. Бортик узкий. Диаметр – 11 см. Случайная находка. Зеркало было найдено на руднике Текели в лессе, на глубине 4 м³¹.

В орнаментальном поле, ближе к центру, расположены два фантастических существа в геральдической позе, причем, одна фигура является зеркальным отражением другой. У существ туловища животных (львов?), человеческие лица, узкие, заостренные крылья и длинные хвосты. Пространство орнаментального круга, оставшееся свободным, заполнено изображениями растений. Внешнее поле отделено от внутреннего узким ободком. Во внешнем поле – арабская надпись, перевод, которой был сделан на аналогичных зеркалах: «Слава и долговечность, счастье и величие, сановитость и хвала, благоденствие и честь, власть и богатство, и могущество владельцу сего [зеркала] во веки»³². Аналогии – Иран, Средняя Азия. В Семиречье было обнаружено зеркало с подобным рисунком, но с боковой ручкой. А.Н. Бернштам предположил, что наличие боковой ручки является отличительной чертой зеркал местного изготовления, манера выделки которой восходит ещё к усуням³³. Происхождение зеркал с ручками связывают также с сибирскими зеркалами скифского и сарматского периодов³⁴.

Фантастические существа, подобные изображенным на зеркале, по мнению В.М. Алпатова, являются «формой проявления мифа в искусстве»³⁵. Л.И. Ремпель, отметил, что образы животных и человека, особенно в образовании смешанных фантастических существ, играют важную

²⁷ Балашова Г.Н. Бронзовое зеркало со сценой охоты // Тр. Отдела Востока ГЭ. – Т. III. – Л., 1940. – С. 259–260.

²⁸ Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. – М., 1976. – С. 63; Сенигова Т.Н., Бурнашева Р.З. Изобразительный мотив льва в прикладном искусстве древнего Казахстана // Археологические исследования Древнего и Средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1980. – С. 73–74.

²⁹ Сенигова Т.Н., Бурнашева Р.З. Изобразительный мотив льва... С. 73.

³⁰ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 104, рис. 98.

³¹ Археологическая карта Казахстана. – Алма-Ата, 1960. – № 3078.

³² Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 105.

³³ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алиая. // МИА СССР. М., 1952. – №26. – С. 149.

³⁴ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... – С. 24.

³⁵ Алпатов В.М. Художественные проблемы искусства Древней Греции. – М., 1987. – С. 151.

Рис. 5. Круглое зеркало с изображением
полос растительного орнамента

Рис. 6. Зеркало с изображением
бегущего льва

Рис. 7. Восьмилопастное зеркало из белого металла с изображением дракона

Рис. 8. Фрагмент зеркала из Чуйской
долины с изображением крылатой рыбы-
дракона среди облаков

Рис. 9. Зеркало из Текели с изображением
фантастических животных с человеческими
лицами и арабской надписью по краю

роль в символах мироздания, олицетворяя двойственную природу явлений³⁶. В исламском искусстве животные с человеческими лицами рассматриваются как священные животные мусульманского рая³⁷. Известия о существовании удивительных животных, в том числе полуживотных-полулюдей, сохранились в виде небольших мифов в географических сочинениях XIII века³⁸. В.П. Даркевич заметил, что их изображения, так же как благопожелательные надписи, выполняли функцию талисманов, дарующих благополучие владельцу вещи³⁹.

В Средней Азии и Казахстане изображения птиц с человеческими головами (сирен) известны на резном шутке Варахши, глиняных рельефах Пенджикента, резном дереве Куйрыктобе. Сирены и крылатые существа с телом льва и головой человека были излюбленным мотивом на металле и керамике в искусстве Ирана, Закавказья и Средней Азии XI–XIII вв.⁴⁰ Изобразительный сюжет в виде двух львиных фигурок с женскими головами представлен на бронзовом блюде из Талгара, датированным тем же временем, что зеркало – XII–XIII вв.⁴¹ Находки бронзовых и медных вещей с изображениями фантастических крылатых животных и птиц с человеческими лицами в Южном Казахстане и Семиречье являются свидетельством торговых связей с Ближним и Средним Востоком⁴².

Зеркала с городища Красная Речка и случайная находка из Текели подтверждают факт существования контактов с Китаем, Ираном, Сибирью. Ответ на вопрос: является ли часть зеркал местными отливками, может дать спектральный анализ.

О ЗНАЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА НЕВАКЕТ И ВЛИЯНИИ КУЛЬТУР ИНДИИ И ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА¹

К.М. Байпаков, Г.А. Терновая

Средневековый город Невакет, отождествляемый с крупнейшим городищем Чуйской долины Красная Речка², располагался на пути из Западного Туркестана в Восточный³. Области Восточного Туркестана приобрели особое значение, когда был установлен Великий шелковый путь из Китая. «Южный путь», как составная часть Великого шелкового пути, проходил через Дунхуан, Хотан, Яркенд в Бактрию, Индию и Средиземноморье⁴. «Посредником» между Восточным Туркестаном и Индией была Средняя Азия, с глубокой древности объединенная с Индией тесными историко-культурными контактами⁵. Буддийские и индуистские памятники Семиречья свиде-

³⁶ Ремпель Л.И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. – Ташкент, 1987. С. 40.

³⁷ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины... – С. 32.

³⁸ Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. Элементы народного поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности. – М., 1956. – С. 99.

³⁹ Даркевич В.П. Художественный металл... – С. 32, 142.

⁴⁰ Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусства Узбекистана... – С. 213, илл. 223, 225; Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X–XIII вв. // Тр. ЮКАКЭ. – Т. XI. – Ашхабад, 1962. – С. 340, 342–343; Масленицына С. Искусство Ирана в собрании Государственного музея искусства народов Востока. – Л., 1975. – Илл. 17, 20.

⁴¹ Байпаков К.М. Талгарское блюдо // Изв. АН Каз.ССР, сер. обществ. наук. – 1968. – №6. – С. 87–91.

⁴² Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – нач. XIII вв.). – Алма-Ата, 1986. – С. 175.

¹ Авторы благодарят преподавателя Киргизско-русско-славянского университета (г. Бишкек), к.и.н. А.М. Камышева за предоставленный материал.

² Байпаков К.М., Горячева В.Д. Семиречье // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. – М., 1999. – С. 154.

³ Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей) // Соч. т. II ч. 2. – М., 1964. – С. 280–281.

⁴ Лубо-Лесниченко Е.И. Великий Шелковый путь. – М., 1994. – С. 372–373; Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. – Л., 1964. – С. 98–101.

⁵ Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. – М., 1985. – С. 595–601.

льствуют о международных контактах жителей городов и селений Притяньшанья с Северной Индией⁶. В Восточном Туркестане нововведения получали местную переработку. Постепенно там возникли города-государства, на местной основе складывалось развитое общество, наблюдался подъем культуры. На территории Восточного Туркестана проживали большие группы со-дийцев и других выходцев из Средней Азии, а также индийцы. Специалисты отмечают, что индийская струя в восточно-туркестанском искусстве была очень сильна. Особенно индийское влияние проявилось в Хотане, Кучи, Турфане. В ханскую эпоху и позже в Восточном Туркестане появилось китайское население, распространились некоторые элементы китайской культуры. Однако более важным и глубоким было влияние среднеазиатской и индийской цивилизаций, которые оказали решающее воздействие на формирование специфической культуры Восточного Туркестана I тысячелетия н.э.⁷

К предметам из коллекции художественного металла города Невакета, по которым прослеживается влияние культур Индии и Восточного Туркестана, относятся в основном бронзовые изделия: статуэтки, подвески, накладные бляхи ремней, булавки, пластинки с изображениями, печать.

Группа А. Зооморфные изображения.

Подгруппа 1. Обезьянки.

А1/1 Подвески.

Тип а. Обезьянки. Обезьянки, представленные на трех бронзовых подвесках, изображены в профиль. Верхние конечности, согнутые в локтях, лежат на коленях нижних конечностей. Спина выгнута. Между лопатками – петля для подвешивания.

Подтип 1 (рис. 1,1,3). Две обезьянки выполнены в реалистической манере. Они развернуты вправо. У одной обезьяны между туловищем, нижними и верхними конечностями сделано сквозное отверстие.

Подтип 2 (рис. 1,2). Стилизованное изображение третьей обезьянки представлено в технике двухстороннего рельефа. Отверстие, расположенное ближе к центру фигурки и отделяющее туловище от конечностей, имеет продолговатую форму. У обезьянки заостренная мордочка. На голове – высокий, закругленный головной. Животное держит шарообразный предмет с рельефными узорами.

А1/2. Накладка (рис. 1,4). Накладная бляха изображает голову обезьянки, но кроме больших круглых ушей на макушке расположены острые удлинённые ушки или рожки. Мордочка с выражением лукавства. Разрез глаз удлинённый с острыми уголками. Над глазами – резные, выгнутые дугой брови. Нос закруглённый, выпуклый. Растянутый до ушей рот выполнен резной линией.

А1/3. Фигурки на стержне (булавки?).

При определении вещей поставлен знак вопроса, так как нижняя часть стержня, на котором расположены объёмные фигурки, обломана.

Тип а (рис. 2,2). Фигурка обезьянки изображена в полный рост. На закруглённой морде прослежены два круглых глаза с точками зрачков. Шея широкая, вероятно, покрыта шерстью. Нижние конечности слегка подогнуты. На голову надет колпак. Верхние конечности сложены на груди. Стержень, который венчает фигурка, в разрезе имеет форму круга.

Тип б (рис. 2,1). Животное изображено условно, но можно предположить, что это обезьянка, стоящая в профиль на четырех конечностях. У обезьянки слегка заострена мордочка. Хвост, согнутый колечком, образует петлю. Стержень, который служит подставкой для животного, плоский в сечении.

В Индии культ обезьян существовал издревле. Древнеиндийская традиция приписывает обезьянам божественное происхождение. Согласно VII книге «Рамаяны», прародитель обезьян Рикшаджа появился из слезы Брахмы, выступившей на его глазах от напряжения, когда он был сосредоточен на божественных думках и в одиночестве восседал на троне в своем чертоге на вершине

⁶ Байпаков К.М., Горячева В.Д. Семиречье... – С. 160.

⁷ Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности... – С. 601-602.

горы Меру. Искушавшись в озере, Рикшараджа превратился из самца в прекрасную самку. Боги Индра и Сурья, узрев красавицу на берегу лесного озера, вспыхнули к ней страстью, и от обоих богов она родила двух могучих сыновей. Сын Индры родился из ее волос, а сын Сурьи – из гривы. Как только Индра и Сурья вознеслись на небо, Рикшараджа снова обрел свою мужскую природу. Брахма, довольный обезьяньим потомством, подарил им прекрасный город в южной стране Кишкиндху, где поселились тысячи обезьян; и их царем Брахма поставил Рикшараджу⁸

В вишнуитских мифах и в зверином эпосе обезьяны выступают как добрая сила, помощники героев, поборники справедливости. Как духи живой природы – якши, они обладают даром исцелять от болезней. Предполагают, что культ обезьян в Хотане (Восточный Туркестан), так же как почитание якшей, дарующих плодородие растениям и животным, относится к середине первого тысячелетия до н.э. Он слился с местными народными поверьями, сохранившими свое значение и после принятия хотанцами буддизма, и после победы над ним ислама. Йотканская терракота датируется первыми веками нашей эры⁹. Налепные изображения обезьян, украшающие терракотовые вазы, объясняются как обереги. Среди зооморфных образов из Йоткана изображения обезьян являются самыми многочисленными. Они исчисляются сотнями. Несмотря на то, что в суровый континентальный климат Хотана исключал возможность существования этого животного в диком состоянии, хотанские терракотовые обезьяны, по замечанию специалистов, изображены с прекрасным знанием натуры, реалистично, иногда с большим юмором. Они показаны как карикатура на человека, в положениях и за занятиями людей¹⁰

Подгруппа 2. Рыбы.

A2/1. Подвески.

Тип а. Подвески с петлей.

Подтип 1 (рис. 3,1). Подвеска выполнена из белого металла. Круглая петля для подвешивания напоминает выходящий из рта рыбы пузырь воздуха. На хребте – два полукруглых выступа с круглыми углублениями посередине. Хвост изображен в виде кружка с таким же углублением. Рыбья чешуя передана слегка выпуклыми полосами, разделенными резными линиями. Глаз круглый. Жабры показаны рельефным полукругом вокруг глаза.

Подтип 2 (рис. 3,3). Бронзовая подвеска представляет собой стилизованное изображение рыбы. С двух сторон от туловища рыбы расположены полукруглые выступы. Хвост раздвоенный. Петля для подвешивания выполнена также как у рыбы, изображенной на рис. 3,1. На туловище – узор из рельефных полос.

Тип б. Бляха-подвеска (рис. 3,2). Бронзовая бляха снабжена двумя шпеньками для крепления и петлей, расположенной сверху. По форме она напоминает подвески, изображающие рыб, но без хвоста. Круглая петля, так же как на других подвесках, напоминает пузырь воздуха, выходящий из рта рыбы. На хребте – два полукруглых выступа с круглыми углублениями посередине, также как на рис. 3,1. Туловище украшено рельефным узором.

A2/2. Накладная бляха с прорезью (рис. 11,3). Форма бляхи выполнена в виде двух симметрично расположенных рыб, которые соединяются головами. Рыбы изображены стоящими на раздвоенных хвостах. Между хвостами – соединительный стержень, расширяющийся посередине. По хребтам рыб – веерообразный гребень. Жабры показаны двумя параллельными резными линиями, глаза – резными кружками. У левой рыбы просматривается плавник.

Выгнутая, «каплевидная» форма рыб с заостренными хвостами напоминает составной элемент древнейшего символического знака народов Центральной Азии и Дальнего Востока «Ян-Инь», в котором воплощена теория о двух силах, составляющих основу мира. «Ян-Инь» символизирует единство двух противоположных начал, стоящих у истоков всего сущего, «подобно

⁸ Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы древней Индии. – М., 1982. – С. 93-94.

⁹ Дьяконова Н.В. Изобразительное искусство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. – М., 2000. – С. 231-232; Гумилев Л.Н. Терракотовые фигурки обезьян из Хотана // Сообщения Государственного Эрмитажа. – 1959. – Т. 16.

¹⁰ Дьяконова Н.В. Изобразительное искусство... – С. 229.

Рис. 1. Бронзовые подвески (1,2,3) и
костяная бляха (4) с изображением обезьян

Рис. 2. Фрагменты бронзовых булавок (?)
с навершиями в виде фигурок обезьян

Рис. 3. Подвески (1,3) и бляха-подвеска (2) в виде рыб. 1 – серебро, 2,3 – бронза, литые

двум «рыбам» в мировой стихии, совершающих бесконечный круговорот в прошлом, настоящем и будущем». В Монголии и на Тибете этот знак изображался с точками-«глазами»¹¹. На подвесках из Невакета представлены единичные изображения рыб в круговом движении, но не слева направо как на знаке «Янь-Инь», а в обратную сторону. Две «капли» с вращением справа налево можно встретить на согдийской керамике в центре сосудов открытой формы¹².

Под парой рыб в буддизме подразумеваются золотые рыбы из озера Яндок. Изображения рыб, прежде всего парных, у многих народов средневекового Востока считались символом пожелания многочисленного потомства¹³, что, по мнению Л.Н. Гусевой, связано с идеей множественности, большого числа чего-либо, богатства¹⁴.

В древности некоторые рыбы относились к символам плодородия и почитались как священные. Истуканам, изображенным в виде рыб, язычники воздавали божеские почести. По закону, изложенному в Библии, всех рыб считали чистыми, кроме тех, которые были лишены чешуи и плавников¹⁵. У некоторых народов, в частности у народов Средней Азии, рыбы признавались чистыми без различия их видов. В одной из легенд главный персонаж, желая убить бога, выстрелил в небо, но попал в рыбу, вставшую на защиту бога. У жителей Хорезма рыба была одним из распространенных оберегов от сглаза¹⁶. Детские амулеты-обереги в виде рыбы существуют у монголов¹⁷. По представлению якутов, изображение рыбы загораживало проход в нижний мир, его вешали на спину шамана вместе с кольцом, обозначающим шаманскую прорубь или изначальную мать-землю, которую нужно было оградить¹⁸.

В средние века тюрки использовали фигурки рыбок для обозначения власти. В «Основных материалах о Тан» сказано: «На девятый день первого месяца 21 года Чжэнгуань (649 г.) из 13 покоровившихся племен – теле, уйгуров и других были учреждены 6 округов и 7 областей. В каждом из них в качестве военачальников были назначены племенные вожди. Им были выданы как символ власти фигурки рыбок из темного металла с надписью из золота»¹⁹. Бохайские, а затем и чжурчжэньские чиновники Приморья использовали изображение рыбы в качестве знаков различия чиновничьей иерархии. С этой целью они подвешивали отлитые изображения карасей к поясу²⁰. Государство Бохай было создано на территории Маньчжурии и Приморья тунгусоязычными племенами в конце VII в. и просуществовало более двух веков. Среди привилегированной части бохайского населения широкое распространение имел буддизм. Средневековое население Амура, в частности, племена чжурчжэней, находившиеся в контакте с населением Бохая, также были знакомы с буддизмом²¹.

Подгруппа 3. Слон.

А3/1. Печать (рис. 4). Печать без держателя имеет форму «таблетки». На оттиске просматривается изображение слона, шагающего вправо. У слона большое ухо, выпуклый глаз, S-образный хобот, изогнутый хвост, толстые ноги с подушками ступней. Перед массивной головой, на уровне хобота, пропечатывается выпуклая фигура овальной формы.

¹¹ Похлебкин В.В. Международная символика и эмблематика. – М., 1989. – С. 204, 263.

¹² Шишкина Г.В. Глазуванная керамика Согда. – Ташкент, 1979. – Табл. 1-2, 9/.

¹³ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1976. С. 26.

¹⁴ Гусева Л.Н. О сюжетных рисунках на керамике чжурчжэней Приморья // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск, 1983. – С. 123-125.

¹⁵ Нюстрем Э. Библийский словарь. – СПб, 1997. – С. 378.

¹⁶ Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов узбеков Хорезма. – М., 1969. – С. 325-326.

¹⁷ Гусева Л.Н. О сюжетных рисунках на керамике чжурчжэней Приморья... – С. 125.

¹⁸ Гусева Л.Н. ... – С. 125; Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. – Новосибирск, 1975. – С. 149-150.

¹⁹ Лубо-Лесниченко Е.И. «Уйгурский» и «киргизский» пути в Центральной Азии // Тр. Гос. Эрмитажа. – Т. XXVII. Культура и искусство народов Востока. – С. 4-5.

²⁰ Шавкунов Э.В. О назначении подвесных бронзовых рыбок и оленьего рога с Шайгинского городища // СА. – 1973. – №1. – 267, рис. 1-3.

²¹ Окладников А.П., Медведев В.Е. Буддийская статуэтка с острова Уссурийского // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск, 1983. – С. 118.

Слон, повернутый влево (на оттиске вправо), изображен на хараппской печати в сопровождении знаков. При раскопках на Алтын-депе (недалеко от Ашхабада) была найдена протоиндийская печать с двумя знаками и установлено, что в период расцвета хараппской цивилизации происходили контакты между городами долины Инда и поселениями эпохи бронзы Южной Туркмении²².

Подгруппа 4. Лев.

А4/1. Статуэтка (рис. 5). На постаменте в виде лотоса помещена фигура лежащего льва. У льва пышная, спадающая на спину грива, голова лежит на передних лапах, глаз приоткрыт.

Четыре льва на лотосе представлены на капители колонны Ашоки (Сарнатх, III в. до н.э.)²³. Разъяренный лев на лотосе встречается среди древнеиндийских шахматных фигур²⁴.

А 4/2. Пластина (рис. 6). Форма пластины близка к квадрату с вогнутым верхом, где два заостренных выступа изображают уши животного. В нижней части бляхи – закругленный выступ-бородка. У существа, представленного на бляхе, просматриваются человеческий нос с выступающими крыльями, пухлогубый рот и человеческие глаза. Шерсть животного, предположительно кошачьего хищника (льва?), показана в виде пучков, отходящих от глаз, ниже щек и носа изображенного. Обратная сторона гладкая.

Не исключено, что изображение на пластине связано с представлениями индуизма. Бог-спаситель Вишну в одной из аватар (нисхождений на землю в различных воплощениях) принял образ диковинного существа полульва, получеловека. Так он явился в чертоги повелителя асуров Хираньякашипу, притеснявшего живых существ, и разорвал его своими когтями в клочья. Затем Вишну освободил из темницы добродетельного Прахладу и восстановил на земле справедливость²⁵. К эманациям духа бога Шивы относится Киртимукха, имеющий львиную голову²⁶.

Группа Б. Антропоморфные изображения.

Б1. Образки-статуэтки.

Тип а. Сидящий Будда (рис. 7,1). Миниатюрная статуэтка-иконка представляет собой изображение Будды, разработанное гандхарской школой. Будда сидит в позе «созерцания» в богатом складками одеянии. В иконографии Будды выделяются три основных отличительных признака: пятно на лбу (урна), выпуклость на темени (ушниша) и удлиненные мочки ушей. Это канонизированные признаки высшей мудрости и совершенства²⁷. Положение рук (мудра) плохо просматривается, но благодаря многочисленным аналогиям, можно предположить, что руки сложены на коленях, одна на другую, ладонями вверх. Мудры – специфические положения рук, ладоней, пальцев выражали определенные этапы священного пути Будды²⁸. Плохо определяемая форма, на которой восседает Будда, напоминает своими очертаниями изображение лотоса с сидящим Буддой на рельефе гранитной стелы из храмового комплекса городища Красная Речка²⁹.

Скульптуры художественных центров Кушанской империи – Гандхары и Матхуры, датируемые первыми веками нашей эры, являются ранними изображениями Будды в человеческом образе. В доганхарском искусстве Будда Шакьямуни был представлен не изображениями, а соответствующими символами. Искусство Гандхары определяется как индийское по содержанию и концепции, эллинистическое и индийское по форме. Значение искусства Гандхары, как одной из ветвей индо-буддийского художественного творчества и важнейшего посредника в распространении образов индийского искусства на Центральную Азию и далее, на Юго-Восточную Азию,

²² Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. ... С. 596; фото между стр. 160 и 161.

²³ Моде Х. Искусство Южной и Юго-Восточной Азии. Малая история искусств. Dresden-Москва, 1978. С. 32, рис. 14.

²⁴ Черевко К. Е. У истоков шахматной игры // Наука и религия, 1991, №6. С. 46.

Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы древней Индии. М., 1982. С. 53-54.

²⁶ Гринцер П.А. Шива // МНМ, т.2. М., 1982. С. 643.

²⁷ Неглинская М.А. Художественные особенности сюжетной живописи буддийского культового центра Кара-тепе // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. М., 1990. С. 23.

²⁸ Моде Х. Искусство Южной и Юго-Восточной Азии... 1978. С. 49-50.

²⁹ Байпаков К.М., Горячева В.Д. Семиречье... С. 160, табл. 100,4.

**Рис. 4. Бронзовая печать
с изображением слона**

**Рис. 5. Бронзовая статуэтка
с изображением лежащего льва**

Рис. 6. Бронзовая пластинка с изображением головы человека-льва

Рис. 7. 1- бронзовая статуэтка-иконка с изображением сидящего Будды (гандхарская школа); 2 – бронзовая фигурка с изображением индуистского бога (?)

является бесспорным³⁰. Если в начальный период существования Кушанского государства Средней Азия во взаимоотношениях с Индией играла ведущую роль, то с распространением буддизма, воздействие культурных традиций Индии стало весьма значительным. Это отмечено при изучении памятников искусства Кушанской Бактрии³¹.

Основное население империи Кушан состояло из потомков племен, именуемых по-китайски юэчжи (юеджи)³². Ядром государства была Бактрия, откуда власть Кушан распространилась на районы Афганистана и Индии. Китайский посол Чжан Цянь в 129–128 гг. до н.э. застал Бактрию (Дахя) под властью да-юэчжей – «великих юэчжей». «Малые юэчжи», проживали в это время и позднее в Восточном Туркестане. При Канишке Кушаны владели областями современного Афганистана и Пакистана, а также территориями Центральной, Северной и Северо-Западной Индии. Юэчжи стали в Индии хранителями и распространителями буддизма³³.

На бронзовом образке из Невакета Будда сидит в окружении пламеневидного нимба. По мнению исследователей, нимбы, особенно ореол, в буддийской скульптуре Индии встречаются крайне редко и, предположительно, являются имитацией живописных изображений. Б.Я. Ставиский предположил, что эта иконографическая особенность в передаче образа Будды связана своим происхождением не с Индией, а с Кушанской Бактрией. Здесь же появился образ Будды в обрамлении пояса стилизованных языков пламени. Наиболее ранний образец этого образа, отразившего как индо-буддийские, так и местные, маздеистские представления, встречается в монохромных росписях Кара-тепе в старом Термезе (III–IV вв.)³⁴. Специалисты придерживаются точки зрения, что в буддийском искусстве Центральной Азии световое и пламенное излучения указывают на сопричастность этих персонажей к космическим силам огненной стихии. Принято считать, что светозарно-пламенные символы в искусстве разного времени и разных стран Передней и Средней Азии являются изображением «фарра» (хварны), знака божественной благодати, сопровождающего персонажей божественного, царского и вообще благородного происхождения³⁵.

До открытия росписей на Кара-тепе древнейшими образцами изображений Будды с «огненным ореолом» считались скульптуры V в. из Западного Китая. Храмы, сходные по планировке с каратепинскими, и изображения Будды с нимбом и ореолом вокруг тела, а также в обрамлении языков пламени, не характерные для Индостана кушанской эпохи, были широко представлены в буддийских памятниках Синьцзяна, Восточного Туркестана и Дальнего Востока. что, по мнению исследователей, может быть связано с изменениями, внесенные в буддийскую архитектуру и искусство именно в Средней Азии. Общеизвестны случаи обращения кушанских правителей то к маздеистскому, то к шиваистскому пантеону³⁶. Дальнейшее распространение буддизма в Центральную Азию и на Дальний Восток многим обязано буддийским монахам, выходцам из Средней Азии.

Бронзовая иконка с изображением Будды из Невакета имеет сходство с фигуркой Будды в обрамлении пламеневидного нимба на штуковом рельефе из Хотана (Восточный Туркестан). Иконография Будды в Хотане представлена двумя моделями, разработанными гандхарской школой. Обобщенное и схематизированное изображение Будды сидящего, обычно в позе «созерцания», повторяется бесчисленными рядами в таких, по сути, чисто орнаментальных росписях, как полуциркульная повсеместное распространение композиция «1000 будд»³⁷.

На городище Красная Речка были частично вскрыты два буддийских храма. Первый датирован IX–X вв., второй – VII–VIII вв. При раскопках второго храма, помимо росписей, были обна-

³⁰ Моде Х. Искусство Южной и Юго-Восточной Азии... С. 51–56.

³¹ Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности... С. 597.

³² Моде Х. Искусство Южной и Юго-Восточной Азии... С. 49–50.

³³ Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности... С. 394.

³⁴ Ставиский Б.Я. Исследование Кара-тепе в Старом Термезе и значение его для изучения культурных взаимосвязей между городами древнего мира // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. М., 1990. С. 8–9, рис. 4.

³⁵ Дьяконова Н.В. Изобразительное искусство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. М., 2000. С. 234–237; табл. 44, 2.

Ставиский Б.Я. Исследование Кара-тепе в Старом Термезе... С. 8–9, рис. 4.

Дьяконова Н.В. Изобразительное искусство... С. 237, 239.

ружены фрагменты мелкой пластики и остатки глиняных скульптур³⁸. На стенах домов буддистов встречены росписи со сценами похорон Будды, подношения даров Будде.³⁹

Тип 6 (рис. 7,2). Фигурка, предположительно, изображает индуистского бога. По канонам индийского искусства мужское тело изображали не как мускулистую фигуру героя, а с мягкими, пухлыми формами, напоминающими женское тело. С точки зрения исследователей, на это повлиял законченный индийский идеал женского телосложения, воплощенный в большой и малой скульптуре⁴⁰.

Голова бога обрамлена пламеневидным нимбом. Подобные нимбы можно увидеть на бронзовых бляхах, найденных около западной стены святилища первого буддийского храма городища Акбешим⁴¹. Пламеневидные нимбы, как уже отмечалось, связываются с изменениями, внесенными в индийское искусство в Средней Азии.

Головной убор, слегка заостренный по центру, повторяет контур нимба. На нем изображены три четырехлепестковых цветка в кругах, возможно, символ триединства. Волнистые волосы покрывают плечи. Руки согнуты в локтях, подняты вверх и разведены в обе стороны от тела. В руках – предметы, напоминающие своей формой небольшие цилиндры. Фигурка заканчивается внизу юбкой в виде восьми слегка заостренных лепестков лотоса(?). Пояс-шнур охватывает «лепестки» юбки в нижней части живота изображенного. К поясу прикреплены подвески, напоминающие закругленные лепестки. Торс персонажа Х-образно перетянут перевязью, состоящей из нанизанных друг на друга цилиндров и скрепленной в центре круглой застежкой.

Буддизм воспринял многих индийских богов прежней религии, которые были приняты в буддийский пантеон. Это значительно увеличило его популярность. Проявилась тенденция постепенного сближения буддизма с брахманизмом и индуизмом, что особенно обнаружилось в школах буддизма, получивших обобщающее название «махаяна»⁴².

Б2. Подвеска с изображением музыкантши (рис. 8). На подвеске изображена женщина с лютней. Петля для подвешивания расположена на макушке головы. Она плоская, вытянутая, с круглым отверстием, повернута ребром вперед. Форма лица женщины близка к овалу. Подбородок закруглен. Слабо просматриваются глаза, нос и маленький рот. Шея украшена крупными бусами. Лоб высокий. Волосы зачесаны назад и уложены в ассиметричную прическу, сформированную в правой части головы.

С пояса на правое бедро спадает шнур, конец которого оформлен двумя шариками и слегка завивающейся лентой посередине. Женщина одета в обтягивающее ноги трико (?). Короткие, дуемые шаровары или юбка(?) выше колен стянуты внизу каймой, состоящей из перлов. Если женщина была обута, то в обувь с широкими, закругленными носками. Лютня с круглым резонатором высоко поднята к груди. Гриф расположен под углом вверх. Он прямой, средней длины, повернут влево, колковая часть закруглена на конце, форма головки прямая. Кисть левой руки музыкантши находится на стыке грифа с головкой. Между большим и указательным пальцами правой руки зажат плектр.

На памятниках Средней Азии и Восточного Туркестана с музыкальными инструментами изображались небожители, сопровождающие божество, и люди – участники обряда, которых можно увидеть на росписях Варахши, Шахристана и Пенджикента⁴³. С музыкальными инструментами в основном изображались женщины. В древности женщины играли на всех музыкальных инстру-

³⁸ Кожемяко П.Н. Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г. // Красная Речка и Бурана: МИКАЭ. Фрунзе, 1989 С. 18-24, 37-41; Байпаков К.М., Горячева В.Д. Семиречье... С. 156-157.

³⁹ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алия: МИА СССР, №26. М.-Л. 1952. С. 151; Байпаков К.М., Горячева В.Д. Семиречье... С. 159-160.

⁴⁰ Моде Х. Искусство Южной и Юго-Восточной Азии... С. 45-46.

⁴¹ Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. // ТКАЭЭ, т.II, 1959. С. 185; Байпаков К.М., Горячева В.Д. Семиречье... С. 156, табл. 100, 2,5,7,8.

⁴² Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности... С. 339.

⁴³ Маршак Б.И., Распопова В.И. Адоранты из северной капеллы II храма Пенджикента // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991. С. 164.

центах, аккомпанировали танцовщицам и певцам, участвовали в музыкальных представлениях, переодевались в мужские костюмы, исполняя мужские роли⁴⁴.

Изображения лютни с круглым резонатором часто встречаются на памятниках искусства Восточного Туркестана. В средневековье здесь был центр музыкальной культуры, что нашло отражение в изобразительном материале, основной фонд которого представлен терракотами Хотана (Йоткан) и настенными росписями буддийских монастырей. Музыка, согласно сохранившимся изображениям, исполнялась полубогами, бодхисатвами и др. Здесь же встречаются исполнители с музыкальными инструментами, парящие в райских небесах, плавающие в райских прудах. Изображения музыкантов присутствуют также среди погребального инвентаря⁴⁵.

Из Восточного Туркестана музыка, танцы, музыкальные инструменты, музыкальные жанры, представления и пр. по Шелковому пути проникали в Китай и другие страны межконтинентальной магистрали. Согласно «Тан-хуйяо», на свадьбе императора У-ди со знатной девушкой из племени тукюз с поздравлениями послов «была преподнесена музыка Кучи, Сулэ, Самарканда и Бухары... Император Тай-цзун (627–649), покорив Гаочан, целиком забрал и его музыку». Сюань-цзан, посетивший в начале VII века многие страны Западного края, восхитился музыкальной одаренностью жителей Кучи, оставив запись, что «в искусстве исполнения на сянь (лютне) и гуань (свири) они превосходят другие страны». Музыка для лютни, записанная средневековой лютной грамотой (совершенно иной, чем современная) была обнаружена в Дуньхуане, а в Японии сохранилась партитура (табулатура) для танской пятиструнной лютни. Было отмечено, что в обоих случаях музыка написана под сильным кучинским влиянием и музыкальные записи должны иметь с ними близкое сходство⁴⁶.

В древности все лютни, независимо от различий по морфологии, обозначались термином *люта*. По сообщениям китайских источников, в Китай *люта* попала во времена Чжан Цяня из Центральной Азии. Позже название *люта* закрепилось за лютнями с грушевидным резонатором. При императоре У-ди (140–86 гг. до н.э.) для обозначения другого типа лютен (с круглым чашеобразным или плоским резонатором и прямым грифом) употреблялось название *юаньсянь* или *жуаньсянь* (пиколютни или пиковые лютни). В Японии этот вид лютни получил название *генкан*. Звук на пиколютнях извлекался щипком, бряцаньем («женский прием») или плектрами: миниатюрным в виде круглой в сечении палочки, либо в виде большой фигурной пластины, зажатой между большим и указательным пальцами, также как на подвеске из Невакета. На памятниках Восточного Туркестана резонатор обычно поднят высоко к груди, гриф чаще повернут влево (как принято сейчас), реже – вправо от исполнителя. Гриф мог изображаться под углом вниз, горизонтально или под углом вверх⁴⁷.

Группа Г. Символы.

Подгруппа 1. Свастика.

Г1/1 Подвеска (рис. 9). Бронзовая подвеска выполнена в форме креста с перпендикулярно загнутыми концами, показывающими направление движения солнца – слева направо. По середине подвески прорезан крест такой же формы. Крест расположен Х-образно, что, по мнению А. Белова, служит обозначением солнца в зимнее время⁴⁸. В верхнем загнутом конце проделано отверстие для подвешивания.

В гимне Ригведы (1.155.6) свастика превознесена как символ величия Индры⁴⁹. На одном из

⁴⁴ Вызго Т.С. Изображения музыкантов в коропластике Дальверзинтепе // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978; Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерк истории и культуры. Древность и средневековье. Ташкент, 1990. С. 101; Кибирова С. Музыкальная культура // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. М., 2000. С. 536.

⁴⁵ Кибирова С. Музыкальная культура... С. 414–415.

Кибирова С. Музыкальная культура... С. 388–389, 391; Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981. С. 364.

Кибирова С. Музыкальная культура... С. 450–452, рис. 90.

⁴⁸ Белов А. Справедливость – высшая моральная категория язычества // Наука и религия, 1991, № 9.

Лелеков Л.А. Буддийский культовый центр Кара-тепе на перекрестке мировых культур // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. М., 1990. С. 18.

глиняных полов двора комплекса Кара-тепе (III–IV вв.) изображен сосуд с ветками граната и трезубцем. Над сосудом и ветками помещена свастика. Если сосуд с ветками и плодами граната связывается с местной, среднеазиатской традицией, то знак свастики, по мнению Б.Я. Ставиского, появился здесь из Индостана⁵⁰. Л.А. Лелеков высказал предположение, что подобные символы уцелели с времен позднебронзового Тулхара. «В таком случае, – считает Л.А. Лелеков, – восходящие к незапамятным временам древние традиции архаического брахманизма предстанут постоянной частью старобактрийского прошлого». В древнеиндийских текстах северная страна Бахлика, располагавшаяся на территории Бактрии, была зоной обитания ираноязычных племен и считалась дальней периферией древнего брахманизма, отклонявшегося от нормы, искаженного местными обычаями⁵¹.

Особенностью буддизма было безразличие к конкретным формам культа, но он много заимствовал из традиционной религиозной символики, в том числе, использование знака свастики, почитание деревьев, цветка лотоса, животных⁵².

К буддийским символам относятся так называемые «Восемь счастливых эмблем»: драгоценный зонтик, две рыбы (золотые рыбы из озера Яндок), поющая раковина, цветок лотоса, сосуд (чаша с сокровищами мудрости или с амритой – напитком бессмертия), бесконечно переплетенный Узел Жизни или Нить Счастья, называемый тибетцами «кишки Будды», победный штандарт, колесо учения. В коллекцию из Невакета, кроме двух рыб, которые рассматривались выше, входят изображения лотоса, сосуда и победного штандарта.

Подгруппа 2. Сосуды.

Г2/1. Подвески (рис.10,1,2). Подвески представлены двумя миниатюрными бронзовыми кувшинами с оттянутыми носиками, которые, вероятно, подвешивались за ручки, прикрепленные к их горлышкам и туловам. У одного кувшина в месте крепления ручки к горлышку показана шишечка-налеп.

Г2/2. Накладки (рис.10,3,4). Две бронзовые накладки выполнены в виде кувшинов без ручек. Раздутые тулова опираются на поддоны.

Несмотря на то, что сосуд является полисемантическим по своему значению, неисключено, что рассматриваемые сосуды входят в число буддийских символов⁵³. Находки миниатюрных бронзовых кувшинчиков-подвесок с ручками, на поддоне отмечены среди находок погребальных памятников Северного Тохаристана. Из горла одного кувшина поднимается растение крестообразной формы с трилистниками на концах⁵⁴.

Подгруппа 3. Лотос.

Г3/1 (рис. 11,1) На рельефной бронзовой пластине изображен распутившийся цветок лотоса, в центре которого находится цветок с закругленными лепестками и тремя заостренными листиками.

Лотос почитался как священное растение. С ним связаны представления о вечном рождении (божественном, сверхчеловеческом), бессмертии и воскресении к вечной жизни, чистоте, духовности, здоровье, плодородии, процветании. В мифопоэтической традиции Индии образ лотоса выступает также в качестве независимого символа творческой силы. Бог Вишну, демиург вселенной порождает из своего тела (пупа) лотос, на котором находится «лотосорожденный» Брахма⁵⁵. Лотос был эмблемой Лакшми – в индийской мифологии богини счастья, богатства и красоты⁵⁶. Это растение изображалось как опора и седалище у большинства индуистских божеств, Будды

⁵⁰ Ставиский Б.Я. Исследование Кара-тепе... С. 8, рис.2.

⁵¹ Лелеков Л.А. Буддийский культовый центр Кара-тепе... С. 14-15, 18-19.

⁵² Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности... С. 339.

⁵³ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала... М., 1975. С. 30, 90.

⁵⁴ Зеймаль Т.И., Ртвеладзе Э.В. Северный Тохаристан // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999. Табл. 86, 22, 23.

⁵⁵ Топоров В.Н. Лотос // МНМ, т.2, М., 1982. С. 71-72; Похлебкин В.В. Международная символика... С. 123-124.

⁵⁶ Серебряный С.Д. Лакшми; Гринцер П.А. Шива // МНМ, т.2, М., 1982. С. 35, 643.

Рис. 8. Бронзовая подвеска, изображающая женщину с лютней

Рис. 9. Бронзовая подвеска в форме свастики

1

2

3

4

Рис. 10. Миниатюрные бронзовые сосудики:
1,2 – подвески, 3,4 – ременные бляхи

1

2

3

Рис. 11. Буддийские эмблемы: пластинки с изображением цветка лотоса (1) и победного штандарта (2), ременная бляха с прорезью в виде двух рыб (3)

бодхисатв. В буддизме появление лотоса знаменует начало новой космической эры. Лотос и сосуд в виде чайника – атрибуты ламаистского бога Майдар или Майдари (Майтрея). В буддийской мифологии Майтрея – бодхисатва и будда грядущего порядка, единственный бодхисатва, признанный всеми основными направлениями буддизма. Культ Майтреи особенно популярен в Центральной Азии и Гималаях⁵⁷.

На Кара-тепе был найден ряд предметов с изображением буддийских символов, среди которых – крышки в виде лотоса, зонтиков-чхатр и др.⁵⁸ Изображения лотоса встречаются у персонажей на росписях памятника Северного Тохаристана – Калаи Кафирниган⁵⁹ Бронзовые бляхи с персонажами, украшавшие когда-то иконостас святилища первого буддийского храма городища Акбешим, имеют форму распустившегося лотоса⁶⁰. В коллекции Невакета есть фрагмент китайского зеркала, контур которого также выполнена в виде распустившегося цветка, с восьмью (?) лепестками.

Подгруппа 4. Победный штандарт.

На бронзовой пластине (рис. 11,2) изображен победный штандарт в виде горизонтальных, конусообразно (одна над другой) расположенных полос. Над конусом находится шар, обрамленный по нижнему краю полукруглом. Между конусом и шаром завязана лента, концы которой развеваются с двух сторон. Похожие изображения победного штандарта известны в непальском и тибетском искусстве⁶¹. Подобная форма с подчеркнутым горизонтальным членением встречается в средневековой храмовой архитектуре (буддийской и индуисткой) Южной и Юго-Восточной Азии.

По сведениям «Таншу», киргизы «всегда имели близкие отношения с Даши, тибетцами (Туфань) и карлуками (галолу). Тибетцы при поездках к киргизам боялись грабежей со стороны уйгур (Хуйху) и непременно брали с собой для сопровождения карлуков. Во 2-й половине VIII в. н.э. в системе международных связей Центральной Азии произошли значительные изменения. За несколько десятилетий (с 60-х до 90-х гг. VIII в.) в результате тибетского вторжения в Восточный Туркестан и Западный Китай весь центральный участок Шелкового пути от Ичжоу до Ганьсуйского коридора находился под полным тибетским контролем. Завоевание тибетцами во 2-ой половине VIII в. Восточного Туркестана и Западного Китая нанесло тяжелый удар транзитной торговле по Шелковому пути, что привело к его постепенному угасанию⁶².

За многовековую историю ламаизма, ламаистские бронзы украшали алтари в буддийских храмах и домах мирян в самом Тибете, в гималайских буддийских княжествах, в Северном Китае, в Монголии, Бурятии, Калмыкии, Туве. Изображения восьми буддийских символов (так называемые «Восемь счастливых эмблем») являются одним из часто встречающихся сюжетов мандал из вложений в ламаистские скульптуры. Исследуя памятники ламаистского искусства, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, Г.А. Леонов насчитал шесть вариантов композиции «8 эмблем». В шести мандалах эти символы располагаются в 8 странах света (4 основных и 4 промежуточных направлений компаса). Так как свободное расположение символов исключается самим принципом построения мандалы, Г.А. Леонов предположил, что это связано с доктринальными различиями между школами тибетского буддизма⁶³.

В заключение можно отметить, что индийское влияние на памятниках Семиречья связано в основном с распространением буддизма. Памятники буддийских общин Семиречья VII–X вв. открыты на городищах Красная Речка, Ак-Бешим, Новопокровское, Новопавловское. При исследовании

Мяль Л.Э. Майтрея; Чеснов Я.В. Монгольских народов мифология // МНМ, т.2. М., 1982. С. 89, 170.

⁵⁸ Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности... С. 598.

⁵⁹ Зеймаль Т.И., Ртвеладзе Э.В. Северный Тохаристан... Табл. 92, 5, 6.

⁶⁰ Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. // ТКАЭЭ, т.II, 1959. С. 185. Байпаков К.М., Горячева В.Д. Семиречье... С. 156, табл. 100, 2, 5, 7, 8.

⁶¹ Павлов О. Смиранный ученик безымянных мастеров // Наука и религия, 1991, №5. С. 14-15.

Лубо-Лесниченко Е.И. «Уйгурский» и «киргизский» пути... С. 4, 6, 9.

⁶³ Леонов Г.А. Реликвии из ламаистских скульптур и обряд освящения в ламаизме // Тр. Гос. Эрмитажа, т. XXVII. Культура и искусство народов Востока. 9. Л., 1989. С. 130, рис. 7, 8.

довании культовых сооружений, скульптур, стел и статуэток были проведены аналогии с памятниками других областей Средней Азии и Восточного Туркестана середины и второй половины I тыс. н.э.⁶⁴. Со второй половины VIII в. проявляется тибетское влияние в связи с завоеваниями Восточного Туркестана и Западного Китая. Великий шелковый путь связывал народы разных стран и способствовал культурному обмену. Вещи из коллекции художественного металла средневекового города Невакет служат тому подтверждением.

ВЕРСИЯ О ПРИЧИНАХ ПОЧИТАЕМОСТИ САЙРАМА (ИСПИДЖАБА)¹

Б. Железняков

Сайрам известен, в частности, обилием культовых памятников, относящихся ко времени проникновения ислама в регион. Город был культурным и административным центром обширной области (вилайета), куда входили земли от Тараза до Туркестана. На месте средневекового памятника жизнь не прекращалась, проводившиеся крайне ограниченные археологические исследования выявили слои исторических эпох, начиная с караханидской. Из выступления на конференции «Маргулановские чтения – 2004» К.М. Байпакова следует, что случайные находки, находящиеся в музее Сайрама, свидетельствуют о существовании города уже в первых веках н.э.

Известно, что в середине IX в. в борьбе за территории нынешнего Южного Казахстана столкнулись интересы правителей племен карлуков и Саманидов. Карлукский вождь Бильге Кюль Кадыр-хан был правителем Испиджаба. В 840 г. саманидский наместник Самарканда Нух ибн Асад захватил Испиджаб и построил вокруг него стену. По-видимому, еще несколько десятилетий Испиджаб находился в относительной зависимости от Саманидов. Лишь в 893 г. Исмаил Ибн Ахмад совершил большой поход на Тараз. Правитель и жители Тараза, Мерке приняли ислам, а главная церковь была переустроена в мечеть. С культовыми помещениями других религий происходили изменения более радикальные, по причине наличия в них идолов и проведения обрядов, никак не сочетавшихся с исламскими монотеистическими представлениями. Арабский географ ал-Истахри писал: «Вся граница Мавераннахра место военных действий: от Хорезма до окрестностей Испиджаба до отдаленных мест Ферганы – с тюрками-карлуками» (Абусеитова, Абылхожин и др., 2001. С. 117). Сырдарья издревле служила своего рода рубиконом, в раннеисламское время к востоку от нее были распространены зороастризм, тенгрианство, несторианство, манихейство и буддизм. Подобное разделение Средней Азии, получившее название на «Иран и Туран» продлилось относительно продолжительное время и нашло отражение, в неоднократных упоминаниях в исторических источниках, об Испиджабе, как об одной из ключевых крепостей на границе и месте борьбы за веру.

История с арабским завоеванием городов Среднего течения Сырдарьи в период 714–812 гг. более запутана. Так, Е.А. Смагулов, опираясь на сведения сочинения ат-Табари, склоняется к мысли о том, что поход везира ал-Фадла на Среднюю Сырдарью в период 812–817 гг. был вызван тем, что «джабгу отказался повиноваться», а «царь Отрарбенда отказался платить подать, которую он обычно платил». В таком случае можно предположить, что в результате побед в 737 и 739 гг. арабы, обложили «страну Шаца и Тарбанды» и поставили здесь своих наместников, которым подчинялись местные правители (Смагулов, 2004).

Разрушительная деятельность арабов в покоренных областях была направлена, прежде всего, против храмов и культовых мест местных религий, на искоренение древней духовной культуры, что особенно характерно для северных районов Средней Азии, и прослеживается по локальным слоям с пожарищами на городищах Восточного Мавераннахра (Смагулов, 2004). Известным свидетельством таких «культурных» пожарищ являются, например, обгоревшие резные доски

⁶⁴ Байпаков К.М., Горячева В.Д. Семиречье... – С.156.

¹ Не вдаваясь в тонкости спора о локализации древнего Испиджаба, присоединяемся к мнению ученых, локализующих его на месте современного Сайрама (подробнее см.: Байтанаев Б.А., 2002. – С. 5-37).

из дворца правителя на городище Куйрук-тобе и широко датируемых второй половиной VIII – первой половиной IX в. Период со второй четверти VIII в. до середины-конца IX в. истории региона очень слабо характеризуется в арабских источниках, очевидно, из-за крайней шаткости положения здесь арабов.

Из средневековых письменных источников М. Кашгарского, Ал-Истахри, Ал-Макдиси, Якута ал-Хамави, Ибн-Хаукаля (конец X–XII вв.) приводятся извлечения об особом положении Испиджаба – «Белого» города, не знающего ни неурожая, ни хараджа (единственный в Мавераннахре); что это славная пограничная крепость, место борьбы за веру, и что вокруг него много городов и селений. Подробный анализ источников проводит Б.А. Байтанаев (Байтанаев, 2002. С. 169). Известно, что хараджем облагались «неверные», и в источнике скорее намечается на дарование избежания уплаты хараджа неверными, но близким по вере, кем могли быть христиане одного из учений распространенных на Востоке и составлявших весомую долю населения города. В источнике «Насаб-намэ»² употребляется термин «тарса», применительно к большой доле населения региона, прямой перевод которого с арабского – «боящийся». Буквальный перевод с арабского слова «Islam» – покорный. Арабские христиане, молясь, обращаются к Аллаху, «Allah» – арабское слово, обозначающее единого Бога. На арамейском (языке Христа) – используют слово «Allaha», на еврейском «Ailohim», что говорит об однокоренном слове для обращения к единому Богу у трех монотеистических религий. К тому же желание защищать веру «тарса» 70 поколений предков у правителя Коркоза (возможно персидского происхождения) было очень определенным и трудно говорить об аморфности его религии (что характерно для митраизма-зороастризма-маздеизма), судя по всему «тарса» применяется к христианам. В число традиций, признаваемых исламом, понятно, не могли входить языческие культы: зороастризм, маздеизм, шаманизм, синкретические – манихейство. С приходом ислама также быстро исчезает и буддизм (Folts, 1999. P.99.), хотя, например, буддийский монастырь в Балхе (Афганистан) просуществовал до 870 г. (Бартольд, 1966. С.301).

Сведения об Испиджабе – «Белом» городе в значительной степени перекликаются с данными Ибн Хаукаля (X в.) о христианском Вазкерде. «Нет в окрестностях Самарканда волости с более здоровым воздухом, с более плодородными пашнями и с лучшими плодами. Жители ее здоровее всех окрестных жителей по телосложению и по цвету лица. Обработка полей не прерывается и не встречает препятствия. На горе Савдаре есть христианская церковь; здесь собираются христиане, и здесь находятся их кельи. Я нашел там много иракских (месопотамских) христиан, удалившихся туда вследствие плодородия места, его уединенного положения и здорового воздуха. Церковь, в которой постоянно обитает много христиан, владеет недвижимой собственностью; место господствует над большей частью Согда и известно под именем Вазгерда» (Бартольд, 1966, С.98-99).

Христианство в несторианской форме было распространено во многих городах региона, но многое говорит об исключительности Сайрама. Например, географ Казвини называл огузов христианами. Определенные данные говорят о существовании христианской митрополии, охватывавшей регион Западного Туркестана с центром в Отраре – столице Огузов (Акишев, 1999. С. 35-36). Несколько предметов с изображениями равноконечных крестов из Отрарского оазиса находятся в экспозиции Отрарского музея в Шаульдере. Известно большое количество керамических сосудов (расписных чаш) из Отрара, центральным узором которых является стилизованный крест, что говорит о популярности знака креста и, по-видимому, является более поздней реминисценцией христианской символики в изобразительной орнаментике региона, не заключая в себе его первоначального содержания. Подобная символика была распространена в регионе и, в частно

² Краткие сведения о христианстве в Сайраме привел М. Кожя из «Насаб-наме» Сафи ад-Дина Орын Койлакты, являвшимся близким родственником Ходжа Ахмеда Ясави и возглавившего его суфийскую общину после смерти последнего: «В Сайраме был один правитель. Его звали Коркоз, прозвище Нахидбар. В Сайрамском княжестве было 160 тысяч семей христиан. Исхак баб (сирийский полководец) склонял Нахидбара к принятию ислама. На это Нахидбар ответил: «70 поколений моих предков были христиане, моя вера истинная. Я буду с тобой сражаться». Династия правителей Отрара до Каирхана происходила из Сайрама (Ходжаев, 1995. С. 101).

сти применялась при орнаментации столовой посуды и культовой архитектуры. Некоторые раннеисламские мавзолеи Сайрама, дошедшие до нас возобновленными в XVI-XVII – XX вв. также обильно украшены стилизованными равноконечными крестами.

Есть основания предполагать, что христиане уходили все дальше на север и восток, избегая хараджа. По мнению В.В. Бартольда, христианство более продолжительное время сохранялось в местности Саганак. Интересно его сообщение о том, что «в низовьях Сырдарьи еще в конце XII в. было немусульманское тюркское владение, центром которого, по-видимому, был город Саганак. Едва ли можно говорить о языческом государстве в соседстве с мусульманскими государствами. (Бартольд, 1964, С.318-319).

Известны равноконечные кресты (имеющие расширяющиеся или прямые лопасти), оттиснутые на архитектурных дисках со строений из Туркестана и Орнека, аналогичные деталям изображения кешка с Аниковского блюда. Находки терракотовых дисков с крестами обычно сопровождаются обожженными кирпичами еще двух других характерных форм («ступенчатой», образующие «зубчатые короны») и «У-образной»). По разработанной на трех аналогичных кешках хронологии (данные раскопок М.Е. Масона и Г.А. Пугаченковой на шахристани Тараза и А.И. Тереножкина на холме Ак-тепе, близ Ташкента, Л.Р. Кызласова на Ак-Бешиме), строительство и обитание замков с подобной орнаментикой было синхронным и относится к VI–VII вв., прослеживается по Среднему течению Сырдарьи, Таласской и Чуйской долинам (Кызласов, 1958, С.153). Строительство кешков, было связано с согдийским продвижением по торговым путям (колонизацией), подобные же диски с крестами на фасадах зданий найдены на настенных росписях Пенджикента (Иваницкий, 1994. 164). Видимо, момент разрушения одного из целой серии двухэтажных сырцовых кешков, был запечатлен на известном Аниковском блюде и относится в трех исследованных случаях к одному периоду – ко второй половине – концу VII в., что подтверждает датировку Б.И. Маршака и В.П. Аркевича (VIII в.) изготовления оригинала блюда – прототипа для позднего Аниковского блюда-копии (IX–X вв.). Возможно, повторяемость уничтожения «замков с крестами» могла послужить поводом для их изображения на памятных серебряных блюдах, своего рода канонизации образа «кешка с крестами», хотя причина падения замка, возможно, была и не религиозной. В то же время кешки, аналогичные Аниковскому, наряду с христианской, имели и маздеистскую символику. В первую очередь – зубчатые уступы (на уровне балконов второго и третьего этажей), аналогичные изображениям короны на царях – головного убора Арташира I (227–230 гг.). В изображениях Сасанидов короны позже сменяются на венцы римских императоров, а в зубчатой короне начали изображать Ахура Мазду (верховное божество), у Митры и Анахиты также появляется зубчатая корона, также она изображается на культовых объектах эпохи Сасанидов. Интересно, что крупные политические изменения у иранцев, обычно отражались и на идеологии, например, ранние Сасаниды утверждали победу над Парфией, посредством того, что конь Ахура Мазды попирает божество врага Анхиро Манью. С другой стороны, извечное противоборство Ирана и Рима обязывало шахов быть не хуже императоров Рима, что выразилось в стремлении усваивать все последние достижения Римской культуры, проявившиеся в искусстве, архитектуре, идеологии. С развитием зороастризма происходило и заимствование учений с Запада, в частности, христианства, развивались и честные синкретические – манихейство.

В последнее время исследователи все больше задаются вопросами точной атрибуции христианского памятника, отдельной находки и их принадлежностью к определенному христианскому течению, зачастую незаслуженно подвергают сомнению принадлежность к несторианам многих из них. Ч.Валиханов упоминал о несторианских и монофизитских конгрегациях, Южного Казахстана и Жетысу (Валиханов, 1958. С.94) (возможно, имея в виду армян, которые, по сути, являются монофизитами). Упоминал о монофизитах и мелькитах В.В. Бартольд. Исследователи периода конца XIX – нач. XX вв. средневекового христианства российские, европейские, японские, говоря о христианстве Жетысу и районов к востоку, Китай, Корея, Япония говорили только о несторианстве. Проповедники Русской Православной церкви в XIX в. жили среди иранских алдеев (несториан), вели проповедь и обратили часть их в православие, некоторое количество переселилось в Южную Россию. Среди западных исследователей тема оставалась популярной

все XX столетие, но новых данных по крупным монофизитским общинам Центральной Азии не появилось, в отличие от больших успехов по истории несторианской церкви.

Ортодоксальные христиане (мелькиты) до начала X в. сохранялись в Мерве и Багдаде (Архимандрит Арсений, 1880. С. 345). Видимо, основная их часть переселилась в Хорезм, где, по свидетельству Бируни, мелькитская община сохранялась и в X в., или же вернулась в Византийскую Империю (Дресвянская, 1974. С. 51). На основании документа VIII в. С.П. Толстов считал, что в состав Хазарской митрополии входило особое Хвалиское (Хорезмское) епископство (Ртвеладзе, 1999. С. 76). В Мерве и Хорезме отмечался праздник роз в память встречи Марии и Елизаветы. В Персии же долгое время соперничали две версии христианского учения несторианство и монофизитство³.

Монофизитство⁴ на территории Ирана особенно распространилось с кон. VI–VII вв. в связи с религиозной борьбой в Византии, антивизантийской религиозной политикой Ирана и объединением Сирии и Ирана в 637 г. под арабским владычеством. Сиро-персидские христиане основывали общины и в Центральной Азии, движимые необходимостью проповедей и гонимые жрецами господствующей религии (Буряков, 1994. С. 25.). Очевидно, смутный для монофизитов в Иране период начался с череды правителей на престоле с момента насильственной смерти Хосрова II (628 г.), за которой должен был последовать значительный отток монофизитов из Ирана.

Монофизитских предметов и памятников в Центральной Азии найдено пока немного. Это сирийская монофизитская надпись на кружке из Тараза, прочитанная А.Я. Борисовым: «Петр и Габриил» (Байпаков, 1994. С. 96), что позже было подвергнуто сомнению немецким исследователем В. Клейном. С.Г. Кляшторный предполагал, что в Таразе в VI–IX вв. существовали несторианские и яковитские христианские общины (Кляшторный, Султанов, 1992. С. 152). Также к монофизитским, по-видимому, следует отнести арабскую надпись «Иса и Марьям» на блюде XI в. (IX–XI вв.) с изображением «Т-образного» креста из Ходжента (Беляева, 1994. С. 79–81). Таким образом, наличие монофизитов в регионе все же прослеживается и не только благодаря известиям об армянском монастыре, проповедниках, переводчиках и др. в позднее время (XIII–XIV вв.).

По христианской тематике самого Сайрама, до настоящего времени до нас дошли сведения:

- во-первых, исторических источников, свидетельствующих об относительно большом количестве «тарса» – очевидно, христиан проживавших в Сайраме и его обширной округе, а также об особом положении города и его населения в эпоху, относящуюся к первым векам проникновения ислама в регион;

- во-вторых, предания о погребении Богородицы в округе Сайрама и сохранившийся мавзолей Майрьям-биби, по мнению исследователей, относящийся к доисламскому периоду, наряду с другими культовыми объектами, имеющими отношение к библейским пророкам (Байтанаев, 2002. С. 172).

- в-третьих, археологические находки с христианской символикой, нетрадиционной для несторианства: каменная ступка с голубем и крестом, происходящей из городища Тортколь-тобе (средневековый Шараб), точное местонахождение которой сейчас оспаривается;

³ При Хосрове II (591–628 гг.) вначале несториане преобладали при дворе, несторианский епископ благословлял его трапезу. После смерти Сабришо (596–604 гг.) католиком стал Григорий из Кашгара, также несторианин, затем Григорий Форатский – монофизит, который вылечил жену шаха Ширин. О значительном влиянии несториан говорит факт того, что император Маврикий просил вернуть Хосрова II за помощь в борьбе за престол мощи пророка Даниила, находящихся в царском казнохранилище в Сузах, «Царь Хосров приказал исполнить просьбу Маврикия... но вся страна собралась на этом месте, усиленной мольбой и слезным плачем просила Христа не допускать этого». В итоге святыня осталась в Иране. Интересна история еще одной христианской святыни в Иране. Во время захвата персами Иерусалима в 614 г. в храме Гроба Господня был взят «Святой Крест». По просьбе жены Хосрова II – монофизитки Ширин, эта святыня «запечатанная в ящик», была перенесена в церковь, рядом с дворцом царя. Крест был возвращен в Иерусалим уже после смерти Хосрова II в 631 г. (Луконин, 1987. С. 185–187). Табари сообщает, что при Хормизде IV (579 г.) будто в ответ на призывы магов принять меры против христиан шах сказал, что подобно тому как трон не может держаться на двух передних ножках, а неизбежно опирается и на две задние, так и его государство должно опираться и на поддержку и инаковерующих. (Пигулевская, 1979. С. 208).

⁴ Родоначальник архимандрит Евтихий – развилось сразу после несторианства и в противовес ему, уделяло особое внимание божественной природе Иисуса Христа и особо почитало Богородицу. В настоящее время известны 4 монофизитские (антихалкидонитские) церкви: Ассирийская Церковь Востока, Коптская, Сирийская (яковитская), Армянская.

– видимо, об этом же говорят объекты со значительной долей уверенности имеющие христианскую принадлежность (крест, выложенный из камней на холме в Казгурте, пещерные культовые сооружения в Сайраме).

Несмотря на фрагментарность этих сведений, все же по ним можно сделать определенные выводы. Характерен культ Богородицы у сайрамских христиан. Значительно число легенд, из которых следует «(пред)избранничество» местности вокруг Сайрама еще ветхозаветными пророками, сакрализация и организация местности по образу Святой Земли. Налицо учение с развитым мистическим учением, чего никогда не было у несториан, не особо почитавших Божественную природу Иисуса Христа. Внимательное изучение символики известной каменной ступки (Рис. 1) может привести к аналогичному заключению – о заселении Сайрама христианами – монофизитами, чье учение в Персии было значительно адаптировано к зороастрийским культам. М.Е. Масон в 1928 г. прокомментировал увиденную ступку, что она содержит орнаментальные мотивы, которые еще не встречались (Сенигова, 1968. С.64) (в несторианстве). Л.И. Ремпель считал крест и голубь – символы, почитавшейся в Сирии богини матери-природы – Атергатис в монофизитстве слившейся с Девой Марией, а в Персии смешалась с богиней – женским идеалом Анахитой (Aredvi Surv Anbhitv) в вольном переводе — «Чистая Могучая Влага» (Сенигова, 1968. С.64, Луконин, 1987, С.199). Традиционно ступку причисляют к предметам, связанным с христианством Т.Н. Сенигова, К.М. Байпаков, Г.А. Терновая, В.А. Кольченко и др.

Возможна и неязыческая трактовка голубя – как символа Христа, рано принятого церковью. В данном случае центральное изображение составлено полностью христианскими мотивами, в то время как основная часть ступки покрыта языческой зооморфной символикой (множество зооморфных образов, включая массивные копытообразные ножки ступки), а также крупным изображением свастики в виде зооморфного орнамента на обратной стороне ступки. По бокам ступки изображены переплетения растительного орнамента, зооморфное существо над небольшим равноконечным крестом, а также изображение ступки с пестом – древний символ культа плодородия. Принимая во внимание синкретичность изделия, можно предположить и то, что голубь мог быть и двойным символом в Персидской державе: для зороастрийцев – принадлежностью Анахиты, а для христиан – символом Иисуса Христа или Святого Духа. Сложная орнаментация ступки синкретична и отражает сложную мировоззренческую картину смешения религий и верований Персии накануне арабского завоевания.

Трудно предположить, чтобы столь массивную ступку везли из Ирана, если она не являлась особой святыней, тем более что подобных ступок с зооморфно-растительным орнаментом найдено несколько десятков. Возможно, маздеизм очистился от христианских идей, возможно, на-

Рис. 1. Ступка каменная (Фото О. Белялова)

оборот, ступки употреблялись больше для хозяйственных нужд и обычаев включения христианской символики на них, считался неуместным – ступки стали выделять только с орнаментикой культа плодородия, принадлежности традиционных воззрений, на которые христианские проповедники смотрели как на данность.

Очевидно, что их изготовляли в округе Сайрама, носители традиции адаптации и синтеза христианства (монофизитства) с традиционными маздеистскими верованиями, имевшей место в Иране и Согде в первой трети VII в., которая могла эволюционировать или деградировать некоторое время в неисламизированной среде. Живучесть традиции обеспечивала реинтерпретация Анахиты как Девы Марии. В.Г. Луконин описывает несколько предметов со смешанной зороастрийско-христианской символикой (Луконин, 1987. С.195-205), в частности, серебряный кувшин, найденный в 1750 г. у деревни Слудка Пермской обл. Сам кувшин не сохранился, и автор приводит описание рисунка. На кувшине два овальных медальона, образованных аркой с колоннами. На арке – ряды птиц, ствол колонны орнаментирован виноградной лозой, капители – в виде обнаженных младенцев, стоящих на одном колене и поддерживающих руками арку. В медальоне женская фигура в фас, в инсигниях царицы цариц с нимбом и царскими лентами. На ней узорчатое облегающее платье и плащ. Под обнаженными ногами – орнаментированное подножие, под которым – два павлина встречно. В одной руке женщины – птица, в другой она держит обнаженного ребенка. Слева от центральной фигуры – еще один обнаженный ребенок с овцой на плечах («мосхофор»). Исследуя подобные сосуды, а также сасанидские печати с христианскими сюжетами, ученые пришли к заключению, что достаточно распространенное изображение женщины с младенцем следует интерпретировать как изображение Марии и Христа (Луконин, 1987. С.202).

О христианской символике необходимо сказать, что художественно передать многие стороны христианского учения, например тайну Воплощения и Креста представляется очень трудной задачей. Евангелие насквозь пронизано образными сравнениями (притчами) для объяснения «мира невидимого» понятными образами. Так и в иконографии христианства церковь обращалась в проповеди к людям на языке понятном для них. Первыми образами Христа, как известно, были пастырь, пахарь, кормилец, крыло Небесное, рыба и рыбак, корабль и якорь и др. В эпиграфике катакомб наиболее широкое распространение получили хлеб и виноградная лоза. На равненской мозаике VI в. изображены монограмма Христа, лоза (символ Рая или Церкви, где ее члены – ветви) и павлин (птица, символизирующая возрождение к новой жизни). Есть изображения и голубей. Другими словами, символами христианства могли стать любые положительные евангельские или ветхозаветные образы, понятные людям и способные их привлечь. С другой стороны, многочисленные церкви и ереси разрабатывали свою символику, что привело к значительной неразберихе и вызвало необходимость выработки канонических образов и символики основных христианских церквей, изменявшихся уже незначительно.

Теме христианства в Сасанидском Иране посвящено немало работ. Особое место в них отводится периоду Хосрова II. В годы его правления (591–628 гг.) наряду с крупными маздеистскими храмами строятся и многие христианские храмы и монастыри, хроники сообщают о строительстве громадного храма в Бет Лашпар в честь «девы Марии» (Пигулевская, 1946. С. 256), освященного патриархом Антиохии Анастасием. Христианское строительство осуществлялось по просьбам жены и монофизитской части двора, но для самого Хосрова на тех же монументах изображали богиню Анахиту, чего не делали уже на протяжении трех веков до него (когда в 293 г. она была изображена в Накш-и Рустаме) (Луконин, 1987. С. 191-192). Иногда говорится об отсутствии иконописи у монофизитов. В действительности, иконы, все же остались в употреблении и у сирийских монофизитов – яковитов и коптов, и абиссинцев в отличие от несториан, не страдавших излишней запретительностью (Карташев, 1994. С. 231) и наложивших определенные запреты на религиозную живопись позже. В армянских церквях также возводились иконостасы и выставлялись иконы, однако это, скорее, носило характер картин и изображений. На протяжении определенного времени в правящей семье были подобные толерантные взаимоотношения, еще ближе сроднившие деву Марию и Анахиту в сознании народа. По словам В.Г. Луконина: «монолитное некогда здание зороастризма к этому времени уже было расшатано и в ортодоксии, и в

«особенности в ортопраксии... в трещины проникало христианство» (Луконин, 1987. С. 205-206), что отразилось и на культовой символике Ирана и Средней Азии предисламского времени, проявившейся, в частности, в орнаменте упоминавшейся каменной ступки. Грубый каменный материал, который не позволил выделывать тонкие черты богини Анахиты, но мастер изобразил неприменный ее атрибут – птицу, который она обычно держала в руке. Исследователи отмечают, что не было мастеров, производивших предметы только для зороастрийцев (или только для христиан), зачастую одна лишь деталь (крест) на типично зороастрийском мотиве выдавала христианскую принадлежность заказчика изделия (Луконин, 1977. С. 158). Зороастризм легко переосмысливал и адаптировал современные ему учения и орнаментальные мотивы в искусстве. Осознанно или нет так делает любая цивилизация претендующая на лидерство.

Есть основания предполагать, что крупная монофизитская (сиро-персидская) община, избегая трудностей, прибыла на земли Сайрама, где уже должна была существовать община монофизитов, что не обязательно синхронно приходом ислама⁵. С IX в. появляется закон об уплате подати иноверцами (специальный налог – выкуп и охрана неприкосновенности их жизни). К этому времени относится мусульманское проникновение в регион Южного Казахстана. На представителей всех религий была наложена уплата подобной подати. По каким-то причинам, от подати было освобождено население Сайрама и округи, в большом числе исповедовавшее христианство, по-видимому, монофизитского толка. Возможно, это было связано с особым почитанием Богородицы распространенным здесь, со святыми местами в честь ветхозаветных пророков, а также чистотой религиозной жизни монофизитов, заметно отличавшейся от широко распространенного повсеместно от Сирии до Дальнего Востока несторианства и переживавшего в IX в. расцвет.

В округе Сайрама обнаружены пещерные сооружения, очевидно культового назначения, чья принадлежность не определена. Известны упоминания о христианских селениях: у Ибн-Хаукаля о селении Вазкерд у горы Шавдар близ Самарканда (Бартольд, 1966. С. 110). Рубрук сообщал о христианском селении близ Каялыка (Рубрук, 1993. С. 117). Известны развалины церкви X в. с селением недалеко от Гаочани (Восточный Туркестан). Близ городов с крупными христианскими общинами зачастую существовали и селения с монастырями или христианскими школами. Кроме того, исследователи все большее количество пещерных сооружений Центральной Азии соотносят с христианским культом. В 6 км от Ташкента в 1930-е гг. М.Е. Массоном обнаружен пещерный комплекс Кархана. В 1990-е гг. узбекскими археологами интерпретирован как церковно-монастырь древних христиан (Раимкулов, 1999. С. 93). В 1970-е гг. на пограничном берегу Амударьи неподалеку от села Айвадж Шаартузского р-на Таджикистана обнаружен пещерный комплекс. раскопки которого показали, что он являлся христианским монастырем (Хмельницкий С. 2000, С. 254). В последние годы была исследована часть крупного пещерного комплекса на западной окраине городища Афрасиаб в Самарканде. Комплекс длиной в несколько сотен метров, датирован с VIII–IX по XIII вв., помещения интерпретируются как имеющие культовое назначение и, по мнению исследователей, «наиболее близко стоит к христианству». Керамическая курильница с отверстием в виде несторианского креста была найдена в ходе раскопок на полуподземном комплексе Кош-тепе, недалеко от столичного города Южного Согда – Нахшеба (Раимкулов, 1999. С. 94).

Исследователями выделяется особое положение Сайрама по средневековым сообщениям, большая концентрация культовых памятников, место города в судьбе Ходжа Ахмеда Яссави. Бартольд и др. указывали на христианское происхождение мазара Мариам-биби. Само название Сайрам или «Сарьям» (по словам академика К.М. Байпакова) созвучно имени «Марьям» и, возможно, может быть еще одной версией происхождения названия города. Средневековая сирийс-

По словам В.В.Бартольда: «христиане сохраняли свои храмы; новые церкви и монастыри долгое время строились беспрепятственно; так называемый договор Омара, по которому христиане будто бы обязались не строить новых церквей и не исправлять старых, был придуман гораздо позже. На всем пространстве халифата, от мыса св. Викентия у юго-западной оконечности Португалии до Самарканда, упоминаются богатые христианские обители, за которыми сохранялось их недвижимое имущество. (Бартольд, 1998. С. 19).

кая и персидская культуры (вобравшие идеи христианства), наряду с традиционными местными шаманистскими и маздеистскими обрядами и религиями составили тот культурный фон, на котором формировался местный вариант суфизма, а та историческая роль Сайрама как культурного и административного центра могла позже проявиться в воплощенной идее формирования значимого духовного мусульманского центра в Туркестане.

С точки зрения ислама, только культурное наследие других монотеистических религий могло быть серьезно воспринято и вобрано в ислам, наследие же других традиций заимствовалось, часто лишь по необходимости привлечения новых народов. Линия вдоль Сырдарьи надолго разделила регион Центральной Азии на «Иран и Туран» из-за упорства карлуков и других тюркских племен. Это предопределило изменение подхода с завоевания земель на проповедь мусульманства, в большей степени, чем ранее учитывающую традиционные верования. Испиджаб, являвшийся несколько десятилетий исламским форпостом в регионе, стал таковым, возможно, будучи не просто культурным центром, где наряду с традиционными древними религиями и верованиями был еще и центром монофизитства и островком передовой на тот момент сирийской и персидской науки и просвещения. Подтверждает это мнение и Н.В. Пигулевская, которая отмечала значительное влияние именно монофизитского учения на формирование мусульманской доктрины (Пигулевская, 1979. С. 223-224). Именно в этой ипостаси Сайрам стал в некоторый момент сакральным центром (монофизитов), по легендам, «ведущим свое предизбранное происхождение с ветхозаветных времен», а также «местом, освященным гробом Божией Матери», особо почитаемой монофизитами (второй Святой Землей).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абусейтова М.Х., Абылхожин Ж.Б. и др. История Казахстана и Центральной Азии.– Алматы, 2001.
2. Акишев А.К. Великий Шелковый Путь – путь миссионеров // Шелковый путь и Казахстан.– Алматы, 1999.
3. Архимандрит Арсений. Летопись церковных событий и поясняющих их гражданских от Рождества Христова до 1879 г.– СПб., 1880.
4. Байтанаев Б.А. Древний Испиджаб.– Шымкент-Алматы, 2002.
5. Байтанаев Б.А. От Испиджаба до Будухкета // Известия МОН РК. Сер. обществ. наук.– 2002.– №1.
6. Байпаков К.М. Христианство Казахстана в средние века // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство.– Ташкент, 1994.
7. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Сочинения.– Т. II. Ч. 2.– М., 1964.
8. Бартольд В.В. По поводу христианского селения Вазкерд. Сочинения Т. IV.– М., 1966.
9. Бартольд В.В. Рецензия на книгу: А. Godard, Y. Godard, J. Haskin, Les antiquites bouddhiques de bamiyan (1928). Сочинения Т. IV.– М., 1966.
10. Бартольд В.В. Культура мусульманства.– М., 1998.
11. Беляева Т.В. Христианский памятник из Ходжента // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство.– Ташкент, 1994.
12. Буряков Ю.Ф. Христианство на Великом Шелковом пути // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство.– Ташкент, 1994.
13. Валиханов Ч. Избранные произведения.– Алма-Ата, 1958.
14. Дресвянская Г.Я. «Овальный» дом христианской общины в старом Мерве // Труды ЮТА КЭ.– Т. 15.– Ашхабад, 1974.
15. Иваницкий И.Д. Христианская символика в Соде // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство.– Ташкент, 1994.
16. Карташев А.В. Вселенские соборы.– М., 1994.
17. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий.– Алма-Ата, 1992.
18. Кызласов Л.Р. Остатки замка VI–VII вв. на городище Ак-бешим // СА.– 1958.– № 3.

19. Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана.– М., 1977.
20. Луконин В.Г. Древний и средневековый Иран.– М., 1987.
21. Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.– М.-Л., 1946.
22. Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века.– М., 1979.
23. Раимкулов А.А. Пещерные архитектурные сооружения Средней Азии // Изучение культурного наследия Востока.– СПб., 1999.
24. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны.– Алматы, 1993.– С. 117.
25. Ртвеладзе Э. Великий Шелковый путь.– Ташкент, 1999.
26. Сенигова Т.Н. Вопросы идеологии культов Семиречья // Новое в археологии Казахстана.– Алма-Ата, 1968.
27. Смагулов Е.А. Арабское нашествие в Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников (в печати).
28. Хмельницкий С. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Берлин-Рига, 2000.
29. Ходжаев М. Новый источник по средневековой истории Центральной Азии // Известия МОН РК. Серия общественных наук.– 1995.– №4.
30. Folts R.C. Religions of the Silk Road. New York. 1999.

ЖАНУАР БЕЙНЕЛІ ҚҰМАННЫҢ ДАМУ ТАРИХЫ МЕН ОНЫҢ НАНЫМ-СЕНІМДЕРДЕГІ ОРНЫ

Д. Мұстапаева

ХҚТУ Археология және этнология кафедрасының аға оқытушысы

«Туран» археологиялық экспедициясының 2002 ж. (экспедиция жетекшесі – т.ғ.д. М.Елезов) орта ғасырлық Қарашық-1 қала орнын қазу барысында қазба-3-тен табылған жануар бейнелі құмыра ерекше табыстардың бірі болды. XIII ғасырдың қабатынан табылған бұл ыдыс экспедицияның ғылыми зерттеу жұмысының есебінде көрініс тапқан [1]. Заттың түбі бөлек жасалып жоғарғы бөлігімен бекітілген. Түбінің диаметрі – 11 см, жалпы биіктігі – 20,5 см. Сыртқы сипатына келсек оның шүмегі жануар бейнесінде сомдалып, тұлғасына бекітілген. Орта бөлігі торсықты еске түсіреді. Шүмектің сипатына келсек-жануар басы екі құлағы саздан ұқыпты түрде жасалған. Екі көзі саз балшықтан бөлек иленіп, көз тұсына жапсырылған. Көздің біреуі үйіп қалған. Жапсырмакөздің формасы жапырақ сипатында. Ауыз тұсы дөңгелек суағар түрінде жасалған. Цилиндр түріндегі жоғарғы бөлігінің диаметрі – 6,5 см. Ернеуіне ойық түрінде басып түсірілген өрнектер түсірілген. Мұндай ойық ыдыстың түбін тұлғасымен жалғастыратын бөлігінде қайталаңады.

Жоғарғы бөлігінің ернеуі мен орта бөлігін көтеріңкі сипатта жасалған сап бекітіп тұр. Саптың төменгі заттың тұлғасымен ұласқан шошақ бар. Ыдыс қолмен жасалып, сонан соң күйдірілген. Ыдыстың оң жақ тұсының ортаңғы және түбінің сыртқы оң жақ жартысы күйе (1-сурет, 1). Зат ошақта, ошаққа, отқа жақын жерде ұсталса керек. Сыртқы сипатына орай – құман деп аталып өтыр. Шүмегендегі жануар бейнесін нақты түрде айқындап айту қиын. Ол – түйені де, бұзау, өгізді т.б. бейнелегендей. Сол себепті өтек жануар бейнесі деген атаумен шектелген орынды болар. Бұл – жануарлардың әр түрлі белгісі жинақталып берілген стилденген бейне. Мақала барысында осы жануар бейнелі құмандағы жануарды еске түсіретін, түйе, бұзау, өгізге байланысты археологиялық, нанымдық материалдар қарастырылды. Зооморфтық ыдыс нанымдар мен әсімдерді саралаудағы маңызды дерек көзі болары анық. Жануарлар бейнесінің заттар ежелгі заманнан-ақ әр түрлі мәдениет ошақтарында кездеседі. Бұл-табиғат пен адам арасындағы байланысты, даму процесі барысындағы өзгерісті нақты заттарда бейнелеу болса керек. Жер шарының әр түрлі нүктелерін (мәдениет) мекендеген адамдар қауымдары, ру, тайпа, елдердің заттай мәдениетінде аң бейнесінде жасалған заттардың табылуы нақты шындық.

Мысалы, ежелгі Кіші Азияның өркіенетіндегі заттай мәдениет туындыларында (б.д.д. XVIII) алтынан, керамикадан жасалған, Иран мәдениетінде (б.д.д. V ғ.) алтын, күмістен, сақтар мәдениетінде (б.д.д. V ғ.) алтын күмістен жасалған жануар, аң бейнелі (жылқы, арыстан, таутеке, қошқар) ритондар кездеседі [2]. Бұл ыдыстардың ерекшелігі аң бейнесінде жасалып, орта ғасырлық Қарашық-1 қала қонысынан табылған жануар бейнелі құмырадағы белгілердің байқалуы. Дегенмен, заттар жасалу ерекшелігімен, материалдардың өзгешелігімен сипатталады. Әрбір ру, тайпа т.б. рәсімдік, нанымдық іс-әрекеттерінде белгілі бір жануарлардың алатын орны белгілі. Осыған орай, Солтүстік Американың солтүстік-батыс жағалауын мекендеген үндістердің қол өнеріндегі рәсімдік ыдыстарда аң бейнесі соның ішінде, аю бейнесі ойып жасалған май құятын ыдыстар кездеседі. Дәстүрлі мәдениетінде керамика болмаған жағдайда барлық заттар ағаштан жасалған [3]. Демек, өмір сүрген ортадағы шикізат көздері, нақты мүмкіндіктер, заттарды жасаудағы негізгі тіреудің бірі деуге болады.

Оңтүстік Қазақстан аумағына келсек құрылымы бойынша құманға ұқсас ыдыстар – ерте орта ғасырлық Алтын төбеден табылған (1-сурет, 2) (VIII–IX ғғ.) түбінде дөңгелек санлаулары бар, жоғары бөлігінде дөңгелек кесе бекітілген сыртқы белгілері бойынша түйеге ұқсас, зерттеушілері май шам-шырағыдан деп болжаған ыдыс [4], Отырардың X–XI ғғ. қабатынан табылған, құрылымы бойынша «зооморфтық тұлғалы әйел басты, су құйғыш» ретінде көрсетілген ыдыстар деуге болады [5].

Т.Н. Сенигова Тараз аңғарындағы орта ғасырлық ескерткіштердің материалдық мәдениетіндегі керамикаларды топтарға бөліп саралаған еңбегінде, төртінші топтардағы су тасуға арналған, тәжіктер «үйрек» деп атаған құмыраларды сипаттаған [6]. Мұндай ыдыстар қарлұқтар (V–X ғғ.), қараханидтер (XI–XII ғғ.) кезеңінде де өріс алып, қазіргі күнге дейін Тәжікстан тұрғындары арасында кездеседі [7].

Су ағарлары «түйе мойын», құс түрінде сомдалған суға арналған ыдыстар Орта Азияда халық шеберлерінің өнер туындыларында қазіргі кезеңдерде де көрініс табуда [8]. Тараз қалашығынан (X–XII ғғ.) табылған аң бейнелі құмыра, Андижан облысынан табылған (X–XII ғғ.) зооморфтық ыдыстың сыртқы бейнелері де аталмыш құманға ұқсас [9]. Жоғарыда аталған ыдыстардың жануар бейнелі құманнан ерекшеліктерінің бірі – саптарының су ағар шүмектері мен оған қарама-қарсы ыдыс жиегін жалғастыра горизонтальді сипатта орналасуы.

Түркі қағанаты кезеңіндегі заттай мәдениет туындыларында жануарлар бейнесінің сомдалуына мандық-зәрдүштік нанымдармен сабақтастықта қарауға болады [10]. Жануарлар бейнесінің заттарда кездесуі оның ерекше тылсым күшке ие болып, адамға жақсы немесе жағымсыз әсер етуіне негізделген болар. Орта Азия, Қазақстан территориясындағы ықылым заманнан игерілген мал, жер шаруашылығы үй жануарларының заттай мәдениет туындарында бейнеленуіне жол ашқан. Аталмыш құмандағы жануарды өгіз, бұзау, түйе, итке т.б. ұқсатуға болады. Яғни, қолға үйретіліп, өсірілген жануармен байланыста қарастырып отырмыз. Өгіз, түйе, бұзау т.б. жануарларға байланысты ел арасында нанымдар мен әдет-ғұрыптар өте көп. Бұл жануарлар мал шаруашылығымен айналысқан елдерде кең өріс алған. Әсіресе, оңтүстік қазақтары көп ұстаған түйені қазақтар қастерлеп, қасиетті жануар ретінде қараған. Аңыздарға сүйенсек жаратушы түйелерді жаратып, айдаушысы ретінде қасиетті әулиелерді тағайындаған екен [11]. Түйенің бейнесі Оңтүстік Қазақстанның өнерінде ежелгі кезеңнен бастап кең тарап, оның және от алтарыларының бейнелері ерте ортағасырлық мыс теңгелерде бейнеленіп, исламның алғашқы тарау кезеңінде от алтарылары арабша сиыну сөздерімен алмастырылған [12]. Оның бейнесі ислам тараған кезеңде де сақталып, жалғасын тапқанын байқауға болады. Қасиетті әулиелер туралы аңыздарда олардың денесін қай жерге апарып тоқтаса, сол жерге жерлеу туралы деректер кездеседі.

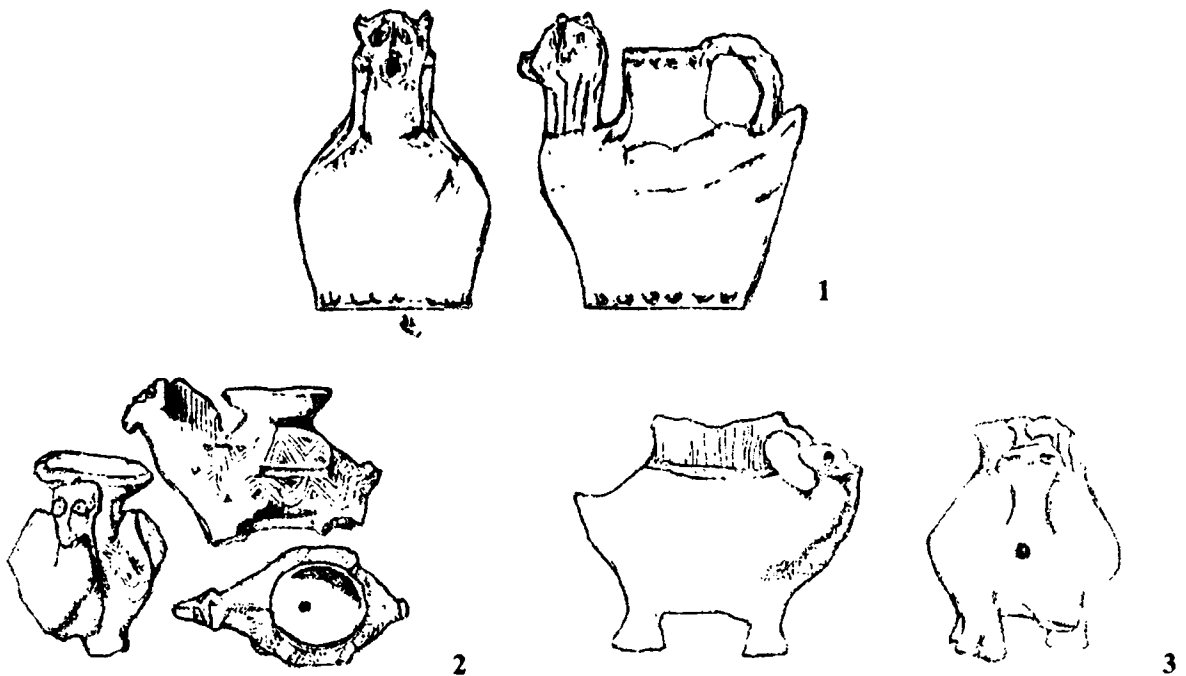
Түйенің шудасын өріп, қаури (жылан бас) моншағымен бірге балалар тұмары ретінде пайдаланған. Оны қастерлеу молшылық, көбею культімен байланыстырылып, зәрдүш дәстүрінде соғыс құдайымен сәйкестендірілген [13]. Қазақтарға босынатын уақыты өткен әйелдерді түйенің астынан өткізу рәсімі әлі күнге дейін кездеседі. Түркімендердің әйелдер әшекейлерінде қоңыр түйе өркешті көкірек әшекейлері кездеседі. Бұл – сөзсіз түйенің көбею, өсіп-өну символы ретіндегі қасиетіне сенумен байланысты [14]. Осы орайда қазақтар арасында кең тараған таң на

мазын Түркістанда бастап, Меккеде аяқтайтын Қожа Ақмет Яссауидің құдіреті туралы аңыздарда ақ түйенің көлік ретінде пайдаланғаны туралы деректер қасиетті жануардың бейнесін көрсеткендей.

Орта Азияда сазда жасалған зооморфты жануар, құс бейнелі ыдыс, ойыншықтар осы күнге дейін кездеседі. Ел құс бейнесін Ұмай ана культімен – өсіп-өну, жемістілікпен ұштастырып қараған [15].

Құманды өгіз, бұзауға да ұқсатуға болады. Отрар оазисінен табылған археологиялық материалдарда X–XI ғғ. тән су құйғыш шүмектері өгіз, сиыр басы сипатында жасалған ыдыстар кездеседі. Ыдыстың су ағарының аталаған жануарлар бейнесінде болуын зәрдүш дінінде олардың бейнесінің алатын орнымен сипаттауға болады. Оның ежелгі кезеңдегі маңызы жоғалғанмен, белгілі бір ерекшеліктері сақталып қалды [16].

Орта Азия халықтарында өгізді суға құрбандыққа шалу рәсімі болған. Г.П. Снесарев зерттеуінде мұсылманға дейінгі нанымдарды сипатталған. Онда бауыздалған өгізді құрбандық малы ретінде суға тастап, қайыққа мінген адамдар өгізді бір-бірінен тартып алуға тырысқан [14]. Бұл жер шаруашылығымен айналысқан елдің су, астық мол болсын деген сенімі, оны өрбіту көрінісі. Осындай рәсімді қазақтарда кең тараған көкпар тартумен ұқсастыруға болады. Қазақтар көкпарды ас, тойларда тартып отырғаны белгілі. Көкпарға тартатын мал үшін де көкпарға тартысушылар арасында тартыс болған. Көкпарға тана, серке малдары тартылып отырған. Тана сиыр малы жөнін ескерсек, бұл жерде рәсімдердегі ортақ белгінің барын байқауға болады. Құрбандық малы ретінде шалынған малдың қасиетін, оны су стихиясымен ұштастыру ағарының ашық ауызды құрғау, өгіз, түйе бейнесінде жасалуы осы наным-сенімдерге негізделген. Адам баласының өмірінде ерекше орын алатын, өмірдің негізгі көзі, төрт стихияның бірі болып есептелетін судың қасиетті құрбандық малы, қорғаушы, молшылық көзі, тотем-жануар бейнесімен ұштасуы деуге болады. Ежелгі мәдениет ошақтарының ұлы өзендердің жағалауында орналасып, өркендегені анық. Адам баласының дамуындағы ұлы өзендердің атқарған қызметінің ерекше екені белгілі. Оңтүстік Қазақстандағы Сырдария өзенінің атының ежелгі замандардан-ақ аталып келе жатқаны жаңалық емес. Орта ғасырлық шебер өзінің қолөнер туындысын жасау барысында шаруашылықтағы кең

1-сурет

тараған жануарлар бейнесін сомдады. Көп қырлы сипатта өркендеген рәсімдер от басы, он тіршілігінде жақсылыққа ұмтылып, жаман рухты қуу үшін пайдаланылған.

Қазақтар арасында осы күнге дейін түйе, бұзау, тана, қошқар, қой аттарымен байланысты аттары мен ұрандары кездеседі [17]. Кең даланы мекендеп, мал шаруашылығымен айналасқан қасиет тұтқан жануарларды жоғары дәріптеп, қолөнер туындаларында, материалдық мәдениетте кең бейнелеген.

Орта ғасырлық Қарашық-І қаласын қазу барысында археологтар тапқан жануар бейнесі құман – ертеден келе жатқан наным-сенімдердің бір көрінісі.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Тұран археологиялық энциклопедиясың 2002 жылы Оңтүстік Қазақстан облысында жүргізген зерттеулері. Ғылыми-зерттеу жұмыстары туралы есеп. Түркістан 2003. Қазба – 3, 113 сурет, 15. 113-бет.
2. Древние цивилизации.– М.: Мысль, 1989.– С. 120, 121, 148, 150, 190.
3. Культура народов Америки. // сб. Музея антропологии и этнографии. XL.– Ленинград: Наука, 1985.– С. 64. Рис. 6.
4. Смагулов Е.А. Комплекс ритуальных атрибутов из Отрарского оазиса. // Археологические исследования в Казахстане.– Алма-Ата: Наука, 1972.– С. 34-42. Рис. 2, 1, 2.
5. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., Древний Отрар.– Алма-Ата: Наука, 1972.– С.71. Рис. 30.
6. Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз.– Алма-Ата: Наука, 1972.– С. 87-88. Табл. IV, 5, 18, 19, 20.
7. Бернштам А.М. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. №26. // Материалы и исследования по археологии СССР.– 1950. – С. 155.
8. Рахимов М.К. Художественная керамика Узбекистана.– Ташкен: изд. АН Уз.ССР, 1961.– С. 85-86.
9. Археологическая карта Казахстана.– Алма-Ата: изд. АН КазССР, 1960.– таблица VII.– С.203; Культура и искусство древнего Узбекистана.– М.: Внешторгиздат, 1991.– С. 190.
10. Бернштам А.Н. Чуйская долина. / Материалы и исследования по археологии СССР.– №14.– М.: изд. АН СССР, 1950.– С. 119.
11. Радлов В.В. Из Сибири.– М.: Восточная литература, 1989.– С. 286.
12. Ремпель Л.И. Фрагмент бронзовой статуи верблюда из Самарканда и крылатый верблюд Варахши. (К вопросу о природе согдийского искусства) // Средняя Азия в древности и средневековье.– М.: Наука, 1977.– С. 99.
13. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма.– М.: Наука, 1969.– С. 310, 317, 329.
14. Васильева Г.П. Украшения-обереги у туркмен. // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана.– Нукус: Каракалпакстан, 1989. – С. 175.
15. Абрамзон С.М. Киргизы и их этнические и историческо-культурные связи.– Ленинград: Наука, 1971.– С. 278.
16. Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана. (Отрарский оазис).– Алма-Ата: Наука, 1990.– С. 190.
17. Қазақ Совет Энциклопедиясы.– Алматы, 1973.– Т.2.

ГРАНДИОЗНЫЙ ОЧАГ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С.Е. Ажигали

ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК

Алькей Хаканович Маргулан известен, в первую очередь, как замечательный исследователь Сарыарки – её памятников, истории, культуры. Об этом свидетельствуют главные, стержневые труды многогранного учёного, посвящённые древним памятникам срединного степного региона. «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана», «Древняя культура Центрального Казахстана» (в соавторстве со своими учениками-единомышленниками), значительная часть ранней монографии «Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана», большой раздел в коллективном труде «Архитектура Казахстана», многочисленные отчёты Центрально-Казахстанской археологической экспедиции и т.д.

Вместе с тем, учёный в различные периоды своей жизни уделял внимание и соседнему Арало-Каспийскому региону. Исследователь неоднократно посещал Западный Казахстан в составе комплексных экспедиций. Первая его поездка в Прикаспий, «к адаевцам» состоялась в 1926 г., когда молодой А.Маргулан принимал участие в исследованиях Антропологического отряда Казахстанской экспедиции ОКИСАР под рук. С.И.Руденко и А.Букейхана в мае – июле 1926 г. В результате из-под пера студента Ленинградского восточного института вышел небольшой очерк «Адаиды», опубликованный в газете «Еңбекші казак» (1927, №113. 22 мая). Несомненно, участие Маргулана способствовало успеху этой самообитной экспедиции. Затем, в 1950-м г. проф. А.Маргулан, возглавляя Западно-Казахстанскую археологическую экспедицию АН КазССР, проводил изыскания на городище Сарайшык в Гурьевской обл., которые позволили уточнить историю этого крупного политического и экономического центра средневековья XI–XVI вв. Кроме того, имеются сведения, что известный учёный интересовался и замечательными архитектурными памятниками Западного Казахстана. Как видно из его публикаций, А.Х. Маргулан посетил северную часть региона (возможно, во время исследований Сарайшыка или даже позднее того), в частности, малоизвестный тогда некрополь Абат-Байтак, который был введен в научный оборот впоследствии – экспедициями 1979–1980 гг. под нашим руководством, а также некрополь Маулимберды в районе впадения р. Темир в Эмбу. Фотографии 2-х stel-кулпытасов с этих комплексов были опубликованы в 1960-х гг. в одной из больших статей учёного.¹

Таким образом, А.Х.Маргулан серьёзно интересовался проблемами, памятниками Западного Казахстана, как видно, прекрасно понимая особое значение крупнейшего Арало-Каспийского региона в истории кочевой культуры степной Евразии. Системным изучением этих уникальных памятников в Прикаспии начали заниматься в послевоенные годы младшие современники Маргулана – в первую очередь, казахские архитекторы Т.К.Басенов, М.М.Мендикулов и др. исследования. Сплошное ареальное обследование мемориально-культовых памятников Западного Казахстана в общем виде было завершено нами в течение 1978–1998 гг. Эти изыскания, в определённом смысле, можно считать органичным продолжением исследований А.Х.Маргулана, логическим развитием комплексных подходов в изучении крупных историко-культурных областей, регионов, каковыми и являются Сарыарка и Арало-Каспий.

* * *

Прикаспий, Арало-Каспий В последние годы эти названия вызывают ассоциации, прежде всего, с бурным освоением находящихся здесь нефтегазовых месторождений. (Если, конечно, намерение отрешиться от грустной и весьма серьёзной аральской трагедии). К сожалению, гораздо меньше и совершенно незаслуженно, обращается внимание на уникальное историко-культурное значение Арало-Каспийского региона, в частности, его центральной, аридно-степной зоны. Показательно, что еще Александр Гумбольдт, посетивший Северный Прикаспий в 1829 г., отметил в своем труде «Asie Centrale» наиважнейшие географические особенности пониженных

¹ См.: Маргулан А.Х. Ұлытау төңірегіндегі тас мүстндер // Ежелгі мәдениет куәлары. – Алматы, 1966. – С.51, рис. 24 а,б.

пространств от Черного моря до Восточного Приаралья включительно – как величайшей в мире котловины или «страны-кратера». Впоследствии специалисты-естественники немало занимались изучением Арало-Каспийского региона и его особенностей. *Культурно-историческое своеобразие* этого степного (пустынно-степного) *ареала*, с глубокой древности осваивавшегося скотоводами, *изначально оказалось как бы сродни его общегеографической специфике*. Не случайно субстратные факторы сыграли первостепенную роль в этно- и культурогенезе этого специфического региона; перманентное их значение в немалой степени было связано с межаралокаспийской экокультурной нишей (исторический Мангышлак). Вследствие этих естественно-исторических условий громадная территория аридно-степного Арало-Каспия на протяжении почти 3-х тысячелетий являлась, по существу, классической страной кочевничества – пожалуй, наиболее ярко выраженной и крупной в Евразии.

Арало-Каспийский историко-культурный регион, географически включающий в себя территории равнинной страны Турана, Прикаспийской низменности и южной оконечности Уральских гор, давно признается специалистами как важнейший очаг этногенетических и этнокультурных процессов в Старом Свете. В геополитическом плане характерно издревле стыкочное положение региона, который наряду с соседней Сарыаркой находился в окружении и даже «вклинивался» в крупные историко-культурные ареалы: Средняя Азия, Алтае-Саянское нагорье, Кавказ, Восточная Европа. Здесь пролегли связи континентального масштаба, которые объединяли эти области; Азию и Европу. В северной своей части Арало-Каспийский регион со временем становится составной частью крупнейшего историко-культурного пространства – Великого пояса степей.

В целом рассматриваемый регион предстает перед нами как важнейший культурно-генетический очаг, с которым связана историческая судьба многих народов древности, средневековья и нового времени: массагетов, дахов-парфян, аланов, мадьяр-венгров, огузов-сельджуков, кыпчаков, казахов, туркменов, башкир, каракалпаков и др. Ареал, с которым связано становление скотоводства в умеренном поясе в связи с нахождением на северной и южной его окраинах вероятных центров доместикации коня и овцы; возвышение и падение крупнейших этнополитических объединений, государств – массагетского Турана, Государства огузских ябгу, Ногайской Орды.

Центральную часть обширного региона – то есть Арало-Каспий в узком смысле – занимает Западный Казахстан и прилегающие территории: п-ов Мангышлак (Манкыстау), плато Устюрт, Северное Приаралье и Прикаспий. В нижеследующем кратком очерке, в основном, пойдет речь об историко-культурном значении, памятниках этой, достаточно крупной, аридно-степной зоны Евразии.

* * *

Особенности географических, естественно-климатических условий послужили основой развития в Арало-Каспийских степях в прошлом экстенсивных форм скотоводства с широкой амплитудой посезонного использования пастбищ – единственно рентабельных форм хозяйствования в доиндустриальную эпоху в аридной зоне умеренного пояса. Издревле здесь шел процесс формирования очень своеобразной культуры кочевников-скотоводов, которая, в частности, ярко воплотилась в традиционной культуре казахов Западного Казахстана, а также туркменов, каракалпаков, башкир, ногайцев и др. Несмотря на то, что население региона на протяжении 3-х тысячелетий (I тыс. до н.э. – II тыс. н.э., вплоть до начала XX в.) вело кочевой образ жизни, им оставлено огромное число памятников культурно-исторического значения. В этом отношении Арало-Каспий представляет собой уникальную историко-культурную область, не имеющую прецедентов в исторически кочевнических районах Евразии.

В конкретно-историческом плане рассматриваемая территория представляет особый интерес. Древнейшие следы жизнедеятельности человека обнаруживаются на Мангышлаке: палеолитические стоянки Шагбагата, у пос. Сенек, Онежек I–VII. Памятники мезолитической эпохи известны в Северном Прикаспии – стоянки Шошкалы и Кошалак на западе песков Нарынкум. Более изучены древности эпохи неолита (новокаменного века) в мангышлакско-устюртском рай-

е и на Эмбе. Это стоянки охотников и рыболовов по берегам рек и водоемов («озерный» этап ранне-среднем голоцене), датирующиеся VI–II тыс. до н.э. И в частности, основным занятием населения плато Устюрт в этот период была охота с частой перекочевкой с одной стоянки на другую.

С эпохи энеолита (стоянки III – начала II тыс. до н.э. в Нарынкумах, на Манкыстау), и в особенности с бронзового века (II тыс. до н.э.), в Западном Казахстане развивается скотоводческое хозяйство на базе овцеводства и коневодства. При этом в отдельных районах обнаруживаются следы древнейших стационарных либо временно-стационарных поселений – Токсанбай на Северном Устюрте. В эпоху бронзы в Арало-Каспии расселялись племена андроновской и срубной культур, границей которых являлась р. Урал. Памятники их (могильники, изредка поселения) исследованы соответственно: в долинах рр. Ори, Эмбы, на Мангышлаке и в Урало-Волжском междуречье. Интересен, например, могильник Актау на восточном побережье Каспия с характерными каменными намогильными, поминальными сооружениями. Культура андроновцев-кочевников, как видно, преобладала в регионе.

Преемниками андроновцев на территории Казахстана в I тыс. до н.э. были племена т.н. «ранних кочевников» – саков, массагетов, исседонов, сарматов и т.д. Многие из этих народов были зафиксированы в древнейшем источнике, сборнике религиозных гимнов зороастризма – Авесте: Tura, Sairima, Saini, Daha и др. В Арало-Каспийском регионе расселялись многочисленные племена массагетской конфедерации (авестийские «туры», в персидских источниках: саки-тиграхау-та), получившие в древности широкую известность в связи с неудачными походами на них иранских царей Кира II Великого (530 г. до н.э. – Кир и Томирис) и Дария (519–518 гг. до н.э.). Массагеты являлись кочевым народом, проживали на обширных пространствах Мангышлака, Устюрта, Северного Прикаспия и Приаралья. Северными их соседями были родственные племена «савро-то»-сарматов. Эти народы (которых большинство ученых считают ираноязычными) вели экстенсивное скотоводческое хозяйство с длинными меридиональными перекочевками; зимние их пастбища располагались в южных районах – Манкыстау, отдельные местности Устюрта, Кызыл-мол, где концентрировались основные мемориально-культовые комплексы кочевников и полукочевников региона (некрополи, святилища). В Северо-Восточном Прикаспии зафиксирован ряд памятников V–II вв. до н.э., оставленных массагетами и их потомками, – в т.ч. «царские» курганы на п-ове Бузачи, Эмбе, уникальные святилища Байте на Устюрте и комплекс Дікілтас на Тюп-арагане. Группа замечательных памятников, связываемых с массагетской этнической средой, известна в Юго-Восточном Приаралье: поздние сооружения некрополя Тагискен (Түгіскен), Авзолей Баланды II и др.

В IV–III вв. до н.э. – III–IV вв. н.э. в Западном Казахстане проживали родственные массагетские племена дахов/даев – Daha Авесты, затем аланов. Первые сыграли весьма важную роль в истории Среднего Востока: в середине III в. до н.э. одно из крупных племен арало-каспийских дахов – парнов во главе с Аршаком захватило юго-восток Прикаспия, в результате чего образовалось мощнейшее Парфянское царство, просуществовавшее почти 5 веков. (Кочевники оказали сильнейшее воздействие на парфянскую культуру, общество. И, например, грандиозная победа парфян над римлянами в битве при Каррах в 53 г. до н.э. была достигнута благодаря особой военной тактике, выработанной степняками на их арало-каспийской родине). С именем «дахов-даев», видимо, связано древнее название р. Урал в форме «Даикс» (на карте Птолемея II в. н.э.):

Жайық – Яик. Аланы же создали в конце I тыс. до н.э. в Северном Арало-Каспии довольно крупное государство Яньцай (Аланья), которое прекратило свое существование с приходом с востока хунну – гуннов. Племена и народы массагетского корня явили собой древний этнокультурный субстрат, проявившийся в культуре более поздних кочевых этносов региона: казахов, алкименов, каракалпаков, отчасти башкир. Племенное объединение массагетов, как считают ученые, являлось отдаленным предшественником казахского Младшего жуза.

С приходом в Северный Прикаспий хунну и формированием здесь во II–IV вв. н.э. мощного этнического племенного союза, затем продвинувшегося далее на запад, начинается процесс активизации тюркизации древних насельников Арало-Каспия. Он завершился в течение раннего средневе-

ковья (VI–X вв.), главным образом благодаря племенам огузского происхождения. Этот период характеризуется сложной политической борьбой между огузами, печенегами, Хазарией и Хорезмом в Западном Казахстане. Так, в конце VIII – IX вв. северо-восточное побережье Каспия и Мангышлак входят в состав Хазарского каганата. Тем не менее, основные степные пространства Арало-Каспия занимали в этот период кочевники-огузы, у которых также имелись небольшие города-крепости в Северном Прикаспии и Мугоджарах: Даранда или Дендера (по-казахски: Дендер-Индер), Дарку. Погребальные сооружения степняков представляли собой курганы. К X–XI вв. относятся первые сведения о Мангышлаке – как «местности в стране гузов», а затем крепости одноименного названия.

Начало средневековой эпохи ознаменовалось появлением на севере Арало-Каспия в XI в. кыпчакских племен. Наступает огузо-кыпчакский период истории Западного Казахстана (X–XIII вв.), когда наряду с кыпчаками в южных частях региона расселялись и огузо-туркменские племена т.н. язырского объединения (прибрежные районы Мангышлака, Бузачи). В это время в степях Арало-Каспия широко распространяются курганные памятники, в южных его районах, на Манкыстау появляются первые архитектурные комплексы: некрополи Шопан-ата, Караман-ата, Султан-Эпе, скальная мечеть Шакпак-ата.

В результате монгольского завоевания Западный Казахстан вошел в состав Улуса Жошы – золотоордынского государства (середина XIII – начало XV вв.), произошло временное поределение основного кочевого населения – кыпчаков. К этому периоду относится формирование и развитие крупных городских центров, крепостей в Прикаспии: Сарай (Селитренное г-ще) – столица Золотой Орды, Сарайчик (Сарайшык), Лайте (г-ще Актобе), Трестарго (г-ще Ушкан), Сам (в одноименных песках), Мельмеселак (Мангышлак), Вазир (г-ще Дэвкескенкала), а также строительство каравансараев на Устюрте и в низовьях Эмбы, из которых наиболее известен знаменитый каравансарай Белеули. Среди кочевого населения постепенно распространяется ислам – строятся мечети в сугубо скотоводческих районах: например, на комплексе Кангабаба в Манкыстау.

К XIII–XIV вв. относятся значительные региональные перемещения групп огузо-туркменских племен, которые известны в народной традиции как «скитания салоров». Они затронули и Северо-Восточный Прикаспий: салорский этап на Мангышлаке, Бузачи. В этот период в межаралокаспийском районе получают распространение особые типы каменных архитектурных сооружений – ступенчатые надгробия «койтас», скульптурные памятники «кошкартас», ящики-саркофаги (сандыктасы), надмогильные стелы, купольные мавзолеи, принадлежавшие как огузо-туркменским, так и протоказахским – кыпчакским – племенам. Одновременно в северных степных районах исчезает древняя традиция возведения курганов. Надмогильные сооружения кочевников становятся более архитектурными и концентрируются в основном на родовых некрополях в южных районах зимования: к югу от Эмбы.

В XV–XVI вв. территории степного Арало-Каспия входят в состав Ногайской Орды, в рамках которой формируется родоплеменной костяк западных казахов под эгидой крупного племени алшын. Определяются политические ориентиры и другой крупной группы кочевников региона, южной его части, – туркменов: тяготение к Хивинскому ханству, образовавшемуся в начале XVI в. Впоследствии и у казахов устанавливаются довольно тесные, хотя и противоречивые, взаимоотношения с районом низовьев Амударьи, который в народе называется Бескала (Пять городов). Вместе с тем, к началу нового времени (конец XVII – начало XVIII вв.), несмотря на весьма сложные этнополитические условия, в особенности периодические нашествия калмыков (джунгар), окончательно оформилась этнотерриториальная общность казахов Младшего жуза в рамках единого народа. В течение XVIII–XIX вв. кочевники-казахи расселяются на всей территории Западного Казахстана по соседству с другими родственными народами региона. В политическом же плане территория Казахстана в этот период поэтапно входит в состав Российской империи, при этом значительная, северная, часть Арало-Каспия наиболее рано подвергается колонизации. Постепенно происходят существенные изменения в хозяйстве и культуре кочевников-скотоводов в связи с началом перехода к полuosедлости.

В течение многовековой истории скотоводческие народы Арало-Каспия достигли значительных высот *хозяйственно-культурного освоения* этой, весьма суровой, по существу пустынной зоны. Это, например, колоссальный опыт животноводства, на основе которого были выведены особо ценные и поныне породы домашнего скота. Причем нередко эти достижения базировались на взаимообогащении культур: так, широко известная едильбаевская порода овец, выведенная скотоводами Северного Прикаспия явилась результатом скрещивания казахских овец и калмыцких баранов; выносливые верховые лошади «адаевской породы» сложились в результате длительной метизации казахской степной породы «жабы» и туркменской лошади; то же можно сказать о западноказахстанских и астраханских верблюдах-бактрианах. В районах Манкыстау и Устюрта получила распространение уникальная традиция рытья глубоких (до 100 м) колодцев, искусно обложенных камнем, которые у казахов называются шығырау.

В Западном Казахстане особое развитие приобрело многоликое и синкретичное декоративно-прикладное искусство – в частности в Прикаспии выработался специфический «геометрический стиль» в ювелирном искусстве, который находит аналогии с традициями металлообработки у туркмен, каракалпаков, народов Северного Кавказа. Существенными утилитарными особенностями, обусловленными ярко выраженной исторической формой хозяйствования, характеризовались другие виды народного искусства насельников региона и, прежде всего, казахов: художественная обработка кожи, текстиля и даже малодоступного дерева, изделия из которых были приспособлены к сугубо кочевой жизни (например, специфические компактные подголовники – «жасть0 аба» и т.д.). Исключительным своеобразием и силой отличается музыкальное творчество народов Арало-Каспия, которое находит взаимные переключки в инструментальной технике, репертуаре, других особенностях. У западных казахов – это выдающаяся домбровая традиция. Специфическим примером культурных особенностей, сложившихся на древней «туранской», арало-каспийской почве (массагетский субстрат) является наличие поминок на сотый день (үті), характерные для туркмен, каракалпаков и западных казахов. Особо следует отметить уникальное народное зодчество и мемориальное камнерезное искусство Западного Казахстана, которые наиболее ярко отражают особенности истории и культуры региона. Об этом будет сказано отдельно.

Определенные проявления специфики регионального культурогенеза обнаруживаются и в антропологических особенностях. В суровых природно-климатических и сложных исторических условиях у кочевников Арало-Каспия – этой наиболее классической страны номадизма в Азии – сложился особый («пассионарный» по выражению Л.Н.Гумилева) менталитет, нашедший яркое выражение в деятельности талантливых государственных деятелей, отважных народных предводителей, батыров: массагетская царица Томирис, дахский Аршак – основатель могущественного Парфянского государства, хазарский Елтигер (Алп-Илтивер) – совершавший походы в Восточный Прикаспий, вошедшие в эпос Салор-Казан и Кобланды, знаменитый эмир Едыге, Абат-батыр, Жалантос-бахадур – строитель медресе Ширдор и Тиллякари в Самарканде, Сырым-Датулы, Исатай и Махамбет, Барак-батыр, Суюнкара, Есет Көтібарұлы, которого российские современники называли Шамилем степи и многие др.

* * *

Наиболее репрезентативной частью историко-культурного наследия Арало-Каспия является массовый *комплекс памятников мемориально-культовой архитектуры* кочевников и полукочевников региона II тыс. н.э. По нашим оценкам, основанным на 20-летних изысканиях, в Западном Казахстане и прилегающих территориях насчитывается не менее 50 тысяч памятников историко-культурного, художественного значения, хотя и эта цифра представляется несколько заниженной. Сопоставительным в этом отношении является, например, сравнение с традицией монументальных захоронений – стечиков богомилов в Боснии и Герцеговине X–XV вв., количество которых, по разным данным, достигает от 30 до 50 тысяч. По своему размаху арало-каспийский феномен – складывавшийся в неблагоприятных условиях аридно-степной зоны, в недрах кочевнического общества – как видим, сопоставим с аналогичными общепризнанными достижениями цивилизации.

Многообразные памятники мемориально-культовой архитектуры эпохи средневековья и нового времени – мечети, мавзолеи, архитектурные ограды, надмогильные стелы, надгробия и т.д. – распространены на всей территории Западного Казахстана и прилегающих областях (см. карту-рис.1). В основном они сосредоточены на крупных и небольших некрополях, кладбищах (қорым бейіт), культовых комплексах (әулие). Многие из них поистине являются «городами мертвых», как, например, крупнейший мемориально-культовый комплекс степной Евразии – Шопан-ата насчитывающий более 2 тыс. надмогильных сооружений. Значительное число памятников Арало-Каспия, в соответствии с обилием в регионе строительных материалов (известняк, песчаник), представляют собой камнерезные сооружения. В целом в ареале выделяются два характерных комплекса мемориально-культовых памятников: 1. южный – манкыстау-устюртский, для которого свойственны обилие и массовость надмогильных сооружений, архаизм их облика, преимущественная концентрация на ранних средневековых некрополях и кладбищах; 2. северный – менее насыщенный типичными (камнерезными) памятниками и отражающий некоторое влияние южной и центрально-казахстанской архитектурных традиций.

Такое положение связано с очаговым культурно-историческим значением мангышлакско-устюртской области, как основного района зимования кочевых скотоводов Арало-Каспия (вплоть до середины XIX в.). Именно здесь в течение средневековья складывались крупные мемориально-культовые комплексы, выработалась оригинальная архитектурная камнерезная школа. Распространение аналогичных памятников (групповых и одиночных) на севере в основном происходило в новое время. В этом плане показательна хронология (начало формирования) комплексов, распределяющихся на три основные группы: 1. средневековые огузо-кыпчакского периода – XI–XIII вв. (Шопан-ата, Султан-Эпе, Шакпак-ата, Караман-ата, возможно Балгасын); 2. позднесредневековые – XIV (изредка), XV–XVIII вв. (Канга-баба, Кентгі-баба, Уштам, Масат-ата, Сисем-ата, Абат-Байтак, Карасакал, Асан-кожа и др.); 3. нового времени – XVIII–XIX вв. (Карашык, Кызылсу, Сагындык, Бейсембай, Алып-ана, Даумшар, Тайлан, Даут-ата, Улькен Жыбыскы, Сүлікті, Сейит-Бабай, Алтын, Карабас-аулие, Хан моласы, Хан зираты в Урде и т.д.). Верхней временной границей всех комплексов является XIX и начало XX в.

Соответственно, имеются различия в этническом, родоплеменном составе некрополей. Так, в некоторых районах Манкыстау и Устюрта распространены туркменские, разнородные казахско-туркменские комплексы. Основная масса некрополей и кладбищ исследованного района – казахские, относящиеся к эпохе позднего средневековья и нового времени (XV–XIX вв.). По родоплеменной принадлежности почти все они разнообразны.

И, наконец, географически в Западном Казахстане выделяются семь достаточно выраженных локальных групп памятников – мангышлакская (манкыстауская), устюртская, северо-устюртская (донызтауская), эмбо-сагызская, северо-прикаспийская (с атырауской, букеевско-урдинской, восточно-прижайыкской подгруппами), хобдинско-илекская, северо-приаральская. На основе полного ареального обследования, произведенного автором в течение 1978–1998 гг., выявлено уникальное многообразие мемориально-культовой архитектуры кочевников Арало-Каспия XI–начала XX вв. Детально разработаны проблемы типологии, генезиса и культурно-исторической интерпретации памятников. Здесь вкратце остановимся лишь на характеристике основных видов мемориально-культовых сооружений.

В аридно-степной зоне Арало-Каспия распространены следующие характерные виды (категории) мемориально-культовых памятников:

I. *Мечети*. Имеют наибольшее распространение на Манкыстау, Северном Устюрте, в отдельных районах Северного Приаралья. Типы: скально-подземные, степные напольные (простые), наземные стеновые («архитектурные»). В Северо-Восточном Прикаспии встречаются подземный и наземный вариант этих сооружений. Выдающимися образцами памятников являются мечети Шакпак-ата, Канга-баба, Бекет-ата, Досжан-ишана (Кайнар), Ишан-ата, акын Дюйсемби, Исатай.

II. *Купольные мавзолеи* («там», «кумбез», «мазар») – один из наиболее популярных видов мемориальных зданий, распространенных повсеместно. Выделяются две группы памятников

однокамерные и многокамерные. Среди них различаются многочисленные типы, подтипы и варианты: по планировке – округлая, подквадратная, многогранная, прямоугольная, крестообразная, радиальная; по особому оформлению входной части длинным коридором, порталом – «тамбурные», портално-купольные; по материалу – сырцовый и жженный кирпич, отесанные и опиленные каменные блоки и плиты, деревянные конструкции, кованое железо. Памятники, построенные в подражание кочевому жилищу – юрте, называются «уйтам». В Арало-Каспии имеется немало уникальных мавзолеев общерегионального и даже мирового значения: Баланды, Коккумбет, Абат-Байтак, Балгасын (разв.), Карагула, Омара и Тура, Айтмана, Алмата Тобабергенулы.

III. *Архитектурные ограды типа «торткулак»*. Четырехугольные в плане сооружения без перекрытия, выполненные из сырцового кирпича и необработанного или слабообработанного камня (плитняк, блоки). Типы различаются по характеру строительного материала и конструкции стен: с угловыми возвышениями и без них.

IV *Саганатамы*, называемые также в народе «керегетамы» – тоже четырехугольные (редко многогранные) в плане архитектурные ограды, сооруженные из тщательно опиленных каменных блоков и плит, очень редко из жженого кирпича, с декоративной обработкой стен. Это сугубо казахский вид монументальных сооружений мемориального зодчества. Основной ареал: Манкыстау, Устюрт, Эмба, Сагыз. Известны выдающиеся образцы памятников – саганатамы Нурмаганбета в Асан-кожа, Базара Мендалиулы в Жолболды, сооружение с колоннами в м. Медет и многие др.

V *Кулпытасы* – надмогильные стелы казахов, представляющие собой вкопанный каменный резной столб, плиту у изголовья захоронения (с западной стороны). Наиболее массовая и разнообразная категория памятников Западного Казахстана. Различается множество типов и вариантов в по характеру объемно-декоративного решения, наличию арабографичных надписей и т.п. На плытасах, как правило, высекается в нижней части родовой знак – тамга (таңба). Весьма интересен вопрос происхождения, семантики этих самобытных памятников, которые, очевидно, олицетворяют идею ритуальной коновязи, в связи с широко распространенным культом коня в поребальном обряде степняков.

VI. *Надгробия* – представляют собой также массовый вид камнерезных памятников, но распространены лишь в районах к югу от долины р.Сагыз. Выделяются два основных разряда: стилизованные (типа «койтас») и скульптурно-стилизованные (кошкартас или аркартас). Надгробия типа «койтас» очень разнообразны по типам, вариантам; «кошкартасы», в основе которых лежит образ барана, муфлона, весьма редки.

VII. *Ящики-саркофаги (сандыктасы)* – достаточно распространенный в Восточном Прикаспии, на Устюрте, Эмбе вид надмогильных сооружений из каменных плит. Различаются архаичные (из слабообработанных плит) и архитектурно-художественные сандыктасы.

VIII. *Ограды (простые) типа «қорған»* – овальные и округлые в плане стеновые сооружения камня, кирпича, дерна (шым), камыша (типа «шеген»), металлических конструкций.

IX. *Надмогильные насыпи, наброски* – традиционный древний вид мемориальных сооружений, распространенных повсеместно. Различаются по материалу: земляные, каменно-земляные, каменные.

Все уникальное многообразие архитектуры Арало-Каспия создают в основном *композиционные (ложные) виды памятников*, поскольку в «чистом» виде указанные категории, типы мемориальных сооружений (в т.ч. и монументальных) встречаются крайне редко. Наиболее популярным видом композитного памятника является система кулпытас–койтас.

Массовый комплекс мемориально-культовых сооружений рассматриваемого региона имеют важнейшее историко-культурное, этнографическое значение, поскольку памятники окружены многочисленными историческими преданиями и легендами, являются местами захоронения выдающихся деятелей прошлого, поверхности их покрыты арабографическими эпитафиями, надписями, разнообразными рисунками и орнаментальным декором. Например, на ранних каменных сооружениях Манкыстау и Устюрта выявляются знаки племен огузо-кыпчакского периода. «тамги детей Огуза», – которые согласуются со сведениями Махмуда Кашгарского и

Рашидаддина, дополняют их. Восстанавливается также достоверная система тамг казахов Младшего жуза и т.д.

Таким образом, архитектурные памятники Арало-Каспия уникальны по своей многочисленности, разнообразию и несомной ими историко-культурной информации. В настоящее время особо остро стоят вопросы их охраны, поскольку большинство из них расположено в зонах активного нефтегазового освоения региона. Следует помнить, что замечательные памятники древних кочевников и полукочевников Арало-Каспийского региона (ставшего сейчас средоточием экономических и геополитических интересов) являют собой национальную гордость и непреходящее достояние не только казахского народа, но и всех тюркских народов, многих других этносов, история и культура которых связана с землей древнего Турана.

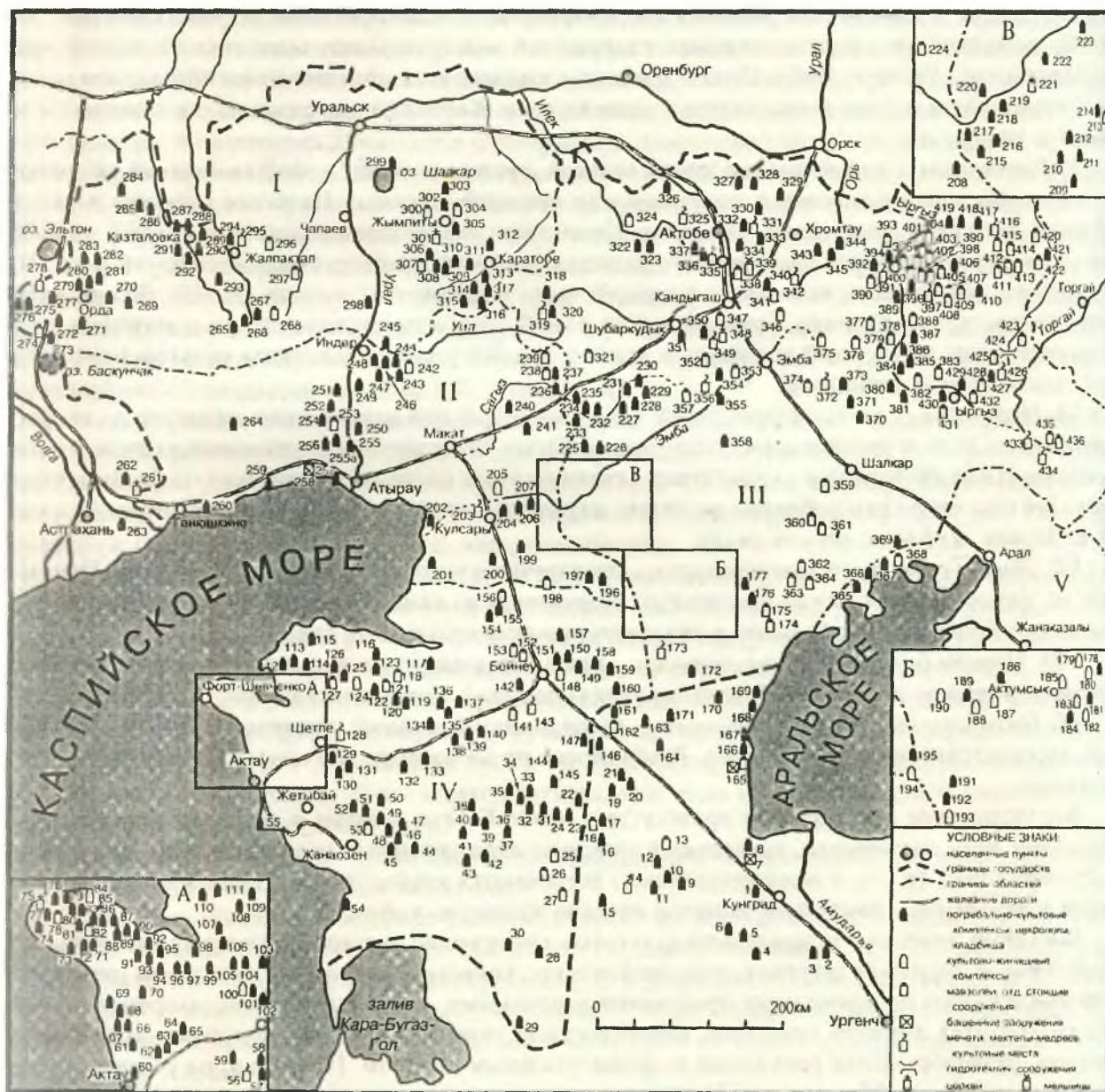

Рис. 1. Карта-схема памятников Арало-Каспия

ЭКСПЛИКАЦИЯ К КАРТАМ

Цифрами обозначены:

ОБЛАСТИ: I – Западно-Казахстанская; II – Атырауская; III – Актыбинская; IV – Мангистауская; V – Кызылординская.

ПАМЯТНИКИ: 1 – Даут-ата; 2 – Мазлумхан сулу; 3 – Жусип-ишан; 4 – на г-ще Даукескен-кала; 5 – Ай-ата; 6* – Калыкум-без (Галдыгүмбез); 7 – башня Шыбынды; 8 – кладб. у оз. Судочье; 9 – к 3 от кол. Табынсу; 10 – Жаманастау; 11 – в 10 км к ЗЮЗ от Жаманастау; 12* – Кызыл-астау; 13 – Акмола-Бухарбай; 14* – Акшукыр («подземелье Акмечеть»); 15* – ок. кол. Байлар (Байлыр, Бай); 16,17 – Коржынбай 1, 2; 18 – Керитай; 19* – у кол. Коснайза; 20* – у кол. Аргынбай; 21* – у кол. Шорттай (Чуртай); 22 – Кусшы ата; 23 – Бір*арын; 24 – у кол. Камбай; 25* – у кол. Узын; 26* – у кол. Музбель; 27* – Отежан; 28* – Караюк (Караойык?); 29* – Сарыуюк; 30 – Балауюк; 31 – у кол. Наркудык; 32 – Медет; 33 – Бармак; 34 – Ишсу; 35 – Айтмансу; 36 – Жанасу; 37* – Койгала-баба; 38 – Уштам (Ушшонкал); 39 – Кыргын; 40 – Кіші *ыргын; 41 – Бекет-ата (Огланды); 42* – Табан-ата (?); 43 – Карашык; 44 – Бесокты; 45 – Кызылтам (у пос. Сенек); 46 – Сумса; 47 – Кызылсу; 48 – Шопан-ата; 49 – Алтын-алы; 50* – Дармен-ата; 51 – Кобен; 52 – Масат-ата; 53 – Ерсары *айрағы; 54* – Темир-баба; 55* – Бекдурды-ишан; 56 – Есен-ата (меч.); 57 – Есен-ата (некр.); 58 – Беки; 59 – Караман-ата; 60 – м-к Актау; 61 – Кошкар-ата; 62 – Меиз; 63 – Катем; 64 – Бегеш; 65 – Нурмаганбет; 66 – Есмамбет; 67 – Калипан; 68 – Карамола; 69 – Жылкыбай; 70* – Шат; 71 – у кол. Мерет; 72 – м-к Дікілтас; 73 – Кажы-баба; 74 – Сейслам-ата; 75 – часовня в г. Форт-Шевченко; 76 – Айназар-аулие; 77 – Демеу; 78 – Абылгазы; 79 – Саназар-аулие; 80 – Бейсембай; 81 – Канга-баба; 82 – Жанабай-тамы; 83 – Сагындык; 84 – гр. Станцион. Кыстау в м.

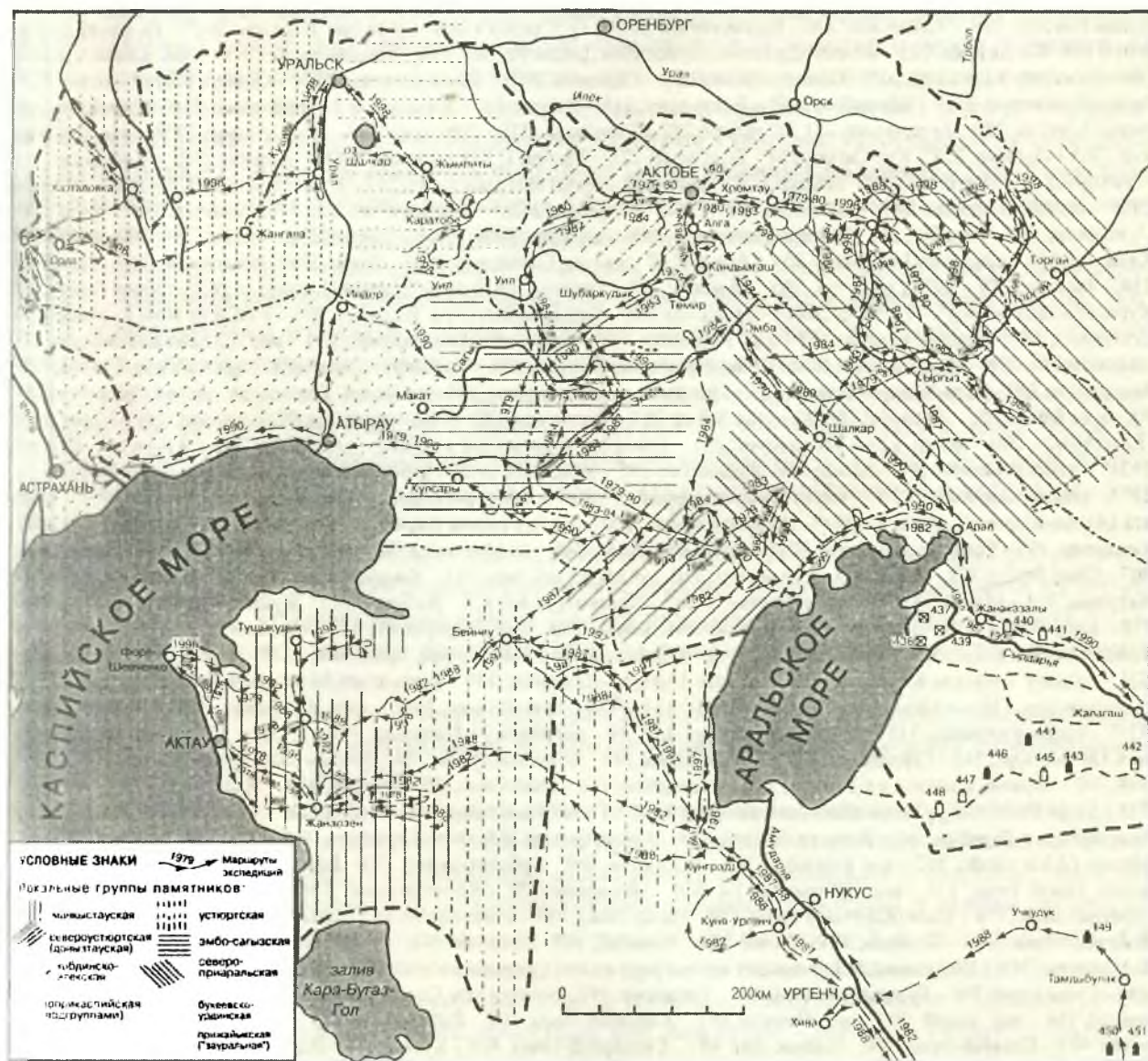

Рис. 2. Карта маршрутов Западно-Казахстанской архитектурно-искусствоведческой, этнографической экспедиции 1978–1998 гг. (научн. рук. С.Е.Ажигали)

Талшык; 85 Мая; 86 – Акшора-Бельтуран; 87 Карагашты-аулие; 88 – Уштам; 89 – Кеннті-баба; 90 – Султан-Эпе; 91 – Удек; 92 Шакпак-ата; 93 Казбайыр; 94 Жалгызтам; 95 – Костам; 96 – Итолы («Уйтолы», у пос. Таушык); 97* – Данышпан (Даныспан); 98* – Балааулие; 99* – Долы-апа; 100 – Шеркала; 101 Шилькоз («Шелкөз Мейрам»); 102 – Жолжан; 103 – Кулбарак; 104* – Тобекудык; 105* – Кырыккөз; 106* – Алаторпа; 107* – Кун; 108 – Толесин; 109 Тушыкудык; 110* – Шопан-ата; 111* – Капам-аулие; 112* – Кидеш; 113* – Майка; 114* – Киневан; 115* – Мунает (Мунайит); 116 – Нурадла; 117 – Акбота Буркут-ата (Тасорпа); 118 – одиночный кошкартас; 119 – Кирель (Керел); 120 Мынкисі; 121 – Бажи; 122 – Когам; 123 – Кызан; 124 – кол. Мастек и кладб. (Жарылгас-ата); 125 – Каратобе; 126 Шебир; 127 Коккумбет (Кокимбет); 128 – Капаша; 129 – Камысбай; 130 Акуюк; 131 – Курманалы-аулие (Шон); 132 – Ман-ата; 133 – к ЮЗ от пос. Сайотпес; 134 Домкара (Донкара); 135 Сисем-ата; 136 – Бесбулак; 137 – Карагозы-Костам («Космола»); 138 – Ешкыкырылган; 139 Байте (Бейті), археол. Компл.; 140 – Уали; 141 – Иманбая; 142 – Бекет-ата (Бейнеу); 143 мектеп-медресе в м. Коскудык, «мечеть Коркембая» («Ерсарынын мешіті?»); 144* – Кыдырша-аулие; 145* – Жолболды; 146* – Кара; 147* – Бернияз; 148 – Омара и Тура; 149 – Амантурлы-Кожалак; 150* – Балпан; 151 – Шаршы (Костам); 152* – Есенжана; 153* – Камысбая; 154* – Тасым; 155* – Бака; 156 Шопанияз; 157 у караван-сарая Коскудык; 158 – «Космола»; 159 – Асау-Барак; 160 – Куше, с остатками каравансарая (Копатем?); 161 Балыкшы; 162 – Отгельбая; 163 – у каравансарая Чурук; 164 – у каравансарая Белеули; 165 – разв. Креп. Даулеткерей (Курганча), башня; 166 – Актумсык; 167 – Касарма; 168 – Сулама; 169 Дуана; 170 – Улькен Акмамбет; 171 «Каракудык»; 172* – Сулукара; 173 – у кол. Жезды; 174 – Акколка; 175 – Жанкей; 176 Кыздаршыккан; 177 – Кошкар-ата; 178 Арыс-аулие; 179 Улькен Жабьсык; 180 – Кіші Жабьсык; 181 – Кокей 1, 2; 182 Аксай 1; 183 Аксай 2; 184 Аксай 3; 185 Таскабак; 186 – Едірей моласы; 187 – Сүлікті; 188 – Ашы-айрык; 189 – Түшшы-айрык; 190 – Беспай; 191 – к Ю от кол. Кольтабан; 192 Оким-Киик; 193 Султан-акын; 194 – Кайнар; 195 Тасастау; 196 – на г. Жельтау; 197 – Шерикул; 198* – Асалы Кокетая; 199 Ушкан-ата; 200 – Карашунгыл; 201* – гр. Старых кладб. в р-не пос. Каратон; 202* – гр. кладб. и некр. в р-не б. пос. Жилая Коса; 203 – мечеть «Дуйсеке» (Дуйсембая Дандыгулулы); 204 – Бакашы-аулие; 205* – пос. и мечеть рода таз; 206 Акмечеть-Кульджан; 207 Акмечеть-Бекет; 208 – Саркасса; 209* – Бекей костамы; 210* – Оймауыт; 211* – толеп; 212* – Акпан-Кунакорыс; 213* – Карашбая; 214* – Бекен-ахун; 215 – Тайлан; 216 Каракул; 217 – Асан-кожа; 218 – Нурманбет; 219 – Асрел-Мусрел; 220 – Базар-кожа; 221 – Сундета; 222 – Карасакал; 223 – Даумшар; 224 Жубан-тамы; 225* – в м. Терсаккан-коз; 226* – Ниязбек; 227 – Кос-Сагыр; 228 – Бір-Сагыр; 229 – Тірітам 1; 230 – Тірітам 2; 231 Акмола; 232 – «Коптоган»; 233 – Алып-ана; 234 – Тукты-ата; 235 – Абдильда-Казырет; 236 – Дулат (Кырган-тобе); 237 – Курман-Батык; 238 – Иба; 239 – таган; 240* – Шернияз моласы; 241* – Балгабай бейіті; 242 – Торобая; 242а* – Мөтен-кожа; 243 – Кенжемола; 244 – Тагай; 245 – Султаналы; 246 – Кетебай; 247 – Карабала-кантемир; 248 – Акшадра; 249 – у пос. Жарсуат; 250 – Алтын; 251 – Шыныбек; 252 – Кенжалы; 253 – саганатам Меирмана; 254 – Ашым; 255 – на г-ше Сарайшык; 255а – Теген; 256 – Жангельды; 257 – Дарханбай; 258 Таскран; 259 – Бейит рода таз; 260 – Макаша; 261 – церковь: «Қырдуан (Қордуан) мешіті»; 262 – Сейит-Бабай; 263 – Курмангазы-тобе; 264* – Тастобе; 264а* – Мендіәлі; 265 – Райым бейіті (Нов. Казанка); 266 – к ВСВ от Нов. Казанки (в р-не Ескікала?); 267 – Естемес мантау; 272 – в м. Узынсала; 273 – Карамола (Даулеткерей); 274 – мог. Салыка Бабажанова; 275 – «Караколь 1»; 276 – «Караколь 2»; 276а – Шакай (Балкожа баласы); 277 Толенгут зираты; 278 – мечеть в пос. Сайкын; 279 – Хан зираты; 280 – Саги-Казырет зираты; 281 – Сулеймен-казырет зираты; 282 – в р-не пос. Онеге; 283 – ок. пос. Муратсай; 284 – Айдарлы бейіті; 285 – Караоба; 286 Жуматай бейіті; 287 Беспишен; 288 – Рамазан зираты (Казталовка); 289 – Шаку зираты (Казталовка); 290 – центр. в пос. Казталовка; 291 – Едильбай зираты (там же); 292 «Ажибай»; 293 – в р-не пос. Коктерек; 293а* – в пос. Березино; 294 – на окр. пос. Жалпактал; 295 – Қожантай мешіті (в пос. Жалпактал); 296* – «мазар Жартымола»; 297* – «мазар Карамола»; 298* – «мусульманское кладб.»; 298а* – Байшурек (прибл.); 298б* – Даулет (прибл.); 299* – Дәдем-ата (Аулие-Казырет? прибл.); 299а* – Мынбай-аулие; 300* – мог. султана Каратая; 301 – церковь в пос. Жымпиты; 302 – Кондыкер; 303 – Есенгельды зираты; 304* – мавз. Абилай; 305 – на 10-м км тр. Жымпиты-Каратобе; 306 – Айдардын бейіті; 307 – Омар бейіті; 308 – Казы; 309 – Сәт мәйіті; 310 – «Серіз құлпытас»; 311 – Көшпейіт зираты; 312 – Каратау зираты; 313 – Ақтулым; 314 – Мамбет; 315 – Мәңгір-Достан; 315а* – Қаракөз (разв.); 316 Ақбакай; 317 Құланбай мәйіті; 317а* – Сүтбай; 318 Кипы-аулие; 319 – памятники пос. Уил: мечеть, лабазы и др.; 320 – Караултобе; 321 – Сырыма; 322 – Абат-байтак; 323 Томпак-мечеть 1, 2, 3; 324 – Кызылтам; 325 – меч. Шакен-ишана; 326* – у пос. Целинное; 327* – компл. Ердебай-Казырета; 328* – компл. Атыулла-Казырета; 329* – компл. Нурпекке-Казырета; 330 – Кызылтам; 331* – меч. Назиргали-ишана; 332 – Беккул-аулие; 333 «Айгыржал» (Тоскайынсай); 334 – Тама Есет-батыра; 335* – меч. Жоламан; 336* – Шакан корымы; 337* – Ернарар корымы; 338 – Котебар-батыра (разв.); 339 – мельница у с.Павловка; 340 – Куласу; 341 – Алдияр-тамы; 342 – меч. Ок. пос. Орь; 343 – Ойсылкара; 344 – Косым-ишан; 345 – Каршыга-аулие; 346 – Костам (Мендыбай-Битен); 347 – Костам; 348, 349 – церковь и мечеть в г.Темире; 350 – Сырлытам; 351 – Ишан-ата; 352 – Костам; 353 Жалимбета; 354 Бердікожа; 355 у пос. Сага; 356 – «Қожасайдың көк мешіті»; 357* – Тыныштык-тамы; 358 Токсанбая; 359 – Токбана; 360, 361 – мавз. Есет-батыра и Дарибая; 362 – Карагул-батыра; 363 – Азберген-хан; 364 – мог. Казангапа; 365 – кладб. Рода шекты; 366 – в м. Мешит (Жиделисай); 367 – в м. Караколь; 368 – Косамана; 369 – Ерболат-аулие; 370 Балгасын; 371 Мамай-батыра; 372 – культ. Место Ізгас; 373 – м-к «Шетырғыз І»; 374 – Мусирали; 375 – Карагул-тамы; 376 Нурсейит-тамы; 377* – Танаш (Донеш)-тамы; 378 – Кали (Карттын)-тамы; 379 – Назар-тамы; 380 – Мәні-әулие; 381 – Омар бейіті; 382 – Жаныс-тамы; 383 – Байгабыл-тамы; 384 – Бесмола; 385 – Сатай; 386 – Аралбай; 387 – Саргазы; 388 Жомарт-тамы (разв.); 389 – Улғайсын (мог. С Бекбаева); 390 – Нияз-тамы; 391 – минарет мечети рода култас (Дильмаганбета); 392 – Жолай-Жусуп; 393 – Абдибай-тамы; 394 Сары-ишан; 395 – Буршақбай-тамы; 396 – Байжигит; 397 – остаткі меч. Сары-ишанав Іскеде; 398 – Клемжайган (историч. место); 399 – мог. Болай; 400 – мог. Пирали; 401 – Карагай-тамы; 402 – Бабан-тамы; 403 – Шырманбай-тамы; 404 – Кеппер-тамы; 405 Сахабай-тамы; 406 – Елемес-ана; 407 – Сентирбай-тамы; 408 – Кусеп; 409 Шыбын; 410 – Карабас-аулие; 411 – Серкебай-тамы; 412 Боранбай-тамы; 413 – Каражан-тамы; 414 Ашабай-тамы; 415 Ақтам; 416 – меч. Самурата (в пос. Жабасак); 417 – в м. Богет; 418 – Шымберген бейіті; 419 – Маман бейіті; 420 – Узак-тамы; 421 – Хан моласы; 422 – Шыммола; 423 – Назар-тамы; 424 – мост на р. Олькейек; 425 – Кузембай-тамы (торткулук); 426 Жарбасы мешіті (разв.); 427 Ушбатыр;

428 Карабатыр; 429 – у пос. Ыргыз; 430 – Торе корымы; 431 – Токсанбай-тамы; 432 Алмат-тамы; 433 меч. Акына Дюйсем-би; 434 меч. Исатая; 435 – мылтыкбай-тамы; 436 – Жапак-тамы.

На карте маршрутов (рис. 2): 437* – Узунтам; 438* – Сараман-Коса; 439* – Бегим-ана; 440 – два безымянных мавзолей; 441 Самурат-тамы; 442* Сырлытам (и.); 443* – Тогискен (Тегіскен); 444 Бабиш-мулла; 445* Баланды; 446* Чирик-Рабат (Шірікрабаткала); 447* – Сырлытам (ж.); 448* – ур. Клы; 449 Базар-жырау; 450 Балакарак; 451 – Карак-ата.

* Памятники, нанесенные на карту по опросным и литературным данным.

ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗОВ ЖИВОТНЫХ В РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРАХ КАЗАХСКОГО ФОЛЬКЛОРА

А.А. Бейсеев

КЮИ МВД РК им. Баримбека Бейсенова, г.Караганда

Предания, сказы и легенды о животных восходят к глубокой древности, но это не означает, что весь материал этих жанров архаичен. Предания, сказы и легенды, старые и новые, теснейшим образом связаны с бытом, верованиями, укладом. Исследователи животного эпоса указывают на то обстоятельство, что сказки о животных (опять-таки независимо от того, древнего они происхождения или нового), басни в онтогенетическом отношении моложе и с бытом почти не связаны. Они принадлежат преимущественно области духовной культуры. Если предания и легенды только национальны (точнее, региональны, поскольку уходят корнями во времена тюрко-монгольского единства), то сказки и басни о животных в известной мере интернациональны. Они и складывались много позже, в эпоху широких культурных взаимоотношений.

Известно, что происхождение сказок о животных связано с древними тотемическими верованиями. Животный мир и человеческое общество тесно сливаются в неразделимое целое. Животные организуют быт и поступки сообразно человеческим законам. Это попытка иллюзорного подчинения неуправляемых сил природы человеку. По мере овладения природой, использования сил в интересах человека тотемизм распадается, оставляя лишь некоторые реликты в верованиях, обычаях, сказках. Животное не вызывает священного трепета, появляется ироническое отношение к нему. Первобытные рассказы о животных превращаются в сказки, где образы животных становятся аллегоричными, а несложная мораль лежит на поверхности и делает сказку доступной ребенку.

Сказки и басни чаще всего исследуются в контексте типологического анализа сюжетов, который должен определить их место в общетюркском и мировом фольклоре, обнаружить их интернациональные связи. Типологический анализ обычно охватывает все известные сведения о сказочниках, краткую характеристику текста и сказочные параллели, проливающие свет на историю характер сказочного сюжета.

Исследования казахского животного эпоса всегда проводилось в историко-этнографическом контексте. Это является принципиальным моментом понимания формирования специфических черт казахских сказок о животных.

Х. Абишев (1949), М.О. Ауэзов (1961), Н.С. Смирнова (1967) в своих исследованиях [1] отмечают, что в воззрениях казахского народа на природу, в обрядах, которые нашли широкое отражение в животном эпосе, мусульманское смешивалось «с шаманским суеверием», а все это в совокупности тесно соединялось «с бытом кочевым». Диким животным и птицам, например, частую приписывалась сверхъестественная магическая сила – «кие». Кие обладали волк, филин, сова, лунь, еж. Поэтому волчья «чашка» (часть сустава), перья филина служили оберегом от напасти и болезней. Перья совы прикрепляли на детские шапочки, на девичьи головные уборы. Забавные дуэты джигитов и девушек, известные под названием «жар-жар» («друг-супруга»), в восточном Казахстане и у казахов, живущих в Монголии завершались магическими припевными словами «Uki-ay!», т. е. «О, филин!». В связи с длительным преобладанием кочевого скотоводства видное место в кругу зооморфных шаманских представлений, связанных с культом предков,

отводилось домашним животным и их покровителям. Испокон веков казахи разводили четыре вида скота (төрт түлік мал) – овец, лошадей, верблюдов и крупный рогатый скот. Благополучие определялось количеством скота.

В ранних работах по казахскому и в исследованиях советского периода подчеркивается, что для истоки казахского животного эпоса заложены в традициях скотоводческой культуры. Исследователи подчеркивают, что домашний скот имел огромное значение в жизни казаха-скотовода. Адат – обычай, «обычное право» в патриархально-феодальном казахском обществе – обязывал к выполнению штрафов и к родовой помощи скотом: ат-шапан – штраф, в состав которого включалась лошадь; жылу – сбор скота с сородичей в пользу пострадавшего от джута (гололедицы) или другой беды; барымта – отгон скота как форма возмездия; ат-майы – отработка за скот. Обычное родство и семейное право основывались на нормах поощрения и наказания, среди которых передача скота было самым распространенным средством. По законам Тауке-хана (XVII в.) кун, плата за кровь, которую убийца с родичами выплачивал роду и семье убитого, доходила до тысячи овец, пеня за увечье также выплачивалась скотом. Скотом долгое время получали калым за невесту. Не зря он назывался «калыңмал», или «карамал», т.е. сами термины включали понятие «мал» – домашний скот и «кара» – крупный скот: лошади, коровы, верблюды.

Многочисленные элементы бытовой культуры носили отпечаток примата скотоводства. Жилище, пища, посуда, утварь, предметы домашнего обихода, орудия труда изготавливались из шкур, шерсти, кожи, костей, мяса, молока всех четырех видов скота. Из овечьей шерсти выделялись «домотканые материи, кошма, войлок, ковры». Овца была предметом обмена, заменяла деньги. Так же велика была роль верблюда и лошади. Без них скотовод не мог кочевать, а стало быть, и вести свое хозяйство.

Таким образом, во всех перечисленных исследованиях присутствует указание на широкое отражение скотоводческого уклада жизни в сознании казахов. Важным составным элементом его искони был культ скота и его покровителей. Культ древний, восходящий к тотемическим верованиям. Домашние животные слыли обладателями сверхъестественных качеств. Их кости, молоко, шкура, шерсть, внутренности, голова служили шаманам-баксы и знахарям-балгерам для изготовления амулетов-тумаров и врачевания. А гадатели-жауырыншы прорицали по бараньей лопатке, с ее помощью сносились с аруахами – духами умерших предков.

Почитание животных и закрепившие его обряды были осложнены исламом. Конкретным проявлением подобного сплава в мировоззрении, быту и фольклоре казахов оказалась трансформированная исламом древняя идея существования покровителей скота. Их культ имел место в Казахстане и Средней Азии.

У казахов каждый из четырех видов скота имел своего святого покровителя (в древности – тотема). Овцам покровительствовал Шопан-ата, лошадям – Камбар-ата или Жылкышы-ата, крупному рогатому скоту – Зенги-баба, а верблюдам – Ойсыл-кара. Козам покровительствовал, по одним данным, Шекшек-ата, по другим – Шопан-ата. И есть еще мнение, что «у козла не было предка» [2] (Н.С. Смирнова, Е.Д. Турсунов, С.А. Каскабасов, 1972).

В исследованиях казахского животного эпоса указывается, что по народным поверьям, покровители четырех видов скота были древними образами, которые позже модифицировались в исламе. У казахов, по наблюдениям многих, в том числе того же Ч. Ч. Валиханова, «в жертву приносили и приносят... по преимуществу верблюдов, лошадей, баранов и редко быков. Обыкновенно, принося жертву, киргиз в молитве описывает приметы приносимого животного. «О, арвах, для тебя именую лунорогого, раздельнокопытчатого с запахом мускуса, или с ушами... подобными баурсакам, или разрезными ушами, с двумя зубами...» [3]. По мнению Н.С.Смирновой, это следы древнего патронажа, древней мифологии.

По наблюдениям Х.Абишева, мир скотовода определил и характер астрономических представлений. Полярную звезду казахи называют Темір қазық (железный кол для привязи скота), а две звезды близ нее считают двумя конями, привязанными на веревке к этому колу. Как Акбозат и Кокбозат, т.е. как двух коней, белого и сивого, представляют себе Малую Медведицу. Радуга в народном представлении является привязью для овец, которая принадлежит небесной старухе

«емпірдің косағы»), и которой она привязывает их привязывает для дойки; гром – это ржание небесного жеребца [4].

В некоторых сказках о животных нашли отражение зооморфные формы временных представлений. Например, в принятом казахами летоисчислении годы нарекались нарицательными именами домашних и диких животных: тышкан (мышь), сиыр (корова), барыс (барс), коян (заяц), Ылу (дракон, улитка), жылан (змея), жылкы (лошадь), кой (овца), мешін (обезьяна), тауык, (курица), ит собака), доныз (свинья).

С.А.Каскабасов (1975), Н.С.Смирнова (1979), И.И.Крук (1989) в своих исследованиях указывают, что на древней стадии развития вера народа в сверхъестественное питала обрядовую поэзию и легенду утилитарными по функции, практически важными для обрядово-бытовых ритуалов образами животных. Подобная точка зрения высказывается Л.В.Беликовым (1969), М.М.Алиевой (1975), Р.К.Чолокашвили (1985) и другими исследователями [5] животного эпоса.

Часть древних функций образов животных сохранена обрядово-бытовой поэзией до XX века, правда в модернизированной форме. Наиболее часто они встречаются в призывах духов казахскими шаманами (баксы сарыны), заговорах (арбау), в заклинании заболевшего скота (бадике), в жанрах древних, непосредственно связанных с магией.

Е.М. Мелетинский указывал, что магическая функция определяет содержание и структуру образов животных и их покровителей в этой реликтовой фольклора. Эту точку зрения подтверждают исследования казахстанских фольклористов. В разделе, посвященном обрядовой поэзии [6], Н.С. Смирнова указывает, что все четыре вида скота предстают как создания их покровителей: «Жылкышы-атой, взращенный конь мой», «Скотинка Шопан-аты, овечка моя» и

Эти образы идеализированы, как и образы их покровителей, в них акцентирована польза, которую они могут принести человеку. Таковы образы животных в алгысе и бата (благопожеланиях), в новогодних обрядовых песнях наурыз-жыры и в жара-пазанах, которые поются во вреуразы, в застольных той-бастар, в свадебных бет-ашар, в песнях пастухов и в импровизациях сыныш (знатоков коней).

Во многих исследованиях животного эпоса указывается, что фольклорные образы животных отражают народные чаяния изобилия: конь – «иноходец серых мастей», верблюд – «белошерст плодовит», корова – «черна, гладка и здорова», баран – «курчав, плодовит, не зол, не лукав», у лошади «живот полон козлят».

К изображению животных в обрядовой поэзии близко изображение их в легенде. По определению Н.С. Смирновой, легенда представляет собой средоточие архаических знаний народа о происхождении. Поэтому ее структура и ее образы определяются чудесным, сверхъестественным. Подобную точку зрения мы встречаем в исследованиях М.М. Алиевой (1975), посвященных уйгурским сказкам о животных, Е.Костюхина (1968), До Нам Льен (1985), посвященных вопросам происхождения вьетнамского животного эпоса, А. Баймурадова (1991), в центре внимания которого – изучение туркменских сказок о животных [7].

Анализируя образы героев казахского животного эпоса, сравнивая их с фольклорными образами других народов, Н.С. Смирнова и Е.Д. Турсунов отмечают [8], что в казахских легендах образы животных подвержены всевозможным превращениям. Кроме них в легендах присутствуют и образы духов-покровителей животного мира. В указанных исследованиях отмечается информативная роль героев: они сообщают о когда-то произошедшем в природе и обществе. Таким образом народ хранит этиологические легенды о кукушке, сурке, кроте, еже, сове, ласточке, а из информации о древнем существовании домашних животных – легенды о происхождении лошади и коровы. Н.С. Смирнова указывает, что легенда многое объясняет в облике животного причинами, подсказанными архаической мифологией.

В содержание казахского животного эпоса проникает дидактическое начало. Это свойство казахского фольклора неоднократно подчеркивается его исследователями. В легендах о животных такая особенность казахского фольклора обнаруживает себя в мотиве наказания (превращением человека в зверя). Таким образом, мифология и дидактика сливаются воедино. В легенде о сурке злой человек наказан богом за то, что «губит людей и зверей». В легенде о сурке злой человек

обращен в зверя по мольбе птиц и животных: «Он нас всех искоренит». В легенде об Орионе наказание вызвано жалобой архаров. В баснях сюжет и персонаж подчинены морали. Функция образов-персонажей – преподавать нравственные ценности и осудить недостатки, слабости, пороки. На эту особенность басен указывают И.Левин (1981), Н.С. Смирнова (1967), Г.О. Карапетян (1975) [9].

Н.С. Смирнова указывает, что развитие животного эпоса у казахов протекает в русле общетюркской устной и рукописной традиций. А для этих традиций характерна назидательная функция образов. Они как бы заданы заранее. Вот почему отчасти (основная причина — состояние национальной устной традиции) в животном эпосе у казахов и образы-персонажи выполняют нравственно-назидательные функции. И все же они далеко не сразу становятся типовыми басенными аллегориями человека. Поэтому в одной и той же роли в одних и тех же сюжетных ситуациях можно встретить лису и мышь, льва и тигра, гуся и петуха – разных животных. Не только устойчивых типов, но даже устойчивых развернутых характеров и четкой определенности поступков персонажа нет. Лиса может совершать ловкие проделки, вызывающие смех, а может, если это ей на пользу, быть хранительницей догм шарията и адата. Это свидетельствует о переходном состоянии жанровых форм.

И.И. Крук подчеркивал образную конкретность народной дидактики [10]. Надо полагать, что с укреплением аполого-басенного жанра мир зверей начинает все более уподобляться миру людей. В фольклористике утвердилось мнение о басне как о продукте трансформации животной сказки, отличающемся морализацией, этическим осмыслением сюжета, «определенностью характеристик героев» [11]. Разделяет это мнение Н.С.Смирнова, указывая, что басня психологически полнокровнее сказки.

Мотив запрета в легендах упоминается многими фольклористами. М.О. Косвен в «Очерках истории первобытной культуры» (1961) указывает, что нарушение запретов и наказание в виде превращение человека в зверя являются самыми распространенными мотивами архаических жанров. В казахских легендах упоминания о запретах очень часты. Богом запрещается убивать филина, дятла, кукушку, питаться мясом сурка и крота.

Вопросам трансформации легенд в другие фольклорные жанры уделено внимание в работах И.Х. Левина, М.Л. Гаспарова [12]. Н.С.Смирнова упоминает, что появление в кругу персонажей легенд о животных героев-моралистов, остряков и обличителей, которые похожи на персонажей бытовых, сатирических сказок и анекдотов, свидетельствует о трансформации легенд.

Таким образом, скотоводческий уклад жизни обусловил широкое и разнообразное отражение мира животных в фольклоре. В поэтизации образов животных принимают участие все жанры казахского фольклора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абишев Х. Элементы астрономии в устном народном творчестве казахов.— Алма-Ата, 1949; Ауэзов М.О. Мысли разных лет.— Алма-Ата, 1961; Смирнова Н.С. Казахская народная поэзия.— Алма-Ата, 1967.
2. Смирнова Н.С. Турсунов Е.Д., Каскабасов С.А. Казахские сказки о животных.— Алма-Ата, 1979.
3. Валиханов Ч.Ч. Следы шаманства у киргизов. Собр. соч.: В 5 т.— Алма-Ата, 1961.— Т1.— С.477-478.
4. Абишев Х. Элементы астрономии в устном народном творчестве казахов.— Алма-Ата, 1949, С.19.
5. Беликов Л.В. Сказки о животных в фольклоре народностей северо-востока Сибири / Языки и фольклор народов крайнего Севера.— Ленинград, 1969; Алиева М.М. Уйгурская сказка.— Алма-Ата, 1975; Чолокошвили Р.К. Грузинский народный сказочный эпос о животных.— Тбилиси, 1985.
6. Смирнова Н.С. Казахская народная поэзия.— Алма-Ата, 1967.
7. Алиева М.М. Уйгурская сказка.— Алма-Ата, 1975; Костюхин Е.А. Сказки / История казахской литературы: В 3 т.— Алма-Ата, 1968.— Т.1; До Нам Льен. Вьетнамские сказки о животных в

историко-типологическом освещении.— Москва, 1985; Баймурадов А. Генезис и типология туркменских сказок о животных.— Ашхабад, 1991.

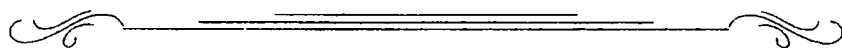
8. Казахские сказки о животных: Легенды, предания, бытовые рассказы, сказки и басни.— Алма-Ата, 1979.

9. Левин И. Введение // Свод таджикского фольклора. Басни и сказки о животных.— Москва, 1981.— Т.1; Смирнова Н.С. Казахская народная поэзия.— Алма-Ата, 1967; Карапетян Г.О. Забавные и назидательные истории армянского народа.— Москва, 1975.

10. Крук И.И. Восточнославянские сказки о животных.— Минск, 1989.

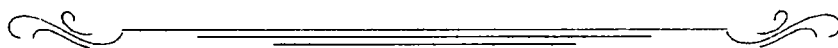
11. Котляр Е.С. Миф и сказка Африки.— Москва, 1975.— С. 130, 141.

12. Левин И. Введение // Свод таджикского фольклора. Басни и сказки о животных.— Москва, 1981.— Т.1; Гаспаров Л.М. Античная литературная басня.— Москва, 1971.

**АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫНЫҢ
2002–2003 жж.
ДАЛА ЗЕРТТЕУЛЕРІ**

**ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
В 2003–2004 гг.**

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЭНЕОЛИТУ И РАННЕЙ БРОНЗЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

В.К. Мерц

ПГУ им. С. Торайгырова, г. Павлодар

Северо-Восточный Казахстан – обширный физико-географический и культурно-исторический регион, охватывающий территорию Павлодарского Прииртышья, связывающий Северный и Центральный Казахстан с Западной Сибирью и Алтаем. Является важнейшим районом для изучения культурно-исторических процессов, происходивших в древности на территории этих областей. До начала 90-х годов прошлого века памятники энеолита и ранней бронзы этого региона практически не изучались, за исключением стоянок Пеньки 2 (Чалая, 1972) и Телектес (Гайдученко, 1979). За это время широкомасштабными исследованиями Павлодарской археологической экспедиции были открыты десятки новых объектов, наиболее интересным из которых оказалась многослойная стоянка Шидерты 3. Ее раскопки впервые дали возможность всерьез заговорить об энеолите региона и выделить особый тип культуры ранних скотоводов, во многом отличающийся от ботайско-терсекских памятников, но близкий комплексам Усть-Нарыма (Мерц, 1992; 2002).

Памятник расположен на северо-восточной окраине Сары-Арки и отражает, прежде всего, энеолитическую культуру данного региона, в то время как об энеолите собственно Прииртышья, долгое время у нас не было практически никаких представлений. Исследования в Прииртышской зоне не давали ощутимых результатов. Лишь расширение зоны поисков к юго-востоку, за пределами административной границы Павлодарской области привело к открытию ряда новых памятников нео-энеолита и ранней бронзы в Бескарагайском районе ВКО.

Это группы дюнных стоянок у ферм Нурбай и Чемар, расположенных в районе с. Семиарка Правобережье Иртыша. Наиболее ранние материалы собраны на стоянках эпохи неолита – ранней бронзы у фермы Нурбай, расположенной в 6 км к северо-востоку от с. Семиарка. Они представлены большим количеством каменного и керамического инвентаря (рис. 1–3). Всего в районе фермы Нурбай найдено одиннадцать местонахождений, образовавшихся на выдувах, где ветровой эрозией разрушается культурный слой стоянок и поселений, местами хорошо сохранившийся под дюнами, поэтому дальнейшее их изучение может быть перспективным.

Наиболее яркий комплекс каменного инвентаря и керамики получен со стоянок Нурбай 2–3, из которых лучше всего изучена коллекция стоянки Нурбай 2. Ее неолитическая часть представлена коническими нуклеусами для ножевидных пластин и изделиями из них, вкладышами, наконечниками с ретушью, скребками на отщепках, наконечниками стрел с двусторонней обработкой. Керамика немногочисленна и трудно диагностируема.

Более выразителен комплекс отщепной индустрии эпохи энеолита – ранней бронзы, близкой типологии материалам стоянки Шидерты 3. Коллекция представлена: скребками и ножами на отщепках с двойным боковым лезвием (рис. 1.1–3), мелкими и средними скребками с боковым, лезвием и поперечным лезвием (рис. 1.4–6, 8), развертками с двусторонней обработкой (рис. 1.10), долотовидным орудием (рис. 1.9), обломком вкладыша с двусторонней обработкой (рис. 1.11), бифасными ножами и множеством наконечников стрел мелких и крупных размеров с выемкой в основании и свисающими шипами (рис. 1.12–19).

Энеолитическая керамика стоянки Нурбай 2 представлена неорнаментированными образцами с добавками волоса и других органических примесей в тесте, чем очень сходна с керамикой стоянки Шидерты 3. Часть керамики содержит большое количество талька или слюды, что является довольно чутким индикатором культурного определения. Тальковая керамика в целом характерна для Усть-Нарыма (Чекриков, 1959. С.100; 1960, С.108–109, рис. 19.5), она также имеет место на стоянке Шидерты 3. Поэтому данный тип керамики стоянки Нурбай 2 можно отнести к теринскому типу.

На стоянке Нурбай 8, расположенной в 200 м южнее стоянки Нурбай 2, собраны образцы глиняной индустрии и фрагменты керамики с сетчатыми отпечатками, которую можно отнести

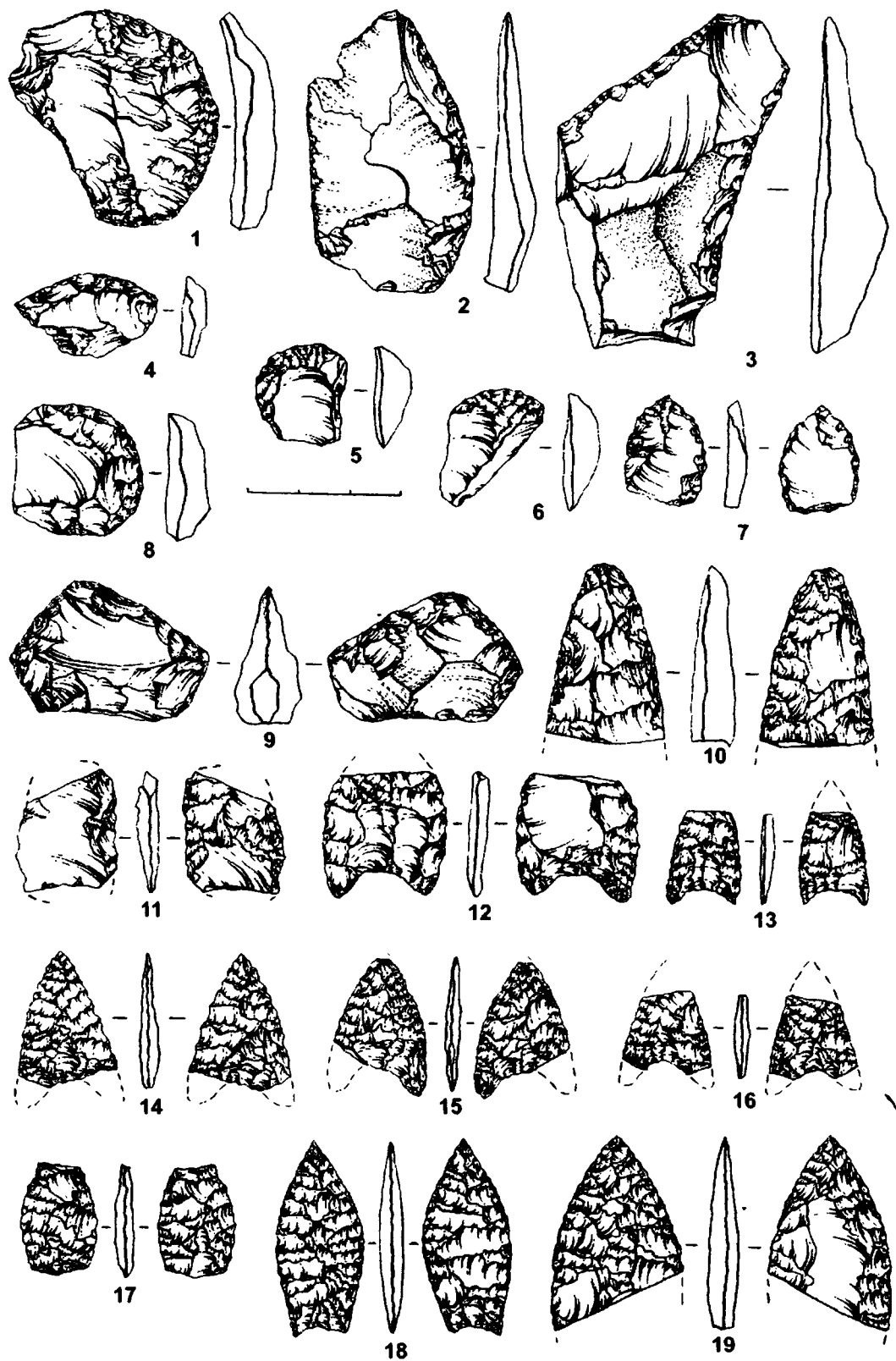

Рис. 1. Стоянка Нурбай 2, каменный инвентарь

южнотекстильному типу. Такого типа керамика имеется и на стоянке Шидерты 3, где она, видимо, является инородной, так как встречается в основном на прииртышских памятниках типа Железинского могильника и стоянки Пеньки 1 на образцах с накольчато-ямочным орнаментом (Агеева, Максимова, 1959; Чалая, 1972) и на недавно обнаруженной стоянке Костамар. Она расположена к северо-западу от Железинского могильника, на левом берегу Иртыша. Ложнотекстильная керамика также характерна для памятников позднего энеолита Барнаульско-Бийского Приобья. Она известна на поселениях Комарово и Костенкова Избушка и в памятниках крохалевского типа в Новосибирском Приобье (Кирюшин, 2002. С. 33, рис. 18-20).

Таким образом, на стоянках Нурбай 2 и 8 собрана керамика различного типа, аналогичная энеолитической керамике стоянки Шидерты 3, относящаяся как к собственно шидертинской керамике – без орнамента или слабо орнаментированной с добавками волоса, так и инородная с сетчатыми отпечатками и добавками талька. Поэтому нурбайские материалы, характерные для шидертинского комплекса и во многом сходные с усть-нарымскими, являются промежуточными между этими памятниками, представляющими крайние географические зоны обитания носителей культуры усть-нарымско-шидертинского типа на юго-востоке и северо-западе. Отсюда можно сделать вывод, что прииртышские племена тесно контактировали с населением мелкосопочника.

В связи с этим нужно отметить, что все известные нам памятники аналогичного типа размещаются на северо-восточных склонах Сары-Арки, вдоль которых мог проходить один из миграционных путей энеолитического населения усть-нарымско-шидертинского типа из Восточно-Казахстанского Прииртышья в северо-западном направлении. Здесь же, видимо, была и контактная зона лесостепного населения Прииртышской равнины и Сары-Арки. Кроме названных памятников, эти контакты осуществлялись на многочисленных стоянках и мастерских Экибастузского археологического комплекса: Экибастуз 11, 14, 16, верхний слой Экибастуз 15, Экибастуз 17 и на ряде стоянок южного берега оз. Кудайколь, верхний слой Кудайколь 4, Карабулак, содержащих отщепно-бифасные комплексы усть-нарымско-шидертинского типа.

Материалы позднего энеолита – ранней бронзы стоянки Нурбай 2 представлены фрагментами венчиков с прямыми стенками, украшенными насечками по краю и горизонтальными, прямыми и волнистыми линиями, нанесенные крупнозубчатой гребенкой, вертикальными зигзагообразными оттисками гребенки с удлиненными зубьями (рис. 2.2, 10), с нарезным орнаментом, сочетающимся с легкими оттисками гребенчатой качалки (рис. 2.1), протасенной крупнозубчатой гребенкой (рис. 2.7), зашипами и простыми оттисками крупнозубчатой гребенки (рис. 2.6, 8). Образцы с насечками по краю и горизонтальными, прямыми и волнистыми линиями (рис. 2.2), видимо, относятся уже к эпохе ранней бронзы, а фрагменты с гребенчатой качалкой (рис. 2.11) и протасенной гребенкой также можно отнести к материалам ранней бронзы элуинского типа.

Керамика с нарезным орнаментом (рис. 2.1) находит аналогии в материалах второй группы памятников Барнаульско-Бийского Приобья с поселения Костенкова Избушка и Коровья Пристань 1, также датируемой эпохой ранней бронзы (Кирюшин, 2002. С. 196, 207).

Интересны также образцы керамики, собранные на соседней стоянке Нурбай 3. Это фрагменты плотной тонкостенной керамики с лощеной поверхностью, покрытой сплошными горизонтальными оттисками протасенной гребенки (рис. 2.9). Шейка сосуда с горизонтальными рядами гребенки и оттисками по краю слегка отогнутого венчика (рис. 2.3), стенка с оттисками горизонтальной елочки (рис. 2.12) и нарезным орнаментом из чередующихся линий и лесенки (рис. 2.4). Образцы с горизонтальными линиями гребенки и насечками по венчику (рис. 2.3, 5) сопоставимы с аналогичными материалами стоянок Нурбай 2 (рис. 2.2, 6) и Чемар 1 (рис. 2.13-15).

Этот памятник расположен в 2,5 км к северо-западу, в районе одноименной фермы. Здесь также была обнаружена группа памятников, состоящая из 6 поселений эпохи энеолита – ранней бронзы и РЖВ. Они расположены на развееванных дюнах вокруг фермы, наиболее крупное из них – мар 6 содержит огромное количество инвентаря эпохи бронзы и РЖВ, встречаемого на большой площади. Однако наиболее интересный материал собран на стоянке Чемар 1. Это фрагмен-

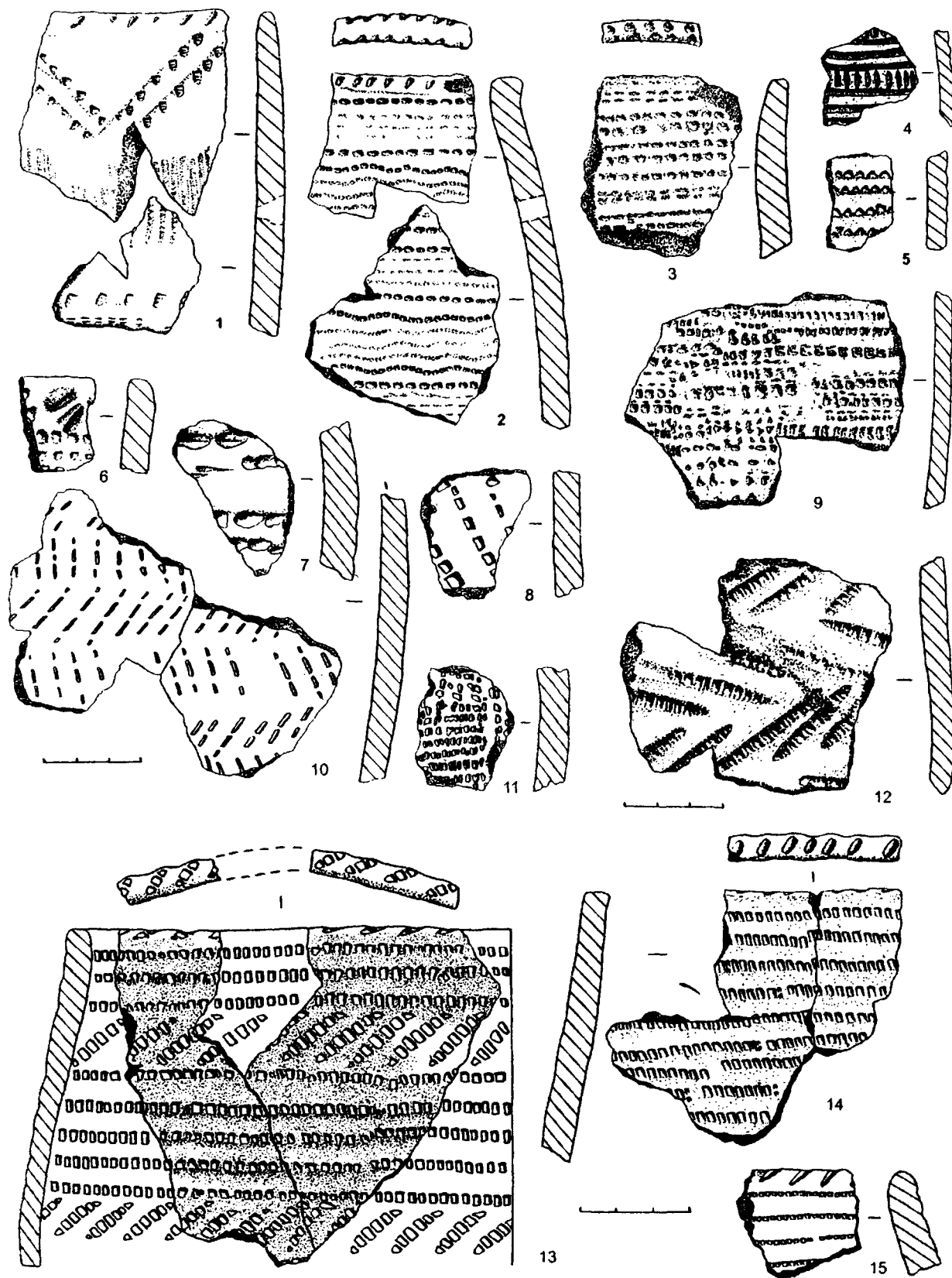

Рис. 2. Керамика стоянок Нурбай 2: 1, 2, 6-8, 10, 11;
Нурбай 3: 3-5, 9, 12; Чемар 1: 13-15

ы венчиков и шеек трех сосудов, украшенных в основном крупноребенчатым орнаментом, состоящим из горизонтальных линий, чередующихся с рядами наклонных оттисков (рис. 2.13) и просто горизонтальными линиями (рис. 2.14, 15). На всех образцах имеются оттиски штампа и насечки по венчику, что характерно для ранней – энеолитической и раннебронзовой керамики. В целом же аналогов этой керамике мы пока не знаем, хотя ее, конечно, можно было сопоставить с некоторыми алтайскими материалами, но она слишком фрагментарна для этого и, на наш взгляд, заметно отличается от елунинской, хотя хронологически, вероятно, близка ей.

Таким образом, нами были получены новые материалы по энеолиту и ранней бронзе Северо-Восточного Казахстана, дополняющие информацию о памятниках усть-нарымско-шидертинского типа эпохи энеолита и памятниках ранней бронзы относящихся к елунинской культуре, а также к памятникам иного типа, распространенных на территории Барнаульского Приобья, Юго-Западного Алтая и Прииртышья. Они отражают основные особенности эпохи, связанной с развитием и становлением здесь производящего хозяйства, основу которого составляло скотоводство. Поэтому важно дальнейшее изучение выявленных памятников и поиск новых, еще более информативных объектов в этом районе, который еще практически не изучен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет павлодарской экспедиции 1955 года. // ТИИАЭ АН Каз. ССР.– Т.7.– А-А, 1959.– С. 35-36.
2. Гайдученко Л.Л. Неолитическая стоянка Телектес в Павлодарской области // СА.– 1979.– №2.– С. 235-23.
3. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири.– Барнаул, 2002.– 294 с.
4. Мерц В.К. Раскопки на стоянке Шидерты 3. // Маргулановские чтения.– Петропавловск, 1992. С. 24-26.
5. Мерц В.К. Погребение каменного века и энеолитический комплекс стоянки Шидерты 3. // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья.– Павлодар, 2002.– С. 75-100.
6. Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки 1, 2 // Поиски и раскопки в Казахстане.– Алма-Ата, 1972.– С. 163-181.
7. Черников С.С. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 году КСИИМК.– Вып. 73.– 1959.– С.99-106.
8. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА.– М-Л, 1960.– №88.– 272 с.

РАБОТЫ ЮЖНО-КАЗАХСТАНСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

*К.М. Байпаков, Д.А. Воякин, А.А. Ержигитова,
Т.В. Савельева, З.Ж. Шарденова, Г.А. Ахатов, Р.К. Шербает*

В полевых сезонах 2002–2003 гг. Южно-Казахстанская археологическая экспедиция проводила исследования на памятниках Южного Казахстана и Семиречья.

Отрарский оазис. Большой научный интерес представляет древняя и средневековая история одного из крупнейших городских районов Казахстана, игравшего важную роль в политической, экономической, этнической и культурной жизни Казахстана. Этот район, расположенный в долине Сырдарьи при слиянии ее с Арысью, в науке известен как «Отрарский оазис», его древнее название – округ Фараб или Отрар. Центром округа был Отрар (древнее название Турарбанд), известность которого пережила века. Здесь родился Абу Наср аль-Фараби; в 1219–1220 гг. город турмовали монгольские отряды Чингисхана, в 1405 г. в Отраре скончался Тимур.

Отрарский оазис всегда занимал в Казахстане удобное стратегическое положение. Через Отрар проходил Великий Шелковый путь, поэтому город упоминают почти все средневековые араб- и персоязычные авторы.

Крупномасштабные исследования и раскопки в Отрарском оазисе ведутся археологами Казахстана с 1971 г. Раскапывались городища Отрар, Куйруктобе, Алтынтобе, Кок-Мардан, Мардан-Куик, изучалась ирригация, могильники.

В полевом сезоне 2002 года объектами исследования экспедиции стали городище Отрартобе, могильник Мазраты 2 и археологический комплекс Талтакай.

На Отраре продолжались активные работы международной экспедиции ЮНЕСКО – Япония – Казахстан (UNESCO – JTF – Kazakhstan).

Исследования на Отраре развивались в двух направлениях: консервационные мероприятия на двух объектах – так называемой поздней мечети и дворце, а также документация, в которую вошли геофизические исследования, планово-топографические съемки внешних (вторых) стен и территории рабада, планово-параллельные ректифицированные съемки архитектурных элементов цитадели городища.

В результате работ были детально «документированы» архитектурные строения (поздняя мечеть и дворец), после чего подготовлены локальные отчеты о разрушениях и проведенных консервационных мероприятиях.

Геофизические работы под руководством А. Лапина в основном сконцентрировались на территории рабада в непосредственной близости от места расположения центрального южного въезда, где в полевом сезоне 2003 г. планировалось проведение археологических изысканий.

Планово-топографическое исследование внешних стен Отрара проводилось при помощи электронного тахеометра Leica TCR-307 (рефлекторный метод). Детально исследованы и сняты планы руин внешних стен в западной, северо-западной, северной, северо-восточной и восточной частях (рис. 1). С южной стороны оборонительные валы проследить затруднительно, в связи с проводимой сельскохозяйственной деятельностью. В дальнейшем предполагается проанализировать эту часть на основе полученных новых цветных аэрофотоматериалов.

В полевом сезоне 2003 года работа на городище Отрар была сконцентрирована в трех направлениях: документация (как этап, предшествующий консервационным и археологическим исследованиям); консервация и археологические работы.

В связи с выбранными направлениями деятельности были сформированы три группы экспертов, как-то: группа по документации, группа по консервации и группа археологов. Руководство каждой группой осуществлялось международными экспертами. Археологической группой руководила доктор Уте Франке-Вогт (университет Бонна – Германия), работы группы по документации находились под руководством Тарсиса Стивенса (Лювенский университет – Бельгия), руководителями группы по консервации являлись Джон Херд и Энрико Фодде.

Работы в области документации были сконцентрированы на получении и обработке цифровых трехмерных топографических данных городищ Отрарского оазиса: Куйруктобе и Алтынтобе и Отрара. Конечным результатом работы в области документации на Отрартобе стало создание трехмерных топографо-плановых карт городища Отрартобе, в рамках внешних стен городища, расположенных на расстоянии 300–600 м от центральной части. Продолжена съемка планов и подробной топографии на объектах, где были проведены археологические зачистки, для последующих консервационных мероприятий («городская баня», «гончарные мастерские» 1 и 2). Завершена съемка на городище Куйруктобе, включая его рабад. Подготовлены цифровые ректифицированные фотографии нескольких профилей, быстро разрушающихся сырцовых стен сооружений, расположенных в южной части рабада Алтынтобе.

Была завершена цифровая трехмерная съемка топографии Алтынтобе; отснята подробная топография городища Коныртобе (Куюк-Мардана) с прилегающими к городищу ирригационными каналами; место разветвления на средневековом магистральном канале между городищами Алтынтобе и Куюк-Мардан (размером, приблизительно 1,6×0,6 км). Проводилась текущая работа по проведению консервационных работ и мониторинга состояния объектов на Отрартобе (в частности трещины на городской стене и изменения рельефа части городища, прилегающей к «старой», «новой» мечетям и «дворцу», в связи с частичным вывозом отвалов земли).

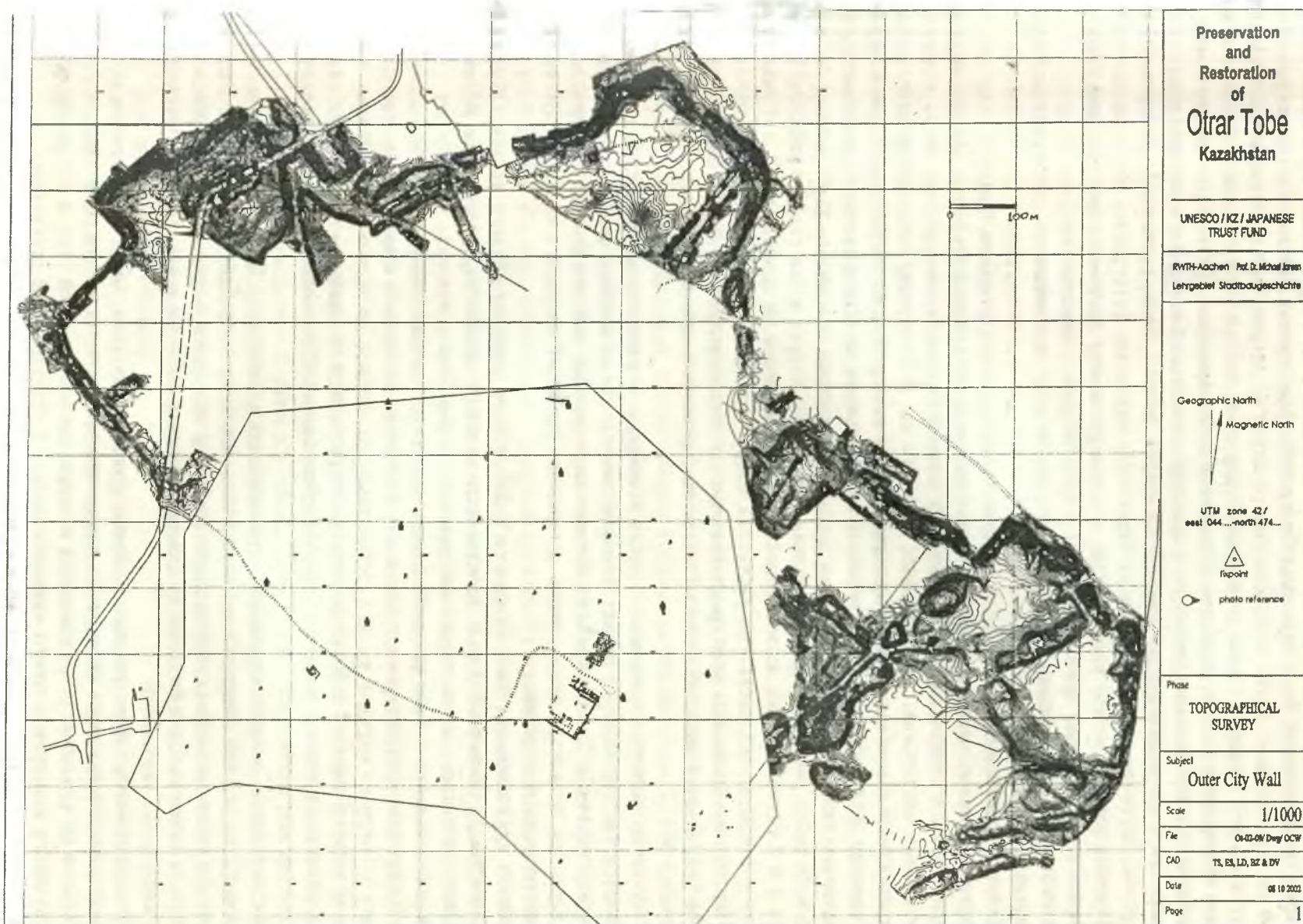

Рис. 1. Внешние фортификационные валы Отрара

Большая работа проделана по съемке плана объекта «городская баня» цифровой камерой с последующей ректификацией (масштабированием) фотографий, результатом чего стал план-фотография средневековой бани городища Отрар-тобе. Мастерская гончара снята цифровой камерой «в перспективе». Были осуществлены разведки не затронутых топографической съемкой участков второй внешней стены городища Отрар-тобе, частей магистральных ирригационных каналов Отрарского оазиса, выявлялись наиболее перспективные объекты для документации на следующий год. Проводилась фиксация с помощью аналоговой камеры последовательных этапов реставрации и археологических зачисток на старой мечети, бане, гончарной мастерской 1 и 2 Отрартобе. Ректифицированы (масштабированы) цифровые фотографии многочисленных архитектурных элементов, что также входит в основные задачи документации при проведении реставрации и консервации археологических и архитектурных памятников.

Археологические зачистки. Работы осуществлялись на двух объектах: гончарная мастерская и средневековая баня.

Квартал гончаров находится в 250 метрах от центральных развалин Отрара.

Археологические исследования 70-х годов выявили комплексы гончарных мастерских и жилья при них в 2-х строительных горизонтах. В нижнем строительном горизонте было открыто 11 строительных мастерских, датированных XIII–XIV вв. В 70-х годах при консервации раскопа мастерская была законсервирована (присыпана). А в начале 90-х годов реставратором Казпроектреставрации Д.Мазулевским осуществлена музеефикация производственной части мастерской 1. Гончарные печи были армированы металлом и укреплены цементным раствором.

В ходе работ расчищена рекреационная территории вокруг всего старого раскопа. В помещении 1 и 2 расчищен пол, выложенный жженым кирпичом. В помещении 3 и 4 расчищены гашнау и тандыры, осуществлена расчистка вокруг колодца. По рекомендации реставратора В.М.Чарлина осуществлена контурная зачистка по периметру помещения, с целью выяснения степени сохранности внешней стены. Расчищена территория, примыкающая к гончарным печам мастерской №1.

Результаты зачистки показывают очень хорошую сохранность объекта за прошедшие три десятилетия т.к. зачищенный объект по своей экспозиции полностью совпадает с материалами первичных раскопок. В ходе археологических мероприятий найдена большая коллекция поливной керамики, несколько монет, очень интересный фрагмент поливного изразца голубого цвета, фрагменты медных изделий.

Объект средневековая баня находится в 200 метрах западнее южного въезда. Общая площадь раскопа составляет 1000 кв.м. Работы были начаты с расчистки прилегающей ЮЗ территории. Далее расчистка шла на территории прилегающей к бане с юга.

Перпендикулярно к бане примыкает пахсовая стена, которая может относиться к комплексу бани. По просьбе архитекторов осуществляется зачистка вдоль всей южной стены комплекса, на глубину до первого кирпича кладки. Затем такие же работы проведены по внешнему контуру северной стены бани. При работах по очистке территории в западном направлении от комплекса обнаружены помещения и возможно какие-то технологические комплексы, не указанные в старых отчетах исследователей.

После работ по очистке территорий, прилегающих к комплексу, была осуществлена зачистка внутренней части бани. Зачистка выявила очень хорошую сохранность комплекса. Настоящая экспозиция почти полностью соответствует научному описанию в старых археологических отчетах. При зачистке найдена большая коллекция керамики XIII–XV веков, большая коллекция монет и ювелирных украшений.

Консервационные мероприятия. Команда консервации занималась проведением консервационных работ на «дворце» Отрар-тобе; изучением текущего состояния памятника; составлением проектов по удалению разрушившихся и неоригинальных частей стен, а так же проведением последующего консервационного «вмешательства» в оригинальные структуры.

Изучено состояние объекта «старая мечеть» с привлечением всех существующих архивных данных и составлена соответствующая проектная документация.

С учетом всей имеющейся документации, был подготовлен проект реставрации и музеефикации бани, воплощение которого отложено на следующий год. Для надежной сохранности в осенне-зимнее время памятник решено защитить навесом, в связи с чем разработан проект навеса и осуществлено их возведение.

Успешно начата консервация объекта «гончарные мастерские».

Археологические раскопки на Отрар тобе проводились на территории, прилегающей к центральному южному городскому въезду. Основой археологической фиксации послужила система, разработанная Германским университетом Аахена, под научным руководством проф. Майкла Янсена.

Исследования проводились на трех квадратах размерами 5×5 м. Удалось обнаружить вымостку из жженого кирпича, множество хозяйственных ям, стены и полы жилищ, тандыры и очаги, печь для производства извести и т.д. Был собран богатый керамический, остеологический материал, предметы железоделательного, стеклоделательного и ювелирного производства. На отдельных участках было выявлено до пяти последовательных уровней обживания данной территории в короткий хронологический период. Завершающим этапом работ явилась предварительная консервация раскопанных. В дальнейшем планируется расширить раскоп и приступить к консервации открытых сырцовых структур.

Исследование могильника Мазраты 2 в 2002 г. Могильник Мазраты 2 – это 4 кургана, вытянутые цепочкой по линии СЗ-ЮВ. В соответствии с данными системы глобального позиционирования могильник расположен:

42T 0432458

4750507

Alt 197¹

Курган, названный NEW 1, является вторым курганом в цепочке. Он имеет диаметр 20–22 м, высоту 1,6–1,7 м и является самым большим и наименее оплывшим в цепочке. В СВ половине кургана заложен раскоп, выявивший два погребения. Первое погребение (рис. 2) было обнаружено на глубине 30–40 см. Могильная яма вырублена в специально подготовленной пахсовой основе.

Очевиден факт существования какой-то конструкции из кирпича-сырца, формы которой прощупать не удалось, но отдельные кирпичи, размером приблизительно 27×15×15, говорят о ее наличии.

По всей видимости, это погребение подростка (девочки?) – скелет довольно хорошей сохранности, вытянут с ССВ на ЮЮЗ, голова лицом повернута в направлении ССЗ. Аналогии в направлении погребений прослеживаются в материалах могильника Талтакай². В подтверждение того, что это женский скелет, говорит видимая ширина тазобедренных и узость плечевых (дельтоидов) костей. Длина скелета 1,4 м. Череп несколько деформирован – вытянут в затылочной части, что свидетельствует о принадлежности погребенного к доликокефальному антропологическому типу.

На шейных позвонках были найдены остатки украшения – три бусинки маленьких размеров – две кремового цвета вытянутой формы – коралловые (?) и одна, по всей видимости, сделанная из полированной металлической руды (?), квадратной формы.

У изголовья – в СЗ части погребения расчищены реберные кости барана, а рядом сосуд крупных размеров, толстостенный с розовым ангобом, обжиг качественный. Сосуд, плоскодонный с расширяющимся грушевидным туловом, имеет петлевидную ручку, цилиндрической формы носик-слив, расположенный с противоположной стороны ручки и узкую горловину. Под ручкой навал в виде извивающейся змейки.

Второе погребение было обнаружено на глубине 60–65 см, т.е. на 20–25 см глубже первого (соответственно относящееся к более раннему хронологическому горизонту) и частично перекрыто первым.

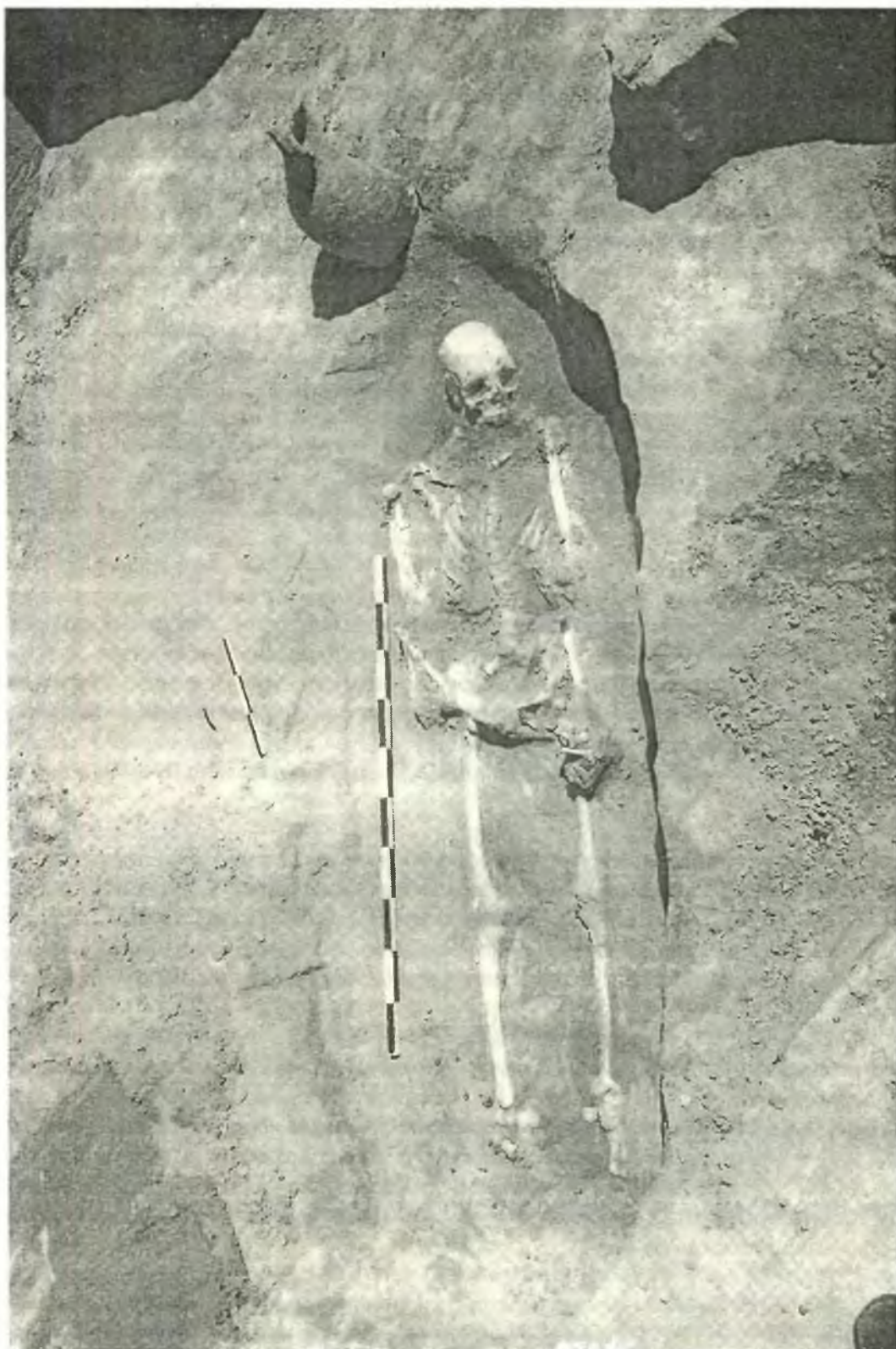

Рис. 2. Мазраты 2. Погребение 1

Скелет вытянут головой по оси с ЮЮЗ на ССВ, т.е. ориентирован противоположно первому (верхнему). Череп лицевой частью повернут на ССЗ. Вероятно, скелет принадлежит мужчине (широкие плечи, узкие тазобедренные кости). Длина скелета 175–180 см. Череп, вытянутый в затылочной части, также указывает на принадлежность погребенного к доликоцефальному антропологическому типу. Антропологический доликоцефальный тип по общепринятому мнению исследователей является одной из характерных черт гуннского влияния в регионе.

У изголовья с южной стороны был обнаружен большой толстостенный светлоангобированный сосуд, тесто рыхлое. По форме и размерам абсолютно идентичен первому. В ногах найдена сильно коррозированная металлическая пластина подквадратной формы.

Погребение мужчины с аналогичной ориентацией было обнаружено в одном из курганов могильника Талтакай (Мазраты Мардана). Керамический материал также схож с материалами могильника Талтакай³

Возможно, что направление погребений связано с половой принадлежностью умерших.

На основе собранного антропологического и вещественного материала и аналогий, могильник с большой долей уверенности можно датировать первыми веками нашей эры и говорить о нем, как о возможном локальном продолжении погребального комплекса Талтакай (Мазраты Мардана).

Исследование археологического комплекса Талтакай. Объектом исследований 2002 стали один из курганов, обозначенный на плане как платформа 12, и предположительно поселение (S1). Было решено заложить два раскопа – один для изучения курганной платформы 12 и второй – стратиграфический шурф на бугре, венчающем комплекс с западной стороны. Стратиграфический шурф, размерами 2×10 метров, был заложен в северной части бугра, по оси Север-Юг. Грунт снимался послойно и поквратно, с учетом расположения основных структурных элементов объекта – ямы, уровни полов, кладки и т.д.

Всего в ходе работы снято 11 слоев с детальной фиксацией находок. Выделено пять основных слоев, а также три пола. Сырцовые стены усадьбы покоились на глинобитной искусственной основе, мощность которой достигает 75 см. Уровни полов (их три) говорят, следовательно, о трех хронологических горизонтах. На основе комплекса керамики датировать с наибольшей точностью удалось только верхние горизонты – XII – нач. XIII вв.

Раскоп, заложенный на курганной платформе 12, был условно разбит на два сектора С-3, Ю-В. С-3 сектор был вскрыт полностью. В Ю-В секторе холма был снят только дерновый слой. При сильнейшей расчистке фактически в центре склепа была выявлена погребальная камера прямоугольной формы, разделенная кладкой сырца на две части. Кроме центральных погребений, в С-3 Ю-3 углах были обнаружены два боковых погребения.

Топографическими исследованиями также подтвержден факт различной высотной развязки расположения поселения и всех курганных платформ. Вполне возможно, уровни расположения курганных платформ, поселения-усадьбы, полуземлянок и загонов этнографического времени, находящихся южнее усадьбы, свидетельствуют о хронологических этапах функционирования таких в настоящее время водостоков – древних протоков Сырдарьи (?).

Исследование Кайнартобе. В полевом сезоне 2003 г. начаты раскопки Кайнартобе. Памятник расположен в 20 км северо-западнее села Когам, в урочище Ашекудук Кызылкумского района Южно-Казахстанской области. Координаты N 42°57'20.9", E 068°12'31.5".

Представляет собой холм типа тепе, с площадкой подквадратной формы с оборонительным валиком с западной и южной стороны за валиком располагается рабад.

Основной целью исследования являлось выявление конструктивных особенностей и уточнения датировки памятника. В связи с этим, в юго-восточной части бугра был заложен стратиграфический шурф, ориентированный СВ-ЮЗ, шириной 1,5 м, достигший глубины 3,5 м при высоте холма по уровню окружающего рельефа местности 8 м.

³ Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Мардан - погребальный памятник ранних земледельцев Отрарского оазиса// Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976; Б.Н., Бурнашева Р.З. Погребение с монетами из могильника Мардан (Отрарский оазис)// Известия АН КазССР Сер. Общ. Наук, 1979. 5 и т.д.

Стратиграфия раскопа выявила три строительных горизонта. После сравнительного анализа керамического материала с поселения Кайнар тобе с идентичными керамическими комплексами раннесредневековых поселений отарского оазиса, можно сделать вывод, что керамика первого строительного горизонта относится к VII–VIII вв. н.э. Второй строительный горизонт датируется VII–V вв. н.э. Третий строительный горизонт представлен керамическим комплексом, датируемый II–IV вв. н.э.

Особенностью поселений первой половины I тыс. н.э. является наличие крупного жилого массива и примыкающего к нему двора для скота. По своему типу они относятся к «тобе» с площадкой, представляющей собой укрепленные усадьбы земледельцев. По мнению исследователей в силу существовавших в то время социальной организации общества эти усадьбы имели особые помещения для главы земледельческой общины, скота, хранения продуктов. Основным занятием населения было земледелие и скотоводство.

После обследования местности был сделан вывод, что для заполнения оборонительного рва использовалась старичья Сырдарья.

Материалы, полученные нами при раскопе поселений, позволяют сделать вывод о том, что хозяйство поселенцев было комплексным. Наряду со скотоводством, охотой жители занимались и рыболовством, позволявшим обеспечивать продуктами нужды собственного потребления.

К сожалению, довести стратиграфический шурф до материка не удалось. В следующий полевой сезон, планируется продолжение археологических раскопок на поселении, которые уже выявили слои IV в.

В процессе работы был заложен второй раскоп с северной стороны южной части рабада, за оборонительным рвом, при визуальном обследовании этот участок выделялся в контурах в виде язычка. На дневной поверхности проявлялись следы прокаленной глины различной окраски – красный, оранжевый, темно-серый, что указывало на различную степень температурного воздействия. В ходе работ была выявлена арочная керамическая печь удлиненно-овальной формы. Свод топочной камеры был разрушен. Сохранилась полностью лишь топочная камера, с фрагментами арок перекрытия топочных камер, а также в южной части небольшой фрагмент загрузочной камеры. Сохранившаяся высота стенок достигает 70–75 см. Наибольшая ширина печи 1,10 м, длиной 3,40 м. Вся внутренняя часть топочной камеры была покрыта шлаком серо-зеленого цвета толщиной 5–7 см. По центру топочной камеры в слое древесного пепла и углей, было выявлено две сырцовых подставки размерами 54×30×15 см, являвшиеся видимо опорой для поддержания купола топочной камеры. На стенках топочной камеры имеются ребристые выступы, судя по всему, служившие как основание обжигательной камеры.

Раскопки городища Жуантобе. В полевом сезоне 2002 г. проводились археологические работы на одном из крупнейших в среднем течении Арыси городище Жуантобе и на расположенном рядом с ним Бурджарским (Борижарским) могильнике. Ранее исследование городища и анализ исторических фактов, приведенных В.В. Бартольдом и извлеченных С. Волиным из арабских географических сочинений, позволили Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевич обратиться к отождествлению городища со столицей средневекового округа Кенджид – Усбаникетом (Саникесом, Субаникетом, Арсубаникетом)⁴.

Анализ археологического материала позволил взять за основу датировки «верхний строительный горизонт» – он был датирован VI–VII вв., возможно до конца VIII в.⁵

В юго-западной части рабада был разбит раскоп размерами 10×10 м, ориентированный по сторонам света. После снятия первого слоя (глубиной около 20 см) были выявлены конструкции из пахсового кирпича. Керамика из этого слоя представлена в основном обычной кухонной посудой без орнамента. Также собрано большое количество костей домашних животных.

⁴ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции, 1953 г.// ТИИАЭ АН КазССР.– Алма-Ата, 1956. Т. 1.

⁵ Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. – М., 1971; Грищенко А.Н. Отчет о археологических раскопках городища Жуантобе и Борижарского (Бурджарского) могильника Бугуньского района Чимкентской области в 1989 г. / Рукопись. Чимкент, 1990.

На территории цитадели раскоп был разбит в южной части и юго-западным углом примыкал южной крепостной башне. Размеры раскопа 10×10 м, позже была сделана прирезка на 2 м со стороны юго-запад – юго-восток. При снятии первого слоя (глубина около 20 см) собрано большое количество керамики, изготовленной из грубого теста с большим количеством вкраплений мелких камешков, обожженных костей животных и кусочков керамического шлака. На глубине около 30–40 см от современной дневной поверхности и 2 м от западной бровки раскопа обнаружены остатки основной несущей стены (стенка оплывшая, отличается по более светлому цвету грунта), тянущейся в направлении север-юг. Стена сложена из пахсового кирпича размером 30×20×8 см.

Ещё одним объектом исследования была землянка, которая находится 2,5 км Ю-З городища Жуантобе, на второй надпойменной террасе, 50 м от искусственного оросительного канала, проходящего между городищем и могильником Борижары. По берегам оросительного канала и на склонах террасы было выявлено около 100 землянок с четкими контурами. На одной из землянок, разрушаемой местными жителями, берущими со склона землю для строительства, была проведена зачистка, выявившая жертвенный очаг диаметром 40 см; внутренний диаметр – 25 см, высота – 8 см, внутри которого находились кальцинированные кости. Очаг находится в ваннообразном углублении, от которого в разных направлениях шли небольшие стенки шириной 5 см, имеющие очертания непонятного орнамента.

Археологические исследования 2003 г. явились продолжением раскопа 2002 г., заложенного на территории рабада. Зачистка раскопа и снятие второго слоя позволили выявить в центральной части раскопа фрагменты конструкции из сырцового кирпича темно-серого цвета.

Длина стены с запада на восток составляет 5,5 м, с севера на юг 4 м, толщина стен до 1,2 м, высота стен до 40 см. Северо-восточный угол стены, судя по обвалу кирпичей, разрушен.

Пол не выявлен. С севера к данной стене примыкают две стенки из пахсы, уходящие под края раскопа, толщиной до 1 м, расстояние между ними составляет 2,5 м. Здесь обнаружен жженный кирпич плохой сохранности. С западной стороны к «центральному помещению» примыкает стена из пахсовых кирпичей, длина которой 2,6 м, толщина до 90 см. Параллельно ей, южнее, расположена еще одна стена. Расстояние между двумя стенами составляет 2 м, толщина стен до 1 м.

За второй стеной на глубине 80 см выявлены два некачественно обожженного кирпича, размерами 30×12×7 см, расположенных «Г»-образно, между ними имеется слой глины серого цвета толщиной до 10 см.

Здесь же, в юго-западной части раскопа на глубине 50 см обнаружено большое количество костей мелкого и крупного рогатого скота, фрагменты керамики. В дальнейшем следует расширить раскоп в западном направлении, для выявления западной стены второго «помещения».

По всей площади раскопа обнаружены фрагменты керамических сосудов – фрагменты венчиков, донца, фрагменты хумов. Полученные материалы в основном состоят из фрагментов керамических сосудов, каменных изделий, остеологических остатков.

Керамика представлена фрагментами керамических изделий, венчики, донца сосудов (рис.3), керамической курильницей, круглое пряслице, диаметр 4,5 см, толщина – 0,5 см, диаметр отверстия – 1 см (2 шт).

Каменные изделия представлены фрагментами каменной зернотерки, фрагментами жернова. Каменная зернотерка, судя по сохранившейся половинке, диаметр составляет 30 см, толщина 2 см. Остеологический материал представлен коллекцией мелкого и крупного рогатого скота.

Дальнейшие работы на городище Жуантобе позволят выявить расположение строительных горизонтов, архитектуру данного памятника и пролить свет на развитие городской культуры в данном регионе.

Раскопки Борижарского могильника. В полевом сезоне 2002 г. были продолжены стационарные исследования курганов Борижарского могильника – наиболее масштабного некрополя Южного Казахстана.

В отчетный период были вскрыты 2 кургана. Курганы содержали захоронения в катакомбах. Эти объекты расположены на срединном участке могильника, 800 м юго-восточнее городища

Жуантобе. В 1975 г. на этом участке могильника Южно-Казахстанской археологической экспедицией было обследовано 5 курганов, 2 из которых содержали захоронения в катакомбах. Исследователь Б. Н. Нурмуханбетов захоронения в этих курганах датировал рубежом прошлой и нашей эры⁶.

Курган 1 до раскопок представлял собой холм высотой около 2,0 м, диаметром 25,0×30,0 м. Катакомба подкурганная, находится в центре насыпи. Дромос начинается в 10,1 м от южной полы кургана, ориентирован на север. Длина дромоса 3,0 м, ширина 1,0 м, высота 0,9 м. Стены отвесны и гладко отштукатурены, пол ровный, горизонтальный (рис. 3).

При расчистке дромоса найдены обломки 3 экземпляров железных наконечников стрел, черешковых, трехлопастных. Сохранившаяся длина от 4,2 до 4,8 см. Аналогичные наконечники стрел довольно широко были распространены с III в. до н.э. по IV–VI вв. н.э.⁷ Также были обнаружены обломки железного обоюдоострого меча – часть клинка и острия. Сохранившаяся длина клинка – 21,0 см, острия – 5,0 см. Клинок двулезвийный, линзовидный, двояковыпуклый, шириной 4,0 см. Следы истлевшего дерева и ткани свидетельствуют о том, что меч находился в деревянных ножнах и был завернут в ткань. Меч фрагментирован, поэтому типологически охарактеризовать его трудно.

Камера расположена перпендикулярно дромосу. Вход был заложен сырцовыми кирпичами. Сохранились лишь три целых кирпича нижнего ряда, положенных горизонтально. Размеры кирпичей 45×27×10 см, на одном из кирпичей лежала бронзовая пряжка с округлой рамкой и подвижным язычком. Рамка литая округлая. Щиток подтрапециевидной формы. Размеры пряжки 2,5×1,5. Скорее всего, это обувная пряжка.

Кирпичи были покрыты камышовым тленом.

Камера находилась на глубине 4,1 м от уровня современной дневной поверхности. Длина камеры 2,80 м, ширина 1,6 м, высота не определена, так как свод камеры был обрушен. Пол находился ниже пола дромоса на 10 см.

Курган был разграблен. Кости погребенных были раскиданы по всей камере и на разных уровнях. При расчистке камеры были найдены обломки костяных концевых и срединной накладок сложного лука (рис. 4). Сохранившаяся длина фрагмента концевой накладки сложного лука – 9,0 см, максимальная ширина – 1,7 см, толщина – 0,5 см. Длина второго фрагмента – 7,0 см, максимальная ширина – 1,5 см, толщина – 0,4 см. В поперечном сечении подтреугольные. Вырезы для натягивания тетивы небольшие, правильной, полуокруглой формы, высота и глубина – 0,6 и 0,4 см. Лицевая сторона и края тщательно отшлифованы. На оборотной стороне сохранена естественная шероховатость. Срединная боковая накладка лука изготовлена из плоской костяной пластины. Сохранившаяся длина – 12,5 см, ширина – 3,8 см, концы скошены, имеет форму суживающегося, изогнутого и закругленного в одну сторону.

Аналогичные накладки на лук были найдены на ряде памятников Хорезма: Кой-Крылган кале в слоях первых веков н.э.⁸ Топрак-кале, во дворце, относящемся к III вв. н.э.⁹, на городище Куны-Уаз, в слоях III – нач. IV в. н.э.¹⁰ и др. Все приведенные аналоги относятся примерно к одному времени, скорее всего к II–III вв., не позднее IV в. н.э.

Вдоль юго-восточной стены расчищен ряд горизонтально положенных сырцовых кирпичей размером 30×45×8 см, на которых были разложены кости человеческого скелета. Скорее всего, это была суфа. Здесь же находились обломки разбитого керамического сосуда, ручной лепки из теста коричневого обжига, фрагменты которого были найдены и у входа в камеру. Снаружи сосуд покрыт грязновато-черным ангобом. Дно плоское, тулово, расширяясь в средней части, пе-

⁶ Нурмуханбетов Б.Н. Катакомбы Борижарского могильника // Древности Казахстана. – Алма-Ата, 1975. – С. 106–115.

⁷ Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.М., Левина Л.М. Древности Чардары (археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). – Алма-Ата, 1968. – С. 221.

⁸ Кой-Крылган-кала – Памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. – ТХЭ, 1967. – Т. V. – С. 137.

⁹ Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945–1949 гг.). – М., 1953. – С. 34–35.

¹⁰ Неразик Е.Е. Археологическое обследование городища Куны-Уаз в 1952 г. – ТХЭ, 1958. – Т. II. – С. 375.

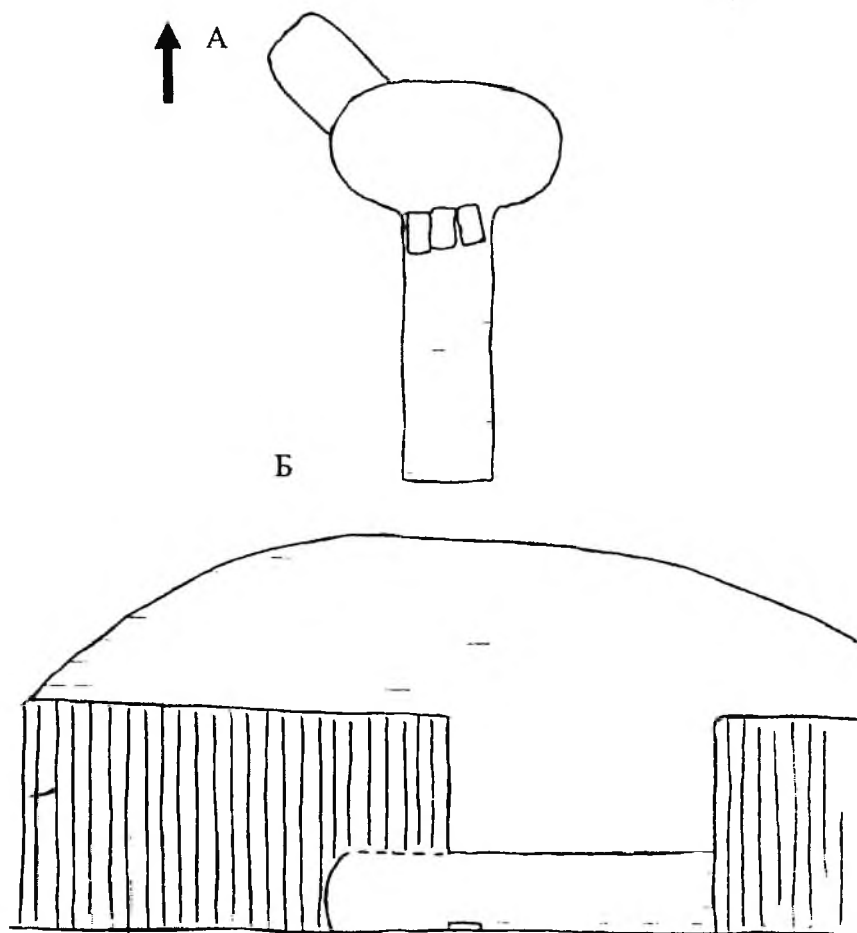

Рис. 3. Курган 1. А – план катакомбы, Б – разрез по линии С-Ю

Рис. 4. Курган 1. Обломки костяных концевых и срединного накладок лука

реходит в короткую горловину с отогнутым наружу венчиком с закругленным краем. Высота сосуда – 31 см, диаметр венчика – 12,4 см, донца – 13 см.

Аналогичный сосуд был найден при раскопках кургана 9 Борижарского могильника в 1975 г. Курган датирован рубежом прошлой и нашей эры. В северо-западном углу камеры была расчищена небольшая камера (подбой?), которая находилась на 0,7 м выше уровня пола основной камеры. Ее размеры: высота – 0,9 м, ширина – 1,0 м, длина – 1,1 м. В камере обнаружен костяк взрослого человека. Он лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-запад. Руки согнуты в локтях, кисти рук находились перед лицом, ноги согнуты в коленях, перекрещены. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Курган 2 находится 35 м на северо-запад от кургана 1. До раскопок представлял собой холм высотой около 1,0 м, диаметром 13,4×12,6. Погребальная камера находилась в центре кургана на глубине 3,1 м. Камера овальной формы представляла собой полусферическое сооружение, длиной 2,2 м, шириной 1,8 м, высота не определена, так как свод камеры был обрушен. Погребение было ограблено. Только два человеческих черепа лежали нетронутыми, они лежали у стены и были ориентированы на юг. Под одним черепом на глине сохранились следы красной краски, возможно от головного убора. У изголовья другого черепа была найдена керамическая кружка, наполненная 58 астрагалами, изготовленными из таранной кости мелкого рогатого скота. Один экземпляр целиком окрашен в красно-коричневый цвет, еще на одном экземпляре местами сохранились следы красной краски. На 5 экземплярах имеются небольшие отверстия. На одном в срединной части два больших отверстия диаметром 7 и 8 мм. Астрагалы найдены в катакомбах Шаушукумского могильника III–IV вв., на близлежащих поселениях Алтынтобе, Каратобе, а также на городище Каунчитепе I–IV вв. н.э. Кружка была сформована из рыхлого теста, поверхность покрыта серым ангобом. Стенки прямые, наклонные, ручка одним концом прикреплена к венчику. Дно уплощенное. Размеры: высота – 8,4 см, диаметр венчика – 13,8 см, диаметр дна – 8,9 см. Ручка в сечении подпрямоугольной формы с бороздкой в центре. Рядом с кружкой лежал маленький однолезвийный ножик плохой сохранности. Среди костей была найдена многодольчатая, покрытая голубой глазурью бусина из египетского фаянса. Длина – 1,2 см, диаметр – 1,4 см. Аналогичные фаянсовые бусы происходят из среднеазиатских памятников II–III вв. н.э.¹¹

Захоронения в катакомбах обнаружены во всех среднеазиатских республиках. Также они найдены и на юге Казахстана. Сходства в конструкции и погребальном инвентаре борижарских катакомб имеют катакомбы могильников Средней Сырдарьи – Шаушукумский, Актобе и Жамантогай. Судя по аналогиям, захоронения в курганах 1 и 2 можно датировать II–IV вв. н.э.

Археологический комплекс Акыртас. Городище Акыртас отождествляется со средневековым городом Касрибас. Средневековый город включает в себя ансамбль архитектурных сооружений. Сюда входят: дворцовый комплекс, жилые постройки, караван-сарай, замок правителя, крепость и другие сооружения. Ежегодные раскопки на Акыртасе, архитектурно-археологические исследования на его сооружениях шаг за шагом раскрывают нам картину строительства города, последовательность возведения сооружений, этапы развития региона.

Археологический сезон 2002 года, в основном, был посвящен исследованиям на крепостном объекте, частично раскопки проводились на дворцовом комплексе, и только лишь фрагментарно дообследовался замок правителя на Акыртасе.

В одном километре юго-восточнее дворцового комплекса Акыртаса располагается ансамбль сооружений: замок правителя и крепость.

Исследование крепости. Сооружение возведено на естественном возвышении, высотой 3–4 м и представляет собой в плане прямоугольник размерами 41×39 м. По углам крепости располагаются угловые башни, круглые в сечении. Раскопки крепостного сооружения начаты на крепостной стене, недалеко от южной угловой башни. Исследования обнаружили крепостную башню по периметру сооружения шириной 2,5 м. Каменной кладки не обнаружено. В стене не прослеживается и кирпичной кладки. Выяснилось, что крепостная стена была глинобитной, по-видимо-

¹¹ Литвинский Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы. вып. III. Москва, 1973. с. 137

Рис. 5. Акыртас. Фундамент стены

му, выведенной в опалубке. Как оказалось, фундамент крепостной стены был каменным и выводился из необтесанных каменных блоков средних размеров, разной формы на глиняном растворе, высотой 50 см, сохранившаяся высота крепостной стены 1,75 м (рис. 5).

Как правило, крепостные наружные стены выкладываются из каменных блоков, а внутренние стены сооружения нередко выкладывались из пахсовых блоков или сырцовых кирпичей. В нашем же примере, напротив, наблюдается иная картина – крепостная наружная стена выложена глинобитной, на каменном фундаменте, тогда, как внутренние стены крепости выведены из каменного булыжника средних размеров, уложенных на растворе, при этом фундамент их устроен глинобитным. Блоки для внутренних стен постройки подбирались средних размеров, разной формы но при этом не обтесывались, а укладывались в природном виде. Стены выкладывались очень аккуратно, тщательно укладывался каждый каменный блок на раствор. Ширина швов 3–5 см. Высота глиняного фундамента под внутренние стены – 30 см.

Исследованы три внутренних помещения. Помещение 1 полностью не вскрыто, помещение 2 вскрыто полностью, размеры его 2,8 м × 7,9 м. Помещение 3 вскрыто полностью, размеры его 2,5 м × 8,1 м.

В помещениях на уровне фундамента наружной крепостной стены устроены полы. Изнутри помещений видна только наружная крепостная стена, каменный фундамент ее скрыт под полом. При вскрытии полов в помещениях обнаружен фундамент крепостной стены, его устройство, а также конструкция самих полов в комнатах. Плитки-сколы толщиной 0,8–1 см, небольшие по габаритам, разной конфигурации, были уложены в помещениях в качестве пола в 3–4 слоя. Каждый слой обмазывался глиной.

Внутри помещения 2 на расстоянии 1,6 м от наружной стены выложена поздняя каменная поперечная перегородка толщиной 0,8 м и длиной 1,7 м. Нижняя часть ее – глинобитная с примесью мелких камней, верхняя часть перегородки сложена из средних каменных блоков.

Из помещения 2 выход наружу был устроен в углу торцевой северо-восточной стены. Помещение 3 примыкает с юго-восточной стороны к помещению 2. Внутри его также устроена поперечная каменная перегородка, полукруглая в плане, длиной 1,15 м, толщиной 0,5 м. Перегородка примыкает к юго-восточной длинной стене помещения.

На территории предполагаемого внутреннего двора крепости обнаружили две длинные, вычурной конфигурации, изогнутые стены-перегородки. Они направлены, в целом, от торцевых стен комнат в сторону предполагаемого двора и, сливаясь воедино, поворачивают к восточной стороне крепости, разворачиваясь постепенно к югу (рис. 6).

В 2003 г. раскопки крепости дали новые данные об особенностях планировки сооружения.

По периметру контурной стены нарезались прямоугольные помещения, приблизительно равные по размерам, расположенные по продольной оси, вплотную друг к другу. Размеры комнат приблизительно 2,8–2,9 × 8,5–9 м. Но периметральные комнаты были не все одинаковыми. С южной стороны, рядом с промежуточной сторожевой башней, вскрыто помещение намного превосходящее по размерам обычную комнату. При этом данное помещение (помещение 5) еще полностью не вскрыто. Его размер на сегодняшний момент равняется 6,2 × 6,9 м.

С южной стороны парадного зала, вплотную к крепостной стене, располагается большая фигурная суфа с приступочками, выполненная комбинированным способом из глины и каменных блоков.

В центре крепости также раскопаны помещения, расположенные анфиладно. Уровень поверхности пола равномерно понижается от периметральных помещений к центру двора. Возможно, эти комнаты являлись подземными продовольственными кладовыми. В помещениях в большом количестве найдены кости самых разных животных и фрагменты керамической посуды.

Исследование «дворца». Раскопки на дворцовом комплексе этого сезона проводились локально, в помещениях 7, 12 и 81 для выявления конструкции кладки стен и их фундаментов. Обнаружилась следующая конструкция стен. Вначале, там, где планировалось выведение стен, укладывалась глиняная подушка фундамента. Глина перемешивалась с щебнем, образуя после высыхания очень крепкий раствор. На глиняную подушку по основанию и контуру стены уклады-

Рис. 6. Акыртас. Стены-перегородки

вались каменные блоки средних габаритов. По высоте ряд блоков равен приблизительно 40 см. Все блоки тщательно подгонялись друг к другу и укладывались на глиняном растворе. Внутри, так называемый, «футляр» стены заполнялся более мелкими околами каменного булыжника, набросанного без всякого порядка, хаотично, но тщательно залитого по всем слоям белым, предположительно, ганчевым раствором. Раствор включает в себя мелкую каменную крошку. По-видимому, раствор включал в себя и органические добавки, обеспечивающие очень сильное «схватывание» между собой всех камней внутреннего заполнения стены.

Замок правителя. Раскопки этого сезона проводились локально, в гостевом парадном зале (помещение 4), после ливней и дождей, размывших поверхностный слой земли на кладке, обнаружился полуупавший коробовый свод, законсервированный в толще земли. Хорошо видна кладка свода. Кирпичи из необожженной глины, крупногабаритные. Размеры их: 20–22×40–42×9–10 см. Ширина швов – 2 см, в замковой части ширина швов – 3 см, свод выведен в 2 ряда. Высота видимой сохранившейся части свода – 70 см, пролет коробового свода – 3,5 м.

Придjunгарье и Илийская долина. Работы на городище Каялык. Городище Антоновка – самое большое городище Илийской долины, расположено на восточной окраине села Антоновка на берегах р. Ащи-Булак.

Территория городища окружена стеной высотой 3,5–4,5 м. Городище в плане имеет форму неправильного четырехугольника, ориентированного углами по сторонам света. Северо-восточная стена имеет протяженность около 1200 м, юго-западная – 750 м, а своей юго-западной стороной городище примыкает к горам. Приблизительно через каждые 30–45 м на стене устроены башни в плане округлой формы. Высота некоторых из них даже сейчас 6–8 м. Неподалеку от западного угла расположен бугор, подквадратной в плане формы размером 120×150 м и высотой 3,5 м. Въезды в городище были устроены в северо-западной, северо-восточной и юго-восточной сторонах.

Внутри вся обширная территория городища покрыта многочисленными буграми, впадинами – следами былой застройки. Особенно насыщена развалинами восточная часть памятника. Здесь сгруппированы десятки бугров квадратной, округлой и прямоугольной формы. Даже сейчас можно заметить некоторое подобие планировки, следы улиц и переулков. За пределами стен с северо-западной стороны городища имеется несколько бугров-тобе¹².

В 1998 г. были обнаружены и изучены строительные конструкции, отнесённые к жилой застройке XIII в. Вторым объектом раскопок на городище стал «буддийский храм». Были так же проведены раскопки богатой усадьбы, расположенной в южной части городища. В юго-западной части городища открыта монументальная постройка хорошей сохранности, интерпретируемая как баня типа «хамам».

В 50-х годах большая (центральная) часть цитадели городища при строительстве проселочной дороги была снивицирована бульдозерами. Теперь цитадель представляет своего рода «яму», окруженную стенами.

Объектом исследований в 2002 г. был выбран юго-западный участок цитадели. На нем был заложен стратиграфический шурф. Глубина шурфа достигла 1,7 м, но до конца работы закончены не были. Материал, собранный в нижних слоях раскопа, по всей видимости, дает основание говорить о X–XI вв.

В процессе работы на глубине 1–1,2 м были обнаружены мощные сырцовые конструкции. Также зафиксированы следы и максимальные размеры разрушения центральной части цитадели

Параллельно со стратиграфическими исследованиями шла работа по консервации монументального сооружения – «буддийского храма». С учетом накопленного международного опыта в консервационной практике было решено использовать сырцовый кирпич, глиняный раствор и лессово-саманные штукатурки, по составу напоминающие древние, в качестве основного материала. Посредством этих действий достигались основные принципы:

¹² Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. - Алматы, 2002. С. 44–45.

1) применяемый материал являлся «жертвенным» по отношению к консервируемому материалу т.е. разрушаясь под действием внешних факторов он сохранял структуру, не затрудняя циркуляцию влаги и температуры;

2) «обратимость всех действий» – в дальнейшем все покрытия могут быть «безболезненно» удалены с поверхности памятника, не неся за собой разрушений;

3) минимальное «вторжение» в «оригинальную» историческую структуру – обмазки и кладки, примененные на объекте, не нарушали структуры и отдельных элементов конструкции, а выполняли лишь роль защитного покрытия.

В результате вертикальные плоскости стен «храма» были покрыты лессово-саманной обмазкой, толщиной 1,5–2 см. Верхние (горизонтальные) поверхности стен покрыты 1–2 рядами сырцовых блоков, размером 36×16×15 см.

Исследования полевого сезона 2003 года проводились в пяти основных направлениях: работы на стратиграфическом шурфе цитадели, раскопки т.н. каравансарая, мониторинг и консервация «буддийского храма», раскопки поселения Лепсы, разведки и документация петроглифов хребта Алмалы.

Стратиграфический шурф. Шурф в квадратах А и Б был доведен до материковой поверхности. В ходе раскопок выявлено несколько слоев, дающих представление о начальном этапе застройки цитадели.

На основании материала, собранного в ходе раскопок шурфа, маркированы четыре основные строительные горизонты. Выделенные уровни полов внутри строительных горизонтов показывают длительность обживания последних и являются хронологическими периодами внутри выделенных горизонтов.

Предварительная датировка слоев на основании керамического материала позволяет отнести хронологические рамки основания цитадели городища к X веку. Особенности строительных горизонтов, выявленных стратиграфическим шурфом, заключаются в показательной стабильности планировки застройки данного участка городской территории.

Верхние слои раскопа сохранили следы пожара, что интересно, прослеженного почти на всех исследованных памятниках средневекового Каялыка.

Исследование каравансарая. Подквадратное в плане сооружение, размерами 30×30 (?) м, интерпретируемое как каравансарай, располагается в центральной части городской застройки Махристана городища Антоновское. Оно представляет собой квадрат мощных оплывших сырцовых стен, шириной до 5–7 м, с едва различимыми семью округлыми пристройками, расположенными по периметру стен (башни?). Внутри стен, на основании цифровых топографических исследований, можно выделить центральный открытый дворик и серию внутренних пристроек, прилегающих к стенам.

В полевом сезоне 1999 года, параллельно с исследованием т.н. усадьбы богатого человека, через северную сильно оплывшую стену каравансарая (опływ составляет 2,5–3 метра), по линии Ю был заложен шурф шириной 1,5 м. Северная и южная границы шурфа приблизительно маркировали границы оплыва. Глубина шурфа достигла 50–60 см, но стена обнаружена не была.

В полевом сезоне 2003 года было решено продолжить раскопки небольшого участка северной стены. Основные задачи, преследуемые в ходе проведения раскопок, – это определение формы, размеров и расположения стены. Для достижения выполнения указанных задач шурф 1999 года был зачищен и углублен в северной и южной частях. А с западной стороны был дополнительно прирезан небольшой шурф, размерами 4,6×1 м. Расширение шурфа проводилось по мере необходимости, в соответствии с расположением сырцовых завалов и конструкций – сверху вниз (в глубину) и от внешних сторон к внутренним с целью аккуратного перемещения сырцовых завалов и своевременного нахождения сырцовой кладки.

В ходе зачистки восточной бровки шурфа 1999 года были обнаружены аморфные сырцовые блоки (завалы?).

Снятие слоя на глубину 40–60 см показывает заполнение в виде лесса светло-коричневого цвета (эоловые отложения) и по центру – уплотнение желтовато-серого цвета, интерпретируемое

как завал сырца. Набор керамики стандартный – фрагменты сосудов, по функциональному назначению относящиеся к хозяйственно-бытовой группе. В завале обнаружен жженный кирпич, размерами 25×25×5 см.

В результате углубления на уровень 120 см в северной части шурфа была обнаружена кладка стены, сложенная из сырцовых блоков. Размер блоков 32×25×50 см. Блоки положены вперевязку. Всего было открыто 5–6 рядов сырца. Между четвертым и пятым рядом кладки был прослежен слой гальки. Назначение слоя, вероятнее всего, гидроизоляция или стабилизация стены. Обмазка стены не сохранилась, сильного завала сырца прослежено не было.

В западной части шурфа раскопана кладка, фактически под прямым углом примыкающая к стене. По всей видимости, это часть кладки центральной башни северной стены. Сохранность сырца удовлетворительная. Перевязки кладки сырцовых блоков башни и «основной» стены не обнаружено. Кладка блоков аморфная, в связи с чем, четкой кладочной линии т.н. башни не зафиксировано. Размер сырцовых блоков тот же, что и указан выше.

В ходе дальнейших исследований с южной стороны была прослежена четкая «внутренняя» линия основной стены. Ширина стены составляет 3 метра 98 сантиметров.

Внутренняя сторона основной стены являлась одной из стен внутренних построек каравансарая. В этой (южной) части шурфа обнаружено большое количество горелого дерева и мощные следы прокала красноватого оттенка. Внутренняя сторона стены была обмазана и оштукатурена. Об этом факте свидетельствуют фрагменты известковой штукатурки, довольно хорошей сохранности, толщиной около 1 см, все зафиксированные на вертикальной поверхности стены.

В связи с ограниченностью во времени и очевидной сложности исследуемого объекта на данной стадии было решено провести рекультивацию раскопанного шурфа. Наличие в раскопе большого количества горелого дерева (рухнувших перекрытий), и слоя прокала еще раз заставляет провести параллель со сгоревшим объектом, называемым буддийским храмом Антоновского городища и говорить о событиях приведших к пожару глобального масштаба, после которого жизнь на городище, по все видимости, уже не возобновилась.

Мониторинг и консервация «буддийского храма». По прошествии одного года Придунгарский отряд ЮККАЭ приступил к базовому мониторингу разрушений защитных покрытий и выявил следующие детали.

Верхний защитный слой-покрытие из сырцовых блоков разрушен не был и в связи с этим мониторинг разрушений последнего не проводился.

Базовый визуальный мониторинг состояния защитного слоя вертикальных поверхностей стен, позволил выделить разрушения, разделенные на четыре основные категории:

1. Разрушения «большой тяжести» (эрозия защитного слоя до 90–95%).
2. «Средней тяжести» (эрозия защитного слоя до 40–45%).
3. Незначительные разрушения сырцового покрытия (5–8%).
4. Не пораженные эрозией вертикальные поверхности стен.

В основном наиболее сильному разрушению подверглись юго-западные и северо-западные внешние участки стен, что связано с западным направлением движения воздушных потоков и осадков.

Защитная обмазка внутренних стен сохранилась значительно лучше. В основном эрозии подверглись верхние и нижние участки стен. Разрушение верхних участков вертикальных поверхностей связано с их доминирующим положением и, соответственно, открытостью. Нижние участки разрушались в основном из-за отсутствия дренажа, в связи с чем влага скапливалась у основании стен и вызывала размокание и разрушение, как защитного слоя, так и оригинального кирпича сырца, что усиливалось давлением основного массива стены.

Наибольшие опасения вызвала сильная эрозия нижних частей стен т.к. это грозило возникновением больших трещин и постепенным разрушением всей сырцовой конструкции.

Исходя из проведенного базового мониторинга, было решено сконцентрировать основные усилия на:

1. Восстановлении защитной обмазки в местах ее разрушения.

2. Создании элементарного дренажа, основанного на перепадах высот.

3. Грунтовой подсыпке оснований всех стен.

Дополнительно в юго-западном коридоре, в районе центрального входа была выкопана под-четырехугольной формы яма-отстойник (130×100×25 см), засыпанная гравийно-песчаным грунтом, для концентрации стекающей воды.

Городище Лепсы. На городище Лепсы, находящимся в 4 км восточнее городища Антоновского были проведены предварительные археологические изыскания с целью получения основной информации о времени существования городища, мощности культурного слоя и научной документации стратиграфии.

Шурф был заложен в северо-западной части городища Лепсы, в 23 мерах от западной стены. Раскоп ориентирован по линии С-Ю, размеры шурфа 2×3 метра.

В течении проведенных работ была установлена мощность культурного слоя 110–120 сантиметров. Стены обнаружены не были.

После снятия первого слоя, в восточной и западной части шурфа в грунте были прослежены полосы, контрастные с основным слоем. Как выяснилось, контраст цвета вызван тем, что ранее, городище было распахано под сад. Материал с данного слоя представлен фрагментами хозяйственно-бытовой и кухонной керамики, костями животных. Также были обнаружены: фрагмент оролого дерева и фрагмент железного изделия, сильно коррозированного.

Собранный материал представлен фрагментом глазурованной керамики XIV–XV вв., стандартным набором керамики хозяйственно-бытового и кухонного типа, так же стеклом. Количество остеологического материала, керамики и других находок, позволяет интерпретировать слой как пол. Уже на уровне около 50 сантиметров, находился уплотненный, суглинистый слой, яркоричневого цвета, также интерпретируемый как пол. Пласт гальки, пролегающий прямо над ним, позволил маркировать верхний (на галечном слое) и нижний (под галечным слоем) пол как разновременные. Предполагается, что появление слоя гальки на поверхности пола, вызвано селевым потоком, покрывшим площадь городища. Для подтверждения предположения, необходимо произвести масштабные раскопки в разных частях городища.

Рядом с шурфом, был заложен раскоп 5×6 метров ориентированный по линии С-Ю, с целью обнаружения каких либо стен или же архитектурных построек.

После снятия первого слоя в южной части раскопа обнаружилось уплотнение глины, яркого желтого цвета, длиной около 1 метра и шириной более 40 см. При дальнейшем углублении выяснилось, что уплотнение является частью стены.

В первых двух, снятых слоях находки представлены многочисленными фрагментами керамики, хозяйственно-бытового характера, кухонная керамика также присутствует. Наблюдается большое количество остеологического материала. На уровне 20–30 см, обнаружены два фрагмента чирага.

Причина наличия гальки в слое, остается под вопросом, однако продолжение культурного слоя над галечным, говорит о том, что возможно поселение было оставлено, а спустя какое-то время снова обжито.

По прекращению полевых исследования ЮККАЭ в 2003 году на территории городища Лепсы оба объекта были рекультивированы для дальнейших исследований.

В ходе проведения разведок в 2003 году был снят план городища Карабогет, а так же проведена большая работа по документации петроглифов хребта Алмалы. Для последнего памятника выбрана методика пространственной привязки каждого камня со сценой с помощью электронного тахеометра, а так же цифровые фотографии каждой отдельной сцены с указанием пространственного направления. Затем эти большие блоки данных объединяются в одну пространственно-атрибутивную систему, позволяющую интерактивно работать с созданной и обработанной базой данных. Нужно заметить, что подобного рода работа в Казахстанской археологии проводится впервые.

Археологические разведки. Географически Алматинская область представляет собой сложное сочетание горных хребтов и расположенных между ними межгорных долин, характеризую-

шихся широким развитием рек и умеренно-теплым климатом. Данный регион издревле являлся районом комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства. Скотоводство носило здесь вертикально-полукочевую форму, поскольку кочевание проходило здесь на небольших участках, где зимние и летние пастбища находились относительно близко друг от друга. Существуют также долины обеспеченные комплексом природных условий для развития оседло-земледельческой культуры. Природные условия в древности и средневековые играли важную роль в историческом развитии племен и народов свидетельством чего являются многообразные археологические памятники.

В ходе проведенных локальных разведок вблизи Антоновского городища был обследован ранее неизвестный могильник Таскудук I, расположенный С-З села Таскудук, бывшее им. Кирова, который, по всей вероятности, является некрополем средневекового городища Таскудук. Могильник расположен на первой (южной) надпойменной террасе пересохшей реки, ныне арык Малкар, вытянут с З на В на несколько километров – это оплывшие земляные курганы разной высоты и диаметра. При использовании GPS Garmin 12 channel и программы Auto CAD Land Development 2.0 был создан план могильника (рис.7).

По теме «Свод памятников Алматинской области» проводились поиски и обследования разновременных археологических памятников.

Могильник Шыбыши. Находится в 20 км восточнее села Кегень, в местности Култук. Это южная часть долины замкнутая горами со своеобразным микроклиматом. Он характеризуется теплыми малоснежными зимами и поэтому до настоящего времени используется как зимовка.

Могильник находится в южной части ущелья, состоит из двух параллельно расположенных цепочек курганов вытянутых с юга на север, вдоль горной речки. Западная цепочка состоит из девяти больших курганов высотой 3–5 м и диаметром до 15 м. Восточная цепочка состоит из семи курганов высотой до 1,5 м диаметром до 5–7 м. Насыпи курганов земляные. У большинства больших курганов в центре имеются следы грабительских воронок.

Могильник Жалаулы I расположен в 1,5 км западнее села Жалаулы, в 25 км на северо-запад от с. Кеген. Географические координаты: N 43°03'19.5" E 079°05'06.2" Цепочка из 5 курганов. Насыпь земляная. Высота 3–5 м, диаметр курганов от 20–40 м. Параллельно ей в 100 м западнее, расположены 2 кургана с земляной насыпью.

Могильник Жалаулы II расположен в 400 м на северо-восток от могильника Жалаулы I, в предгорной части гор Кулуктау. Географические координаты: N 43°03'54.2" E 079°04'38.6". Могильник состоит из цепочки курганов с земляной насыпью, ориентированных по направлению С-Ю. Высота их от 2–5 м, диаметр от 20–40 м.

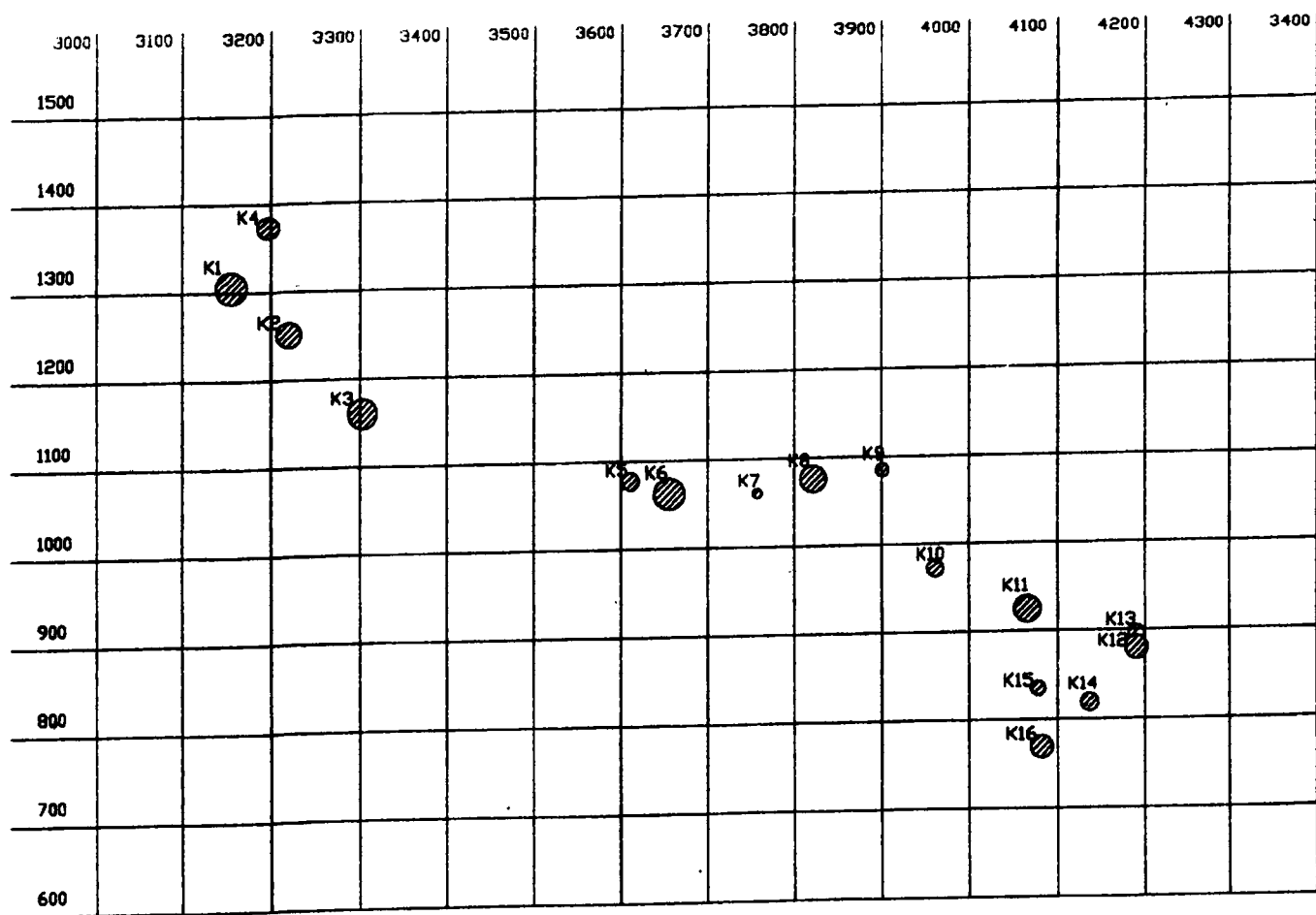
Для изучения погребальной обрядности и датировки, выборочные раскопки погребальных памятников проводились на могильнике Суыксай I (Аксусский р-он), могильник Нура (название условное, Енбекшиказахский р-он), аварийные раскопки на могильнике близ с. Кеген (Райымбекский р-он).

Могильник Суыксай I находится в 300 м к востоку юго-востоку от одноименного села. Географические координаты: 45°14'31 северной широты, 079°25'328 восточной долготы. Могильник расположен на первой надпойменной террасе р. Биен, состоит из 293 погребальных и поминальных сооружений.

В качестве объекта исследования были выбран курган с поминальной оградкой, расположенной в 1 метре от кургана на север. Внешние размеры сооружения: длина – 6,80 м, ширина – 5,30 м; внутренние, соответственно 5,30 м, 3,85 м. Конструкция сооружена из различных размеров (30×40×16 см) камней округлой формы.

Курган до раскопок представлял собой земляную насыпь, с каменной кольцевой обкладкой. Диаметр кургана 12 м, высота 0,40 м. С западной стороны кургана на дневной поверхности фиксируется коридор, выложенный из камней. По центру кургана расположены камни в виде вытянутого овала, ориентированного по линии запад-восток.

На глубине 80 см было выявлено могильное пятно, размером примерно 2,20×60 см, ориентированное по линии запад-восток. На глубине 1–1,10 см обнаружены потревоженные кости погр

Могильник
Таскудук 1
(план)

Институт
археологии

13.08.2002

ЛЕГЕНДА

- КУРГАН
- K12 номер кургана

Масштаб: 1/5000

Измерения: Воякин Д., Антонов М., Воякина Н.

САД: Воякин Д.

Руководитель
проекта
проф. Байпаков К.М.

Рис. 7. План могильника Таскудук 1

бенного – череп, фаланги пальцев руки, позвонок и ребро. Размеры могильной ямы составили: длина – 2,20 м, ширина 70–60–45 см, глубина – 50 см. По всей видимости, могильная яма была перекрыта каменными плитами. В ходе раскопок обнаружены невыразительные фрагменты керамики, фрагмент сильно коррозированного металла, плоский в сечении (возможно, обломок ножа), длина 6,5 см; фрагмент металлического бронебойного наконечника стрелы, трехгранного в сечении, длина – 5,5 см; фрагмент металла треугольного в сечении (возможно, обломок черешка от наконечника стрелы), длина 3 см.

В Райымбекском районе проведены исследования на могильнике Кеген I.

Могильник Кеген I расположен на ССЗ окраины с. Кеген, на левом берегу одноименной реки. К настоящему времени здесь сохранилось четыре кургана с земляной насыпью. Высота курганов варьируют от 1,5 до 5 м, диаметр: 20–40 м. Глиняные насыпи большинства курганов были сnivelированы современными работами. В ходе зачистки были обнаружены пятна от 17 снесенных курганов. Из них раскопано 6 курганов, и лишь под курганом №5 обнаружена погребение. Вследствие распахивания насыпи не удалось установить первоначальные размеры кургана. В центре основания кургана было четко выделено овальной формы пятно, размерами 1,1 м х 1,25 (1,30) м, которое, скорее всего, являлся входом в дромос. Далее дромос круто (40–45°) углубляется. На глубине 3 м дромос завершается катакомбой. При расчистке захоронения, которое оказалось ограбленным, обнаружен разрозненный костяк погребенного, он находился в беспорядочном положении. В ходе расчистки были обнаружены: золотая подвеска, золотая фольга, серебряные украшения с каменной вставкой и фрагменты костяных накладок сложного лука. Предварительная датировка кургана II–IV вв. н.э.

Это необычное для Илийской долины погребение в катакомбе, отличается от известных для сако-усуньского времени в грунтовых могилах и могилах с подбоями.

Классификация курганных могильников и погребальных сооружений под курганами в свое время была предложена К.А.Акишевым и Г.А.Кушаевым, исследовавших могильники в долине р.Или, на правобережье р.Или в степной зоне в своеобразном коридоре, образованном Заилийским Алатау на юге и невысокими горами Малайсары, Шолактау, Алтын-Эмель и Катутау на севере¹³. Кегеньский могильник, к сожалению, практически уничтоженный, дал материал как в части устройства могилы, так и в части артефактов для возможного выделения здесь кенкольской (катакомбной), или, как считает ее часть исследователей, гуинской культуры¹⁴.

С помощью шурфа обследован еще один курган с земляной насыпью, расположенный близко к жилым массивам села. Диаметр кургана 20 м, сохранившаяся высота составляет 1,5 м. Южная часть насыпи кургана в длину на 4,5 м, в глубину 0,9 м разрушена местными жителями, использовавшими глину в качестве строительного материала. Здесь же, на глубине 62 см виднелся край деревянного сруба? или перекрытия, где обнаружены фрагменты слегка отогнутого наружу венчика, мелкой керамики от тонкостенного сосуда. В результате заложенного шурфа в разрушенной южной части кургана под вышеуказанным деревянным перекрытием, обнаружено череп погребенного, ориентированного на Ю-3 (современное захоронение). Дальнейшая расчистка позволила на глубине 80 см зафиксировать края параллельно положенных деревянных жердей, ориентированных в юго-западном направлении. На данном этапе раскопочные работы были приостановлены, так как в центральной части кургана были выявлены современные захоронения.

Судя по стратиграфии, расположению деревянных жердей, древнее захоронение совершено в грунтовой яме имело деревянное перекрытие. Подобные типы могильных сооружений, известны из ранее исследованных погребальных памятников. Среди типов устройства могильных ям, наибольшую группу, составляют простые грунтовые ямы с деревянными перекрытиями.

Археологические исследования в Енбекшиказахском районе проведены на могильнике Нура I.

Могильник Нура I расположен в 2 км на юго-восток от с. Нура, у подножия гор Согеты, которые отделяют равнинную часть долины Чилика от горной части. Выбор работ именно на

¹³ Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963.

¹⁴ Бернштам А.М. Кенкольский могильник. / Избранные труды по археологии и истории киргизов и Кыргызстана. – Т.1. Бишкек, 1997. – С.19-62.

этом могильнике не случаен, ибо предгорья гор сплошь покрыты курганами, которые до сих пор не исследовались.

Географические координаты: N 43°32'01.2" E 078°30'35.5" Курганы имеют каменную насыпь и расположены тремя небольшими группами по направлению ССВ на ЮЮЗ. Диаметр их от 6, 40 м до 15, 50 м, высота от 0,2 до 0,8 м. Могильник состоит из 25 курганов, кроме того, возле курганов имеются небольшие кольцевые выкладки. В могильнике исследованы курганы 1,3.

Курган I, расположен в юго-западной части могильника, высота каменной насыпи – 0,3 м, диаметр 10,80 м 18). Прослеживается два каменных кольца, причем второе у основания насыпи. В 4 м на юго-запад от кургана имеется овальной формы выкладка из камней, размерами 2,5×1,5 м, где обнаружены мелкие фрагменты неорнаментированной керамики. Погребение совершено в грунтовой яме, размерами длина 2,2 м, ширина – 1,4 м, глубиной – 1,7 м, ориентированной по направлению СЗ-ЮВ. Заполнение могильной ямы – камни попеременно с землей. На глубине 20 см встречена забутовка из глины с примесью мелкого щебня. К сожалению, погребение оказалось ограбленным. Костяк находился в беспорядочном положении. В северной части могильной ямы обнаружены фрагменты костей барана, фрагмент сильно коррозированного ножа, плоского в сечении, длиной 12 см.

Курган III расположен в 23 м на северо-восток от первого кургана. Высота кургана – 0,4 м, диаметр 7 м, сооружен из камня средних размеров. В центр кургана камней нет. Как и в кургане I имеется выкладка из камней в 3 м на юго-запад от кургана. Погребение совершено в грунтовой яме с размерами 2,5×1,7 м, ориентированной по направлению СЗ-ЮВ. Заполнение могильной ямы: первый слой – до 50 см камни попеременно с землей, второй слой – до 40 см глина с вкраплениями супеси, третий слой глина светло-серого цвета. Погребение также оказалось ограбленным. При расчистке могильной ямы на глубине 1 м встречены отдельные кости погребенного, фрагменты кости барана. Костяк обнаружен на глубине 1,5 м, находился в беспорядочном положении. Погребальный инвентарь отсутствует.

К сожалению, отсутствие сопроводительного вещевого материала в погребениях затрудняет датировку погребальных памятников. Аналогичные по планировке, типам могильных сооружений, ям и конструктивных особенностей насыпей исследованы, как выше отмечалось, на правобережье р.Или. Подобный тип могильной ямы (грунтовой), с характерной ориентировкой, каменная насыпь, с кольцевыми выкладками у основания, расположение могильника и т.д. встречаются близкие аналогии в памятниках, датируемых временем с III в. до н.э. – IV н.э.

Назначение кольцевых выкладок, расположенных в юго-западной части, скорее всего, ритуальное. Аналогичные сооружения расположенные рядом с курганами, известны с могильника Юунтогай I в Алматинской области, на северных склонах Каратау (могильник у урочища Кен-ай). В них обнаружены глиняные сосуды.

Таким образом, расположение и конструкция курганов, наличие около курганов кольцевых выкладок позволяют говорить о едином погребально-поминальном комплексе.

Сходство погребальных конструкций отражает процесс взаимодействия и взаимовлияния различных этнокультурных образований региона в древности.

В дальнейшем, комплексное исследование поселений и погребальных памятников региона и накопление источниковой базы помогут более полно изучить не только материальную культуру, решить вопросы периодизации культуры эпохи раннего железа в исследуемом регионе, а также выделить районы с преимущественным развитием скотоводства и выявить соотношение группы населения занимающихся кочевым и отгонным скотоводством, земледелием и придомным скотоводством, но интегрированных в рамках единой социально-экономической структуры: в государствах саков и усуней.

В полевом сезоне 2003 г. проводились археологические разведки с целью выявления новых и исследования уже исследованных памятников. Основными маршрутами археологической экспедиции являлись долина р. Или и предгорья Заилийского Алатау, Придзунгарья и Центрального Тянь-Шаня. За отчетный период работы проводились на территории Енбекшиказахского, Уйгурского, Райымбекского, Кербулакского районов, долина рек Аксу, Лепсы Алматинской области.

ставлявал на продажу плотницкий инструмент, сельскохозяйственные орудия (лемехи, напильники, кетмени), кухонную утварь, скобяные изделия, но и занимался их ремонтом, а возможно, скупкой лома цветных металлов (меди, бронзы, серебра) и его переплавкой. В пользу этого свидетельствуют найденные здесь два целых и один с обломанной ручкой совки, использовавшиеся в плавильном производстве.

В ходе раскопок найдено большое количество керамического материала. Наиболее многочислен комплекс разнообразной неполивной посуды. Это фрагменты котлов, хумов, водоносных и столовых кувшинов, чаш.

Частые находки – фрагменты кольцевых и дисковидных поддонов неполивных сосудов, ручки, в том числе округлые в сечении, витые, а также боковины и венчики сосудов.

Находки поливной керамики немногочисленны. Это черепки, покрытые с одной или обеих сторон поливой небесно-голубого цвета, встречается также полива болотно-зеленая и светло-желтая. Посуда, покрытая поливой описанных оттенков, появляется в Семиречье в XIII в.¹⁶

Редкими находками являются фрагменты изделий из стекла, хотя многолетними исследованиями, проводимыми на Талгаре, установлен факт существования местного производства стеклянной продукции, появление которой датируется не ранее X–XI вв.¹⁷ Стекло матовое, имеет перламутровый отблеск, а также зеленое и прозрачное.

Имеются находки фарфоровой посуды. В северо-западной части раскопа найдено несколько фрагментов – это белый фарфор со светло-голубым орнаментом в виде плавно изогнутых линий, составляющих довольно сложную композицию. В изломе черепки имеют светло-желтый цвет обжига, толщина их от 2,5 до 4 мм. Интересен маленький фрагмент кольцевого поддона, толщиной 5 мм, свидетельствующий о том, что обнаруженные черепки являются частями изящной чаши, вероятно, импортного (китайского) производства. Описанные фрагменты фарфоровой посуды относятся, вероятно, к чашам с подглазурной росписью светло-голубого оттенка типа «ин-тин», производимого юаньским временем, либо, как считает Л.А.Евтюхова, XIII в., по аналогиям фарфора этого типа, найденного в нижнем горизонте культурного слоя Кара-Корума.¹⁸

Таким образом, на основе описанного выше материала, раскопанная усадьба датируется концом XI – началом XIII в.

2003 – ЖЫЛҒЫ СЫҒАНАҚ ҚАЛАСЫНДЫҒЫ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

С.Жолдасбаев, М.Касенов, Б.Нурханов

Қ.А. Яссауи атындағы ХҚТУ, Түркістан

2003 жылғы шілде айында Қ.А. Яссауи атындағы халықаралық казах-түрік университетінің «Археология және этнология» кафедрасының Сығанақ қаласында археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізді.

Сығанақ қаласы туралы көптеген мақала, кітаптар жазалған. Бірақ, археологиялық зерттеу жұмыстары жүргізілмеген. Алайда жазба деректерде:

*«Болса тәңірім екінші өмір қигандай
Сығынықта көз жұмар еш қиналмай» деген
(Ғисаметдин әл-Сығанақи, XII ғ.)*

арман Сығанақ қаласының ғылымы XII ғасырдың өзінде қандай гүлденген қала екендігін көрсетіп тұр. Үзінді келтірілген еңбекте Сығанақ қаласының атақты қала екендігі, бұдан Дешті Қыпшаққа қарай жол шығатындағы одан қалаға қымбат бағалы бұйымдар келетіндігі, не келсе де алдымен осы қалаға келетіндігі жырланады. Ал қаланың Түркістан қаласы мен Дешті Қыпшақ арасында

¹⁶ Савельева Т.В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау. – Алматы, 1994. – С.24, 25, 27, 31, 114-115.

Савельева Т.В. Указ. соч. – С.125.

¹⁷ Евтюхова Л.А. Керамика Каракорума // Древнемонгольские города. – М., 1965. – С.247.

орналасқан, шекаралық қала екендігі, тұрғындарының тыныштықта қауіпсіз бейбіт өмір сүріп жатқандығы суреттеледі.

Қала ғұлама ғалымдар тұратын ғылым ордасы еді деп ғисаметдин армандайды [1].

Сығанақ Қызылорда обл., Жанақорған ауданы, Жанақорған кентінің батыс жағында 40 км жерде, Сунақ ата қыстағының жанында, Сунақ ата әулиенің басына орнатылған ғимараттың дәл жанында. Қаланың жанынан Түркістан-Қызылорда тас жолы өтеді. Бұл жол баяғы Ұлы жібек жолының ізімен салынған. Міне осындай тоғыз жолдың торабында жатқан Сығанақ қаласының ғұмыры сонау алғашқы ортағасырдан басталған. Қаланың ғұмырының дәл қай ғасырда басталғандығын дәлдеп басып айту қиын. Үйткені оған археологиялық қазба жұмысы жүргізілмеген, тек үстінен теріп алынған көзелердің сынықтарына қарап V–VI ғасырларда өмір басталған деп жорамалмен айтылып жүр. Ал қаланың аты IX–X ғасырлардағы жазба деректерде кездеспейді. Тек X ғ. аяғында парсы географтарының деректерінде Сунах деген қала аты кездесетіндігін А. Якубовский келтіреді [2]. Ал, XI ғасырда қаланың Сығанақ деген аты атақты ғұлама түркі тілінің маманы ғалым Махмұт Қашқаридың «Түркі тілінің сөздігі» деген атақты еңбегінде жазылған [3]. XI–XII ғасырларды Қараханид мемлекетінің кезіндегі жазба деректердің барлығында қаланың аты жаппай кездесіп отырады.

Қалаға қазба жұмысы жүргізілмеген XIX ғасырдың аяғында қала туралы П.Лерх [4], В.Бартольд [5], А. Кастанье [6], В. Каллаур [7] сияқты ғалымдар азда болса өздерінің хабарларын жазған. Ал А.Ю. Якубовский «Сығанақ қаласының құландысы» атты еңбегінде толық мағлұмат беруге тырысқан [8]. Ғалым Қаллаурдың берген қаланың жобасының дұрыс болмағандығын да жазады. Совет дәуірінің кезінде Оңтүстік Қазақстанның қалалық ғұмырының ескерткіштерін жаппай есепке алу кезінде археологтар Е. Агеева мен Г. Пацевичтер 1950 жылдары қаланың жобасын берсе [9], ал Отырар қаласының кең масштабта зерттелуіне байланысты К. Ақышевпен, К. Байпаковтар 1970 жылдары қалада болып, бұл қаланың Отырардан кейінгі атақты қалалардың бірі екендігін айтып, келешектегі ұзақ жылдарға зерттеуді қажет ететін қала деп атап көрсетеді [10]. Міне содан бері қалаға арнайы ешбір ғылыми зерттеу жағынан із түспеген.

Ғұлама ғалым, археолог, кеше ғана дүниеден өткен К.А. Ақышев неге қаланы Отырардан кейінгі №2 қала деп атады [11]. Оның басты себебін жоғырада жазылған ғисаметдиннің айтуынан байқасақ, екінші бір басты деректі Өзбек ханы Мұхаммед Шайбани ханның хатшысы Фазлаллах Ибн Рузбихан Сығанақ қаласының базарына күніне 500 түйе сойылып қауап (шашлық) жасалап кешке дейін бір түйірде қауап қалмай сатылып кетуші еді деп жазады [12]. Кейбір аудармашылар 500 түйені тірідей сатқанда кешке дейін бір түйе қалмай сатылып кететіндігін жазады. Қалай болғанда да күніне 500 түйе сатылған базар қандай сауда орнының болғандығын тәпшіштеп айтпаса да көрсетіп тұрғандай. Ал басқа ірі қарамен ұсақ малдың қанша болғандығына тіпті есеп болмаған. Сондықтан да қаланың орталық қорғанын айнала қоршай салынған қарапайым халық тұратын шахристаны мен рабадының өзі ат шаптырым жерді алып жатқан, алып құрылысына, қарап К.А. Ақышовтың айтқан пікір еді. Шындығына келгенде бұл қаланың құрылыс жүйесі Отырар қаласының №1 қала болып тұрғандағы басты себебі, оның Шыңғыс ханның жойқын шапқыншылығына алты ай бойы қарсылық көрсетуі. Сығанақ қаласы да қарсылық көрсеткен, бірақта ол қарсылық жеті күнге ғана созылған. Ол қала аумағының тым үлкен болғандығынан қорғаныс күшінің жеткіліксіздігінен жау күшінің басымдылығына төтеп бере алмаған. Шыңғыс ханның қаныпезерлігі бұл қалада Отырардан да асып түспесе кем болмаған. Жазба деректердің хабарына қарағанда қаланың тұрғындары қарсылық көрсеткендері үшін жаппай қырғынға ұшыраған. Қаланың үшінші бір атақтылығы Ислам дінін таратуда басты роль атқарғандығы. Бұл қалада туып өскен Сунақ атаның және оның ұрпақтарының Ислам дінін таратудағы еңбектерінің зор болуы, қалада мешіт-медреселердің салынуы ғұлама ғалымдардың дүниеге келуіне әсерін тигізген. Сондықтан да бұл қаладан Шайхы баба Сығанақи, Хусам ад-Дин әл-Хусейн ас-Сығанақи сияқты т.б. ғұламалар шыққан. Қаланың Сунақ ата аталуы және оның ұрпақтарының діни іс-әрекеттері туралы өз алдына сөз болатын үлкен мәселе. XIV ғасырда қаладан қыпшақ ақындары Құтып және Берке Факих Қыпшақилер шыққан. Құтып өзенің «Хұсырау мен Шырын» дастанын осы Сығанақ қаласында жазған. Бұл шығарма Ақ Орданың ханы Тыныбек пен оның әйелі Мәлике хатунға арнал-

ан. Дастанның бір көшірмесін Берке Факих Египетке алып кетіп (1383) онда өзінің туысы Құтқожаның өтінуімен дастанды көшіріп жазған. Ол қолжазба қазір Париждің ұлттық кітапханасында 312 номермен сақтаулы [13].

Жазба деректерге қарағанда Сығанақ қаласы XIV ғасырдың алғашқы кезінен бастап Сасыбұханың кезінде (1309–1310) Ақ Орданың астанасы болған. Одан кейін қаланы оның баласы Ерзен хан билеген (1310–1321). Міне осы Ерзеннің кезінде Сығанақ қаласы дәуірлей бастайды. «Ескендр аноним» шежіресінің хабарында Ерзен Отырар, Сауран, Жент, Баршынкентте мешіт-мдреселер және тұрғын үй жайлар салғызған, өзі осы Сығанақтың жанына жерленген.

Рузбиханның жазуына қарағанда Әбілхайыр (1468 ж.) ханда осы Сығанақтың жанына жерленген. Оның сипаттауы бойынша ханның күмбезі таңғаларлықтай өте биік тамаша безендіріп жасалған. Қазір оның қай жерде екені белгісіз. Жазба деректерде Шайбан тұқымдарынан Ақ Орданың ханы болған хандар осы Сығанақ жанына жерленген.

Ерзеннен кейін хан болған оның баласы Мүбарек ходжа кезінде Ақ Ордада саяси жағынан құлдырау Мүбарек сараң дүние құмар адам болған. Мұны пайдаланған ақ сүйектер ел ішінде бүлік тудырып отырған. Ал нумизматика ғалымдарының пікірі бойынша Мүбарек ходжа алғаш рет өзінің Алтын Ордадан тәуелсіздігін жариялап өз атынан Сығанақта ақшасын шығарған. Бірақта ішіндегі бүліктің әсерінен хан алғаш қырғыз жеріне көшсе, кейін Алтай жеріне ауа көшіп екі жылдай қаңғумен болған. Сондықтан жазба хабарлар мұның өз атынан ақша шығарып Алтын Ордадан жекеленуге жасаған әрекетіне қарамастан, Ақ Орданың дамуына өзінің ықпалын тигізген Ерзенханның атына мадақтау басым айтылады. Мүбарек ходжаның қаңғып жүрген кезін пайдаланған Алтын Орда ханы Өзбек хан Ақ Орданы билеуге оның астанасы Сығанаққа өзінің баласы Тыныбекті отырғызады. Алайда Өзбек хан қаза болғаннан кейін оның орнына хан болған екінші баласы Жәнібек өзінің орнына келешекте Алтын Орда ханы болуға әрекет жасайтын бәсталасы олатын Тыныбек деп оны өлтіріп қояды. «Ескендр аноним» шежіресінің хабарына қарағанда Тыныбектің орнына Ерзеннің баласы Шымтай хан (1344–1361) болып Ақ Ордаға билікті Сығанақта жүргізді. Шымтайдың өз атынан шыққан теңге белгісіз, бірақта оның билігінің соңғы кезінде Сарай Берке ханы болуға тырысқан Қызыр, Темір қожалар мен Мурид, Келдібектер сияқты Сарай хандары өз аттарынан теңге шығарған. Ал Шымтайдың өзі Алтын Орданың ханы болуға ақшашан әрекет жасамаған. Керісінше оның баласы (кейбір деректерде оның немересі) Ұрыс хан жекесі Шымтайға Алтын Орданың ханы болуға үгіттеген. Бірақ Шымтай оны тыңдамаған. Шымтайдың орнына хан болған Ұрыс (1361–1380) билік қолына тиген кезден бастап Алтын Орданың ханы болуға әрекет жасаған. Міне осы Ұрыс ханның кезінде оның атынан 1371–1373 жылдардың арасында «Жаңа Сығанақ» деген жазумен теңге шығарылған. Оның екі данасы эрмитажда сақтаулы, ал 8 данасы Сарайда 1377–1378 жж. соғылған. Бұл деректерден Ханның алғашқы кезде Жаңа Сығанақта теңге шығарғаны белгілі болса «Жаңа Сығанақта» деген хабар екі Сығанақ қаласы болған ба деген ой туғызады. Ал, Сарайда шығарған ақшасы Ұрыс ханның Алтын Ордаға билік жүргізгендігін толық дәлелдей түседі.

Алайда Түйқожаның ұлы Тоқтамыстың Ақ Ордаға қауіп туғызуына байланысты Ұрыс хан Сығанаққа қайта оралды. Бұл жағдай XIV ғасырдың аяғында Әмір Темірдің араласуымен болған өз алдына қарастырылатын тарихи жағдай.

Қысқаша айтатын басты мәселе Әмір Темірдің көмегімен Тоқтамыс Ақ Орданың ханы болып Сығанаққа отырғызылады. Ол өзінің атынан Сығанақтың теңгеханасында 1378–1379, 1379–1380, 1381–1382 жылдар арасында теңге шығарған. Сонымен Сығанақтан XIII ғасырдың аяғынан бастап XIV ғасырдың аяғына дейін ақша шығарылуы, оның ішінде ақшаның Жаңа Сығанақтан шығарылуы деген дерек, қаланың Шыңғыс шапқыншылығының зардаптарын тез жойып қайта өтерілгендігін айқарадай анықтайды. Әсіресе ақшаның Жаңа Сығанақтан шығуы, деген теңгегі жазу шапқыншылықтан кейін, қираған қаланың жанынан қайтадан жаңа Сығанақ қаласы бой өтеріп онда «теңгеханалар» салынды ма деген ой туғызады. Оны тек қалаға жүргізілген археологиялық зерттеулер ғана анықтайды.

Сығанақ қаласы XV–XVII ғасырлар арасында да атақты қалалардың бірі болды. Алайда қаландыры бұл кезде де бейбіт жағдайда өмір сүре алмады. XV ғасырда Ұрыс ханның ұрпағы Барак

хан мен Әмір Темірдің ұрпағы Ұлықбек арасындағы таластартыстың көзі болған. Сонда Барақ хан өзінің Ұлықбекке жолдаған хатында «Менің атам Ұрысхан Сығанақта тұрып, онда құрылыс орындарын салғандықтан Сығанақ жайлымдықтары заң бойынша да, әдеттік құқық бойынша да маған тиісті» дейді.

Ал XV ғ. II жартысынан қала Мұхаммед Шайбан хан мен Тоқа Темір хан ұрпақтарының арасындағы талас-тартыстың михнатын көрсе, XV ғасырдың 80-жылдарының аяқ кезінен бастап өзбек хандығымен қазақ хандығының арасындағы қайшылықтың құрбаны болады.

Біз жоғарыда келтірген Фазлаллах ибн Рузбиханның «Бұқар қаласының қонағы» атты шежіреде Сығанақ қаласына керемет сипаттама берілгенін жаздық. Осы шежіреде қаланың бірде Мұхаммед Шайбани ханның қолына түссе, бірде қазақ ханы Бұрындықтың қолына түсетіндігі жайлы хабарлар жиі кездесіп отырады. Ал қала аймағындағы қыстақ-кенттер мен қала тұрғындарының қазақ хандарына ылғи да жақсы ниетте болып қақпаларын ешбір қарсылықсыз айқара ашып қарсы алатындары хабарланады. Мәселен, қала тұрғындарының басқарушылары Қазы Садыр ал Ислам, Шақпақ жүзбегі, Сыдық-Шайхтар қаланы алуға келген Бұрындық ханға қала тұрғындарын жинап алып «бұрын бұл аймақ Бұрындық ханға қарайтын сондықтан ешбір қарсылық көрсетпей-ақ бұл қаланы Бұрындыққа берсек дұрыс болады» деп қаланы ешбір қарсылық-шығынсыз берген [14]. Мұндай жағдай Сауран, Түркістан қалаларында да болған. Бұл көріністерден Сырдарияның орталық ағысындағы қалалардың XV ғасырдың аяғынан XVI ғасырдың бас кезінен бастап қазақ хандарының қол астына өте бастағандығын байқатады.

Фазлаллах ибн Рузбиханның жазуына қарағанда қаланың діни қоғамдық ғимаратарында Ислам дініне байланысты сұрақ жауаптар, түрлі жиындар болып тұратындығын, ондай кештерге өзінің де қатынасып түрлі сұхбаттар жүргізілетіндігін жазған. Ондай жиындар Түркістан, Сауран, Отырар т.б. қалаларда жиі болып тұратындығын, оларға барып өзі де араласып, әр түрлі сұрауларға жауап беретіндігін жазады. Әсіресе мұндай кездесулер Сығанақта жиі болып, онда қыпшықтарды Ислам дініне тартуда көбірек көңіл бөлінген дейді. Қалада және оның аймағында қыпшақ тұрғындары басым болған. Сондықтан да қаланы қыпшақтардың басты орын тепкен жері, (этот город является гаванью Дешт-и-Кыпчакской степи) деп суреттен жазылған.

Қаланың және қала тұрғындарының егін шаруашылығымен қалай айналысқандары жайлы, Рузбихан өзінің шежіресінде Сырдариядан тартылған арықтардың көптігін, олардың суы егін егуде жеткілікті екендігін тандана жазған.

XVI–XVII ғасырлардағы түрік тілінде жазылған деректерге қарағанда Сығанақ қаласының тұрғындарына берілген жерлер, оны суғаратын арық-тоғандар туралы грамоталар табылған. Алайда бұл хаттамалар ак. В.В. Бартольдтың айтуына қарағанда жалған грамоталар [15]. Бірақта бұлардың тарихи маңызы зор. Себебі онда қаланың аймағындағы суландыру жүйесінде қандай арық тоғандардың және жер аттары, оларды иемденген қоғамдық ұйымдардың аттары жазылған. Олар бүгінде солай аталып жүр. Мәселен, Бірінші грамотада Төмен арық, Қызыл тал, Оранғай, Бозғыл өзек деген арықтардың аты кездеседі. Ал, үшінші грамотада қала аймағындағы тұрақты қыстақ-кенттер тұрғындары мен жартылай көшпелі қыстауларда тұратындар деп оларға бөленген жерлер туралы айтылса, оларды суландыратын Тоқтамыстың бұлағы, Хараш бұлағы, Қызыл тал, Арыстанды каналдары, Мынбұлақ сияқты т.б. жер, су, арық, атаулары көрсетіледі. Олар бүгінде солай айтылып Сайрап жатыр.

2003 жылы Сығанақ қаласына үш қазба салынды.

Қазба 1. Қаланың шығыс жағынан рабатқа кіреберіс жеріндегі кішкене төбешікке салынды. Қазба көлемі 8,5×14,5 м. Орталық бөлік қамалынан 20 м. Қашықтықта. Үш бөлмелі үйдің орны тазаланды. Құрылыс оңтүстіктен солтүстікке созылып жатыр.

Бөлме 1. Бөлме көлемі 4×3,5 м. Сақталған қабырға биіктігі – 0,3 м, ені – 0,45 м. Бес қатар кірпіштен қаланған. Байланыстырушы материал ретінде саз ертіндісін қолданған. Кірпіш көлемі 25×25×5 см. Батыс жақ қабырғасының ортасында ені 0,8 м болатын есік жасалған. Едені тегіс. Оңтүстік-батыс бұрышында ошақ қалдығы табылды. Оның диаметрі 0,3 м. Бөлме еденін тазалағанда бидай, ас бұршақтың күйген қалдықтары табылды. Ошақ алдынан қол диерменің үстіңгі тасының сынығы табылды, бетіне өрнек салынған.

Бөлме 2. Бірінші бөлменің солтүстігінде орналасқан көлемі $4 \times 3,2$ м. Сақталған қабырғасының биіктігі – 0,3 м, ені – 0,45 м, бес қатар қыш кірпіштен қаланған. Ол бірінші бөлмемен оңтүстік-батыс бұрышындағы есікпен жалғасқан. Екінші есік солтүстік-батыс бұрышында орналасқан. Ені – 0,8 м. Қабырғасы мен едені сыланған Сылақ қалыңдығы 0,5 см. Қабырға мен едені қатты күйген. Соған қарағанда өрт болғанға ұқсайды.

Бөлме 3. Екінші бөлменің солтүстігінде орналасқан. Көлемі $5,75 \times 3,75$ м. Сақталған қабырға биіктігі – 0,3 м, ені – 0,45 м. Оңтүстік-батыс бұрышында ені 0,8 м келетін есік орналасқан. Бөлме қабырғасы мен едені қатты күйген. Бұл үй өртке ұшырап қираған болса керек. Күл мен шала жанған ағаш қалдықтарына толған. Бөлмелерді тазалау кезінде сырлы және сырсыз қыш ыдыстарының сынықтары, шыны бұйымдар, темірден, сүйектен жасаған заттар табылды. Күл – коқыс арасынан жез самауырын тұтқасы, шүмегі тағы басқа қалдықтары табылды. Жалпы табылған заттар XVII–XVIII ғғ. тән.

Қазба 2. Қаланың солтүстік-батыс жағындығы қалаға күретін екінші қақпаға қарама-қарсы 100 м. жердегі рабат үстіндегі төбешікке салынды. Көлемі 40×30 м, биіктігі 1,5 м, төбешік қазалды. Төбешік үсті қыш сынықтарына толы болды.

Жер бетінен 30 см тереңдіктен қыш кірпіштен қаланған ғимарат қалдығы ашылды. Оның сыртқы қабырғасы толық ашылып, тазаланды. Көлемі 14×12 м, болатын қыштан қаланған кесене солтүстіктен-оңтүстікке созылып жатыр. Ғимарат үстінен көлемі $25 \times 25 \times 5$, $43 \times 25 \times 7$, $41 \times 26 \times 6$ см кірпіштер кездеседі. Қызыл түсті топырақпен құрылыс қалдықтары мен кірпіш сынықтары бағып қалған.

Ғимараттың қабырғаларының қалыңдығы 1,2 м, биіктігі 1,5 м, ол көлемі $25 \times 25 \times 5$ см, келетін қыш кірпіштерден қаланған. Іргесі көлемдері $40 \times 40 \times 20$, $50 \times 50 \times 35$, $30 \times 30 \times 2$ см келетін сұр таспен 3 қатар болып қаланған.

Қабырғаның іші мен сыртқы бүтін кірпішпен, ал іші сынық кірпішпен қаланған. Байланыстырушы материалға саз ерітіндісін қолданған. Қабырға сырты сабан қосылған сазбен бірнеше рет сыланаған. Сылақ қалыңдығы 5 см. Кірпіш арасындағы байланыстырушы лай ерітіндісінің қалыңдығы 1,5 см. 1 м тереңдіктен 2 бөлменің наубайы ашылды кесене есігінің батыс бөлігі қазылып тазаланды. Кесененің алдыңғы қас бетінің бұрыштары мұнара түрінде жасалған. Есік қабырғасы ғимарат қарбығасынан 1,25 м шығыңқы қаланған. Сақталған қабырға биіктігі 1 м, қалыңдығы 1,2 м. Оның үлгісіне көлемі $85 \times 50 \times 15$ см болып келетін тас тақта төселген. Тас қоңыр-сұр түсті құмтас.

Бірінші бөлме ғимараттың солтүстік-батыс бұрышынан ашылды. Көлемі $3,65 \times 3,3$ м, қабырғасының биіктігі 1 м. Шығыс және оңтүстік қабырғаларының қалыңдықтары 80 см. Бөлменің оңтүстік-батыс бұрышында ені 80 см келетін есігі бар. Еденге $25 \times 25 \times 5$ см қыш кірпіштер төселген. Бөлме ортасына екі табыт салынған.

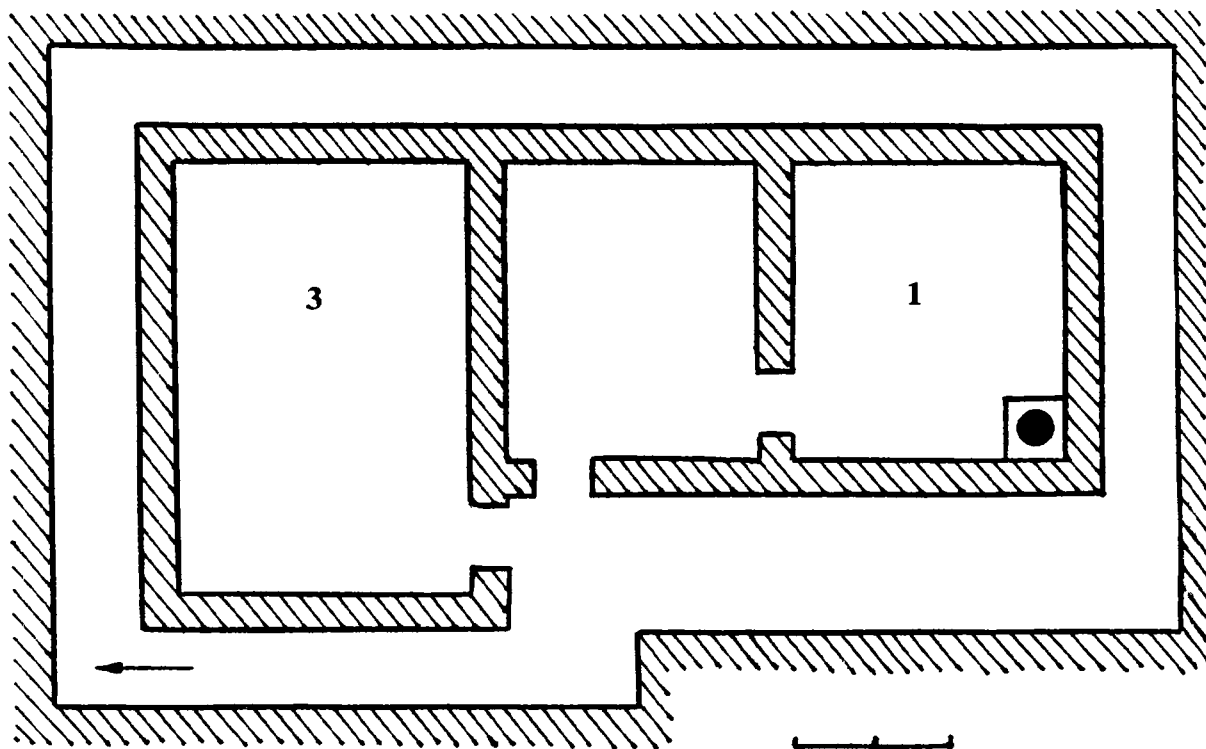
1-табыт солтүстіктен-оңтүстікке бағытталып жатыр. Көлемі: ұзындығы 2,7 м, ені – 70 см, биіктігі 75 см. Ол көлемі $25 \times 25 \times 5$ см қыш кірпіштен қаланып, саз ерітіндісімен баланыстырылған. Табыттың солтүстік жағынан өрнектелген қыш плита сынығы, күмбез ұшына қойылыныатын кеңіс тәрізді сырлы шошақ қыш және диаметрі 1,5 см бір теңге табылды.

2-табыт 1-табыттың шығысында 50 см қашықта орналасқан. Көлемі: ұзындығы 2,6 м, ені 1 м, биіктігі 30 см. 4 қатар кірпіш қаланып, оның үстіне 5 кірпішті бұрыштап қойған. Оны жиектеп сыртқы қырлары тегістелген сынық кірпіштер қаланған. Олардың көлемдері $25 \times 12 \times 5$, $25 \times 13 \times 15$ см. Олар өз ара саз және гипс ерітіндісімен байланыстырылған. Бөлмені тазарту кезінде сырлы және сарсыз ыдыстардың сынықтары табылды.

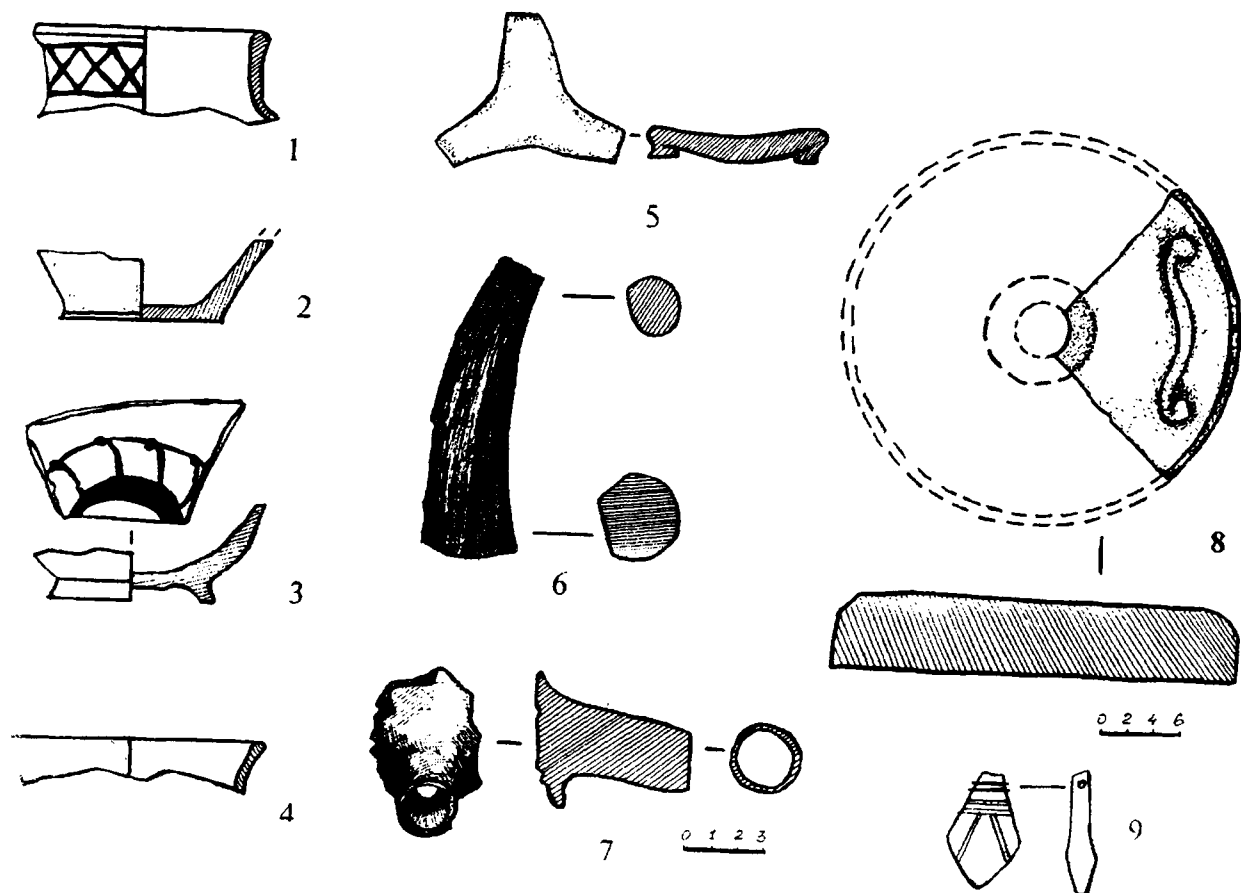
2-бөлме 1-бөлменің оңтүстігінде орналасқан. Көлемі $7 \times 3,3$ м. Сақталған қабырғасының биіктігі 1 м. Бөлме іші бүтін және сынық кірпіштермен толған. Еден деңгейін тазарту кезінде 16 қатар қырымен құлаған құланды қабырға тазаланды. Кірпіш көлемдері $43 \times 25 \times 7$, $41 \times 26 \times 6$ см. 1 кірпіштер кесене қабырғасы немесе күмбезді құландысы болған. 2 бөлме 1 бөлмемен солтүстік-батыс бұрышындағы есікпен байланысқан. Солтүстік қабырғада есіктен 25 см қашықта еденнен 1 м биікте қабырғаға ойып ойық «ниша» жасалған. Нишаның көлемі – биіктігі 40 см, ені 40 см, тереңдігі 20 см. Бөлме еденіне көлемі $25 \times 25 \times 5$ см болатын қыш кірпіштер қырына төселген.

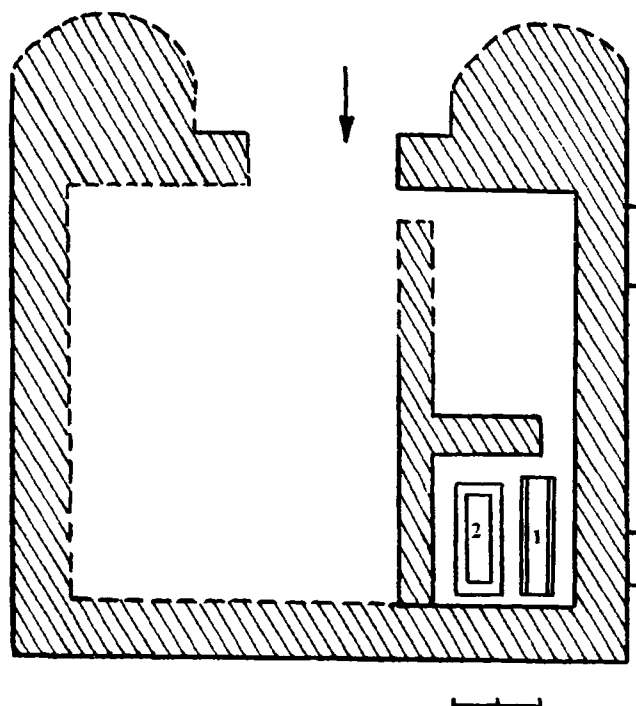
1-сурет. Сығанақ қаласының жобасы

2-сурет. Қазба 1 жалпы жобасы

3-сурет. Қыштан, тастан, сүйектен жасалған бұйымдар

4-сурет. 2-кесененің жалпы жобасы

1-сурет. Сығанақ. Солтүстік шығыстан көрінісі

2-сурет. Сығанақ. Солтүстік – шығыс қамалы

3-сурет. Сығанақ. Кесененің қас беті

4-сурет. 3-қазба

Еден деңгейі бірінші бөлмеден 20 см төмен жатыр. Бөлме толық тазаланған жоқ, солтүстік бөлігі ғана еден деңгейіне дейін тазартылды.

Кесененің сыртын батыс жақ қабырғадан 3×6 м көлемінде қазба салынды. 50 см теріндіктен 4 табыт ашылды. Кесене маңы кейінгі кезеңде зиратқа айналған.

Қазба 3. Қаланың жасын анықтау үшін орталық бөліктің шығыс дуалын бойлай қазба салынды. Қазба көлемі 11×20 м. Шығыстан батысқа бағытталған. 0,8 м терендіктен құрылыс қалдықтарының наубайы ашылды. Жоғарғы құрылыс қалдықтары тазартылған сол оңтүстік бөліктен жақсы сақталған бөлме ашылды.

Бөлме көлемі 4×3 м қабырғасының ені – 0,5 м, биіктігі – 0,2 м саз шикі кірпіштен қаланған. Солтүстік-батыс бұрышында ені – 0,8 м келетін есік орналасқан. Шығыс қабырғасын бойлай ені – 1,25 м, биіктігі 0,4 м суфа жасалған. Солтүстік қабырғасын бойлай ені – 0,5 м, биіктігі – 0,4 м суфа жасалған. Шығыс қабырғасындағы суфаға тандыр ошағы орналасқан. Оның диаметрі – 50 см, терендігі – 40 см, іші күлге толған. Еденіне көлемі 25×25×5 см келетін қыш кірпіштер төселген. Бөлме еденіне астына түбі тесік хумнан ташнау жасалған. Бұл қалдық суларды төгетін жүйе болған. Жалпы қазбадан бес күл-қоқыс шұңқыры тазартылды. Жақсы сақталған ташнау, тандыр қалдықтары ашылды. Қазбадан көптеген сырлы және сырсыз ыдыстарының сынықтары табылды. Оларға көзе, құмыра, табак, хум, тағара жатады. Мұндай ыдыстар XVII–XVIII ғғ. тән.

Қорыта келгенде, Ортағасырлық Сығанақ қаласында жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстары жаңа дерек көздерін аша бастады. Қалаға кең көлемді қазба жұмысын жүргізу арқылы қала жасын, жобасын, тарихын анықтайтын тың деректер жиналады. Қала келешекте Қазақстан тарихынан өз орнын алады деп сенеміз.

ӘДЕБИЕТ:

1. Фазлаллах ибн Рузбихан. Бухарский гость.– М., 1976.– С.116-117.
2. Якубовский А. Ю. Развалины Сыганака.– Сообщение ГАИМК.– Т.11.– Л., 1929.– С.123.
3. Махмұт Қашқари Түркі тілінің сөздігі.– А., 1990.– І.– 392 б.
4. Лерх П. И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1967 году.– СПб., 1870.
5. Бартольд В.В. Сочинения.– Т. VII.– М., 1973.– С. 199, 202-203.
6. Кастанье А. Развалины древнего города Саганак или Сунак. / В кн. «Древности киргизской степи и Оренбургского края».– Оренбург, 1910.– С.191-192.
7. Каллаур В.А. Приложение к протоколу Туркестанского кружка любителей археологии от 7 февраля 1900 г.– С.6.
8. Якубовский А.Ю. Развалины Сыганака.– Сообщение ГАИМК.– Т.11.– Л., 1929.– С.123.
9. Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана.– ТИИАЭ.– Т.5, Археология.– А., 1958.– С.96-97.
10. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар.– А., 1972.– С.157-160.
11. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар.– А., 1972.– С.207.
12. Фазлаллах ибн Рузбихан.– М., 1976.– С.116.
13. Қазақстан тарихы.– II т.– А., 1998.– 243 б.
14. Фазлаллах ибн Рузбихан.– М., 1976.– С.112.
15. Бартольд В.В. Сочинения.– Т.VIII.– М., 1973.– С.199.

АЗАҚСТАННЫҢ БАТЫСЫНДАҒЫ МҰНАЙ ЖӘНЕ ГАЗДЫ ИГЕРУ АУМАҚТАРЫНДА ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЖҰМЫСТАРДЫҢ КЕЙБІР ҚОРЫТЫНДЫСЫ

**А. Оңғар, Ф.Қ. Қиясбек, Н. Жетпісбай,
А. Шотбаев, Ұ. Үмітқалиев, Ю.А. Мотов, Е. Оралбай**
Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институты, Алматы

2002 жылдың аяғынан бастап Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институтының Батыс Қазақстан экспедициясы (жетекшісі – Самашев З.С.) Атырау қаласынан солтүстік-шығыста қырық шақырым жерде орналасқан Қарабатан темір жол разъезі төңірегіндегі АджипҚҚО мұнай компаниясының құрылыс жұмыстарын жүргізу аумағында және жалпы көлемі 157 шаршы километрді құрайтын Кеңқияқ мұнай кен орнын қайта қарқынды игеріп, мұнай бұрғылау ұңғыларын қондыруға байланысты Ақтөбе облысының Темір ауданында «Тарихи-мәдени мұраларды қорғау мен пайдалану туралы» Заңына сүйене отырып, зерттеу жұмыстарын жүргізді.

АджипҚҚО-ның мұнай мен газды кешенді түрде қайта өңдейтін құрылғы (МГКҚӨҚ) салу алаңы (10 шаршы шақырым), оған теңізден тартылар мұнай және газ құбырларының бойы, МГКҚӨҚ – Атырау экспортты мұнай құбыры, Мақат – МГКҚӨҚ газ құбыры, сонымен қатар, кезекшілік тұрғынжайы (вахтовый поселок), Атырау қаласы жақтан тартылатын су құбыры, электр желісі, Атырау-Мақат автожолынан МГКҚӨҚ-қа қарай салынатын уақытша және негізгі жолдар, жолдарды салу үшін топырақ алынатын карьерлері мен Қарабатан разъезінен МГКҚӨҚ-ке тартылатын теміржол бойларында археологиялық барлау, бақылау және авариялық-құтқару жұмыстары жасалынды (1-сурет).

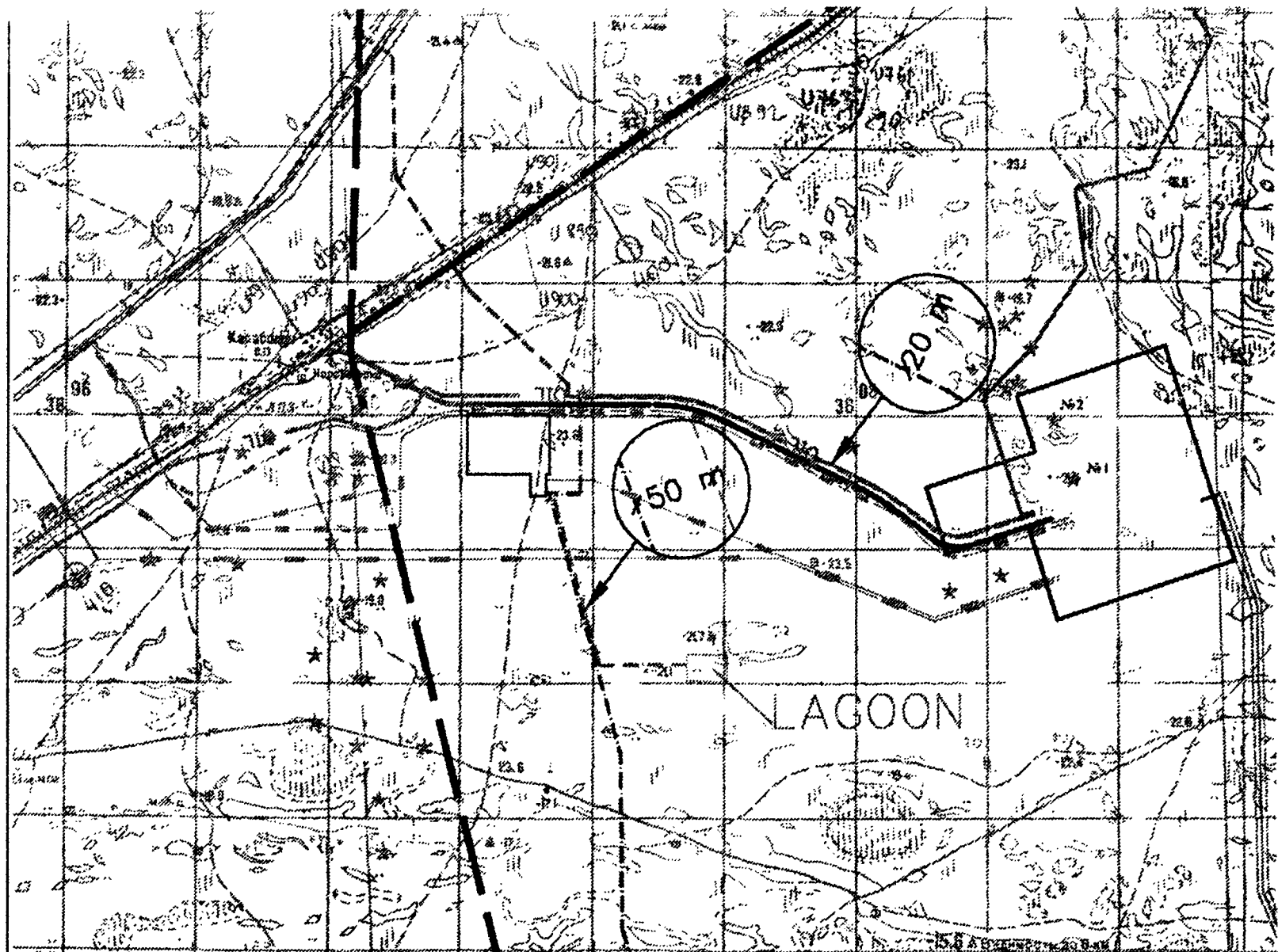
Каспий теңізінің солтүстік-шығыс жағалауы бойындағы шөлейтті болып келетін бұл өлкенің ықпалы зерттеу барысында ортағасырлық маусымдық тұрақ орындары мен жұқа мәдени қабат және үздіксіз шығыс пен оңтүстік-батыстан соққан желдің әсерінен жер бетіне шығып жатқан неолиттік құралдардан бастап әр дәуірдің қолдан немесе шарықта жасалынған қыш ыдыс-сынықтары, күміс дирхем, темір бұйым сынықтары, қыш шлактары т.б. табылды (Самашев З.С., Оңғар А. и др., 2003).

Табылған олжаларды қысқаша сипаттап өтейік:

Жүргізілген жұмыстар барысында ең көп кездескені саз+саз (карбонатты)+органика, саз+рақашка(ұнтақталған)+органика, саз+органика, саз+шамот+органика, саз+құм+органикадан жасалынған, штампты, не металл стерженьді ағаш немесе сүйектен жасалған құралмен толқынды, сызылған түзу етіп көбінесе ыдыстың мойнына салынған өрнектер, температурасы 800оС-дан төмен емес, арнайы пеште немесе ашық ошақта күйдірілген XIV–XV ғасырларға жататын қыш ыдыстардың сынықтары. Сонымен қатар Жошы әулеті теңгелер топтамасына енетін күміс дирхемнің табылуы (размері 15×17 мм, салмағы – 1,30 г. Монетаның қас бетінде «Сұлтан» деген сөз оқылады. Артқы бетінде «Сарай ал-Джадид / 752 г.» деп бастырылған) Жайық өзенінің оң жағалауында орналасқан Сарайшық, Үшқан сынды Алтын Орда қалаларын Хорезм, Үнді елімен байланыстырып тұрған отырықшылар мен көшпелілерді байланыстырар керуен-сарайлар, уақытша маусымдық тұрақтардың болғандығын, өркендеген Ұлы Сауда жолының осы бағытпен жүргендігінен хабар береді.

Мұнай мен газды кешенді түрде қайта өңдейтін құрылғы салынатын алаң ішіндегі қазба жұмыстары жүргізілген ортағасырлық екі маусымдық тұрақтан қызықты мәліметтер алынды. Диаметрі 4×2,8 метр, тереңдігі 0,68 метр жертөле мен одан оңтүстік-батыста 8 метр жерден 8×8 метр көлемді киіз үй орны аршылды. Мәдени қабат квадратты түрде, 0,2 метр тереңдікке дейін қазылды. Бұл тереңдікте әр бөліктен қыш ыдыс сынықтары мен малдың сүйектері кезікті.

квадраттан жертөледен оңтүстікке қарай ені 0,47 метр, тереңдігі 0,33 метр іші күл мен қыш ыдыс сынығына толған, қабырғасы сыланған ошақ орны табылды. Е3 квадраттан көлемі мөлшері 25×17×6 см қызыл кірпіш қалдықтары байқалды. Тұрғызылу ерекшеліктерін қарқас құрылым бөлшектері мен дінгек шұңқырларының орны байқалмағандықтан ашу мүмкін емес болды. Бірақ жартылай көшпелілердің жазғы мезгілде уақытша тұратын, есігі оңтүстікке қараған

1-сурет. АджиККО-ның құрылыс жүргізу аумағы. Табылған археологиялық ескерткіштер

жайы болғаны анық. Екінші объектіні қазу барысында тек қыш ыдыс сынықтары мен мал сүйектері ғана кездесті.

Карьерлерде топырақ алу барысында үйіндісіз жерлеу орындарына кездейсоқ тап болу жайлары, қала – сауда орталығына жақын орналасуына байланысты әр төбеден адамдардың іс-әрекетінен мол хабар берер заттай деректердің көптеп табылуы, елдің жиірек қоныстануы жүргізіліп жатқан құрылыс жұмыстарына бақылау жасауға итермеледі. Нәтижесінде екі топырақ карьерінен бастары ауытқымалы түрде батысқа қараған үш жерлеу орны («Желдорстрой» ААҚ-ның №2, №3 және №4 карьерінен) мен XII, XVII–XVIII ғғ. жататын екі адам сүйектері («Желдорстрой» ААҚ-ның №4 карьерінен) ашылды. Тапсырыс берушінің қолдауымен алғаш рет Алтын Орда жерлеу ескерткіштерінің радиокөміртекті датасы алынды. Соған қоса «Теміржол Құрылыс – Атырау» ЖШС-ның топырақ карьерінен ерте темір дәуіріне жататын жанына қыш ыдысы қойылған жерлеу табылды. Дегенмен жалпы барлау жұмыстары барысында савромат, сармат ескерткіштері аз кездесті.

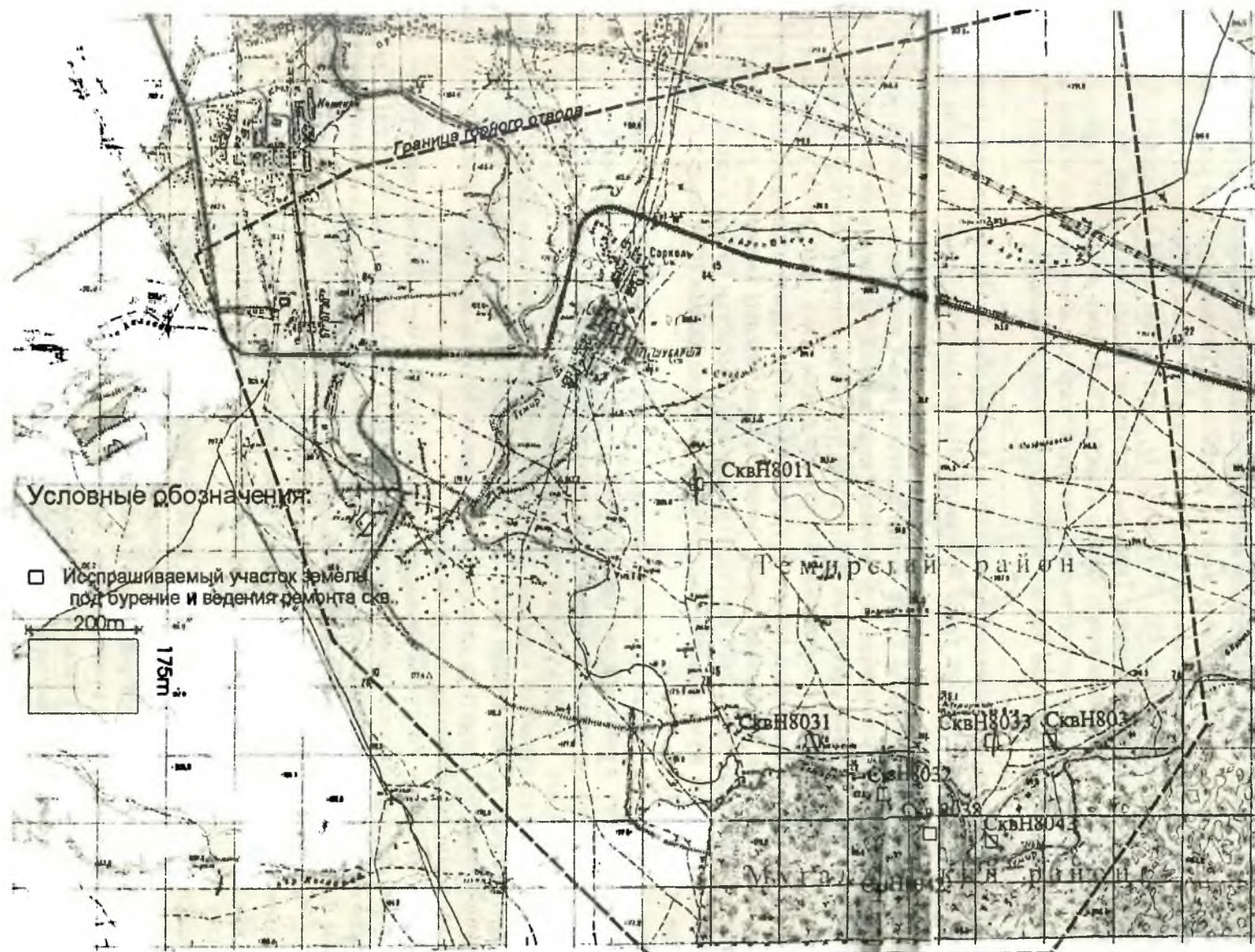
Бұл өлкенің табиғи-географиялық ерекшелігіне қарамастан болашақ ғылыми ізденістердің тарихнамалық аясын кеңейтер үзік түрде болсын тарихи мәліметтер барынша алынды деп есептейміз.

Ал енді Ақтөбе облысындағы Темір өзенінің сағасы мен Сарыкөлдін жанында орналасқан өткен ғасырдың 60-шы жылдарынан бері игеріліп келе жатқан тарихи-мәдени ескерткіштерге бай, қаптата мұнай ұңғыларын орнататын, толығымен бүлінетін жерлерді зерттеу бір жылдың ісі емес (2-сурет). Тек қана барлау барысында бес тарихи құнды олжа орындарын тауып, көптеген кездейсоқ олжаларды жинастырып алдық. Ескерткіштер қатты қиратушылыққа ұшырап жатыр: ал алпысыншы жылдары шоғырлана қорым болып жатқан төбедегі қола және ерте темір дәуіріне жататын обалардың біреуі ғана қалған, тізбек болып шығыстан батысқа қарай орналасқан ортағасырлық қырыққа жуық мазарлардың он шақтысы ғана қалған (Самашев З.С. Онғар А., Жетпісбай Н.Ы., 2003).

Көлемі 13×14,5 метр, биіктігі 1,2 метр топырақ үйінділі мазарлардың біріне қазба жұмыстарын жасадық. Тазарту жұмыстарынан кейін көлемі 22×20×5 см шикі (саздан жасалған) кірпіш және көлемі 22×20×5 см саздан жасалған қара түсті кірпіштерден салынған сыртын бір қабат көлемі 22×22×6 см өте жақсы күйдірілген қызыл кірпіш пен көлемі 22,5×11×6,5 см қызыл кірпіштерден қаптаған құрылым ашылды. Мазардың астыңғы екі қатарын сыртқа шығарыңқырап қиюластыра қаласа, одан кейінгі қалау екі қатар кірпішті бір түзу бойымен қалап, келесі екі қатар кірпішті соған байланыстыра қалау әдісімен жүрген. Мүмкін осы қалау әдісі сыртқы қызыл кірпішті қалаудың тез құлауына әкелуі мүмкін.

Солтүстік-батыстан – оңтүстік-шығысқа созылған 6,8×7,2 метр көлемді төртбұрышты мазардың ішіне оңтүстік-батыстағы «есігінен» ішке енгенде табалдырықтың ішкі жағынан 1,75 метр жерде оңтүстік-шығыстан – солтүстік-батысқа қарай созылған биіктігі 0,8 метр, астыңғы ұзындығы 2,16 метр, ені 1,02 метр астына екі қатар, ал үстін алты қатар етіп қызыл кірпіштен жинап, «ер адамның» қабір үсті ескерткішін тұрғызған. Оның қатарына 2,3×1,1 метр көлемді «әйел адамның» қабір ескерткіші бар. Мазарға кіре берісте оң жақ босағада 1,1×0,8×0,52 метр көлемді «баланың» қабір ескерткіші орналасқан. Яғни бұл мазар XV ғасырға жататын отбасылық жерлеу орны.

Сонымен қатар диаметрі 19 (с-о) × 21 (б-ш) метр, ал биіктігі 1,2 метр болатын ерте темір дәуірінің бір обасы техниканың күшімен қазылды. Қазба барысында үйіндіден 0,8 метр тереңдеп, көлемі мөлшермен 1,9×2 метр шұңқырға адамды оңтүстік-батыстан солтүстік-шығысқа қарай бағыттап оң аяғы тұсына басы күмбез тәрізді, шығыңқы ұңғылы, ұзындығы 2,5 см, көшпелілердің қару жасау саласында б.з.д. VI ғасырынан бастап кездесетін садақтың ұшын және жанына ашық отта, ұзақ уақыт бойы өте нашар күйдірілген, ернеуінің диаметрі – 8,5 см, қабырғасының қалыңдығы 0,5–0,7 см және жалпы биіктігі 15,5 см қара түсті қыш ыдысты қойып жерлеген. Кейіннен осы жерлеуден солтүстікке қарай 0,35 метр жерде бірінші жерлеуге қарама-қайшы түрде басы солтүстік-батыстан оңтүстік-шығысқа қарай бағытталған, ешқандай артефакт табылмаған қосымша жерлеу орны ашылды.

2-сурет. Кенкияк мұнайды игеру аймағының жалпы сызбасы

Ауызша дерек бойынша, Қызылқала атты ортағасырлық қала орналасқан осы өңірде қазба жұмыстарынан басқа жоғарыда айтқандай барлау жұмыстары да жүргізіліп, көптеген құнды заттар жинақталды:

Жаңа Қопа ауылынан шығыс, оңтүстік-шығыста 750 метр жерде орта мектептің оқушылары ұсақ құмдақ топырақтан жасалған, ортадан шетке қарай қалындай түсетін, тік ернеулі, шетіне қашай отырып құс тұмсығын (грифон) бедерлеген, диаметрі 30 см, ортасының қалыңдығы – 1,3 см шетінің қалыңдығы – 2,3 см құрбандық тақтасының бір бөлігін тауып алыпты; Ескі Қопа ауылынан солтүстікте 200 метр жерден неолиттік құралдар, мыстан, қоладан жасалған, ұзындықтары 3, 4, 4,5 см, ұңғылы, басы ромбы, күмбез тәрізді б.з.д. VIII–V ғасырларға тән болып келетін садақтың ұштары, ірі құмдақ топырақтан жасалған, қызыл-сары түсті, диаметрі – 34 см, қалыңдығы – 4,5 см, шет жақтары дөңгелене келіп, үстінгі жағы кішкене ернеу құрайтын үш бөліктен тұратын құрбандық тақта және 14 қыш ыдыс сынықтары табылды; осы олжалар орнынан солтүстікте 300 метр жерде қызыл-сары түсті, ортасы қара түсті, өрнексіз, қалыңдықтары – 0,8–1,2 см алпысқа жуық қыш ыдыс сынықтары; Құмсай ауылынан оңтүстікте 400–500 метр жерде Қопа ауылына бара жолдың оң жағынан шарықта жасалған көптеген ортағасырлық қыш ыдыс сынықтары табылды.

Сонымен қатар кездейсоқ табылған биіктігі 28 см, түбінің диаметрі 22 см, қабырғасының қалыңдығы 3 см, шарықта жасалынған, дөңгелек бүйірлі, қызыл-сұр түсті ортағасырлық қыш ыдыс пен биіктігі 11,5 см, табанының диаметрі 7,5 см, аузы кең, тік ернеулі, мойны мен бүйіріне метриялық өрнек жүргізілген, бүйіріндегі өрнектің үсті мен мойнындағы өрнектің астынан екі параллелді сызық жүргізілген қола дәуірінің тағы бір қыш ыдыс Сарыкөл мектеп музейінен табылған. Ал Кеңқияқ ауылынан солтүстіктегі қырдан техникамен жерді қазу барысында қола дәуірінің дөрекі формадағы сұрғылт түсті қыш ыдысы мен сырты қоңыр, ортасы қара металл өңдеу саласында қолданылған бетінің диаметрі 4,5 см, тереңдігі 1,5 см «керамика-қасық» табылыпты.

Мол дерек көзі саналатын мұндай заттай деректер тек авариялық-құтқару жұмыстары барысында елден жиналып жатқан жайы бар. Жоғарыда аталған өңірлерде мұнай орындарын игеру барысында бұзып, қиратылған қаншама ескерткіштер жатыр. Біздің зерттегеніміз тек бір тармағы ғана.

ӘДЕБИЕТ:

1. Самашев З.С., Онғар А., Киясбек Г.К., Чотбаев А. и др. Отчет об археологических исследованиях на участках строительства объектов АджипККО на территории Атырауской области в 2003 году. // Архив ИА МОН РК.

2. Самашев З.С., Онғар А., Жетпісбай Н.Ы. Ақтөбе облысы Темір ауданындағы Кеңқияқ мұнай өндіру аумағында 2003 жылғы жүргізілген археологиялық зерттеулердің есебі. // ҚР БЖҒМ АИ архивінде.

РАБОТЫ НА МОГИЛЬНИКЕ КУЛЬТОБЕ

А. Подушкин, А. Рустемов, А. Донец, Б. Мустафаев

В числе исследованных в июле-сентябре 2003 года памятников археологии на территории Медабасинского района Южно-Казахстанской области были продолжены раскопки курганов 14, могильника Культобе.

Могильник Культобе находится на гребневидных лессовых останцах правой надпойменной террасы реки Арысь, в 1,5 км к северу от городища Культобе (4 км к северо-западу от посёла Сарыарык). Насыпи курганов могильника вытянуты одной-двумя параллельными цепочками более чем на два километра в направлении север-юг. Он представляет собой вариант могильника, состоящего в себе расположение цепочкой и бессистемного расположения насыпей.

Могильник включает в себя около ста курганов. Планировка насыпей каплевидная, со смещенной от центра максимальной точкой по высоте; наиболее крутой склон, как правило, северный, реже – восточный. Насыпи курганов однородные по составу, сложены из лёсса. Средние размеры курганов могильника Культобе от 10–30 и более метров в основании при высоте от 1,5 до 2,5 м. В течение полевого сезона 2003 года раскопкам подверглась южная группа могильника, включающая 48 курганов; некоторые насыпи носят следы ограбления в древности.

Курган 14 размеры: в основании 15 на 8 м, высотой 1,2 м. Курган вытянут по длинной оси в направлении юго-запад – северо-восток; наиболее крутой склон северный.

По мере работ на глубине 4 м от уровня дневной поверхности под насыпью кургана в его юго-западном секторе у самой её кромки было открыто потревоженное древними грабителями катакомбное погребальное сооружение, в котором было осуществлено коллективное погребение шести человек (табл. 1).

Конструктивно катакомба **кургана 14** относится к т. н. «Т» – образному типу, где дромос – коридор перпендикулярно примыкает к подземной сводчатой погребальной камере.

Конструкция катакомбы включает в себя:

а) траншейный **дромос-коридор** длиной 6,7 м., шириной от 0,5 м. в начале и до 1 м. у соединения с лазом;

б) короткий **лаз** длиной 0,7 м. высотой 1 м;

в) **квадратную погребальную камеру** неправильной формы со сглаженными углами размерами 2,35 на 1,75 м. при высоте свода 1,65 м.

Вся погребальная конструкция почти правильно вытянута с северо-востока на юго-запад. Уровень пола камеры был ниже уровня пола дромоса на 0,25 м.

При зачистке камеры **были открыты пять костяков**, изголовьем ориентированные на юг; **шестой** – в ногах у первых, у северного борта камеры, головой на запад. Все костяки лежали на спине, в анатомическом порядке (табл. 1).

Сопровождающий погребальный инвентарь малочислен, он включает:

– **крупный столовый кувшин** (вблизи берцовых костей костяков 4, 5 и 6). Его размеры: высота 23 см, диаметр венчика 10 см, диаметр тулова 18 см, диаметр донца 12 см. Как элементы декора отмечены подрезка по сырой глине в придонной части сосуда и ангобные пятна коричневого цвета;

– **кувшин столовый средний**. Параметры сосуда: высота 21 см, диаметр венчика 9 см, диаметр тулова 17 см, диаметр донца 12 см. Покрит светлым белесым ангобом;

– **кувшин столовый малый**. Его параметры: высота 17 см, диаметр венчика 9 см., максимальный диаметр тулова 13 см, диаметр донца 8 см. Покрит коричневым ангобом и носит следы рифления;

– **кружка-кувшин столовая**. Высота сосуда 14 см, диаметр венчика 8 см., максимальный диаметр тулова 15 см, диаметр донца 7 см. Она украшена концентрическим станковым рифлением, покрыта коричневым ангобом.

– **бусина из гагата** в виде таблетки (диаметр 1 см, толщина 0,4 см.) со сквозным каналом;

– **железный черешковый трёхпёрый наконечник стрелы**.

Основная группа сосудов (столовые средний, малый кувшины и кружка-кувшин) располагались у изголовья костяков 4 и 5, в углу погребальной камеры; подвеска обнаружена в районе правой ключицы костяка 5.

«In situ» наконечник «торчал» в левой тазовой кости костяка 1; при этом сами жальца наконечника почти полностью находились в кости, а его острие вышло с обратной стороны.

Первоначальное антропологическое заключение по погребённым следующее: костяки 1 и 3 – мужские; костяки 2, 4 и 6 – женские; костяк 5 – детский. (Табл.1)

Можно предположить, что началом заполнения пола камеры стало мужское погребение (1) у западного борта камеры, причиной смерти которого была глубокая, проникающая рана.

Последующие пять усопших – по истечению непродолжительного времени, судя по сохранности костяков, представляются одноактным захоронением, четыре (2–5) – объединены южной

Таблица 1

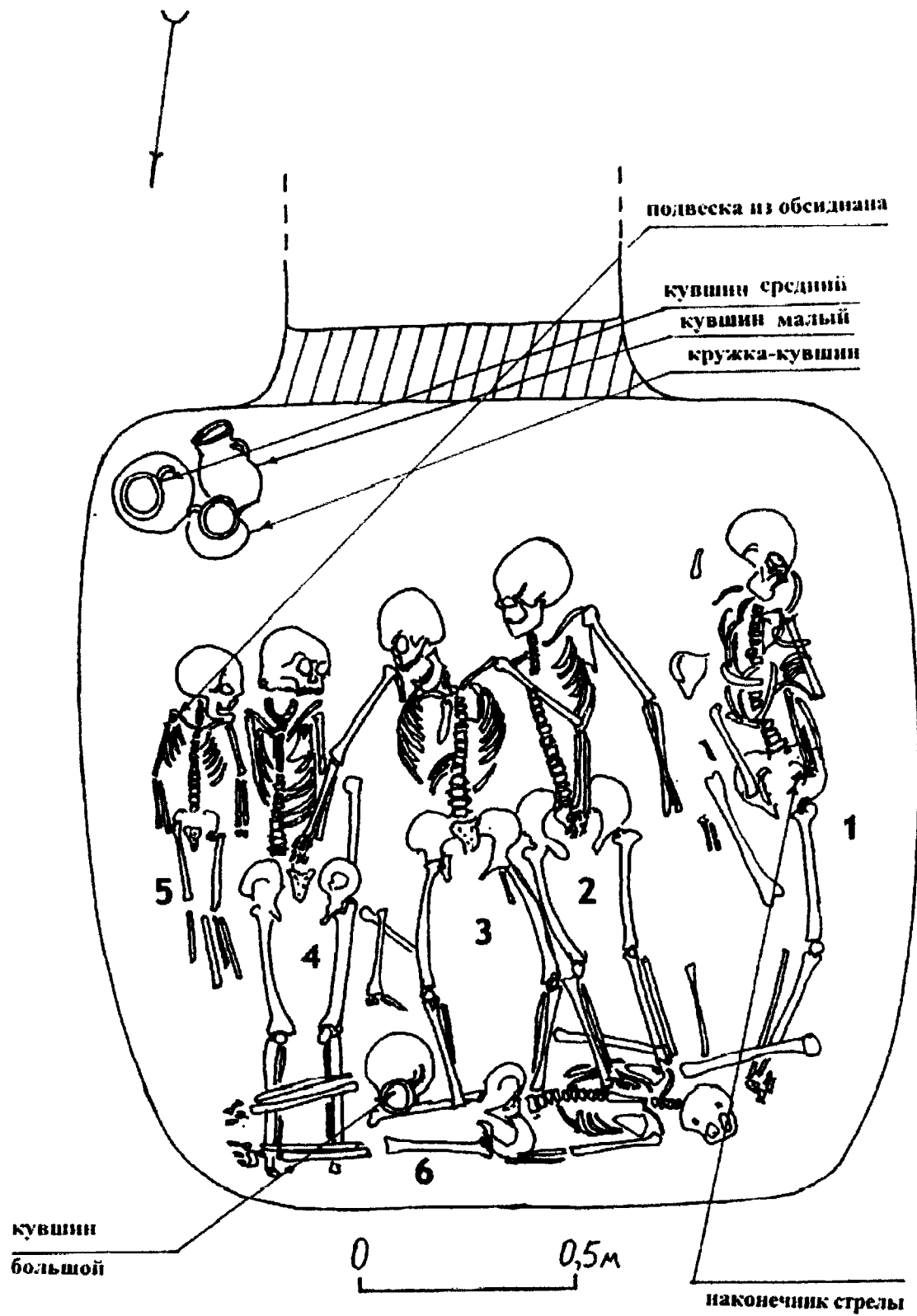
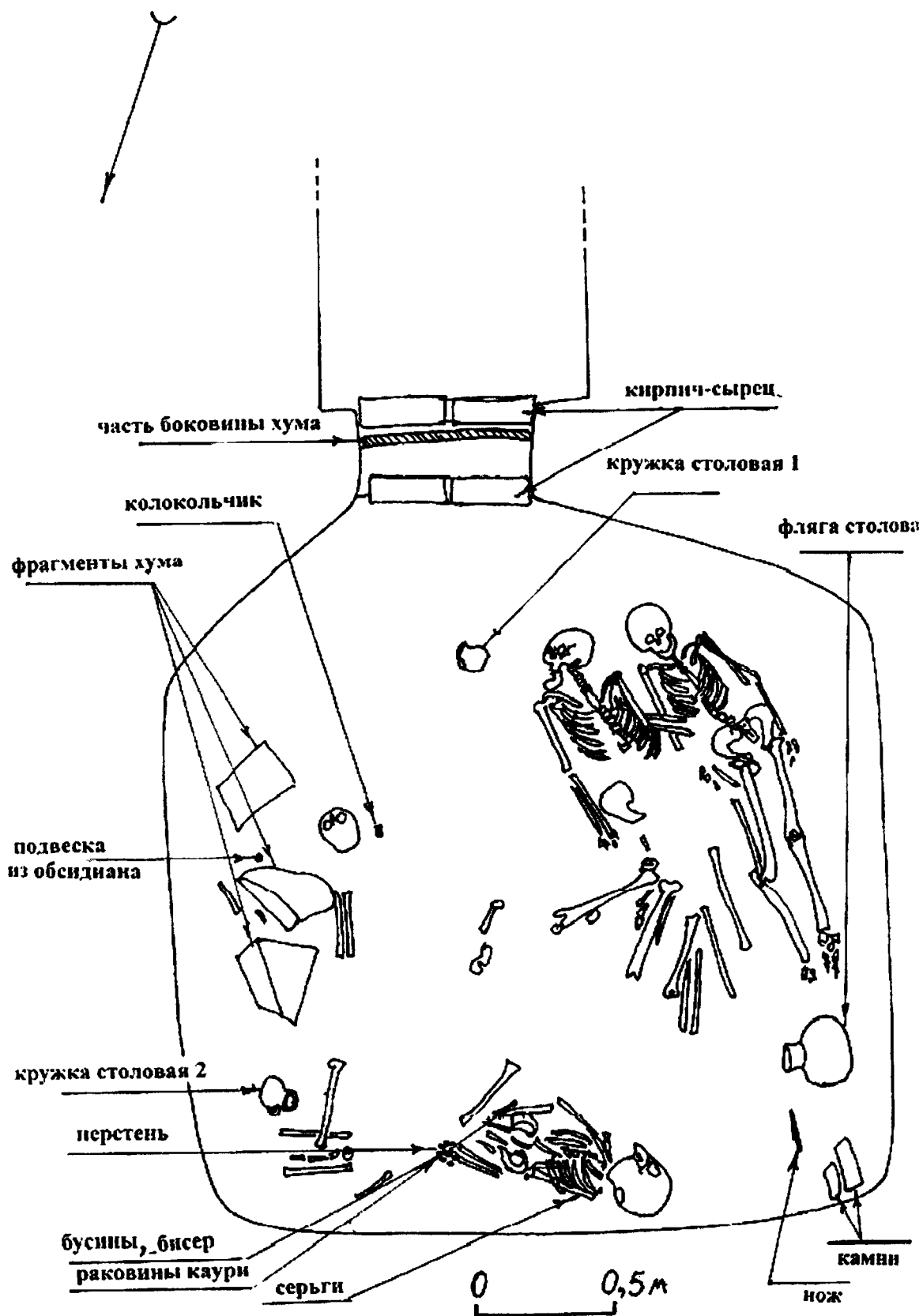

Таблица 2

ориентировкой, пятый (6) – женский скелет, намеренно положен в ноги первых, демонстрируя западной ориентировкой свою иноэтничность, переплетающуюся с низким социальным статусом (рабыня?). Одноактность же находит объяснение в вариативности: внезапной «эпидемией», унесшей жизни погребённых одновременно, или же насильственным умерщвлением всех членов семьи. Примечательно, что кисти рук мужского костяка (3) лежат на лобковых костях «убиенных». Создаётся впечатление позиционирования мужского начала, в статусе «мужа-хозяина семьи», со смертью которого родовая цепочка-семья прервалась.

Курган № 16. Насыпь лёссовая, каплевидная в плане, вытянута по длинной оси в направлении «север – юг», со смещением на север.

Курган в основании 12 на 8 м, высота насыпи 1,5 м.

В юго-западном секторе под насыпью кургана, со смещением от центра порядка пяти метров, почти у кромки насыпи на глубине 4,5 м от уровня дневной поверхности, была открыта подземная погребальная конструкция в виде катакомбы.

Конструктивно она представляет собой «Т» – образный вариант погребальной конструкции, который включает:

- а) узкотраншейный трёхступенчатый **дромос** длиной 7,5 м шириной 0,5–1 м;
- б) **лаз** длиной 0,5 м шириной 0,6–0,8 м, высотой 1,25 м;
- в) сводчатую, в плане пятиугольную **погребальную камеру** с выраженными углами размерами 2,15 на 2,05 м при высоте свода 1,8 м.

Вся погребальная конструкция почти правильно вытянута с юга на север. При этом место соединения лаза с камерой было закрыто очень крупным куском боковины с частью донца от сосуда типа хума (размеры фрагмента: высота 1 м; ширина 0,5–0,7 м; толщина 2 см; диаметр лаза хума 0,5 м). Кроме того, сам фрагмент был с двух сторон обложен кирпичной кладкой на индийском растворе из кирпича-сырца размерами 0,4 на 0,4 на 0,12 м.

Погребение было потревожено грабителями в древности, но сохранились останки четырёх скелетов: два из них находились в относительно анатомическом порядке; детские кости были найдены разрозненно по площади камеры (табл. 2). Предположительно в этой катакомбе были погребены два взрослых умерших и два ребёнка.

Погребальный инвентарь кургана 16:

- **фляга столовая** (высота 20 см, диаметр венчика 9 см, диаметр тулова 18 см, диаметр донца 10 см). Сосуд характерной формы, с выраженной горловиной, слегка загнутым наружу венчиком. Фляга сделана на гончарном круге из качественного, почти без примесей теста, хорошо обожжена. Покрыта светло-коричневым ангобом;

- **кружка столовая 1** (высота 10 см, диаметр венчика 6 см, диаметр тулова 9 см, диаметр донца 5 см). Сосуд шаровидный, с короткой горловиной, с широким венчиком и вертикальной ручкой, крепящейся на тулове в средней части. Кружка сделана на гончарном круге из качественного, почти без примесей теста, хорошо обожжена; носит следы станкового рифления, покрыта ярким ангобом вишнёво-красного цвета;

- **кружка столовая 2** (высота 11 см, диаметр венчика 6 см, диаметр тулова 8 см, диаметр донца 5,5 см). Сосуд грушевидной формы, с выраженной горловиной, имеет слегка развёрнутый наружу венчик и вертикальную ручку, крепящаяся на средней части тулова. Кружка сделана на гончарном круге из качественного, почти без примесей теста, хорошо обожжена, носит следы станкового рифления и покрыта ярким ангобом вишнёво-красного цвета.

- **крупная овальная подвеска** в виде таблетки с боковым каналом;

- **бусины** из стекловидной пасты.

- бисер стеклянный** голубого цвета;

- круглая бусина** из сердолика с каналом в центре;

- **ребристая бусина** из стекловидной пасты в виде миниатюрного сосудика;

- **железный цилиндрический колокольчик** с язычком;

- пряжка железная** рамчатая с подвижным язычком;

- **нож бытовой железный** черешковый;

- кольцевидные изделия из бронзы, 2 штуки;
- кольцо железное;
- перстень железный с плоским щитком;
- раковины каури 11 штук (у кистей рук);
- фрагменты от боковины хума.

Инвентарь в погребении кургана 16 располагался следующим образом: в районе изголовья взрослых костяков находилась кружка; вблизи берцовых костей этих костяков найдена фляга, железный нож, в северном углу камеры, у детских костяков обнаружена ещё одна кружка; вблизи детской черепной коробки найден железный колокольчик. Остальной погребальный инвентарь зафиксирован вблизи и на детском костяке у северного борта погребальной камеры (таб. 2).

Различаясь размерами, представленная керамика объединяется единой технологией изготовления (гончарный круг, высококачественные обжиг и почти без примесей тесто), в основном грушевидной формы с острым рельефным валиком под короткой горловиной, переходящим в желобчатую вертикальную ручку. Декорированы ангобными потёками, от коричневого до белёсого цвета.

Артефакты исследованных погребений находят прямые аналогии в ранее изученных памятниках арыско-бадамского оазиса (Подушкин, 2000) и контактных территорий евразийских степей (Скрипкин, 1990., Сорокин, 1954, 1956).

Открытые курганы культобинского некрополя ещё раз подтверждают синкретичность земледельческо-скотоводческих тенденций на каратобинском этапе (Iв. до н.э. – IIIв. н.э.) арысской археологической культуры – время вхождения изучаемой территории в состав государственного объединения Канжуй, в период его расцвета и начала упадка. Ему была присуща этническая конгломеративность, где была всегда сильна ираноязычная струя, маркируемая дошедшими до нас гидронимами и ойконимами индоиранского происхождения (Попова, 1994, С.55, 142, 144-145).

Дальнейшие исследования могильника Культобе приближают нас к разрешению сложнейших проблем научного осмысления материальной и духовной культуры азиатских племён IIв. до н.э. – IV в. н.э. и в целом «номадизма как исторического феномена» (Массон, 2000).

ЛИТЕРАТУРА

1. Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. – Шымкент, 2000. – С. 131-134.
2. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. – Саратов, 1990.
3. Сорокин С.С. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. – С.А. – № XX. – М.: АН СССР, 1954.
4. Сорокин С.С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятник местной культуры. – С.А. – XXVI – М., 1956.
5. Попова В.Н. Структурно-семантическая природа топонимов Казахстана. (Сравнительное историческое исследование). Автореферат дисс. на соискание учёной степени д.ф.н. – Алма-Ата, 1997. – С. 142, 144-145.
6. Массон В.М. Степной образ жизни и номадизм как исторический феномен / Ош и Фергана в исторической перспективе. – Бишкек, 2000. – С. 19-20.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТА ПАВЛОДАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ ПОБЕРЕЖЬЯ ОЗЕР КУДАЙКОЛЬ И КАРАСОР

**А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, С.А. Гладышев,
Ж.К. Таймагамбетов, Г.Т. Исаков**

При изыскательских работах на трассе канала Иртыш-Караганда в 60-е годы, в зоне строительства были обнаружены более сотни местонахождений «различных ископаемых остатков и орудий каменного века», как пишет А.Г. Медоев в предисловии к книге Б.Ж. Аубекерова, Э.В. Чалахьян «Кайнозой зоны канала Иртыш-Караганда».

Стоянки древнего палеолита были обнаружены на останках третьей и четвертой озерных пляжных террас озер Кудайколь и Карасор. Среди них А.Г. Медоев выделяет две каменные индустрии леваллуа-ашель I, II. Устанавливается четкая корреляция между стоянками и обнажениями кварцевых песчаников с хорошими изотропными свойствами, они однородные, мелкозернистые. Цвет светло-серый с синим оттенком, и иногда цвет с желтизной. В качестве исходного сырья использовался элювий этого песчаника.

В целом для каменной индустрии леваллуа-ашель I, II характерны приемы леваллуазского расщепления (черепашковидные нуклеусы). Среди орудийного набора преобладают зубчато-выемчатые изделия и скребковидной формы. По мнению А. Г. Медоева памятники культуры леваллуа-ашель относятся к среднему плейстоцену, причем если стоянки леваллуа-ашель на основании геоморфологической позиции относятся к первой половине среднего плейстоцена, то есть до максимального оледенения (самаровского), то леваллуа-ашель II, отделены от первого подразделения значительным хронологическим отрезком и относятся к концу второй половины среднего плейстоцена.

Наши исследования показали, что все древне палеолитические памятники с побережья озер Кудайколь и Карасор являются типичными мастерскими по приготовлению нуклеусов на выходе сырья, и этот фактор необходимо учитывать при анализе индустриальных комплексов. Кратко опишем несколько местонахождений:

Кудайколь I (Урочище Керегетас). Координаты: N – 51°52'28.3"; E – 75°55'40.7"

Памятник расположен на северо-западном берегу озера Кудайколь, находки дислоцируются на склоне и у подножия высоты на выходе сырья. Склон высоты средней крутизны, до 40°, тем он переходит в полого наклонную равнину. Сборы проводились по линейному маршруту автотрассы до вершины высоты и обратно. Протяженность маршрута примерно 250–300 м, время работы собирались все артефакты. Сырьевой субстрат – кремнистый песчаник серовато-коричневого цвета. В материалах присутствует несколько изделий из белого халцедона и желтой яшмовидной породы.

Всего на местонахождении собрано 55 каменных изделий. Из них 5 экземпляров слабодетализированные, остальные недефлированные. Слабодетализированная серия включает в себя два бифасиально обработанных предмета и отщепы (3 экз.).

Первый бифас имеет листовидную в плане форму. Предмет имеет средние размеры. Второй бифас сделан из крупного, массивного отщепа. Боковые края обработаны бифасиально-краевой многорядной крупнофасеточной чешуйчато-ступенчатой ретушью.

Отщепы состоят из двух макросколов и одного крупного отщепа.

Недетализированная часть коллекции состоит из 50 предметов. К ним относятся нуклевидные обломки (4 экз.), преформы (2 экз.), нуклеус, бифасы (2 экз.), унифас, фрагмент пластины с ретушью и отщепы (37 экз.).

Несколько особняком стоят два изделия. Одно из них – тесло, изготовленное из крупнозернистого песчаника. Орудие имеет подтреугольно вытянутую в плане форму и треугольное сечение. Одна сторона тесла плоская, другая треугольно выпуклая. Обе стороны изделия обработаны оббивкой. Второе изделие призматический микронуклеус для получения микропластин. Нуклеус сделан из хорошо окремененной породы халцедонового ряда. Ядрище имеет прямоу-

гольную в плане форму. Ударная площадка скошена, дуга скалывания тщательно выровнена мелкими сколами.

В материалах этого пункта четко выделяются два одновременных комплекса. Первый относится, скорее всего, к финальному этапу палеолита (это слабodefлированная и недефлированная группы из кремнистого песчаника серовато-коричневого цвета). Тесло и микронуклеус являются принадлежностью более позднего комплекса, скорее всего, ранненеолитического комплекса, ранненеолитического времени.

Кудайколь 3. Координаты: N – 51°47'13,3"; E – 075°51'31,2"

Всего на этом местонахождении собрано 40 экз. каменных артефактов. Все находки имеют слабую степень дефляции. Большая часть коллекции представлена отходами кремневой индустрии (35 экз.). Это нуклевидные обломки – 2 экз. и отщепы – 33 экз.

В качестве сырья исследовалась та же порода, что и на других пунктах в районе оз. Кудайколь – кремнистый песчаник серого и серовато-коричневого цветов.

Из 21 крупного отщепа ударные площадки сохранились только у 10 экз. Из них: гладких – 7, точечных – 1, двугранных – 1 и фасетированных – 1. Три отщепа ламинированные, пять – укороченные, тринадцать имеют равные пропорции.

Вторичной ни на макросколах, ни на крупных отщепах не наблюдается. На пяти отщепах фиксируются отдельные, свежие фасетки и псевдоретуши.

Кудайколь 4. Координаты: N – 51°50'26,6"; E – 075°53'37,1"

На этом пункте собрана коллекция насчитывающая 42 экз. слабodefлированных каменных изделий. Отходы включают в себя нуклевидный обломок, преформы – 4 экз., макросколы – 11 экз. и крупные отщепы – 22 экз.

Нуклевидный обломок представляет собой аморфный предмет крупных размеров. На нем сохранилась часть ударной площадки нуклеуса и верхний фрагмент фронта скалывания.

Преформы – крупные, массивные изделия. Два из них имеют неправильно овальную в плане форму и утолщено линзовидный профиль

Макросколы (11 экз.) имеют те же характеристики, что и аналогичные изделия с местонахождения Кудайколь 3. Вторичной обработки на макросколах и отщепах не фиксируется.

Кудайколь 5. Координаты: N – 51°50'59,2"; E – 075°53'45,5"

На этом местонахождении собрано 30 артефактов. Все находки имеют слабую степень дефляции. Следует отметить большое количество преформ (11 экз.), что отличает этот пункт от других местонахождений в районе оз. Кудайколь. Помимо преформ, на этом пункте обнаружено 7 экз. макросколов и 4 экз. крупных отщепов.

Пять преформ являются заготовками леваллуазских нуклеусов. Это крупные массивные изделия овальной в плане формы. Заготовками для них служили очень крупные отщепы (макросколы). Дорсальные фасы этих предметов обработаны по периметру краевыми, направленными к центру сколами. У трех изделий, кроме того, одним сколом намечены скошенные ударные площадки. Хотя снятие заготовок с описываемых форм не производилось. Следующие две преформы можно определить как заготовки подпризматических нуклеусов. Это крупные, подпрямоугольно вытянутые в плане и треугольные в сечении изделия. В качестве заготовок использованы, видимо, краевые сколы. Дорсальные фасы у этих преформ тщательно обработаны поперечными сколами. На одной из описываемых заготовок фиксируются два параллельно расположенных негатива отделенных пластинчатых заготовок. Подобные изделия встречены в комплексах с северного побережья Аральского моря (Арал-2). Остальные четыре преформы представлены аморфными, крупными изделиями с бессистемными снятиями.

Макросколы собранные на описываемом пункте, ничем не отличаются от подобных изделий с местонахождений Кудайколь 3, 4. Из 4 экз. крупных отщепов два имеют гладкую ударную площадку, один отщеп – двугрannую и еще один – фасетировannую площадки.

Исходя из типологического состава дебитаж (обилие преформ, макросколов), местонахождения Кудайколь 3–5 можно идентифицировать как мастерские, на которых изготавливали нуклеусы и заготовки для орудий.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА МЕСТОНАХОЖДЕНИИ «КОЛБАСУНСКОЙ БАШНИ»

Т.Н. Смагулов

ПГУ им. С.Торайгырова, г.Павлодар

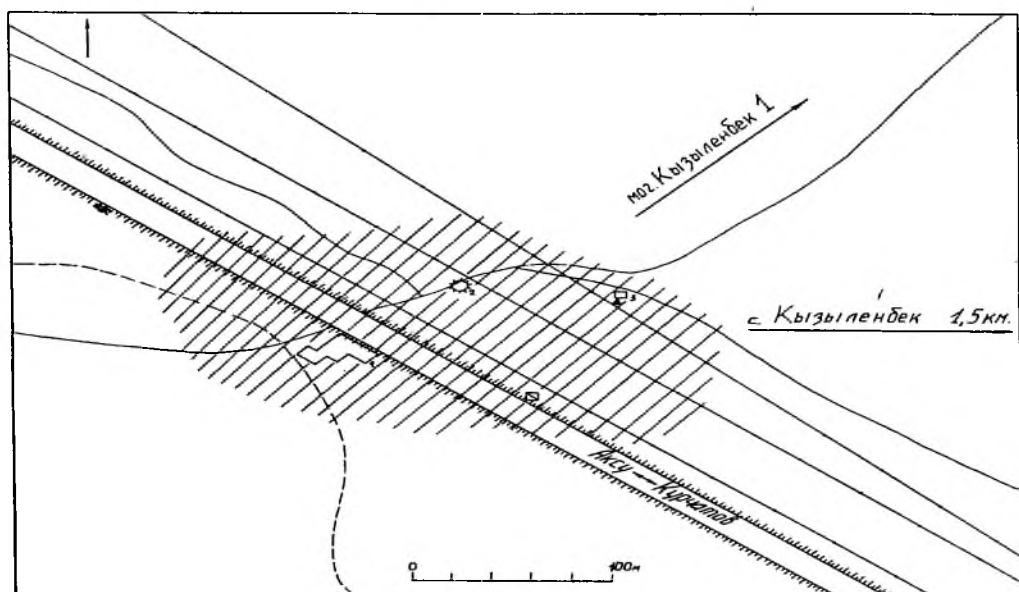
В 2003 году совместной Иртышской экспедицией Института археологии НАН РК и Павлодарского государственного университета под руководством К.М. Байпакова и В.К. Мерца исследовались памятники средневековых кочевников. Одним из отрядов экспедиции проводились раскопки на местонахождении так называемой «Колбасунской башни», предварительным результатам которых и посвящено данное сообщение.

Местонахождение «Колбасунской башни» обнаружено ПАЭ в 2001 г. (Мерц, 2002, С.17), расположено в Майском районе Павлодарской области в 1,5 км юго-западнее села Кызыленбек и представляет собой равнинный участок надпойменной террасы левого берега Иртыша, поросший мелкой степной растительностью. Микрорельеф местонахождения отличается от окружающего рельефа наличием мелких неровностей в виде бугорков, кочек и западин, перемежающихся с относительно ровными участками. С северо-запада на юго-восток его пересекают линии электропередач и автомобильное шоссе Аксу-Курчатов, к которому примыкают проселочные дороги, ведущие в расположенное рядом село и его окрестности (рис. 1). Поверхность памятника, на площади около 1500 кв. м., усеяна обломками обожженного кирпича, по распространению которых и определены его условные границы. К северу от географического центра памятника располагается курганообразная земляная насыпь, частично разрушенная траншеей и проселочными дорогами. В восточном секторе, прослежены остатки небольших земляных холмиков, насыщенных обломками обожженного кирпича. Здесь же в разных местах обнаружено несколько лепных фрагментов керамики, обломок бронзового предмета и раковина каури, а в южной части памят-

ника в 2001 г. исследовано потревоженное при строительстве дороги мусульманское погребение. В западной части местонахождения, находилось задернованное скопление обломков обожженного кирпича, площадью около 300 кв. метров, на поверхности которого были собраны обломки изразцов. Часть этого скопления была уничтожена при строительстве шоссе, которое примыкает к нему с восточной стороны. С целью получения информации о хронологии, планиграфии, стратиграфии и других характеристик на памятнике было заложено 3 раскопа (рис. 1).

Раскоп 1 был разбит в западной части местонахождения. Здесь предполагалось изучить скопление кирпича и примыкающие к нему участки кювета и насыпи шоссе. Поэтому раскоп заложен параллельно шоссе и ориентирован по оси СВ-ЮЗ. Площадь раскопа составившая 565 кв. м (дана окончательная цифра, с учетом последующих прирезок), была разбита на равные квадраты размером 5×5 м, раскопки велись поквратно с оставлением контрольных бровок и были начаты с квадратов включавших в себя придорожный кювет. Здесь в перемешанной землеройной техникой почве на разной глубине обнаружены немногочисленные фрагменты изразцов, куски раствора и фрагменты обожженного кирпича. В неразрушенных квадратах после снятия дерна оконтурилось аморфное скопление битого кирпича. От центра к краям оно становилось более разреженным, постепенно переходя в единичные находки. При его расчистке, найдены обломки изразцов (фрагментов), несколько фрагментов не орнаментированной станковой керамики и фрагменты черепной коробки ребенка, происходящие, как выяснилось позднее, из разрушенной могилы. Стратиграфически, находки залегали в слое гумусированной супеси вместе с обломками кирпича раствора, ниже располагался слой коричневого суглинка. После разборки завалов кирпича и зачистки поверхности суглинка в одном из квадратов найден обломок скребла и обнаружены небольшие могильные кладки из обломков кирпича, находившиеся как под скоплением, так и за пределами.

Всего в раскопе 1, было обнаружено и изучено 13 погребений, 12 из которых оказались детскими. Погребения характеризуются небольшими надмогильными кладками из обломков обожженного кирпича, узкими, не глубокими могильными ямами овальной формы, ориентированными по СВ-ЮВ. Заполнение могил состояло из гумусированной супеси, обломков обожженного кир-

- ЛЭП	- номера раскопов
- шоссе	- километровый столб
- грунтовая дорога	- участок с находками
- заброшенная дорога	- фрагменты керамики
- курган	- погребение изученное в 2001 году

Рис. 1. План местонахождения «Колбасунской башни»

Рис. 2. Скопление обломков кирпича в раскопе 1. Вид с юго-востока

лица, фрагментов древесины, угольков, в двух случаях, отмечены кости животных. Костяки в могилах лежат, преимущественно вытянуто, головой на ЗСЗ, лицом на юг. В некоторых захоронениях встречен инвентарь, представленный бусами из голубого стекла и раковинами каури.

Параллельно с изучением погребений, для получения дополнительной информации о стратиграфии и содержательности культурного слоя изучаемого объекта, был прирезан участок насыпи дороги площадью 15 кв.м. Как показала дальнейшая расчистка, насыпь оказалась густо насыщена обломками кирпича и кусками раствора переотложенными при сооружении дороги землеройной техникой. Под насыпью сохранился не потревоженный участок почвы, насыщенный обломками кирпича, залегающими в слое гумусированной супеси, под которым начинался коричневый суглинок. Очевидно, данный факт объясняется тем, что какая-то часть изученного скопления кирпича оказалась погребена под насыпью дороги. Кроме зачистки насыпи шоссе, в разных направлениях от раскопа, был заложен ряд разведочных траншей, но в них за исключением единичных обломков кирпича и могильной кладки в одной из траншей, других находок не обнаружено.

Раскоп 2. Заложен на курганообразной насыпи диаметром 17×21,5 м, высотой 0,3 м, расположенной севернее центра местонахождения. В связи с тем, что насыпь оказалась частично разрушена и характер ее сооружения был не ясен. Первоначально, была проложена разведочная траншея, в которой обнаружены могильные пятна. С целью их дальнейшего изучения был разбит раскоп, общей площадью 100 кв. м. В ходе раскопок, под насыпью, прослежены остатки ограды – вала фиксирующейся в профиле раскопа в виде линз. В северном секторе траншеи, в слое светлой супеси, на глубине 0,2 м, обнаружена кость лошади. В южной части, найдено впускное, нететское, безинвентарное погребение (могила 1). Костяк располагался, вытянуто, на спине, в неглубокой могиле овальной формы, размером 1,25 × 0,5 м, глубиной 0,5 м от уровня современной поверхности, головой на ЗСЗ, лицом на юг. Еще два впускных погребения (могилы 2,3),

Рис. 3. Погребение в раскопе 1

Рис. 4. Изразец в виде четырехконечной звезды

Рис. 5. Фрагменты изразцов

обнаружены в центральной части насыпи. Костяки в обеих могилах располагались вытянуто, на спине, головой на ЗСЗ. Руки были согнуты в локтях и сложены перед грудью. Инвентаря в могилах не обнаружено.

Четвертая могила также находилась в центре насыпи. Могильное пятно было ориентировано в направлении З – В, имело овально-вытянутую форму и в восточной части оказалось перекрыто пятном грабительского лаза, имевшим овальную форму, ориентацию СЗ – ЮВ и заполнение в виде темной, гумусированной супеси. При вскрытии грабительского лаза были обнаружены кости человека, кусочки древесины и череп овцы. В ходе дальнейшей расчистки могильной ямы установлено, что ее стенки с западной стороны, обложены рыхлыми, серыми, изготовленными из илистого суглинка сырцовыми блоками, потерявшими первоначальную (вероятно, под прямоугольную) форму. В заполнении и на дне могилы, обнаружены разрозненные кости человека, куски древесины, бронзовый наконечник стрелы, две бронзовые пронизи от уздечного набора, обломки железного предмета, возможно, клинка и четыре фрагмента золотой фольги, являвшиеся элементами украшения костюма погребенного или декора сопроводительного инвентаря (рис.5).

Раскоп 3. Заложен в восточной части памятника, на одном из небольших, земляных холмиков насыщенных обломками кирпича. Площадь раскопа была разбита на два квадрата общей площадью 34 кв.м., с оставлением между ними контрольной бровки ориентированной в направлении С – Ю. Стратиграфия раскопа представлена слоем гумусированной супеси лежащей на слое коричневого суглинка. В ходе расчистки верхнего почвенного слоя, выявлены остатки ограды под овальной формы, выложенной из обломков обожженного кирпича. После доведения раскопа до слоя суглинка и зачистки поверхности, в центральной части ограды обнаружено могильное пятно овальной формы ориентированное по оси ЗСЗ – ВЮВ. В восточной части пятна располагались остатки трех поперечно уложенных плашек. До глубины 0,3 м, могила оказалась забутована обломками кирпича, среди которых попадались куски обожженной древесины. На глубине 0,48 м, в восточной части могильной ямы найдено два птичьих яйца. На дне могилы обнаружен потревоженный человеческий костяк и кусочки древесного угля. Судя по расположению костей, погребенный был уложен головой в северо-западном направлении, лицом на ЮЮВ.

Полученный в результате раскопок археологический материал относится к различным хронологическим периодам. Наиболее ранние находки представлены обломком скребла энеолитического облика из раскопа 1 и находками из могилы 4 раскопа 2. Хронология инвентаря, стратиграфические и планиграфические данные говорят о том, что изучавшаяся насыпь и ограбленное погребение в могиле 4 имеют непосредственную связь и являются остатками погребального сооружения эпохи раннего железа (Амиргалина, 2004).

Материалы периода XIV–XVI вв., получены в результате сборов и работ на раскопе 1. Они представлены фрагментами изразцов, кусками алебаstra использовавшегося в качестве скрепляющего раствора и образцами кирпича. Фрагменты изразцов светло-коричневого, желтовато-

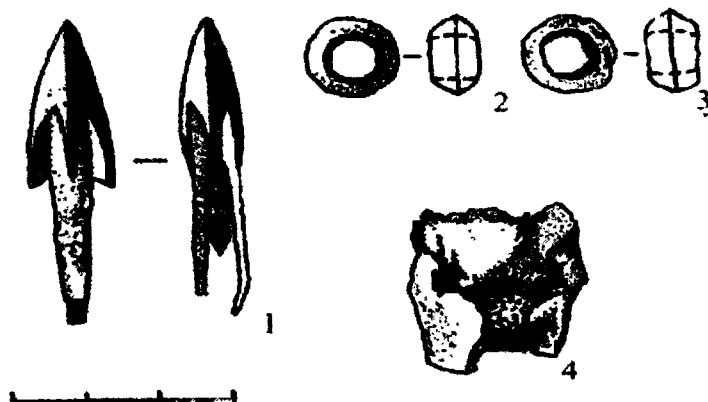

Рис. 6. Находки эпохи раннего железа. Могила 4, раскоп 2

го и серого цвета изготовлены из глины с примесью песка, хорошо обожжены, имеют следы заглаживания рукой и украшены растительным орнаментом, находящим аналогии в мемориальных памятниках XIV–XVI вв. (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2002, С.176, рис.4). Кирпич не однороден по размеру, форме, обжигу, тесту и подразделяется на 3 типа. Кирпич 1 типа, красного цвета, квадратной формы, размером $22 \times 20 \times 5$ см, в тесте присутствует песок, имеются отпечатки выгоревшей органики и следы заглаживания рукой. Кирпич 2 типа прямоугольной формы, размером $22 \times 14 \times 4,5$ см, имеет коричневый цвет, прямоугольную форму, в формовочной массе наблюдается примесь крупнозернистого песка. Третий тип представлен небольшим количеством обломков прямоугольных кирпичей размером $14 \times 10 \times 4$ см. По тесту он аналогичен кирпичу первого типа.

Найденные элементы декора и строительные материалы, принадлежат «Колбасунской башне», которая, судя по сохранившимся рисунку и описанию являлась мемориальным памятником, сооруженным над могилой знатного представителя средневекового общества. Судя по данным письменных источников и полученным археологическим материалам в XVIII веке рядом с мавзолеем появляются казахские захоронения, при сооружении которых использовался кирпич, взятый с разрушающегося здания. К концу столетия процесс разрушения памятника видимо был уже завершён и известный летописец Прииртышья И.Г. Андреев, в конце XVIII в., отмечал, что «Колбасунская башня» «...была из кирпича жженного складена но ныне развалилась» (Андреев, 1998, С.98). Эту информацию дополняют «Записки» Г.М. Броневского (1830 г.) где автор сообщает о том что «башня Колбасунская ...временем до основания разрушена», а «...кирпичи и камни развешены на могилы киргизския коих близ башни очень много» (Броневский, 1830, С.246). Судя по частым и многочисленным находкам кирпича, сделанным нами при обследовании остатков кладки в близлежащей пойме Иртыша кирпич также использовался для выкладки очагов, укрепления оснований стен жилищ и других хозяйственных нужд. По данным павлодарского краеведа С. Музалевского, еще в начале XX века жители окрестных сел брали кирпич для строительства печей (Музалевский, 1971). В 70 гг. прошлого века на месте, где некогда возвышались стены «Колбасунской башни», проложили автотрассу. Не удивительно, что сегодня от некогда мощной высотой около 9 метров сооружения, практически ничего не осталось. Скопление кирпича, изученное в раскопе 1, вероятно, является развалом стен «башни» под которыми оказались погребены расположенные рядом могилы, а фундамент сооружения, в случае если он сохранился, может находиться под насыпью дороги.

Изученные в раскопах 1–3 мусульманские погребения, исходя из приведенной выше информации Г. Броневского, принадлежат местному казахскому населению и предварительно датиру-

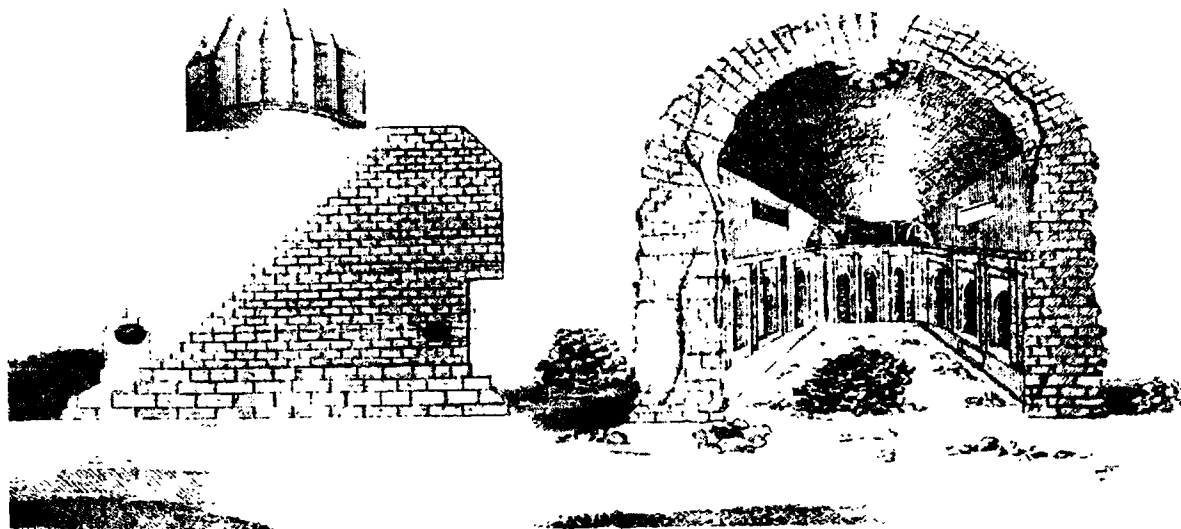

Рис. 7. Изображение Колбасунской башни, рисунок 30-гг. XVIII века

ются XVIII–XIX вв. Ярко выраженный синкретизм погребального обряда, сочетающего черты язычества и ислама, является еще одним подтверждением сообщений письменных источников Нового времени, о сохранении в погребальной обрядности казахов Среднего Жуза глубоких языческих традиций. Об этом свидетельствует наличие следов поминальных тризн и культа огня в виде костей животных, птичьих яиц и кусков древесного угля в заполнении могил. Некоторых погребенных, сопровождают бусы из стекла и раковин каури. Проявления мусульманской традиции заметны в отсутствии курганных насыпей, ориентации покойников лицом на юг и скудности инвентаря, отражающей запрет шариата хоронить умерших с вещами.

Таким образом, предварительные результаты исследований позволяют говорить о том, что местонахождение «Колбасунской башни» представляет собой разновременной некрополь, в формировании которого, выделяется несколько этапов. Первый этап связан с эпохой ранних кочевников. Второй – со строительством мавзолея в XIV–XVI вв. К третьему этапу относятся захоронения Нового времени, появляющиеся после изгнания джунгар и заселения казахскими родами Среднего Прииртышья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амиргалина Г.Т. Изучение памятников раннего железного века в Майском районе Павлодарской области // Материалы 44 Региональной археолого-этнографической студенческой конференции.– Кемерово, 2004. В печати.
2. Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков.– Алматы, 1998.
3. Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Некрополь Уральского городища // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана.– Вып. 1.– Уральск, 2002.– С. 168-184.
4. Броневский Г.М. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки.– СПб., 1830.
5. Мерц В.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологических памятников Павлодарского Прииртышья // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья.– Павлодар, 2002.– С. 5-17.
6. Музалевский С. В поисках загадочной башни. // Звезда Прииртышья.– Павлодар, 25.09.1971.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА АЗАТ–3 В БАССЕЙНЕ САРЫСУ

В.С. Волошин

университет «Кайнар», г. Астана

Памятник расположен в зоне пустыни у юго-восточного основания горы Азат возле одноименного родника. В 2000 г. здесь было проведено обследование: установлено отсутствие культурного слоя, подъемный материал собран с трех сторон родниковой впадины на площади 140×70 м. Археологический материал залегал на каменистом склоне, прикрытом маломощным слоем элювия, а также на ровной суглинистой площадке с восточной стороны впадины. Всего в коллекции 381 предмет, в том числе каменные артефакты (366 шт.) и фрагменты керамики (15 шт.). Среди артефактов имеется одно палеолитическое изделие. Из фрагментов керамики только 10 шт. относится к первобытной лепной посуде, остальные 5 шт. представляют раннесредневековую круговую керамику. Таким образом, описанию подлежат 375 предметов.

Сырьем для артефактов служили различные породы камня: минеральный кремнь различного цвета, преимущественно желтого (140 шт.), залежи которого имеются в районе русла Жидели; желтая яшма (71 шт.), светло-серые сливные песчаники мела и палеогена (69 шт.) и кварцитовые гальки (14 шт.) – сырье, встречающееся вблизи горы Азат, а также приносные породы – кремнисто-глинистая брекчия (47 шт.) и светло-серая яшмовидная порода (25 шт.), характерные для формаций карбона Сары-Арки. Ниже дается характеристика инвентаря.

Нуклеусы – 4 шт. Первый образец – из сливного алевритистого песчаника, представляет собой одноплощадочный подтреугольный нуклеус со слегка выпуклым фронтом и гладкой скошенной площадкой, специальному приготовлению не подвергался. Негативы пластинок на фронте шириной около 1 см. (Рис. 1.40). Второй образец – из желтоватого кремня, типологически близок нуклеусу-скребку, использовался для снятия более узких пластинок от фасетированной выгнутой площадки (Рис. 1.24). Остальные два образца представляют собой торцовые нуклеусы. Один из них – двойной торцовый нуклеус из отщепов в начальной стадии использования имеет фасетированную площадку и основание, заостренное ретушью. Другой – одинарный с негативами неправильных пластинок и горизонтальной площадкой, оформленной фасетками от латерали.

Отбойники – 1 шт. Это фрагмент кварцевой гальки со следами использования.

Нуклеовидные изделия – 1 шт. Небольшое массивное изделие из желтого кремня обработано фасетками с двух сторон, по форме близкое к стругам-рабо (Рис. 39). Однако, нельзя исключить, что это заготовка нуклеуса.

Двухсторонние орудия – 1 шт. Здесь представлена изготовленная из светло-серого минерального кремня нижняя часть крупного наконечника стрелы с черешком в основании (Рис. 35). Орудие покрыто субпараллельной и чешуйчатой ретушью, имеет линзовидное сечение, шириной 2,1 см., толщиной 0,7 см. Черешок обломан, но заметно его четкое выделение смежными выемками. Нити лезвий не ровные, с небольшими выступами и выемками-показателями архаичности отделки орудия.

Орудия из отщепов составляют доминирующую группу (137 шт.). Длина орудий варьирует в пределах 0,9–5,1 см., основная масса орудий (более 90%) длиной 1–3 см. Высок показатель се-
ленности заготовок орудий (37,2%). Чаще всего орудия оформлялись с помощью дорзальной ретуши (57,8%). У 28,4% орудий использовалась одинаково дорзальная и вентральная ретушь. Вентральная и альтернативная ретушь использовалась значительно реже (по 6,9%). В группе представлены все основные категории орудий.

Скребки из отщепов типичные – 40 шт. Это самая выразительная категория отщепных орудий. Преобладают широкие укороченные скребки – 15 шт. (Рис. 1.6, 1.18, 1.20), которые в шести случаях имеют сеченое основание (Рис. 1.22, 1.36), в одном случае – сеченый бок, а также короткие концевые скребки – 10 шт. (Рис. 1.1, 1.17, 1.33, 1.34, 1.37). Имеются также боковые (3 шт.), в том числе двойной противолежащий скребок (Рис. 1.38), кареноидные – 2 шт. маленькие (Рис. 1.23), овальный высокий скребок с лезвием по всему периметру и по одному экземпляру разных других маловыразительных форм. В оформлении скребков участвовали боковая ретушь (7 шт.), чаще всего дорзальная краевая (Рис. 1.1, 1.36), иногда чешуйчатая и с зубчиками (Рис. 1.34); у трех экземпляров ретушью оформлен выемка на краю или на уголке (Рис. 1.36). У одного скребка на углу лезвия выделена кромка резчика (Рис. 1.36). Другой скребок имеет двойное узкое лезвие с выделенной «мордочкой» и плечиками. Для орудий характерен также прием ограничения лезвия с одного или обоих боков вентральной ретушью, фасеткой или выемкой (5 шт.). У 4 экземпляров в основании наблюдаются следы специальной обработки – вентральной подтески или удаления площадки заготовки одной фасеткой, а также плоским резцовым сколом (Рис. 1.33). Один скребок представлен в комбинации с угловым резцом (Рис. 1.22).

Скребки атипичные – 6 шт. Группа выделена по признаку оформления лезвия не типичной для скребков краевой ретуши. У 4 орудий лезвие сбоку выделено ретушированной выемкой, почти всегда вентральной. У 2 орудий основание орудия подвергнуто обработке, вероятно в целях зажима в рукоятке – утончено двухсторонними фасетками или притуплено вентральной ретушью.

Резцы – 3 шт. Данная группа для памятника малохарактерна. Здесь имеется два орудия с поперечным резцовым сколом, направленным от боковой фасетки на конце заготовки, близкие к универсальным резцам, а также резцевидное орудие с поперечной кромкой, оформленной типично скребковой ретушью на конце заготовки – основание данного орудия сеченое (Рис. 1.19).

Острия-проколки – 4 шт. Имеется три небольших (не более 2 см) орудия из сечений с жалом, оформленным альтернативной либо вентральной ретушью вместе с сечением. У четвертого ору-

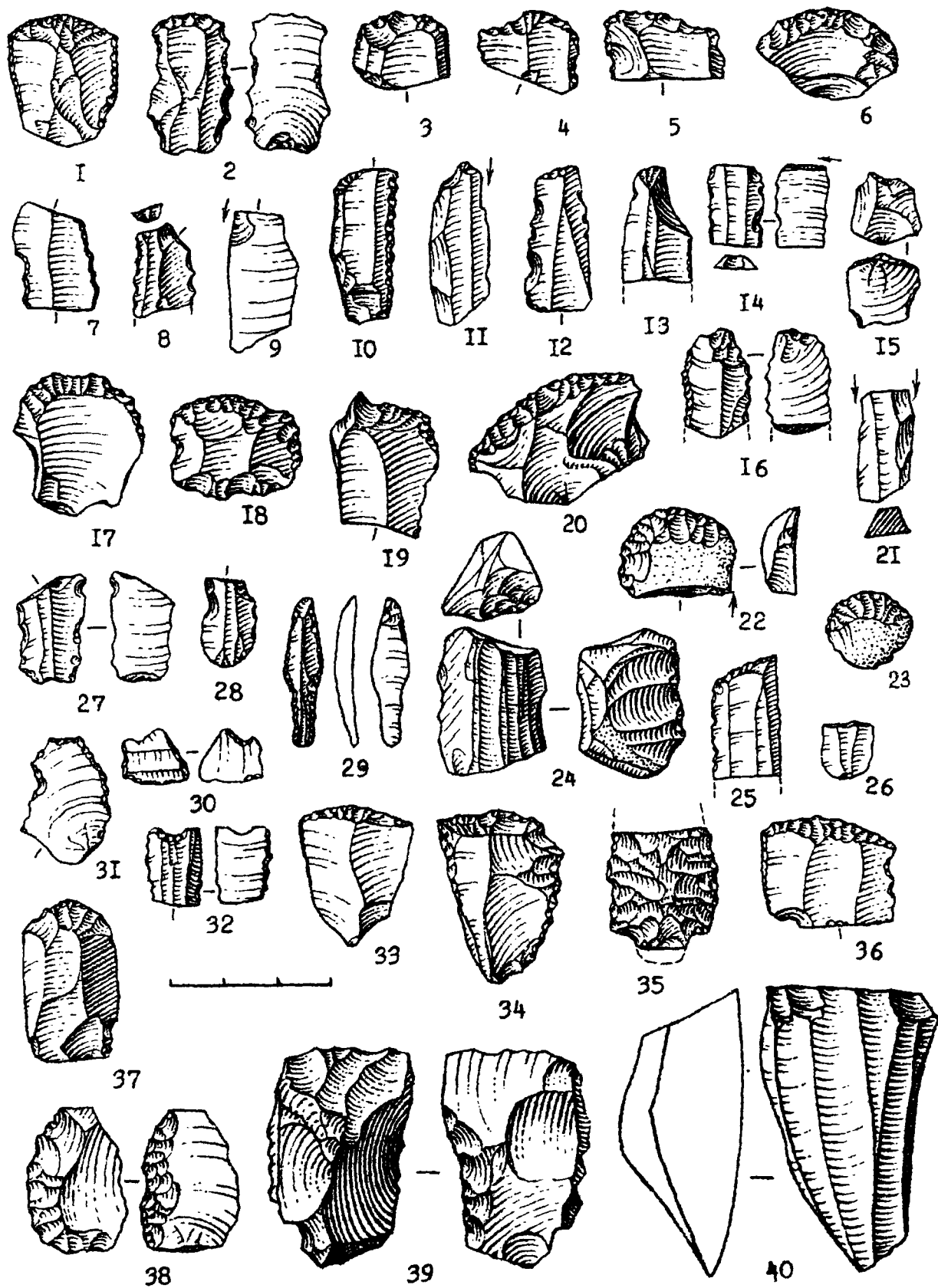

Рис. 1. Кремниевые материалы стоянки Азат-3

жало, оформленное альтернативной ретушью, комбинировано с лезвием атипичного скребка. Конец этого орудия транкирован вентральной чешуйчатой ретушью.

Угловые резчики – 19 шт. Орудия часто несут следы альтернативной ретуши, оформлялись боковой выемкой и различным образом, ретушированным окончанием; в одном случае использовались плоский резцовый скол, а также двухсторонние фасетки. Основание у нескольких орудий сеченое и дополнено боковой ретушированной выемкой, у одного орудия основание притуплено дорзальной ретушью. Три орудия имеют диагональную режущую кромку, оформленную альтернативной ретушью (Рис. 1.15).

Зубчато-выемчатые орудия – 20 шт. Группа включает орудия с выемчатой (9 шт.) и зубчатой (7 шт.) рабочей частью, а также недифференцированные зубчато-выемчатые орудия (4 шт.). Среди выемчатых орудий у одного изделия использовалась альтернативная ретушь, остальные орудия дорзально ретушированы. У двух орудий рабочая выемка оформлена одной фасеткой по принципу клетонских анкошей. В отдельных случаях окончание орудия транкировано вентральной ретушью. Среди зубчатых орудий по одному изделию представлены вентрально – и альтернативно ретушированные образцы (Рис. 1.31), в двух случаях использовался прием оформления ретушью на углу лезвия диагональной или поперечной резцевидной кромки.

Ножи – режущие орудия – 6 шт. Только три орудия могут быть отнесены к группе ножей. Одно из них имеет угловатый обушок, притупленный дорзальными фасетками, и лезвие на противоположном боковом краю – с пильчатой разнофасеточной ретушью, преимущественно вентральной. На окончании орудия представлен элемент толстого узкого лезвия скребка. Еще два орудия имеют притупленный ретушью край напротив острого лезвия со следами ретуши. Основные орудия имеют острое лезвие, иногда смежное с плоскостью сечения и морфофункционально могут быть отнесены к группе режущих инструментов.

Сеченые формы – 13 шт. В группу включены сечения отщепов, являющиеся вкладышами с режущим боковым лезвием. Обычно на изделиях наблюдаются от 1 до 3 участков сечения. У трех форм напротив лезвия имеется обушок, иногда со следами притупления дорзальной ретушью. У двух форм на лезвии наблюдается вентрально ретушированная выемка, в одном случае придающая лезвию «рогатый» аспект. У одной формы, близкой к параллелограмму, выемки нанесены на уголки. Характерны две подтреугольные формы с широким сеченым основанием и скошенным лезвием – третий участок края притуплен ретушью или имеет ретушированную выемку.

Вкладыши с поперечным лезвием – 12 шт. Морфофункциональные особенности изделий данной группы, являющихся чаще всего сечениями, позволяют предполагать, что они крепились к торцу рукоятки или тонкому древку, имея в основании насад, по бокам сеченые участки, на окончании лезвие поперек оси составного орудия. Размеры изделий небольшие: длина – 0,9-3,8 см, чаще всего 1,5-2,0 см, ширина – 0,8-2,0 см, чаще всего 1,5-2,0 см, толщина – 0,3-1,0 см, чаще всего, чаще всего 0,3-0,5 см. Большинство изделий коротких пропорций, укороченных только 3 экз. Почти все изделия подверглись сечению, обычно с боков – имеются короткие «трапеции» (2 шт.) и «треугольники» (2 шт.). На боках помимо сечений можно наблюдать следы притупляющей и вентральной чешуйчатой ретуши, в одном случае – дорзально ретушированную выемку. Основание (насад) чаще всего тонкое, у половины изделий оно подвергается обработке: альтернативно-пильчатой ретушью (3 шт.), вентральной выемчатой ретушью (1 шт.), серией микросечений (1 шт.) и имеет выделенный вентрально ретушированными выемками черешок (1 шт.). Лезвие чаще всего острое без ретуши, иногда обработано: вентральной краевой ретушью (2 шт.), «рогатое» с дорзальной краевой ретушью (1 шт.) и с двухсторонней обработкой небольшими фасетками (2 шт.).

Разные орудия – 4 шт. Сюда относится вкладышевый микроскребок, насад которого утончен с двухсторонними микрофасетками, орудие с вентральной подтеской на конце толстого отщепа и орудия с шиповидным лезвием в виде поперечной режущей кромки, которые скорее всего являются вкладышами.

Отщепы с ретушью – 10 шт.

Орудий из пластинок всего 43 шт. Ширина орудий варьирует в пределах 0,8–2,3 см, но значительное большинство (32 шт.) шириной 1,0–1,4 см. Здесь представлены следующие группы орудий.

Острия – 2 шт. Острие с черешком из желтоватого кремня (Рис. 1.29) оформлено крутой дорзальной ретушью, кончик – вентральной чешуйчатой ретушью и дорзальной резцевидной фасеткой, на боку возле кончика вентральной краевой ретушью оформлена выемка. Размеры изделия – 2,8×0,8×0,4 см. Второе изделие представлено фрагментом (Рис. 1.32), по которому вероятно можно представить тип острия с выемкой в основании и со следами неровной вентральной ретуши на боку. Впрочем, здесь возможна иная интерпретация изделия – в качестве концевого скребка. Орудие изготовлено из светлого кремня.

Скошенные острия – 2 шт. Первое изделие представлено фрагментом (Рис. 1.25). Оно изготовлено из достаточно широкой пластинки, один из острых боковых краев выщербин. Второе изделие имеет обломанный кончик, на боковом краю дорзальной краевой ретушью приготовлена выемка.

Трапеции – 1 шт. Небольшая короткая асимметричная трапеция из желтоватого кремня (Рис. 1.30) имеет на верхнем краю асимметричную вентрально ретушированную выемку, лезвие в основании острое со следами дорзальной краевой ретуши. Один из уголков лезвия усечен вентральной краевой ретушью. Размеры изделия – 1,2×1,1×0,3 см.

Изделия с притупленным торцом – 2 шт. Небольшое изделие из желтоватого кремня (Рис. 1.26) имеет в основании альтернативную ретушь, боковые лезвия острые и с вентральной микро-ретушью. Другое орудие из кремня представлено фрагментом (Рис. 1.8). У него вентрально притупленный торец сужен угловым сечением, боковые лезвия с выемками и зубчиками.

Концевые скребки – 7 шт. Орудия несколько отличаются от типичных образцов этого класса. Изделие (Рис. 1.2) изготовлено из неправильной плоской пластинки, боковые края обработаны альтернативной зубчатой ретушью, площадка заготовки удалена вентральной ретушированной выемкой. Три изделия изготовлены из плоских сечений укороченных пропорций (Рис. 1.3–1.5). У двух орудий на боковом краю наблюдается дорзально ретушированная выемка. Остальные три орудия имеют узкое лезвие на дистальном окончании пластинки. У одного из них с угла лезвия снят резцовый скол, а основание усечено вентральной фасеткой (Рис. 1.11). У другого – на боковом краю оформлена выемка (Рис. 1.12). У третьего – на боковом краю наблюдается ретушь с выемками (Рис. 1.13).

Резцы – 5 шт. Изделие (Рис. 1.21) из кремня с двумя резцовыми сколами на уголках сечения, имеет глубокую белую патину. Другое изделие имеет пару микрорезцовых сколов от частично притупленного торца. Остальные орудия представляют тип резца на углу сечения пластинки.

Угловые резчики – 5 шт. Наиболее выразительные орудия изготовлены из желтой яшмы (Рис. 1.27, 1.28). У первого изделия края зубчато ретушированы, основание притуплено вентральной фасеткой. Второе изделие оформлено дорзальной ретушью. Остальные орудия изготовлены приемом сочетания боковой выемки и косо-сеченого или ретушированного торца.

Пластинки с выемками – 8 шт. Два орудия из средних сечений пластинок изготовлены из брекчий: у одного (Рис. 1.7) на краю наблюдается зарубка, у другого (Рис. 1.14) – торцы специально притуплялись поперечным резцовым сколом и вентральной фасеткой. Среди других орудий – два сечения с «перехватом» от микровыемок, три сечения с дорзально ретушированной выемкой на боку, одно орудие с выемкой на уголке сечения. У двух орудий наблюдается косой срез уголка от краевой ретуши.

Пластинки с боковой ретушью – 5 шт. Наиболее выразительно орудие в серии из брекчий (Рис. 1.10). Длинный боковой край оформлен полукрутой чешуйчатой ретушью, имеет прямое очертание. Уголок сечения наискось притуплен ретушью. Изделие, вероятно, представляет собой вкладыш бокового скребка. Другое орудие оформлено противлежащей ретушью – тонкой вентральной на лезвии ножа и более крутой дорзальной краевой ретушью на лезвии «бокового скребка». Остальные орудия представляют собой пластинки с дорзально ретушированным краем. У одного орудия из брекчий вентральной ретушью удалена площадка заготовки (Рис. 1.16).

Вкладыши с поперечным лезвием – 6 шт. Орудия выполнены на средних сечениях коротких и укороченных пропорций, имеют размеры: длина – 1,1–1,6 см, ширина – 1,0–1,4 см, толщина – 0,3–0,4 см. По форме они трапециевидные, прямоугольные, в виде параллелограмма и асимметричного треугольника. Лезвие почти всегда шире основания-насада. У двух орудий бока помимо сечений несут следы притупляющей, либо альтернативной ретуши. Основание-насад в двух случаях обработано крутой дорзальной ретушью и с выемками, у одного – обушковое, у остальных – представляет обычный тонкий край пластинки. Лезвие у трех орудий с ретушью – ровной дорзальной краевой, придающей ему образ «бокового скребка», дорзальной зубчатой и альтернативной пильчатой. У одного орудия уголок лезвия срезан дорзальной ретушью.

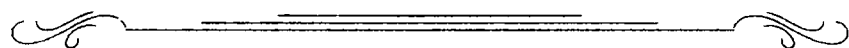
Остальная часть коллекции состоит из пластинок (26 шт.), которые представлены сечениями и фрагментами, шириной 0,3–1,7 см, чаще всего 0,9–1,2 см, а также отходами каменного производства (161 шт.): отщепами (71 шт.), мелкими сколами (54 шт.) и обломками (36 шт.).

Керамика (10 шт.) – это небольшие, не более 5 см, фрагменты с поверхности серые, темно-серые и коричневатые с черным изломом, с примесью в тесте кварцевого песка. Толщина стенок сосудов варьирует в пределах 0,8–1,2 см. Венчиков и донышек нет. На трех фрагментах сохранился орнамент в виде овальных ямок – наколов, сделанных плоским заостренным предметом наискось к поверхности сосуда, отчего ямки приобрели форму с отгибом – карнизиком.

Интерпретация коллекции находок из Азата 3 сейчас затруднена ввиду не изученности вообще голоценовых памятников в бассейне Сарысу. М.Н. Клапчук были опубликованы в весьма сжатой форме небольшие материалы из двух памятников района – Жаман-Айбат 2 и Жаман 2. (Клапчук, 1971). Орудийный набор на обоих памятниках отщепно-пластинчатый, присутствуют двухсторонние наконечники стрел и типичные короткие трапеции, в том числе одна «рогатая» трапеция с вентрально ретушированной выемкой. Среди скребков преобладают – на первом памятнике (с «рогатой трапецией») концевые пластинчатые формы, обычно на сечениях укороченных пропорций, на втором памятнике (с серией двухсторонних наконечников стрел и дротиков) – отщепные формы. Открытым остается возможность смешанности материалов этих памятников. Нет никакой уверенности в гомогенности материала и в Азате 3. Тем более, что в коллекции наряду с достаточно развитой группой пластинчатых орудий присутствуют формы с черешком – двухсторонняя (Рис. 1.35) и на пластинке (Рис. 1.29), которые вместе с возможным острием (Рис. 1.32) могут быть более поздними, т.е. относятся к энеолиту или ранней бронзе. Фактура этих изделий «свежая». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все концевые скребки, а также ряд изделий из пластинок изготовлены из приносной кремнисто-глинистой брекчии, они всегда покрыты патиной. В предварительном плане можно предположить, что часть материалов, с преимущественно пластинчатыми орудиями относится к раннему-среднему неолиту, основная часть – с доминированием отщепных орудий и черешковыми формами, к более позднему времени.

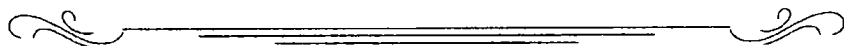
ЛИТЕРАТУРА

Клапчук М.Н. Археологические находки у хребта Жаман-Айбат (Казахстан) // Палеолит и неолит СССР. – Том 6. – Ленинград: Наука, 1971. – С. 233 – 239.

ЖАЗБА ДЕРЕКТЕРІ

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

КАЗАХСТАН В СОЧИНЕНИЯХ КИТАЙСКОГО ДИПЛОМАТА И ПУТЕШЕСТВЕННИКА ЧЭНЬ ЧЭНА

Н.Э. Каримова, Б.А. Байтанаев

XV в. – время правления китайской династии Мин (1368–1644) – известен в истории Китая как период активных политико-дипломатических, торгово-экономических и других контактов между Китаем и государствами Центральной Азии.

Несколько миссий было послано китайским императором Мин Тайцзу (годы правления 1368–1398) в страны Центральной, Южной и Юго-Западной Азии для установления дипломатических связей. Посольство во главе с Цзун Лэ побывало в Тибете и Непале, Куань Чэ был отправлен в Бешбалык, Фу Ань и Чэнь Чэн были посланы в Самарканд. Как отмечают китайские источники «Мин шилу», «Мин ши» и др., еще большее число посольств прибыло в первой половине XV в. в Китай из стран Центральной Азии. Среди них известное тимуридское посольство (1419–1422) Гийас ад-Дина Наккаша¹

Первым же посольством от правящей династии Мин считается миссия 1395 г. (по другим источникам 1387 г.) во главе с китайским сановником Фу Анем, который затем совершит еще несколько дипломатических миссий в Самарканд и другие государства Центральной Азии. Но его первое путешествие примечательно тем, что Темура задержал Фу Аня на 12 лет и только после смерти эмира тот смог вернуться на родину. Что касается первой миссии известного китайского дипломата и путешественника Чэнь Чэна в Самарканд, то по некоторым китайским источникам, она была осуществлена как раз в связи с тем, что Фу Ань был задержан Темуrom. Чэнь Чэн неоднократно побывал в странах Центральной Азии и описал их в своих сочинениях.

Известные источники не указывают биографических данных о Чэнь Чэне². Годы жизни – 1405–1458 гг. – были установлены по незначительным сведениям, найденным в китайских исторических документах³. Как отмечают большинство исследователей, самым значимым считается миссия 1413 г., из которого он вернулся в Бэйцзин через два года. По возвращении из этого путешествия, Чэнь Чэн и составил свои знаменитые сочинения – «Сиюй синчэнцзи» – «Записки о путешествии на Запад» и «Сиюй фаньгочжи» – «Описание государств Западного края» и представил их на высочайшее рассмотрение. Стихи, сочиненные им в пути, он собрал в «Сиюй ванхуцзисинши» – «Стихи, сочиненные по пути в Западный край и обратно». Позже, его потомки собрали черновики стихов, разданные им в свое время, и составили четыре главы «Чэнь Чжунань вэньцзи»⁴. «Сиюй синчэнцзи» – это дневник путешествия Чэнь Чэна по странам Центральной Азии, которое он совершил в 1413–1415 гг., а в «Сиюй фаньгочжи» он отразил историческую обстановку в государствах, которые посетил, записал различные сведения о рельефе местности, о нравах и обычаях местного населения, местами освещал политическую, экономическую и культурную жизнь этих государств.

Чем ценны труды Чэнь Чэня? Тем, что они написаны очевидцем. Сведения, изложенные им, касаются мало описанного периода истории народов Центральной Азии, в частности, Казахстана.

В первую очередь, обращает внимание подробность изложения маршрута и время путешествия. Во-вторых, характеристика топографии населенных пунктов, их стратегическая значимость. В-третьих, точные расстояния между географическими объектами.

Так, в обоих сочинениях Чэнь Чэнь дал сведения о городе Янги (Тараз). Примечательно, что автор указал топоним в форме Янги, а не Тараз-Янги, что свидетельствует об укоренении в то время данного названия за городом. Известно, что город стал именоваться Янги после монголь-

¹ Буриев О., Колганов А. Об одном участке Великого шелкового пути // На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Ташкент, 1990. С. 108.

² Цыхай [Энциклопедический словарь «Море слов»]. – Шанхай, 1979. – С. 429.

³ Ли Фусюэ. Гуаньюй Чэнь Чэн цзици Сисинды цзигэ вэньти [Несколько вопросов о Чэнь Чэне и его путешествии на Запад] // Синьцзян лишэ яньцзю. Урумчи, 1986. – №1 С. 21.

⁴ Там же. – С. 22.

ского завоевания. Имелся чекан Янги от имени Чагатаидов.⁵ В 1354 г. долина реки Талас отходит к последнему чагатаиду Баянкули.⁶ И, вплоть до описания Мухамеда-Хайдара Дулати о нем мало что говорилось в письменных источниках. Смуты и междоусобицы, проходившие в регионе, также не оставили в стороне данный город, что в точности описал Чэнь Чэнь, заставший его в те времена в упадке в завершающей стадии запустения. Поэтому не случайно в XVI в. Мухамед-Хайдар писал: «Людей из Янги в Мавераннахре много и всех тех людей называют «йангилик». Однако в тех степях, которые они называют Янги, сохранились следы нескольких городов: остатки куполов минарета, ханака и медресе. Но не известно какой из этих древних городов назывался Янги и как назывались другие».⁷ Очень важно описание Чэнь Чэнем особенностей топографии города, где говорится, что он находится на водоразделе. Это лишний раз подтверждает тождественность Янги и Тараза, в исторической топографии которого имеется ряд спорных моментов⁸.

Чэнь Чэнь прошел по традиционному пути из Янги к Сайраму. Он точно определил расстояние между Янги и Сайрамом – 360 ли, которые соответствуют приблизительно 180 км. расстоянию между Таразом и Шымкентом. Этот отрезок в своем маршруте путники преодолели за 4 дня. Остается неясным месторасположение, «где жил мусульманин Аэргэ». Очевидно, пункт находился где-то перед перевалом Чок-пак. По крайней мере, это соответствует описанию ландшафта местности пройденного пути и расстоянию от города Янги. Далее, остановка у источника, где миссия расположилась лагерем. Между перевалом Чок-пак и Сайрамом на расстоянии приблизительно одного дневного перехода находится мощный источник родникового происхождения, образующий реку Балыкты, наверняка речь идет о нем. В прошлом на берегу Балыкты находился в домонгольское время город Будухкет, который был одним из опорных пунктов караванной магистрали.⁹ Следующий пункт – Хабусу. Несомненно, здесь речь идет о поселке Карабулак, расположенном на реке Карасу. Топоним известен по арабским письменным источникам IX–XII вв. в согдийской кальке в форме – Шаваб¹⁰, буквально, «черная вода».

Городища в пределах Карабулака Ишкургантобе и Ходжакургантобе датируются X–XVII вв.¹¹ и нет основания в сомнениях в тождественности пунктов. Данные сведения подтверждают и то, что традиционный караванный путь от Балыкты (Будухкет) проходил через Карабулак, минуя перевал Машат, и в послемонгольское время.

Пробыв в пределах Сайрама два дня, миссия двинулась к Ташкенту. Здесь необходимо отметить, что маршрут Чэнь Чэня прошел по северному склону Казыкурта – в сочинении после Сайрама на расстоянии соответствующему 100 ли (приблизительно – 40–50 км) упоминается топоним Казыкурт (Гаркурт) в китайском произношении Юэдугуэрба (?). Автор пишет – прошли равнину. О подобном пути в первой трети XX в. указывал П.П.Иванов: “ даже в настоящее время часть караванов, направляющаяся из Ташкента в Семиречье, сворачивает, не доходя верст тридцати до Чимкента (около сел. Фогелевка), на Сайрамскую дорогу...”¹²

Китайская хроника династии Мин¹³ утверждает, что Сайрам при Чингизхане подвергся разрушению и до начала правления названной династии оставался заброшенным и не восстанавливался. Лишь только Чэнь Чэнь застал развивающееся городское население Сайрама.¹⁴

⁵ Буронашева Р.З., Смагулов Е.А. Клад чагатаидских монет из Культобе (г. Ясы) // Известия МОН РК НАН РК. Серия общественных наук. – 2001г., № 1. – С. 136–149.

⁶ Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. – Алма-Ата, 1972. – С.20.

⁷ Мухаммед Хайдар Дулати. Тарих – и рашиди. – Алматы, 1999. – С. 423.

⁸ Байпаков К.М., Григорьев Ф.П. О топографии городища Тараз // Проблемы древней и средневековой истории Казахстана. Материалы II Международных чтений по творчеству Мухаммеда Хайдара Дулати. – Алматы, 1999. – С.50–67.

⁹ Байтанаев Б.А. От Испиджаба до Будухкета (археолого-лингвистический анализ) // Известия МОН РК НАН РК , серия общественных наук.- 2002.-№1.-С165–181.

¹⁰ Там же, С. 173–176.

¹¹ Свод памятников истории культуры Казахстана. Т.1. Южно-Казахстанская область. – Алматы, 1994. – С. 190

¹² Иванов П.П. К вопросу об исторической топографии старого Сайрама // В.В.Бартольд – Туркестанские друзья, ученики и почитатели. – Ташкент, 1927. – С.163.

¹³ Китайские династийные истории представляют собой исторические сочинения особого жанра, которые компилируются из разнообразных источников и, как правило, посвящаются одной династии. Родоначальником трудов данного вида считается

Однако даосский монах Чан-чунь, побывавший в Сайраме в 1221 и 1223 годах, обрисовал несколько оптимистическую картину, судя по которой, жизнь в Сайраме продолжалась и после захвата его Чингизханом.¹⁵ Очевидно, события катастрофического характера произошли позже, отразившиеся одинаково как на Янги, так и на Сайраме. Известно, что в 1307 г. разрушению подверглось Чагатаидами государство Кайду. «Они сожгли «Золотую орду», развеяли по ветру земли Тараза, Янги, Кенджида»¹⁶.

Как бы то ни было, Чэнь Чэнь указал размеры города 2–3 ли, что соответствует лишь параметрам шахристана городища Сайрам. Несомненно, описанные в IX–XII вв. арабскими письменными источниками рабады Испиджаба (Нахшабцев, Самаркандцев, Каратегина, Бухарцев), расположенные у каждого ворот медины¹⁷, лежали при Чэнь Чэне в руинах. Поэтому, события, описанные Минши о Сайраме, вполне имели под собой соответствующие исторические реалии, свидетельствующие о сложных политических и социально-экономических процессах на территории Казахстана в золотоордынское время и после него.

Чэнь Чэн.

Сиюй синчэнцзи

[Записки о путешествии на запад]¹⁸

Июнь, 1-е число, пасмурно, сильный ветер, мелкий дождь. С утра двинулись на запад, прошли равнину до гор Бэйшаня, очень высокие [горы]. Прошли примерно 70 с лишним ли, среди травяной отмели расположились лагерем, прожили один день.

3-е число. Пасмурно, дождь после обеда прекратился, двинулись на запад, прошли примерно 40 ли, расположились лагерем.

4-е число. С утра направились на запад, идем по равнине, [здесь] имеется озеро, [протяженностью] с юга на север примерно в 100 ли, с востока на запад – не охватить одним взором, называется Исыкхээр¹⁹. Прошли примерно 90 с лишним ли, на берегу озера расположились лагерем.

5-е число. Ясная погода, наутро двинулись на запад по берегу озера, прошли примерно 50 с лишним ли, на гребне горы расположились лагерем.

6-е число. Ясная погода, наутро двинулись на запад по берегу озера, прошли примерно более 70 ли, в месте, где есть трава, расположились лагерем.

7-е число. Ясная погода, наутро двинулись на юго-запад, вошли в горное ущелье, прошли примерно более 90 ли, на склоне горы расположились лагерем.

8-е число. Ясная погода, наутро двинулись на запад, прошли длинную гору, примерно [через] 120 ли спустились с горы.

9-е число. Ясная погода, наутро двинулись на юго-запад, прошли равнину, прошли примерно более 90 ли, у подножия горы расположились лагерем.

10-е число. Ясная погода, с утра движемся на юго-запад, на пути высокие горы, [которые] называются плато Таэрташи²⁰. Дорога напрямик трудная, [горы] высотой в несколько

Сыма Цянь. Полный комплект таких сочинений включает 24 династийных историй. Последней в этом ряду стоит «Мин ши». Династия Мин правила в Китае с 1368 по 1644 гг. Династийные хроники оказали огромное воздействие на всю китайскую историографию, материалы, заимствованные из этих сочинений, в значительной мере определяют современные представления древней и средневековой истории Китая.

¹⁴ Минши [История династии Мин]. Серия «Эрши сыши». – Шанхай, 1958. – Т. 3.

¹⁵ Бартольд В. В. Туркестанский край в XIII веке (по рассказу китайского путешественника). // Собрание сочинений в 9 томах. – Москва, 1965. – Т. III. – С. 237–243.

Сенигова Т. Н. Указ. соч. – С. 19.

Волин С. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Алма-Ата, 1960. – Т. 8. – С. 80.

Чэнь Чэн. Сиюй синчэнцзи // Минчаобэнь. Голи Бэйпин тушугуань шаньбэнь цуншу. – Бэйцзин, 1936.

Иссык-куль

Таэрташи-дабань

чжаней, снег глубиной в несколько чи. Прошли примерно 70 ли, перешли горы, среди травы расположились лагерем.

11-е число. Ясная погода, наутро двинулись на юг по течению реки, прошли примерно 50 ли, поблизости шатры варваров, земли называются Халаучжи. На склоне горы расположились лагерем, недалеко шатер вождя Худайда, прожили [здесь] три дня.

15-е число. Идет снег, с утра двинулись на север, прошли склон горы – ровное плато, опять повернули на запад, прошли примерно 50 с лишним ли, на травяной отмели расположились лагерем.

16-е число. Ясная погода, наутро отправились по течению реки на запад, переправились [через] реку, семь-восемь вернулись(?), вода быстрая, прошли примерно 90 с лишним ли, на травяной отмели расположились лагерем.

17-е число. Ясная погода, с утра движемся по горному ущелью на запад, повернули на север, взобрались на высокую гору, дорога напрямик трудная, люди и лошади не могут пройти, примерно [через] 50 с лишним ли спустились с горы, разбили лагерь.

18-е число. Ясная погода, с утра вошли в горное ущелье, движемся на северо-запад, прошли равнину [у] подножия горы, примерно [через] 100 с лишним ли на равнине расположились лагерем, в полдень [пошел] дождь и град.

19-е число. Ясная погода, с утра направились на запад по течению реки, перешли реку, вошли в ущелье, прошли примерно 100 с лишним ли, на берегу реки расположились лагерем.

20-е число. Ясная погода, с утра движемся вдоль горного ущелья, против течения [реки]; идем на запад, прошли плато, примерно [через] 150 с лишним ли, у подножия горы расположились лагерем.

21-е число. Ясная погода, с утра движемся на запад, идем по ровной, дороге, [по пути] множество горных ручьев, стекающих по склонам гор, прошли более 150 ли, на гребне горы расположились лагерем.

22-е число. Ясная погода, с утра движемся на запад, вошли в горы, большой горный ручей течет на восток, прошли равнину, прошли 150 ли, у горы расположились лагерем.

23-е число. Ясная погода, с утра движемся на северо-запад, поднялись в горы, прошли склон, спустились с горы, пошли по течению [ручья] на запад, прошли примерно 100 ли [и] расположились лагерем.

24-е число. Ясная погода, с утра движемся на запад, вышли из горного ущелья на большую равнину, прошли примерно 150 с лишним ли, на равнине есть древние городские стены, [здесь] расположились лагерем.

25-е число. Ясная погода, с утра движемся по течению воды на запад, примерно [через] 150 ли на берегу реки расположились лагерем.

26-е число. Ясная погода, с утра движемся на запад, прошли свыше 50 ли до окрестностей г. Яньи. [Дали] отдохнуть лошадям, после обеда снова отправились в путь, шли до вечера, прошли 150 ли, в месте [где росли] травы расположились лагерем.

27-е число. Ясная погода, наутро отправляемся на запад, прошли равнину, прошли примерно 100 ли, в месте, где жил мусульманин (хуэйхуэй) Аэргэ, расположились лагерем.

28-е число. Ясная погода, с утра движемся на юго-запад, прошли примерно 150 ли, у источника расположились лагерем.

29-е число. Ясная погода, с утра движемся на запад, прошли равнину, примерно через 70 ли, в местечке Хабусу расположились лагерем. Вождь из Сайлань²¹ прислал навстречу людей, по северной дороге дошли до места соединения, прожили [здесь] один день.

Июль. 2-е число. Ясная погода, с утра движемся на запад, прошли примерно 50 с лишним ли, проехали Сайлань, к западу [от него], в местечке у воды расположили лагерь, прожили два дня.

5-е число. Ясная погода, с утра движемся на запад, прошли равнину, примерно [через] 00 ли заливные луга, место называется Юэдугуэрба,²² [здесь] расположились лагерем.

6-е число. Ясная погода, среди ночи начали движение на юго-запад, примерно через 50 ли, в местечке возле людей расположили лагерь. [Из] Самаэркань выслали гонцов на-стречу.

7-е число. Ясная погода, с утра движемся на запад, примерно через 40 ли среди полей к востоку от Дашигань²³ разбили лагерь, прожили [здесь] два дня.

10-е число. Ясная погода, с утра движемся на юго-запад, везде ровная дорога, примерно через 100 ли место под названием Хэяэр, расположились [здесь] лагерем.

11-е число. Ясная погода, с утра направились на юго-запад, прошли равнину, примерно через 70 ли дошли до мутной реки, место называется Дачжань, есть пять-шесть лодок, можно переправиться, лошадь Ли на середине реки провалилась в грязь, погибших очень много, прожили [здесь] один день.

13-е число. Ясная погода, часть людей отправилась в Шалухэйя преподнести дары правителю Едыгээр-Хасану. В полдень направились на юго-запад, вошли в большую реку и заливные луга, примерно через 300 ли, в месте [где проживали] люди, под названием Дицза, разбили лагерь, прожили [здесь] один день.

15-е число. Ясная погода, с утра отправились на юго-запад, везде равнина, примерно через 90 ли, в местечке, под названием Мицзаэр, разбили лагерь, прожили [здесь] два дня.

18-е число. Ясная погода, среди ночи двинулись на запад, прошли каменное ущелье, примерно через 70 ли, в месте под названием Добо(бу) разбили лагерь.

19-е число. Ясная погода, во время пятой стражи начали движение на запад, прошли все равнинные места, примерно через 70 ли, в месте под названием Шиласы разбили лагерь.

Чэнь Чэн. Сиюй фаньгочжи [Описание государств Западного края]²⁴

Сайлань чэн. Сайлань находится к востоку от Дашигань, на западе, до Самаэркань 1030 ли. Город в окружности 2-3 ли, со всех сторон равнина, не стратегический пункт, жилье расположено] плотно, множество пышных деревьев, окружен водой, выращивают пять основных продовольственных культур. Осенью и летом в цветах [встречается] маленький черный луговой паук, у него сильный яд. У людей, укушенных им, болит все тело, [они] стонут, [их] лихорадит. Никакие лекарства не помогают. Варвары имеют заклинателей, они зетками мяты полевой бьют по человеческому телу, а также свежей бараньей печенью нагирают все тело, вслух распевая заклинания, через сутки боли прекратятся, кожа повсеместно облезает. [Люди], укушенные им в голову и ноги, катаются по земле от боли [и] умирают. В древности всем необходимо [было] устраиваться на отдых у кромки воды. Как правило, можно было спастись [только] в таком месте. [Там же] растет благовонная трава, похожая на степную полынь, плодоносит очень пахучими плодами, предохраняет от повреждений насекомых-вредителей, называют «ва-ши-ши», так-то, вот!

Янъи. Янъи-чэн расположен к востоку от Сайлань-чэн в 360 ли. Город находится среди беспорядочно расположенных гор, с северо-востока есть большой горный ручей, с запада протекает большая река длиной в несколько сот ли, много городских руин. Год за годом пустырь зарастал сорняками, их земли вероятно до границ Бешибали. [Во времена] древних племен [ссюда] попеременно вторгались враги. Народу не было спокойствия. Ослабились жуны-воины, несколько сот человек охранять этот одинокий (изолированный) город. Вот и все!

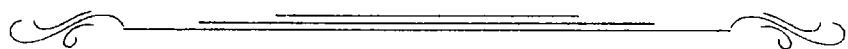
Казыкурт (?).

Гашкент.

Чэнь Чэн. Сиюй фаньгочжи // Минчаобэнь. Голи Бэйпин тушугуань шаньбэнь цуншу. Бэйцзин, 1936.

¹⁶ Бешибали.²⁵ Бешибали находится среди пустыни. Сегодня управляется принцем из рода Махаму. Худшему представителю (потомку) Махаму-Гайхуюаня в прошлые века жалована [здесь] должность. Здесь не стал строить город, проживал в дворцовых покоях в предместье. Не устанавливали планов (направление), всего лишь следуя временам года последовательно использовали воду [и] траву и пасли коров и лошадей...

^{20a} Дашигань. Дашигань находится к западу от Сайлань, до Самаэркань – свыше 700 ли, город в окружности – 2 ли, расположен на равнине, со всех сторон холмы, много садов, густые деревья, текут длинные реки. Земля благоприятна для земляных культур, плотно заселена, [основная] нагрузка [приходится] на аренду бычьих повозок.

МУРАЖАЙ, МУРАЖАЙ ТАЛУ

МУЗЕИ, МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

ПРЕДМЕТЫ СКИФО-САКСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ В МУЗЕЕ АРХЕОЛОГИИ

Р.А.Бектуреева

Ярчайший колорит всей эпохе господства саков в степях Казахстана придают памятники сакского звериного стиля – одного из неповторимых и наиболее самобытных художественных явлений древнего мира.

Возникновение искусства звериного стиля связано с усилившимися в VIII–VII вв. до н.э. в сакском обществе процессами классообразования.

В военных и аристократических кругах появилось стремление выделиться из среды соплеменников, подчеркнуть свое социальное превосходство престижными атрибутами. И именно этим целям послужили золотые, высокохудожественные работы, украшения парадных и ритуальных костюмов, богато отделанное оружие и конское снаряжение, предметы туалета и культа.

Как правило, все эти вещи орнаментировались фигурами зверей, переданных в своеобразной изобразительной манере, которую и принято называть скифским, или сакским звериным стилем. Хотя это искусство являлось прикладным по своему назначению, тем не менее оно было необычайно емким по образно-символическому содержанию.

В зооморфных, т.е. взятых из мира животных, образах сакского искусства отразились мировоззрение, этический и эстетический идеалы воина-кочевника. В обстановке завоевательных походов, постоянной готовности к защите и нападению вырабатывалось преклонение перед героической подвиги, воинской доблестью и отвагой. Именно в этих качествах и воплощалось представление саков о красоте и прекрасном. Неслучайно в сакском искусстве явное предпочтение отдавалось образам сильных, агрессивных хищников.

Зооморфные образы имели магическое значение. Предмет, украшенный в зверином стиле, считался оберегом и амулетом, защищавшим его владельца от зла и поражений. Особое место отводилось предметам вооружения и конского снаряжения. Орнаментируя эти предметы фигурками зверей, обладавших быстрым бегом, зорким глазом, мощным ударом и т.д., саки приписывали этим изображениям способность символически передавать те же качества воину-всаднику и его оружию.

Естественно, каждый образ нес в себе конкретный смысл. Видимо, в зооморфных обликах кочевникам представлялись божества, олицетворявшие космические силы и природные явления.

Из сообщений Геродота известно, что скифы чтили божества домашнего очага и огня, земли, неба и солнца, а также войны. Так появились излюбленные фигурки кошачьих хищников, оленей, козлов, птиц, баранов...

Изображение животных подчинялось строгим канонам. Хищники изображались не иначе, как стоящими с опущенной вниз мордой, свернувшимися кольцом или противостоящими друг другу. Хищные птицы изображались в полете.

Часто воспроизводилась только часть тела животного, служившая как бы его символом. Так, очень популярны морды лошадей, пантер, архаров, головы птиц, их крылья и когти, копыта травоядных и лапы хищников.

Предпочтение отдавалось грифону – крылатому льву, часто с орлиной головой и звериными ушами, порожденному фантастическими представлениями древневосточных народов.

Особенности самобытного художественного метода скифского звериного стиля рельефно проявляются уже в ранних памятниках этого искусства, относящихся к VII–VI вв. до н.э.

Скифский художник старался выделить наиболее существенные детали внешнего облика: у лошадей – морду, копыта, у оленя, лося и горного козла – рога, уши, копыта, у волка – пасть, лапы, хвост.

Сохраняя жизненное правдоподобие, мастер преследовал и декоративные задачи, стилизуя в соответствии с формой украшаемого предмета. Таким образом, появляются нарушения пропорций фигуры.

Видимо, художественная манера звериного стиля родилась в резьбе по дереву и кости, а

тем была перенесена на изделия из металла – бронзу, серебро, золото.

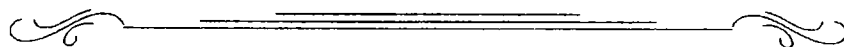
Утратив реалистические черты в трактовке образов, сакский звериный стиль обрел и нечто новое – изящество и ритмичность форм, мастерство композиции и изысканную декоративность.

Экспонаты музея археологии знакомят нас с одним из локальных вариантов звериного стиля – искусством, распространившимся в I тысячелетии до н.э. на широкой территории казахских степей.

Постепенно бывшие степняки-кочевники переходят к оседлому образу жизни, а их культура приобретает характер городской цивилизации. Звериный стиль воспевается монументальными формами искусства.

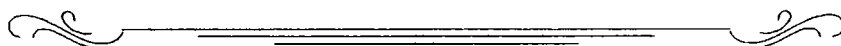
Именно в этот период получают распространение скульптурные надгробия, создаются памятники архитектуры, настенные фрески (Куйрук-тобе (IX–XI вв.).

Спустя много столетий отдельные мотивы и изобразительные приемы сакского звериного стиля нашли свое образное претворение в различных видах прикладного искусства (вышивках, коврах и т.п.), сохранив тем самым память о духовной культуре прежних обитателей казахских степей.

ТАРИХНАМА, БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОРИОГРАФИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

ТУРКЕСТАН И ОТРАР В НЕОПУБЛИКОВАННОЙ РУКОПИСИ Н.И. ВЕСЕЛОВСКОГО О ДРЕВНИХ ГОРОДАХ СЫРДАРЬИ

М. Кожа, Ю.А. Елгин

В современных исследованиях и историографических обзорах по средневековой археологии и архитектуре Южного Казахстана учитываются в первую очередь опубликованные материалы. Однако для более глубокого и всестороннего изучения требуются учет и использование информации, хранящейся в архивах. Поэтому особый интерес представляет неопубликованная работа известного востоковеда-тюрколога Н.И. Веселовского «Описание развалин древних городов по дороге из Казалы в Ташкент».

Николай Иванович Веселовский (12.XI.1842 – 12.IV.1918.) внес большой вклад в изучение археологии и средневековой культуры Центральной Азии. О деятельности Н.И. Веселовского как исследователя востока написан ряд статей, в том числе и В.В. Бартольда, краткие сведения об ученом имеются и БСЭ (Т.4, С.569), в Библиографическом словаре отечественных тюркологов. Дооктябрьский период (М., 1989. С.62–63). По мнению известного исследователя истории русского востоковедения и археологии Средней Азии Б.В. Лунина: «работы Н.И. Веселовского составляют существенную страницу в истории изучения древностей Средней Азии» (Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958. С. 29). Казахстанцам Н.И. Веселовский дорог тем, что он является редактором и инициатором первого издания сочинений Ч.Ч. Валиханова, опубликованного в Петербурге.

Для истории исследования памятников Средней Сырдарьи большой интерес представляет неопубликованная рукопись Н. И. Веселовского «Описание развалин древних городов по дороге

Казалы в Ташкент». Рукопись начинается с описания городища Джанкалы близ Казалы и оканчивается описанием памятников древнего Сайрама.

К сожалению, на страницах рукописи нет никаких указаний времени написания работы. Однако у нас есть определенные основания считать, что рукопись написана в ходе первой поездки Н.И. Веселовского в Среднюю Азию. В тексте рукописи при описании памятников города Туркестана встречается следующее рассуждение, позволяющее считать, что работа была написана до посещения исследователем г. Самарканда: «Поводом к постройке мечети, как говорят хранители святыни, было следующее обстоятельство. У Тимура скончалась в ранних летах самая любимая правнучка его Султан Рабии Бегим, дочь мирзы Улугбека, известного в ученом мире астрономическими таблицами. Желая почтить ее память, по его повелению над могилой Азрета возведен храм с гробницей. Тело покойницы, по показанию одних, погребено возле Султана, по другим – в Самарканде. Письменных памятников об этом нет, и известие может быть подтверждено только осмотром надгробных памятников в Самарканде».

Известно, что Н.И. Веселовский начал раскопки на городище Афрасиаб близ Самарканда в 1885 году, а в 1884 году получил от Археологической комиссии первую командировку в Среднюю Азию. Судя по приведенному тексту рукописи, была написана до знакомства Н.И. Веселовского с памятниками Самарканда, т.е. до 1885 года.

Судя по тексту рукописи, исследователь не только описывал встречающиеся памятники и планы городищ, отдельных деталей архитектурных памятников. Рукопись Н.И. Веселовского меняет некоторые представления об истории археологического изучения памятников Средней Сырдарьи. Так, раньше первое описание развалин Отрара связывалось с именем И.Т. Пославского, опубликовавшего в 1898 году статью об Отраре. Поэтому мы сочли необходимым опубликовать описание памятников Туркестана и Отрара, извлеченные из рукописи Н.И. Веселовского «Описание развалин древних городов по дороге из Казалы в Ташкент», хранящейся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве.

«Туркестан, известный в V–XI веках под именем Яссы, замечателен мечетью с гробницей вятителя Султана Азрета Ахмеда Ясави. Султан Святой Ахмед Ясавийский весьма известен всей Средней Азии. Мечеть находится внутри городского вала на особом дворе, окружен-

ном глиняной стеной. Построена она Тимуром Кураганом в 806 году хиджры (1403 Р.Х.). Поводом к постройке мечети, как говорят хранители святыни, было следующее обстоятельство: у Тимура скончалась в ранних годах самая любимая правнучка его Султан Рабии Бегим, дочь мирзы Улугбека, известного в ученом мире астрономическими таблицами. Желая почтить ее память, по его повелению, над могилой Азрета возведен храм с гробницей. Тело покойницы, по показанию одних, погребено возле Султана, по другим – в Самарканде. Письменных памятников об этом нет, и известие может быть подтверждено только осмотром надгробных памятников в Самарканде. В Туркестане же в старых кладбищах его не видно, чтобы правнучка Тамерлана была бы тут похоронена.

Для постройки мечети были вызваны наилучшие мастера Самарканда и Персии. Большая часть материала для внутренней отделки привезена была из Самарканда. Храм по сложности предположенных в нем украшений за смертью Тимура, умершего в 1405 году, по показаниям одних остался не оконченным, по другим – он окончен, но по смерти Тимура, через несколько лет, его преемниками. Подробный осмотр мечети говорит за первое известие. Множество присланного материала, как, например, куски черного мрамора, оставались долгое время не употребленными в дело и только недавно, лет за двести, из него поделаны надгробные памятники.

Снаружи мечеть представляет спереди два высоких зубчатых минарета, соединенных между собой стрельчатой аркой, составляющей переднюю часть мечети, для входа, в которую тут же и наружная дверь: верх мечети украшен за аркой двумя высокими куполами: большой, потом малый. Вокруг этих куполов расположено несколько других низеньких куполов с узкими окнами. Для осматривающего мечеть с земли их не видно, потому что над крышей со всех сторон возвышается парапет одной высотой с куполами. Большие купола когда-то были покрыты изразцами и, кажется, преимущественно голубыми, малые же оставались не оштукатуренными. Кругом больших куполов куфическим шрифтом написано по-арабски: «Владения Бога» (приложение к тексту № 1). Выражение это повторяется несколько раз на стене составляющей основание самого большого купола в арке, обращенной ко второму куполу, написано по-арабски: (прил. 2) «Да будет над ним благословение божье, пророк сказал, и ратующие удовольствию мира презренной (собаки)». По стенам изразцы шашками в несколько узоров подано нашему письму вязью, повторяются изречения по-арабски: «Бог», «Величие Божье», «Господь мой Бог», «пророк мой Мухаммед», «Бог един», «нет бога кроме Бога и его пророка», «О Боже». Эти выражения повторяются бесчисленное множество раз в чрезвычайно правильных геометрических формах. Колонны, стены, простенки в арках – все испещрено ими. Письмена выведены синею и голубую глазурью по серо-розовому фону, в некоторых же местах длинные изречения написаны по синему фону большими буквами, так, например, украшен купол и арки. На главном корпусе по стене вместо карниза по алебастру красками была написана целая глава из Корана. (В примеч. Сура, глава XIX, Мать Божья Мария). В настоящее время ее совершенно невозможно прочесть; можно только по нескольким словам определить, какая глава. Эта выписка из Корана начата с южной стороны окаймляет западную и северную и оканчивается словами: «Работа Хаджи Хусейна уроженца города Шираза» и тут же видна дата цифрой. Надо полагать, что написанное имя обозначает строителя, а дата цифрой, вероятно, составлялась другим ... (?) время или год постройки. Мечеть построена из жженого и глазурованного кирпича. Во внутренней отделке местами виден мрамор. Внутренности мечети состоят из трех отделений. Первое – огромный зал саженей 18 в длину. Потолок ее, выведенный сводом, судя по остаткам штукатурки, был украшен лепными работами. В ней по правую и левую сторону проложены несколько дверей. Надписей в этой комнате, надо полагать, было очень много, но с запущением времени, все истерто, ничто не видно. Что в этой комнате были надписи, на это наводит поныне сохранившиеся надписи на всех дверях, на кладках и карнизах. Надписи эти заключают в себе персидские стихи, либо изречения из Корана или преданий и имя делавшего вещи: так, на железной кладке и кольцах написано по-персидски: «Да будет счастливо его будущее, работа Мухаммед Назара 1251 г. (1841)».

Посреди этой главной комнаты стоит огромный медный котел с двумя ручками в виде вазы, вмещающий 60 ведер воды. Вокруг его идет надпись на арабском языке обыкновенным шрифтом.

Сосуд этот наполнялся водой в цветущее время мечети, когда при ней в этой большой комнате было медресе, преподаватели жили тут же в боковых комнатах и к ним стекались со всех концов Туркестана для образования. Впереди против котла выстроен небольшой амвон, предшествуемый дверьми, ведущими в другую комнату с гробницей Султана Ахмета. Арка над амвоном, стены, мраморная плитка над дверью, плинтусы, накладка и кольца у дверей – все имело когда-то свои надписи: либо арабские изречения из Корана или преданий, либо персидские чтения, ныне же едва можно их разобрать: все испорчено. Сняты только надписи с мраморной плиты над дверью, чертежи плинтусов, а так же с накладки и кольца (приложение).

Следы надписей в арках писаны по алебастр сухими красками, указывают на то, что тут выписана была XIV Сура из Корана. Кольца у дверей сделаны сквозными. Линии узора, сходящиеся к центру, изображают арабские изречения: «Бог един» (приложение).

По правую сторону (от) дверей нанесено так же множество надписей разных пилигримов, посещавших гробницу святого и планы Каабы в Мекке. Но надписи эти не заключают ничего замечательного и потому они не списаны. Все надписи эти писаны простыми лицами как образчики подчерка, в воспоминание проведенного ими времени в мечети. Между их именами не встречается ни одного имени из царствовавших особ Мавераннахра.

Планы Каабы, сделанные мусульманским художниками, мало знакомыми с топографическими приемами, и надписи наклеены, как видно, в весьма недавнее время, лет за 60 не более.

В правом углу амвона стоят несколько бунчуков, а над самой дверью под углом – зеленая, длиною сажень четыре, если не более, знамя. По показанию одних, принадлежавшие святому, во другим – Тимуру. На самом верхнем конце знамени, в медальоне, вроде плоской пики, сквозными буквами написано: «Бог», затем во втором медальоне есть так же надпись, ее можно прочесть, но этого не сделано по огромной тяжести. Шесть человек, присутствовавшие при осмотре мечети, не смогли опустить знамя на землю. По некоторым буквам, которые удалось разобрать в вышоте, надо полагать, что и тут написано что-нибудь из Корана, впрочем, это только догадка.

Во второй комнате посредине возвышается огромный катафаль, формой похожий на насыпи, осыпанные киргизами на своих могилах. Катафаль сделан из красно-желтого мрамора с зелеными разводами, привезенного из Самарканда. На катафале ..., покрытом множеством кусков парчи и другой материи, со времени основания мечети и в позднейшее время, нет никакой надписи. Покрывало поднималось, и осмотр произведен со всех сторон.

По левую сторону гробницы Султана сделана ограда, в которой, говорят, погребены его жена и сын. По правую сторону у изголовья лежат фолианты больших и малых величин книг. Подробный осмотр их показал, что это были экземпляры Корана, написанные и принесенные в дар благочестивыми мусульманами в разные времена. В ящике на полках собраны куски исчезших листов от самых старых коранов. Были ли надписи в этой комнате, определить довольно трудно, самый подробный осмотр всего, что находится тут, не дает право предполагать о существовании надписи. Самое нижнее покрывало гробницы темно-малинового цвета, по краям имеет надписи (желтые буквы), но до того выцветшие, что ничего нельзя было прочесть. В исходной комнате видны заложенные двери в боковые комнаты и потому для осмотра их необходимо было выйти в первую комнату, из которой по правую и левую сторону амвона стояли двери в означенной комнаты.

Левая дверь ведет в мечеть, в которой ныне совершается намаз, а правая – в запущенную и неогделанную мечеть. В намазной мечети, некогда отделанной весьма изящными арабесками, ныне видны на арках, поддерживающих своды купола, следы надписей из Корана. На арках одна из же Сура написана два раза (Сура, глава LV. Милосердие), на арках В и З написана другая (Сура XIII) и так же два раза. Кругом стены вместо карниза тоже была надпись, разобрать рую теперь физически невозможно. Хранители мечети говорили, что с одного была выписана Сура из Корана.

В южной этой же комнате из синих изразцов выложена в рост человека ниша. По синему изразцов, украшенному золотыми и красными узорами, желтыми буквами, едва видимыми лаз, не счетное число раз написано: «Бог».

Из указанных коридоров, кроме входа в мечеть, еще ведут лестницы во второй этаж, имеющий ряд комнат, в которые двери идут по обе стороны большой комнаты. На этом этаже находятся по три небольших мрачных комнаты с маленькими сводами.

В настоящее время во всех комнатах, насчитываемых хранителями в мечети до 200, находятся могилы всех туркестанских шейх-уль-исламов, ходжей, сеидов, бывших хакимов города и знаменитых мюридов султана.

Воду, необходимую для омовения при пятикратных молитвах, не наливают как прежде в котел, а для этого при входе в мечеть тут же направо в углу есть колодец.

В мечети Азрета, кроме указанных архитектурных украшений, никаких вещей роскоши не видно. Все убранство мечети состоит в том, что во время намаза по каменному полу расстилают камышовые циновки, ковры и кошмы, и выносят медные подсвечники, позеленевшие от времени: на них, видно, когда-то были надписи, но теперь едва, что можно разобрать. Из удавшихся прочесть надписей (см. приложение текста), надо полагать, что они принесены Тимуром в дар мечети, в одно время с котлом.

Вблизи мечети стоит недоконченный мавзолей с куполом отделанный голубыми узорчатыми изразцами, по которым белыми буквами написано по-арабски: «Владение Бога». Мавзолей этот, как говорит один из хранителей, строился Тимуром для себя, другие говорят – для правнучки, но никто из них, здесь не похоронен. Здание это выведено на два этажа, из коих в нижнем находится гостиница.

Для постройки здания султан Азрет были употреблены изразцы, кирпичи из женой глины, местами мрамор и алебастр как связующий материал.

Султан Азрет Ахмед Ясави родился в городе Яссы (ныне Туркестан) в 440 году хиджры (1048 г по Р.Х.). Отец его Шейх-Ибрагим и мать Тогайбича, хотя происхождение свое вели из Сайрама, где ныне и покоится их прах, но провели всю жизнь в Туркестане, жители которого почитали Шейха-Ибрагима своим ишаном. Ахмед Ясави, прозванный своими мюридами (учениками) султан Азрет, еще в ранней юности высказал большие наклонности к духовной жизни.

Получивший обще мусульманское образование он вступил в мюриды жившего тогда в Туркестане Пира (Ишана) Арслан-Баба, главы секты Джахрия, весьма распространенной во всем мусульманском мире. После нескольких лет пребывания в школе этого учителя, султан Ахмед по ясновиденью, которое ниспослано было Богом Арслан-Бабу, отправился для окончательного укрепления в вере преподававшему в то время в Бухаре Пиру Насрову (?) Хамадани. Новый наставник с величайшей радостью принял нового ученика, причем, сообщив, что об этом обстоятельстве ему было объявлено свыше, назначил его третьим своим халифом над паствой. После этого Султан до смерти Пира и первых двух халифов его безвыездно прибывал в Бухаре, совершенствуясь в богословских науках, и делал чудеса. После смерти второго халифа ему пришлось принять паству в Бухаре, но он оставался там не долго. Голос свыше повелел...

В школе султана Ахмеда Ясави, как указывают гробницы в мечети, между мюридами его были некоторые из ханов-современников. Так, в коридоре против дверей намазной мечети стоит высокая решетка, увешанная рогами. Это могила святого царя Востока Зюль-Барс-хана, бывшего мюрида Азрета.

Как было замечено, султан держится толку джахрия. Среднеазиатские исследователи этой секты считают своим главой Ахмеда Ясави как в г. Туркестане, так и в других городах, каждую пятницу после намаза совершают джахрия, во время которого пир, сидящие в нише, поет и читает деяния султана, написанные на персидском и арабских языка.

Из мечети, по указанию хранителей, я перешел к осмотру дома султана Ахмеда, лежащего сажень на 100 от ограды в городе. Жилище это ничем не отличается от других зданий Туркестана, и с трудом верится, что дом из необожженной глины смог простоять так долго. Надо полагать только, что на этом месте был дом Азрета. В настоящем виде дом, вероятно, построен недавно, в нем никто не живет. Он состоит из нескольких комнат. В одной из них в стене ведет весьма низкий ход сажень три под землю в маленькую квадратную нору, величиной 5 пядей и вышиною в рост человека. В углу этой норы есть небольшая ниша, пол которой покрыт камышовой цинов-

кой. По словам хранителей, султан на 60-м году жизни принял схизму и до конца жизни безвыходно скрывался здесь.

В прочитанных сочинениях о жизни Азрета не встречается подтверждений этому рассказу.

После осмотра мечети Азрета следующими попутными развалинами для разведок был Отрар, замечательный тем, что тут умер Тимур* (план 44). Развалины этого города лежат при слиянии реки Арыси в Дарью. Первая протекает от города в 6 верстах, а другая в – 3. От Туркестана Отрар считают около 70 верст тележной дороги. Отрар, как и все другие осмотренные города по Дарье, состоит из цитадели и города с садами и представляется ныне совершенно разрушившимся. Огромное пространство города изрыто множеством арыков, усеяно барханами. Местность, которая, по всей вероятности, была под цитаделью, представляет теперь один высокий курган с поверхностью покрытой барханами, разделяющимися между собой кривыми ложбинками. Ложбины эти, по все вероятности, означают направление бывших улиц.

Несмотря на то, что остатки Отрара совершенно осыпались, по ним довольно легко различить следы рва, в кругу цитадели, местоположение крепостных ворот и стены крепости.

Поверхность барханов цитадели и близлежащих высот усеяны осколками глазурованной посуды из обожженной глины всевозможных цветов и оттенков. Киргизы говорят, что эти осколки обнаруживаются из барханов дождями, дети иногда после дождя находили на барханах старые монеты. По случаю летних перекочевков нельзя было добыть хотя бы одну из найденных монет.

Разведки в цитадели (см. план № 44) показали грунт: песок со щебнем с осколками битой посуды, куски кирпичей, не обожженной глины, чернозем, местами пересекающими полосой земли желто-коричневого цвета. Раскопки проводились длиной саженью 2–3, глубиной на сажень 6 и более.

В раскопках одного из барханов вне цитадели с западной стороны, имеющие в основании овальную форму в 50 сажень и 13 аршин в окружности, на глубине сажени найдены 3 человеческие скелета. С одной из них взят череп. Покойники лежали почти один на одном. Расстояние между ними было менее $\frac{1}{2}$ аршина. Все они лежали головой к западу с вытянутыми руками и ногами, только у самого нижнего заложенные друг на друга ноги были немного подогнуты.

Кроме этой находки была еще сделана разведка к юго-западу от цитадели на довольно высоком кургане, называемом киргизами Ак-тюбе. В четырех раскопках проведенных здесь каждая длинной 2–2 $\frac{1}{2}$ сажени и глубиной 1–2 сажени, найден на глубине двух аршин от поверхности кувшины из обожженной глины (см. план №4). Один из них целый, два же других надломленные. Грунт земли, сопровождавший эти сосуды, был песок, чернозем, глина, куски кирпича и самая мелкая земля серого цвета совершенно как пыль. Сосуды лежали под углом. Надломленные были поперек земель, а целые – пустым внутри».

ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ В.А. КАЛЛАУРА

М.У. Турадилов

В 1895 г в г. Ташкенте состоялось открытие Туркестанского Кружка любителей археологии (ТКЛА). Основной целью работы Кружка было поставлено изучение археологических памятников Туркестанского края. Это положение было четко зафиксировано во втором параграфе Устава ТКЛА, согласно которому «деятельность Кружка состоит: а) в ознакомлении с памятниками старины, находящимися в пределах Туркестанского края; б) в описании их и нанесении на археологическую карту края; в) в сохранении археологических памятников; г) в производстве... археологических раскопок, и д) в обработке местных археологических материалов для печати».¹

Исследования членов ТКЛА охватывали различные аспекты и направления историко-краеведческой деятельности. Так, усилиями членов Кружка были впервые описаны и введены в науч-

ный оборот памятники древнетюркской письменности долины р. Талас, а также наскальные изображения и каменные изваяния, были описаны и зафиксированы множество археологических памятников – древних поселений, городов и курганов.

Конечно, изучение памятников старины Туркестанского края местными энтузиастами-краеоведами во многом носило лишь описательный характер. Это понимали и сами члены Кружка, отметившие в одном из своих отчетов, что «Туркестанский Археологический Кружок не претендует на обширные задачи и ограничивается доступным его материальным средствам собиранием археологического материала для будущих исследователей края. Поэтому Кружок должен поддерживать свое существование, как единственный пока центр, к которому могут обращаться местные любители археологии. Собираемые Кружком данные и предметы, при всей их видимой малозначительности, имеют ценность уже потому, что Средняя Азия до сих пор была почти недоступна для европейских археологов и в наши дни при отдаленности ее европейских ученых центров, она не может пользоваться постоянным их вниманием».²

В целом об отношении членов Кружка к историко-краеведческой деятельности и археологическому прошлому Туркестанского края можно судить по записям в личной памятке Н.П. Остроумова, который был вице-председателем и фактическим руководителем ТКЛА, обнаруженной в его личном фонде, в ЦГА РУз:

«По прибытии в Ташкент, я имею в виду:

1) пересмотреть хранящиеся в архиве ген. Губернаторской канцелярии и областного правления переписку, касающуюся памятников древности в Туркестане и извлечь из этой переписки данные не утратившие значения для настоящего времени;

2) сохранившиеся памятники в Сыр-Дарьинской области осмотреть, проверить с описями и сделать исправления в описаниях;

3) предпринять меры по охранению тех памятников, какие возможно охранять, а те курганы, которые раскапываются соседними жителями, использовать, насколько возможно, для археологии;

4) в археологическом Кружке продолжить разработку местных археологических вопросов, и пользоваться живыми еще свидетелями недавно минувших времен ханского владычества в Средней Азии;

5) собирать и издавать в протоколах Археол. Кружка документы, относящиеся к ханскому правлению;

6) при наличии денежных средств, следовало бы приступить к перепечатке некоторых докладов археол. Кружка, в виду того, что протоколы Кружка за ранние годы его деятельности в продажу не поступали;

7) не ограничивать деятельность Туркест. археолог. Кружка только археологией края, но допускать в программу Кружка вопросы исторические и этнографические, имеющие отношение к истории и археологии Туркестана;

8) собирать и хранить при Кружке газеты, вырезки, журналы, статьи, касающиеся Туркестана ...»³

Не последнее место в деятельности членов ТКЛА занимало изучение местных историко-архитектурных памятников.

Члены Кружка собрали большой объем сведений об архитектурных памятниках Казахстана, фиксировали их расположение и степень сохранности. На учет были взяты многие историко-архитектурные памятники, что имеет ныне важное источниковедческое значение, так как некоторые из обследованных членами ТКЛА памятников более не существуют или утратили отдельные детали и части.

Одним из активнейших деятелей Кружка был Василий Андреевич Каллаур.

В.А. Каллаур родился в 1843 г. в Минской губернии. С 1880 г. он был начальником Аулие-

² ПТКЛА, IV – Ташкент, 1899. – С. 182–183.

³ ЦГА РУз. Ф. И-1009, оп. 1, д. 106, л. 17–17 об.

⁴ ЦГА Руз. Ф. И-17, оп. 1, д. 35478, л. 63 об.

инского уезда, а с 1898 г. – начальником Перовского уезда⁴, вышел в отставку в 1903 г. в звании генерал-майора. Каллаур получил известность в качестве неутомимого краеведа-любителя, активно занимавшегося поисками и описанием памятников истории и археологии Туркестанского края. Помимо других направлений краеведческой деятельности (поиски эпиграфических памятников, каменных изваяний, локализация древних городов, поселений и др.) В.А. Каллаур уделял немало внимания и изучению историко-архитектурных памятников.

В 1897 г. В.А. Каллаур сообщил членам ПТКЛА об осмотре мазара Аулие-Ата. По описанию Каллаура, мазар представлял собой сооружение с обвалившимся куполом, со входом с южной стороны, сама гробница имела направление с юга на север. Местные жители сообщили, что здесь был похоронен Кара-хан, основатель династии караханидов. Каллаур также обратил внимание и на другой архитектурный памятник – мазар Айша-биби, расположенный южнее села Головачевского. Сообщив о сведениях, полученных от местных жителей, Каллаур констатировал, что «памятник этот подвергается большому разрушению, а, по моему мнению, он интересен для изучения искусства строителей древнего времени».⁵

В архиве ПТКЛА имеются также присланные Каллауром копии надписи «На мазаре рядом с Айша-биби» и копия с арабской надписи на могильном камне мазара Кшик-аулие вблизи могилы Аулие-Ата (с переводом). Надписи эти, как писал Каллаур в своем письме Н.П. Остроумову, «могут иметь некоторое значение при изучении памятников Аулие-Ата и Айша-биби».⁶

В протоколах ПТКЛА 1899 г. было опубликовано сообщение В.А. Каллаура «Древности в низовьях Таласа».

В данной публикации Каллаур упомянул (помимо иных сведений) о проведенном им осмотре архитектурных сооружений Ак-Кесене и Кок-Кесене (в Аулиеатинском уезде).

Сооружение Ак-Кесене представляло собой (по описанию Каллаура) четырехугольную постройку из сырцового кирпича и имело размеры в окружности до 30 сажень, высотой до 5,5 аршин со стенами толщиной 3,75 аршин. В северо-восточном углу имелась башня высотой в 6 сажень и толщиной в окружности: внизу 40 аршин, а сверху 20 аршин. Башня была сложена из сырцового кирпича – один ряд на ребро, а три ряда плашмя, связка кладки сделана из саксаула.

Само сооружение Ак-Кесене находится на правом берегу арыка Калмак, западнее укрепления Атбайлар.⁷

Каллаур также отметил, что далее по арыку Калмак расположены остатки другого архитектурного сооружения Кок-Кесене.

В апреле 1899 г. В.А. Каллаур осмотрел мавзолей Кок-Кесене, расположенный в 5 верстах к северо-западу от станции Томен-арык (в Перовском уезде) и в 8 верстах к югу от городища Чинак-Ата. По описанию Каллаура, мавзолей Кок-Кесене представлял собой высокое здание, сложенное из жженого кирпича и имеющее орнаментные украшения синего цвета. Вокруг здания имелись небольшие холмистые возвышенности с валяющимися кирпичами, заросшие саксаулом. А. Ниязов, сопровождавший В.А. Каллаура, выразил мнение, что кладка здания Кок-Кесене подобна кладке мечети Ясави в г. Туркестане. Сделать вывод о назначении памятника Кок-Кесене Каллаур не смог и ограничился лишь его описанием.

В апреле 1901 г. В.А. Каллаур еще раз осмотрел мавзолей Кок-Кесене. При осмотре Каллаур обратил внимание, что внутри купола имеется арабская надпись, повторявшаяся в круге купола несколько раз. Один из холмов, расположенный рядом с мавзолеем с юго-западной стороны, был разрыт до горизонта и заключал в себе развалины другого мавзолея меньших размеров с остатками уцелевших стен.

После осмотра Каллаур пришел к выводу, сооружение Кок-Кесене является мавзолеем и что склепе должна быть усыпальница умерших знатных лиц».⁸

По просьбе Каллаура, один из местных должностных лиц – старший акцизный надзиратель

⁴ ПТКЛА, II. – Ташкент, 1897. – Протокол 5 мая 1897 г. С. 7.

⁵ ПГА РУз. Ф. И-71, оп. 1, д. 8, л. 2 об.

⁶ Каллаур В.А. Древности в низовьях р.Таласа // ПТКЛА, IV – Ташкент, 1899. – С. 76-77.

⁷ Каллаур В.А. Мавзолей Кок-Кесене в Перовском уезде // ПТКЛА, VI. Ташкент, 1901. С.99.

А.Я. Уткин – в августе 1901 г. сфотографировал мавзолей Кок-Кесене. Полученные снимки Каллаур переслал в ТКЛА, где они были опубликованы в протоколах Кружка.

По мнению К.М. Байпакова, данный мавзолей «является усыпальницей Абул-Хайра, внук которого Шейбанихан в начале XVI в. сокрушил Тимуридскую державу».⁹

В июне 1899 г. находясь в служебной поездке в селение Скобелево, В.А. Каллаур осмотрел городище Сунак-ата, расположенное неподалеку от станции Томен-арык.

Ранее это городище было осмотрено П.И. Лерхом, который отождествил его со средневековым городом Саганак (Сыгнак).

По описанию В.А. Каллаура, городище состояло из двух укреплений – крепости и цитадели, имеющей размеры по окружности до 540 саженей. Стены цитадели хорошо сохранились и имели высоту в некоторых местах до 3-х саженей. Внутри цитадели, а также между стенами цитадели и крепости хорошо просматривались следы бывших построек. Вне крепости были хорошо заметны «следы загороженных мест для дворов, караван-сараев и много глинобитных построек с целевшими еще стенами, разбросанных на большое пространство». При осмотре крепости В.А. Каллаур обнаружил на поверхности фрагменты керамического светильника.

К югу от городища Сунак-ата в 125 саженях были расположены два высоких здания из жженого кирпича, также осмотренные и описанные В.А. Каллауром.

Первое здание, большее по размеру, состояло из двух помещений, вытянутых с востока на запад и соединенных между собой сводчатым просветом шириною в 3 аршина. Ширина и длина первого помещения составляли 15 аршинов, ширина и длина второго – 9 аршинов. Под

вторым помещением находился склеп со сводчатым потолком, внутри которого при осмотре А. Каллаур обнаружил груды досок соснового и талового леса (возможно, остатки гробов), между ними – множество человеческих костей и 19 взрослых и детских человеческих черепов. Оба помещения имели сводчатые потолки с куполами, которые к моменту осмотра были почти полностью разрушены. Снаружи здание имело остатки орнаментных украшений, внутри украшения отсутствовали.

По углам обеих помещений имелись четыре более поздние пристройки из жженого кирпича. В одной из пристроек жил с семьей чиракчи Кош-Мухаммед Таттибаев, который пытался убедить В.А. Каллаура, что в склепе под вторым помещением находится гробница святого Алла-Умей Хисамутдина Сахиба Нихая по прозванию Сунак-ата, который происходит из рода сунак¹⁰

Неподалеку от первого здания с западной стороны имелось второе меньших размеров, с провалившимся куполом без всяких наружных пристроек.

Осмотрев городище Сунак-ата, В.А. Каллаур пришел к выводу, что П.И. Лерх был действительно прав, отождествляя данный памятник с древним городом Саганак. Относительно названия городища – Сунак-ата, то исследователь предположил, что оно возникло позднее, когда на нем поселился чиракчи, объявив населению о местонахождении здесь могилы святого.

Кроме городища Сунак-Ата, В.А. Каллаур осмотрел остатки крепости Биш-там. По его описанию, городище состояло из цитадели окружностью в 108 саженей и крепостного вала в окружности около 400 саженей. Земляной вал цитадели хорошо сохранился и имел местами высоту более 3-х саженей.

К югу от городища было расположено 5 зданий, давших название памятнику. Здания, построенные первоначально из жженого кирпича, были разрушены и хорошую сохранность имели лишь два из них. Одно здание было отделано изразцами тщательной работы и имело внутри сводчатый склеп с входом в полу. Снаружи здание имело орнаментные украшения.

Согласно опросным сведениям, полученным В.А. Каллауром, казахи рода сунак считали себя чем-то средним между казахами и узбеками; причем часть сунакцев кочевала, часть вела оседлый образ жизни. По Перовскому уезду жители рода Сунак насчитывали в Яны-Курганской волости – 300 кибиток, Сауранской – 50 кибиток, в Туркестане до 200 дворов, и в Бабай-кургане

⁹ Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на великом Шелковом пути. – Алматы: Ғылым, 1998. – С. 74.

¹⁰ Каллаур В.А. Древние города Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингиз-ханом в 1219 г. // ПТКЛА, V. – Ташкент, 1900. – С. 7.

около 150 юрт. Развалины Сунак-ата были известны среди сунакцев под именем Саганак, и по старинным преданиям данный город был до разрушения населен жителями рода Сунак. Отсюда исследователь задавался вопросом: «Не есть ли название Сунак сокращение от Саганак, а сунаки, не потомки ли прежних жителей г. Саганак?»¹¹

Локализация Сыгнака на месте городища Сунак-ата подтверждается и современными археологами. К примеру, К.М.Байпаков также отождествляет Сыгнак со средневековым городищем Сунак-ата и выделяет в его топографии шахристан с цитаделью, расположенной в юго-восточной части. Размеры шахристана составляют с северной части – 250 м, западной – 360 м, южной – 250 м, юго-восточной – 450 м, северо-восточной – 350 м. Общая площадь городища составляет около 20 га¹²

В 1899 г. В.А. Каллаур получил информацию от волостного управителя Кентубской волости Басыгарина о развалинах крепости Сырлытам. По сведениям Басыгарина в Кызылкумах, в Куткенчекской волости Перовского уезда были расположены остатки кургана (крепости) Сырлытам, вблизи которых находилось куполообразное здание из жженого кирпича. Данное сооружение представляло собой надгробный памятник-мавзолей с надписью, проходящей в виде обрамления входной ниши по всему portalу. Как выяснилось позднее, надпись сохранилась не полностью – конец и начало надписи были безвозвратно утрачены.

Сведения о данном памятнике, полученные В.А. Каллауром от Басыгарина, были не единственными. Позднее об этом мавзолее ему сообщил местный житель Бошаев, поведавший, что памятник находится в Кызылкумах, по сухому руслу р. Баршиндары, выше которого находятся развалины древнего города Узгент.

Проверить полученную информацию В.А. Каллаур поручил объездчику Телепбергену Джилкибаеву, на участке которого находился указанный мавзолей. Выполнив данное задание, в ноябре 1900 г. Т. Джилкибаев доставил Каллауру план кургана, а также рисунок надписи и фасада мавзолея. Т. Джилкибаев сообщил, что памятник «находится в верстах 70-и от г. Перовска, на 25 верст западнее караванной дороги, идущей из г. Перовска в Бухару, показанной на карте Туркестанского края и в 80 верстах от развалин крепости Асанаса (Ашнаса)».¹³ Сообщение о мавзолее Сырлытам вместе с его схематическим рисунком было опубликовано в протоколах ТКЛА в 1901 г., где имеется примечание Н.П. Остроумова о том, что «в надписи можно разобрать год постройки здания – 678 гиджры, соответствующий 1279 г. по Р.Хр.».¹⁴

Датировку Н.П.Остроумова немного подкорректировал М.Е. Массон, опубликовавший в 1949 г. перевод сохранившейся части порталной надписи – «...жизнь неопытная скрылась с благостью в начале сафара года 698. И дух отдала ради отбытия из вместилища тленности в обитель вечности целомудренная сила, честная, начало добрых дел, зародыш благополучий Кизл хатун, дочь...».¹⁵ Как видно из текста эпитафии, мавзолей Сырлытам был сооружен в конце XIII в. над могилой титулованной женщины.

Надо также отметить, что В.А. Каллаур, помимо поиска и описания историко-архитектурных памятников, в значительной степени старался сберечь от разрушения изучаемые объекты. Так, например, при изучении мавзолея Кок-Кесене в Перовском уезде В.А. Каллаур выяснил, что памятнику грозит полное разрушение из-за растаскивания кирпичей местными жителями. Узнав об этом, Каллаур, пользуясь своими полномочиями уездного начальника, велел местным должностным лицам «принять меры к прекращению дальнейшего разрушения его местными жителями».¹⁶

¹¹ Каллаур В.А. Древние города Саганак – С. 11.

Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на великом Шелковом пути. – Алматы: Ғылым, 1998. – С. 74.

Каллаур В.А. Развалины «Сырлы-Там» в Перовском уезде // ПТКЛА, VI. Ташкент, 1900. Приложение к протоколу 19.03 1901. – С. 15.

¹⁴ Каллаур В.А. Развалины «Сырлы-Там» – С. 17.

¹⁵ Массон М.Е. Время и история сооружения «Гумбеза Манаса» (По данным анализа надписей на памятнике) // Эпиграфика Востока. Вып. III. – М.-Л., 1949. – С. 33.

¹⁶ Каллаур В.А. Мавзолей Кок-Кесене в Перовском уезде // ПТКЛА, VI. Ташкент, 1901. С. 100.

Историко-краеведческая деятельность Каллаура была по достоинству оценена современниками. Так, к примеру, В.Р. Розен писал: «Я уверен, что все интересующиеся древнетюркскими надписями и вообще археологией Туркестана скажут полковнику В. Каллауру самое искреннее спасибо за важные услуги, которые он оказывает науке разыскиванием и возможным охранением этих драгоценных памятников».¹⁷

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО АБРАЛЫ-ЧИНГИСТАУСКОГО РЕГИОНА

У.У. Умиткалиев, А.З. Бейсенов

КазНУ им. Аль-Фараби, Институт археологии им. А.Х.Маргулана, г.Алматы

Речь идет о регионе, географически ограниченного с запада отрогами Каркаралы-Кызыларайских горных массивов, с юга – линией Северо-восточное Прибалхашье – Аягуз, с востока отрогами Калбы, Зайсанской котловиной, с севера – увалистыми равнинами Прииртышья. Внутри региона локализуются крайне малоизученные в историко-археологическом отношении горно-степные «микрорегионы» Абралы, Чингистау, Шубартау. В географическом отношении весь регион занимает восточную оконечность Казахского мелкосопочника. В традиционной казахской культуре в прошлом относили его к Сарыарке. Сейчас, в условиях современного административно-территориального деления, регион считается частью Восточного Казахстана.

В дореволюционную эпоху регион неразрывно был связан с Каркаралинским краем. С 1824 по 1868 гг. он, в виде нескольких волостей, относился к Каркаралинскому внешнему округу, подчинявшемуся Омской области с центром в г. Омске. В дальнейшем округа были упразднены, появились уезды в составе степных областей. В связи с этими реформами, рассматриваемый регион с 1868 года вплоть до первых лет советской власти относился к Каркаралинскому уезду Семипалатинской области. Затем, вместо уезда функционировала в своем старом составе Каркаралинский округ, расформированный к концу 1920-х гг. в связи с разработкой и проведением советских административно-территориальных реформ, в том числе созданием новых областей. С 1930-х гг. значительная часть Каркаралинского края вошла в состав новоучрежденной Карагандинской области, а регион Абралы-Чингистау, в виде нескольких советских районов, стал относиться к Семипалатинской области. В дальнейшем появились хорошо известные названия Абайский, Абралинский, Шубартауский административные районы, время от времени попадавшие, в свою очередь, под различные реформы. Особо «не везло» Абралинскому району – первоначально просуществовав какое-то время, он на долгое время слился с Абайским районом, затем был вновь открыт, затем, «оптимизировавшись», снова слился, теперь уже – с Жанасемейским районом. В настоящее время Шубартауский район также отнесен к Аягузскому району.

В регионе Абралинский район является особо многострадальным. В начале 1930-х гг. весь описываемый регион бушевал стихийными крестьянскими вооруженными восстаниями и выступлениями антисоветского характера, четко направленными против насильственной коллективизации. Выделялись Бактинское, Чингистауское, Шубартауское и особенно, – Абралинское, восстания. Последнее было подавлено НКВД с особой жестокостью. Власти не без основания узрев в причинах массовости выступления компактность традиционного расселения казахов, уже тогда предприняли первые шаги к разрушению этой компактности. Многие были целенаправленно вытаны, большие группы «неблагонадежного» населения добровольно уходили в соседние Каркаралинский, Абайский районы, в другие области, города. В связи с открытием на этой земле ядерного полигона (район горы Дегелен), в 1940–1950-х гг. проводились организованные сверху меры по эвакуации части населения района. В настоящее время значительная часть населения Абра-

линского района проживает за пределами своего родного края, если взять за отсчет историческое расселение в рамках XIX – нач. XX вв.

Следует отметить, что существование ядерного полигона напрямую способствовало малоизученности всего Абралы – Чингистауского региона. В течение длительного времени во многом регион являлся закрытым. В особенности, в археологическом отношении научные экспедиции избегали этот край. Кроме того, на это влияли и отдаленность обширного маловодного региона от основных центров археологической службы республики, плохие коммуникационные условия и т.д.

В физико-географическом отношении регион имеет ярко выраженный аридный облик, представлен горно-степным ландшафтом, в целом характерным для Казахского мелкосопочника. Более засушливым является южная часть региона. В гипсометрическом отношении в регионе имеются разновеликие горные массивы Чингистау (абс. высота свыше 1100 м, наибольшая отметка – вершина Кособа, находящаяся в системе Акшатау, – имеет высоту 1300 м), Дегелен (абс. выс. 1010 м), расположенная на юго-западе Котанэмеля, и др. В числе рек важными являются Шаган, Ащису, Баканас, Дагандели; в системе горных массивов находятся многочисленные мелкие родники. Ретроспективной для изучения древних культурно-хозяйственных систем в какой-то степени могут служить данные дореволюционной эпохи. В этот период комплексное хозяйство при несомненной ведущей роли скотоводческой отрасли в целом хорошо обеспечивала потребности населения региона. Система посезонной регламентации пастбищ и водных источников функционировала исключительно в пределах самого региона. Перекочевки осуществлялись «по урочищам», от гор (зимой) к близлежащим речным долинам (летом) и обратно. Местом особой концентрации зимников являлся массив Чингистау с отрогами.

Данные археологического изучения региона весьма скудные. Лишь единичные открытия были сделаны в дореволюционный период; в частности, имеются сведения об открытых В.Никитиным каменных курганах на территории современного Абайского района, близ Арката (Археологическая карта Казахстана, 1960, № 2469).

Первые археологические данные были получены в 1947, 1949 гг., когда в Абайский район выезжали экспедиция Центрального Госмузея Казахстана (Л.К. Нифонтова) и Восточно-Казахстанская экспедиция под руководством С.С. Черникова. Обе экспедиции, главным образом, работали в районе озера Сарыколь, где был открыт ряд могильников, исследовались немногочисленные захоронения эпохи бронзы и раннего железного века. Раскопанные объекты эпохи бронзы показали близость в культурном отношении к синхронным памятникам Северного, Центрального и Восточного Казахстана, погребения раннего железного века были датированы концом I тыс. до н.э. Кроме этого, С.С. Черниковым были собраны краткие разведочные данные в районе с. Караул, также на ограниченном участке побережья р. Шаган и др. Все эти сведения, а также и некоторые случайные находки были отражены в Археологической карте Казахстана: всего около двух десятков пунктов, которые включают в себя случайные находки энеолита, курганы и ряды эпохи бронзы, раннего железа, рудные выработки, петроглифы (Нифонтова Л.К., 1950; Черников С.С. 1951; АКК, 1960).

По региону имеются разрозненные сведения о распространении здесь такой категории памятников, как курганы с «усами».

В 1999, 2002 гг. на территории Абайского района работала археологическая экспедиция КазНУ им. Аль-Фараби под руководством профессора А.Т. Толеубаева. Работы проводились в районе озера Сарыколь, были открыты могильники на местностях Коба, Текебулак, в том числе были раскопаны новые памятники. Интересные данные получены в ходе исследования могильника Текебулак-1, где раскопаны несколько курганов-оград эпохи бронзы, заключающие в себе погребальные камеры в виде комбинированных ящиков-цист.

В 1960-х гг. в район горы Котанэмеля выезжал отряд ЦКАЭ под руководством М.К. Кадырбаева. Севернее и северо-восточнее Котанэмеля, на территории Шубартауского района были открыты могильники эпохи бронзы, раннего железа Котанэмель-1, -II, -III, Жалгызтау, Курубаканас, Айрактас и др. В том числе были раскопаны значительное число памятников. Немногочисленные

раскопанные ограды средней бронзы, давшие, помимо керамики, бронзовые бусы и золотые серьги, обнаружили близость к ранее исследованным памятникам андроновского времени Центрального Казахстана. Основная часть объектов являлись памятниками середины-конца I тыс. до н.э. Причем, погребения конца I тыс. до н.э. по погребальному обряду и вещам имели близкое сходство с памятниками Семиреченского региона (Кадырбаев М.К., 1969).

Таким образом, рассматриваемый регион лежит в середине археологически очерченных к настоящему времени регионов Центрального, Восточного Казахстана и малоизученной северной части Семиречья. В археологическом отношении особую перспективность исследований может составить открытие новых памятников разных эпох, целенаправленное изучение древностей эпохи бронзы и раннего железа, в том числе и курганов с «усами», исследование вопросов межрегиональных контактов и взаимовлияний и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Казахстана.– Алма-Ата, 1960.
2. Кадырбаев М.К. Древности восточных районов Сарыарки.– Алма-Ата, 1969.– Архив ИА МОН РК.
3. Нифонтова Л.К. Андроновское погребение в Абайском районе Семипалатинской области / Известия АН КазССР.– Серия археологическая.– Вып. 2.– 1950.
4. Черников С.С. Восточноказахстанская экспедиция / КСИИМК.– Вып. 37.– 1951.

Содержание

ҒАЛЫМНЫҢ МЕРЕЙ ТОЙЫНА К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО

Қуаныш Сұлтанов	
Марғұлан мұрасының сабақтары	4
К.М. Байпаков	
А.Х. Марғұлан – выдающийся исследователь археологического наследия	5
Ш.Ы. Валиханов	
Сәулет өнері – искусство архитектуры	11
Серғали Сұрағанов	
«Мәдени мұра» бағдарламасын жүзеге асырудағы Әлкей Марғұланнның мәдени мұрасының рөлі	21

ЕЖЕЛГІ ЖӘНЕ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ АРХЕОЛОГИЯ ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

З. Самашев, Г. Жумабекова, Г. Куш,	
Г. Суворова, А. Чотбаев, Г. Киясбек	
Исследования Берельских курганов	24
И.А. Кукушкин	
Курганы с «усами»: семантический аспект	33
У.У. Умиткалиев, А.З. Бейсенов	
Из раскопок А.М.Оразбаева в Центральном Казахстане: погребение Суыкбулак близ г Каркаралы	37
Е.А. Смагулов	
К реконструкции погребального обряда Южного Казахстана раннесредневековой эпохи	40
А.М. Досымбаева	
Монументальное искусство Евразии и их связь с культовыми памятниками казахских степей	55
А. Исин	
Шынгыстауский комплекс предметов погребально-поминальной обрядности тюркского времени	59
Б.А. Байтанаев	
Вопросы локализации Нуджикета	66
Т. Мәмиев	
Хора, Қорқыт ата жәдігерлерін археологиялық зерттеу	81
М.-Ш. Кдырғиязов	
Хорезм и Золотая Орда	87

ПАЛЕОЭКОНОМИКА

Виктор Грошев	
Орошение эпохи бронзы	93

МӘДЕНИЕТ, СӘУЛЕТ ӨНЕРІ, ДІН ИСКУССТВО, АРХИТЕКТУРА, РЕЛИГИЯ

Ж.М. Жетібаев	
Қазақ петроглифтері және оның негізгі тақырыптары	97

Г.А. Терновая

- Бронзовая фигурка из средневекового города Невакет (к истории настольных игр в Семиречье) 104

Ш.Б. Шоназаров

- Миниатюрный светильник из Каратепе эпохи караханидов (по археологические материалы Кашкадарьи) 113

К.М. Байпаков, Г.А. Терновая

- Группа зеркал с городища Красная Речка и случайная находка из Текели1 116

К.М. Байпаков, Г.А. Терновая

- О значении некоторых изображений из коллекции средневекового города Невакет и влиянии культур Индии и Восточного Туркестана1 124

Б. Железняков

- Версия о причинах почитаемости Сайрама (Испиджаба)1 137

Д. Мұстапаева

- Жануар бейнелі құманның даму тарихы мен оның наным-сенімдердегі орны 145

С.Е. Ажигали

- Грандиозный очаг степной евразийской культуры 149

А.А. Бейсеев

- Исследования образов животных в различных жанрах казахского фольклора 159

АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫНЫҢ 2002–2003 жж. ДАЛА ЗЕРТТЕУЛЕРІ ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ В 2003–2004 гг.

В.Е. Мерц

- Новые материалы по энеолиту и ранней бронзе Северо-Восточного Казахстана 165

К.М. Байпаков, Д.А. Воякин, А.А. Ержигитова,**Г.В. Савельева, З.Ж. Шарденова, Г.А. Ахатов, Р.К. Шербаев**

- Работы Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции 169

С.Жолдасбаев, М.Касенов, Б.Нурханов

- 2003 – жылғы Сығанақ қаласындығы археологиялық зерттеулер 193

А. Оңғар, Ф.Қ. Қиясбек, Н. Жетпісбай,**А. Шотбаев, Ұ. Үмітқалиев, Ю.А. Мотов, Е. Оралбай**

- Қазақстанның батысындағы мұнай және газды игеру аумақтарында жүргізілген археологиялық жұмыстардың кейбір қорытындысы 203

А. Подушкин, А. Рустемов, А. Донец, Б. Мустафаев

- Работы на могильнике Культобе 207

А.И. Деревянко, В.Т. Петрин, С.А. Гладышев,**Ж.К. Таймагамбетов, Г.Т. Искаков**

- Исследования палеолита Павлодарского Прииртышья
Побережья озер Кудайколь и Карасор 213

Т.Н. Смагулов

- Исследования на местонахождении «Колбасунской башни» 215

В.С. Волошин

- Итическая стоянка Азат-3 в бассейне Сарысу 220

ЖАЗБА ДЕРЕКТЕРІ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Каримова, Б.А. Байтанаев

- Казахстан в сочинениях китайского дипломата и путешественника Чэнь Чэна 227

**МУРАЖАЙ, МУРАЖАЙ ТАҢУ
МУЗЕИ, МУЗЕЕВЕДЕНИЕ**

Р.А.Бектуреева

Предметы скифо-сакского звериного стиля в Музее археологии 234

**ТАРИХНАМА, БИБЛИОГРАФИЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ**

М. Кожя, Ю.А. Елгин

Туркестан и Отрар в неопубликованной рукописи Н.И. Веселовского о древних городах
Сырдарьи 237

М.У. Турадилов

Историко-архитектурные изыскания В.А. Каллаура 241

У.У. Умиткалиев, А.З. Бейсенов

К изучению исторического прошлого Абралы-Чингистауского региона 246

**НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА**

**Труды
научно-практической конференции
«Маргулановские чтения – 15»**

Технический редактор Г.Н. Сейтахметова
Компьютерная верстка С.В. Пилипенко
Корректоры: А.Б. Садвакасова, К.С. Ергалиев

Подписано в печать 22.04.2004 г.
Гарнитура Times.
Формат 29,7 × 42¹/₄. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,5. Тираж 500 экз.
Заказ № 0400

